

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**УРАЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2304-3369

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Вопросы противодействия коррупции в органах
государственной власти

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Инвестиционная привлекательность национальной
экономики как объект управления

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Отечественный взгляд на мотивацию управленческого
персонала

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Организационное развитие волонтерских центров
в России и Хорватии: управленческий подход

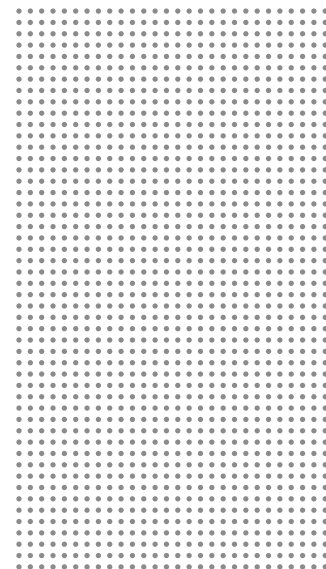
№ **2(32)**

2018

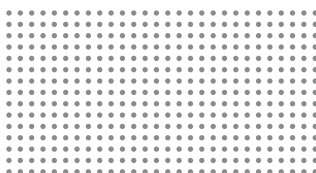
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№2 (32) апрель 2018

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Лоскутов Владимир Анатольевич –

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Александрович Александров (заместитель главного редактора) – д.ф.н., доцент, директор, профессор кафедры регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС

Наталья Ринатовна Батынская – д.полит.н., профессор, директор института экономики и управления Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Сергей Николаевич Большаков – д.полит.н., д.э.н., профессор, декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

Игорь Вячеславович Выдрин – д.ю.н., профессор, директор института муниципального развития, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Юрий Геннадьевич Еришов – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Наталья Борисовна Костина – д.с.н., профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Владимир Яковлевич Любовный – д.э.н., главный научный сотрудник Института макроэкономических исследований Министерства экономического развития Российской Федерации, академик (действительный член) Российской академии архитектуры и строительных наук;

Игорь Николаевич Молчанов – д.э.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой экономики социальной сферы экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Василий Николаевич Руденкин – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социально-политических и психологических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, действительный член Российской академии политических наук;

Тамара Керимовна Ростовская – д.с.н., профессор, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью; Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова;

Яков Петрович Силин – д.э.н., ректор Уральского государственного экономического университета;

Вячеслав Васильевич Скоробацкий – д.ф.н., профессор, заместитель директора Уральского института управления – филиала РАНХиГС, Заслуженный работник высшей школы РФ;

Наталья Геннадьевна Чевтаева – д.с.н., доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геннадий Эдуардович Бурбулис – к.ф.н., Первый заместитель руководителя Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центра мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса;

Патрик Грей – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания);

Кармин Скаво – д.полит.н., директор программы подготовки магистров в сфере государственного управления Университета Восточной Каролины (США);

Джефффри Хайнс – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал включен в новую редакцию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим направлениям: социология, экономика, политология.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Большаков С. Н., Большакова Ю. М.
Эффективность реформирования государственного управления в Финляндии: подходы, методы, инструменты. 7

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.
Определение парадипломатии в российском и зарубежном политическом дискурсе 14

Гришин Д. А., Верховых А. Э.
Вопросы противодействия коррупции в органах государственной власти. 21

Струкова Н. А.
Проблемы межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных услуг. 25

Фельдман М. А., Зуева А. В.
Проблемы межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных услуг. 30

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ретичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.
Возможности разработки региональных инновационных стратегий на принципах «умной специализации». 37

Грачев С. А.
Оценка величины человеческого капитала регионов на основе многокритериального подхода. 46

Анатольев А. А.
Ценообразование как базовый фактор развития строительной отрасли 54

Махмудова М. М., Королева А. М.
Инвестиционная привлекательность национальной экономики как объект управления 58

Раменская Л. А., Мехренцев А. В., Стариков Е. Н.
Цифровизация как новый фактор структурно-организационного развития лесного бизнеса (на примере формирования лесопромышленного кластера Свердловской области) . . . 69

Тохиров Т. И.
Оценка состояния транспортной инфраструктуры региона 79

Овчинникова Н. Э.
Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования. 84

Григорьев Е. А., Варакса А. М.
Пути снижения себестоимости грузовых перевозок на внутреннем водном транспорте . . . 92

Кулькова В. Ю.
Организационный механизм взаимодействия государства и некоммерческих организаций в оказании паллиативной помощи. 97

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Кох И. А., Алексеева Л. А.
Терминальные и инструментальные ценности в структуре профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи. 103

Подгорный В. В.
Устойчивая социальная система: от методологии структурной организации к технологии эффективного функционирования 108

Певная М. В., Телепаева Д. Ф.
Организационное развитие волонтерских центров в России и Хорватии: управленческий подход 118

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.
Доверие молодежи как ресурс городского управления. 128

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.
Социальные роли мужчины в современном
обществе **135**

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Покатов Д. В.
Инновационный менеджмент в управлен-
ческих стратегиях и практике современной
российской политической элиты: возможно-
сти и реальность **141**

Пономарева И. К., Акифьев И. В.
Отечественный взгляд на мотивацию управ-
ленческого персонала **147**

Ботнарюк М. В., Тимченко Н. Ю.
Управление на основе ценностей: метод ана-
лиза иерархий **153**

Николенко П. Г.
Теоретические и практические аспекты мате-
риально-технического обеспечения ресто-
рана ООО «Плакучая ива» **162**

**Требования к рукописям научных ста-
тей, представляемым для публикации
в журнале 168**

CONTENTS

POWER AND STATE ADMINISTRATION

Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M.
Effectiveness of public management in Finland:
approaches, methods, tools 7

Mikhailenko E. B., Verbitskaya T. V.
Definition of paradiplomacy in Russian and for-
eign political discourse 14

Grishin D. A., Verkhoviyh A. E.
Issues of co-operation of corruption in the state
authorities bodies 21

Strukova N. A.
Problems of interdepartmental information
interaction in the provision of public services 25

Feldman M. A., Zueva A. V.
Problems of inter-domain informational interac-
tion at the provision of governmental services 30

ECONOMICS AND MANAGEMENT

*Repichev A. I., Tugachev L. V., Vorobyeva A. V.,
Aydeeva D. A.*
Opportunities for the development of regional
innovation strategies based on the principles of
«smart specialization». 38

Grachev S. A.
The value of human capital of the regions on the
basis of multi-criteria approach 46

Anatoliev A. A.
Pricing as a basic factor in the development of
the construction industry. 54

Makhmudova M. M., Koroleva A. M.
Investment attractiveness of the national econ-
omy as a management object 58

*Ramenskaya L. A., Mekhrentsev A. V.,
Starikov E. N.*
Digitalization as a new factor of structural and
organizational development of the forest indus-
try (for example, the formation of the Sverd-
lovsk region's timber cluster) 70

Tokhirov T. I.
Assessment of the transport infrastructure of the
region 79

Ovchinnikova N. E.
Regional universities-industry interaction:
new opportunities for business incubation 84

Grigoriev E. A., Varaksa A. M.
How to reduce the cost for river cargo trans-
portation 92

Kulkova V. Yu.
The organizational mechanism of interaction
between the state and non-profit organizations
in providing palliative care 97

SOCIAL MANAGEMENT

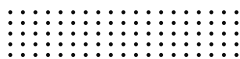
Kokh I. A., Alekseeva L. A.
Terminal and instrumental values in the struc-
ture of professional-value orientations of stu-
dent youth 103

Podgorniy V. V.
Sustainable social system: from methodology of
structural organizations to technology of effec-
tive functioning. 108

Pevnaya M. V., Telepaeva D. F.
Organizational development of volunteer cen-
ters in Russia and Croatia 118

*Ambarova P. A., Zborovsky G. E.,
Farafonova A. I.*
The trust of young people as a resource for city
management 128

Rostovskaya T. K., Shimanovskaya Ya. V.
Social roles of the man in the modern society 135

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ORGANISATION MANAGEMENT

Pokatov D. V.

The innovational management in the administrative management strategies and practice of the modern Russian political elite: the possibilities and the reality **141**

Ponomareva I.K., Akifiev I.V.

Domestic view on motivation of management staff **147**

Botnaryuk M. V., Timchenko N. Yu.

Value-based management: a method for analyzing hierarchies **153**

Nikolenko P. G.

Theoretical and practical aspects of the material and technical support of the restaurant of LLC "Plakuchaya iva" **162**

Requirements to publication of articles in the journal 171

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, ИНСТРУМЕНТЫ

Большаков С. Н.

доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия), Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Россия), 197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ординарная, 21, snbolshakov@mail.ru

Большакова Ю. М.

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Коми республиканской академии государственной службы и управления (Россия), 197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ординарная, 21, academy.prof.com@mail.ru

УДК 354(480)

ББК 66.3(4Фин),123

Актуальность исследования обуславливается необходимостью анализа реформ государственного управления в странах Европы, учета опыта и трудностей реализации реформ государственного управления Финляндии. Опыт реализации программных подходов в государственной политике показывает важность задач целеполагания государственных реформ и необходимость постановки методологии оценки эффективности и результативности реформ государственного управления.

Целью исследования является анализ и оценка эффективности реформ государственного управления в Финляндии.

Методами исследования является сравнительный анализ, структурно-функциональный анализ, вторичный анализ социологических данных.

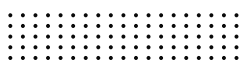
Научная новизна заключается в раскрытии методологии реформ государственного управления, раскрытии программных инструментов стратегического планирования и управления на национальном уровне. Важным является введение системы управления, ориентированной на результат позволяющей привлекать для оценки эффективности деятельности независимых экспертов, что позволяет стимулировать систему государственного управления и продолжить политику реформы государственного управления в Финляндии. Одним из направлений государственного реформирования является – целевые программы и оценка результативности реализации программного подхода через вовлечение общественности в процесс государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, административное управление, целевая программа, эффективность управления.

EFFECTIVENESS OF PUBLIC MANAGEMENT IN FINLAND: APPROACHES, METHODS, TOOLS

Bolshakov S. N.

Doctor of economic sciences, professor, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Russia), Leningrad State University named after AS Pushkin (Russia), 197022, Russia, St. Petersburg, st. Ordinary, 21, snbolshakov@mail.ru

Большаков С. Н., Большакова Ю. М.

Bolshakova Yu. M.

Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Komi Republican Academy of Public Administration and Management (Russia), 197022, Russia, St. Petersburg, st. Ordinary, 21, academy.prof.com@mail.ru

The relevance of the study is determined by the need to analyze the reforms of public administration in European countries, taking into account the experience and difficulties in implementing the reform of public administration in Finland. The experience of implementation of program approaches in public policy shows the importance of the objectives of the goal-setting of state reforms and the need to establish a methodology for assessing the effectiveness and effectiveness of public administration reforms.

The purpose of the study is to analyze and evaluate the effectiveness of public administration reforms in Finland.

The research methods are comparative analysis, structural and functional analysis, secondary analysis of sociological data.

The scientific novelty lies in the disclosure of the methodology of public administration reforms, the disclosure of strategic planning and management tools at the national level. It is important to introduce a management system oriented to the result that allows to attract independent experts to assess the effectiveness of the activity, which allows to stimulate the system of public administration and continue the policy of reforming the state administration in Finland. One of the directions of state reform is targeted programs and evaluation of the effectiveness of the implementation of the program approach through involving the public in the process of public administration.

Key words: public administration, administrative management, target program, management effectiveness

Понимание важности и необходимости проведения реформ государственного управления в Финляндии стало актуальным в конце 1990-х г., когда начала активно предприниматься попытки проведения реформ государственной политики и управления. В 1995–1996 г. начали предприниматься попытки оценки проведенных реформ, когда Министерство финансов Финляндии приняло решение об осуществлении широкомасштабной программы оценки предварительных итогов результатов реформирования государственного управления [1].

Актуальность оценки реформирования государственного сектора обуславливается организацией механизма государственного управления Финляндии. Система государственного механизма основывается на институтах политической власти к которым относятся Президент Республики, парламент и правительство Финляндии. В Финляндии необходимо выделить трехуровневую систему государственного управления: центральный, региональный и местный [2].

Соответственно и проектирование модели оказания государственных и муниципальных услуг реализуется на основе четкого разграничения полномочий местных органов государственной власти, муниципалитеты Финляндии обладают достаточно широкой степенью автономии и уровень оказания услуг населению доходит до 2/3 из всего спектра оказываемых финским государством услуг.

В государственном механизме Финляндии организация центральных органов государственного управления включает в себя два уровня, из которых первый уровень образует тринадцать компактных министерств и ведомств (численностью от 200–300 государственных гражданских служащих в каждом министерстве).

Основная задача министерств заключается в разработке и реализации политических решений которые принимаются правительством, а также закрепляется функция координации комплекса работ исполняемых подотчетными структурами администрации. На втором уровне центральной организации органов государственного управления Финляндии сосредоточены агентства обладающие определенной долей независимости, чьи управленческие функции заключаются в предоставлении необходимых услуг и консультировании получателей/заявителей услуг [3].

В 1992 году Министерство финансов Финляндии инициировало проект по сбору, обработке и оценке материалов результирующих первые шаги реформы государственного управления в сравнении с зарубежным опытом. Основная задача стояла в сборе и обработке принципиальной информации для оценки реформ государственного сектора Финляндии. Реализация данного выразилась серией публикаций в форме тематических бюллетеней раскрывающих различные стороны реформы государственного механизма управления (такие доклады как: управление результативно-стью государственного сектора, эффективное использование рыночных механизмов в государственном управлении, новые тенденции в управлении кадрами государственной службы и др.) [3].

Несмотря на то, что все страны ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в это время инициировали проекты реформ государственного управления, результаты были весьма различны. Оценка реформы государственного управления в Финляндии основывалась на основе отбора наилучших

мировых практик, задача стоявшая перед государственными органами заключалась в опубликовании результатов реформ, выноса в публичную плоскость проблем реформирования государственного управления в Финляндии. Общая оценка итогов государственного управления в Финляндии, заключалась в объективном отстаивании по ряду показателей реформы от ведущих стран ОЭСР: сокращение бюджетных расходов (бюджетная реформа) и реформа управления кадрами государственной гражданской службой [4].

Начатые программы реформ в Финляндии изначально ставились в достаточно короткие сроки, но вносимые изменения и корректировки программ принимались и выносились на обсуждение менее оперативно. В отчете министерства финансов Финляндии подчеркивалось, что при достаточно четкой поставке цели и некорректной оценке результатов, и некоего достигнутого практического результата, существует опасность, что переход в формальную плоскость оценки результата достижения целей. Поэтому выводом доклада звучали тезисы: о необходимости совершенствования управленческих подходов к формированию и использованию кадров государственной гражданской службы, смене менталитета управления в аппарате государственного управления; о необходимости максимально конкретной оценки каждым государственным служащим финансовых результатов деятельности [5].

Активность реформ государственного управления в странах ОЭСР выявила сложности в проведении объективной оценки масштабных программ государственного реформирования, ограничивающаяся позицией необратимостью реформ управления, едиными подходами к проведению реформ, политическим последствиями оказывающими влияние на последующие выборы и мнение избирателей, которые приведут на «политический олимп» новые партии и новых лидеров ответственных за результаты реформ не начатых ими. Таким образом, сама реформа государственного управления уже считалась результатом работы государственного аппарата, а не итоги ее реализации [6].

В Финляндии в конце 1990-х г. Велись дискуссии по необходимости корректировки реформы и тактики ее проведения, в 1995 году министерство финансов Финляндии начало внедрять реформу по оценке эффективности государственной политики и управления, на основе полученного опыта реализации программ оценки за период 1987–1995 гг. На новом этапе реформирования Правительство Финляндии начало проработку программы реформирования государственного управления, основанного на всесторонней оценке итогов реформирования, была введена должность министра административного реформирования. Естественно данные инициативы не встретили поддержки среди государственных служащих и ведущих лидеров госу-

дарственного аппарата, аргументами которых являлись позиции о бесполезности оценки вследствие необратимости реформ государственного управления [7].

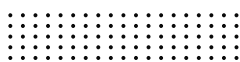
Основная задача оценки реформирования государственного управления заключается в использовании программного подхода к оценке реформ, для сбора материалов для обоснования программы перспективных реформ государственного сектора. Идея реформ заключается в выявлении ключевых положений перспективного реформирования государственного управления до окончания срока полномочий действующего правительства Финляндии, оценки произошедших изменений в системе государственного управления, оценке изменений методов работы государственных служащих, оценки затрат на государственное управление. Прагматический подход Финляндии к оценке программ реформирования государственного сектора заключается в определении сроков реализации программы, жесткое бюджетирование целей и задач программы, что позволяет определить показатели реформы на перспективу [8–9].

Этап реформирования государственного управления Финляндии отличается рассогласованностью действий, реализации отдельных реформ при отсутствии взаимоувязке единства целей реформ, наличии целей реформ в различных документах, различных программных документах.

Критерии оценки основывались на следующих позициях: эффективность реформ с позиций гражданских/общественных оценок; реакция государственного сектора на позицию политического руководства и его способность адаптироваться к изменяющимся внешним условиям; эффективность работы органов государственного управления; качество менеджмента государственной организации и мотивации госслужащего; эффективность процесса реформирования и согласованность целей программ.

Проведенные исследования методологии оценки государственного реформирования управления по заказу Министерство финансов Финляндии, можно разделить на 2 группы: первая группа исследований ставил целью охватить результативность конкретной реформы, вторая группа исследований анализировалась программа реформирования и ее результативность [10–11].

Первая группа исследования охватил такие аспекты государственного реформирования как перевод государственной службы на рыночные приемы, где основой является выявление результатов преобразования государственных агентств в государственные предприятия и компании, анализа позиций и мнений государственных служащих о перспективах реформирования. Важным итогом анализа стало то, что отмечался рост спроса на услуги реформированных государственных организаций, увеличение клиентов, рост рентабельности реформированных организаций [12].

Большаков С. Н., Большакова Ю. М.

Анализ реформирования в Министерстве торговли и промышленности и Министерстве внутренних дел Финляндии преследовал своей целью оценку результатов достижения целей реформ управления ориентированной на результат. В результате было выявлено, что Министерстве внутренних дел Финляндии реформа была проведена достаточно успешно, целевой результат – повышение удовлетворенности клиентов был достигнут, негативным моментом явился результат управления ориентированного на результат в Министерстве внутренних дел Финляндии [13]. Анализ итогов реформирования применяемых практик управления и внедрения подходов к организационной культуре в органах исполнительной власти показал положительное изменение результатов внедрения системы управления, ориентированной на результат (базой исследования явились 3 волны социологических опросов 17 правительственных учреждений) [14]. Также первая группа исследований ставила своей целью анализ эффективности реформирования региональных и местных органов власти, влияния реформ на структуру аппарата управления и механизм принятия решений, кадровый состав органов власти на местах. Результаты исследования выявили определенную проблему роста количества структурных подразделений внутри исполнительного аппарата региональных органов государственной власти. Самым важным моментом первой группы исследований стало выявление позиций граждан о государственном управлении и государственной службе. Исследование продемонстрировало повышение эффективности и позитивные изменения в общественных оценках реформированных органов власти. Например, транспортная инспекция и почтовая служба Финляндии по мнению граждан, стали уделять больше внимания качеству оказываемых услуг, работать более гибко и эффективно [3].

Важным результатом реформ государственного управления ориентированного на результата является экономия бюджетных ресурсов и оценка бюджетного эффекта, и как показали результаты исследования данный показатель реформ может быть оценен как самый эффективный.

Вторая группа исследований охватывает такие аспекты государственного реформирования как: оценка позиций высокопоставленных государственных служащих, экспертные опросы 28 руководителей государственных администраций продемонстрировало позитивное отношение и к ходу и к результатам реформ государственного управления, негативные оценки респонденты касались несоответствия выделенных для проведения реформы ресурсов реальным потребностям. Важным итогом исследований второй группы явилось изучение позиций ведущих политиков Финляндии (членов комитета по реформе государствен-

ной службы, как координирующего органа реформы государственного управления). Исследование продемонстрировало, что основная стратегия реформ поддерживается всеми ведущими политиками, и теми о которых оканчивался срок исполнения полномочий, и темы у кого срок полномочий только начался [6]. Министры как действующие политики продемонстрировали более стратегические и глобальные оценки реформирования государственного управления и хода административных реформ, в отличие от государственных служащих [15]. Ценными результатами исследования явились высокие оценки эффективности реформ государственного управления, повышения производительности государственного сектора, контроля государственных расходов, формирования эффективного механизма управления бюджетными издержками. Результатом оценки является понимание значения роста производительности государственного сектора [16]. Негативным моментом анализа первых итогов реформирования государственного управления является то, что внедрение системы управления, ориентированной на результат не смогло устранить дифференциацию эффективности работы различных государственных организаций [14].

• Результаты исследований были обобщены в итоговую программу реформирования, содержащей 51 конкретный вывод и 21 предложение дальнейшего реформирования государственного управления по таким областям, как:

- политико-административная система;
- систему планирования государственных расходов;
- планирование, оказание и мониторинг государственных услуг;
- развитие трудовых объединений;
- организация и планирование будущих мероприятий по развитию системы государственного управления, их реализацию и мониторинг [17].

Каждый конкретный результата исследования обсуждался на правительственном уровне, членами комитета по реформе государственной службы, что позволило оперативно реагировать на тактику и стратегию реформ [18]. Важным итогом реформирования является дальнейшее укрепление оценки результатов деятельности в органах государственной власти Финляндии, общим результатом является рекомендации министерствам и ведомствам более эффективно использовать показатели оценки результатов деятельности, которая стала обязательной частью всех реформ, понимание проведения процедур оценки результатов должна внедряться еще на этапе планирования той или иной реформы [19].

В итоговом исследовательском отчете также затрагивался вопрос о более интенсивном применении

оценки ex-ante (предварительной оценки, «до начала»), где подразумевается активное использование пилотных проектов перед запуском масштабных реформ [20].

Результатом комплекса исследований реформ в Финляндии, также явилась задача необходимости координации действий по оценке параллельных и сопутствующих программ, принятия на себя министерствами и ведомствами обязательств по проведению оценки эффективности собственной работы.

Расширение практики использования процедуры оценки предлагается реализовывать по следующим направлениям [7]:

- **Оценка программ** – как неотъемлемая часть планирования программ реформирования, разработке министерствами плана проведения оценок с возможностью привлечения независимых участников;

- **Оценка ноу-хау** – подразумевает знание методов, методологии оценки, а также использования результатов оценки, на основе проведения для государственных служащих соответствующих тренингов Министерством финансов Финляндии совместно с Институтом государственного управления Финляндии, Финским сообществом по оценке (ФСО);

- **Оценка качества работы агентств** – в органах государственного управления было предложено использовать такие модели оценки качества, как QualityAwardModels, более активное использование странами ЕС универсальной методики самостоятельного проведения оценки – «CAF (CommonAssessmentFramework – Единое руководство по проведению оценки)». Данное направление широко используется органами государственного управления Финляндии и является определяющим в эффективности проведения реформ государственного сектора, так методика «CAF» разработала девять форм оценки по таким направлениям как выполнение руководящих функций, управление кадрами, стратегическое и краткосрочное планирование, координация совместной работы и распределение ресурсов, корректировка хода работы и мониторинг изменений; качество работы служащих, качество оказываемых клиентам/гражданам услуг, степень удовлетворенности общества работой органов государственного управления, результативность основных видов деятельности;

- **Мониторинг изменений результативности работы** – базируется на использовании результатов оценки качественных и количественных индикаторов функционирования органов власти, организации работ по внедрению результатов оценки в практику органов государственного управления Финляндии. По итогам периода министерства передают отчеты о достигнутых агентствами результатах правительству, а правительство, в свою очередь, парламенту. Также существует процедура качественной оценки информации о деятельности агентств, которую проводит Государственная аудитор-

ская служба, заключающаяся в проверке достоверности данных, представленных в годовых отчетах.

Таким образом важнейшим результатом анализа итогов государственного реформирования является планирование контрактов между министерствами и агентствами, где прописывается иерархия целей, показатели оценки достижения каждой цели, как осуществление определенных видов деятельности. Важным является введение системы управления, ориентированной на результат позволяющей привлекать для оценки эффективности деятельности независимых экспертов, что позволяет стимулировать систему государственного управления и продолжить политику реформы государственного управления в Финляндии.

Одним из направлений государственного реформирования является – целевые программы и оценка результативности реализации программного подхода через вовлечение общественности в процесс государственного управления.

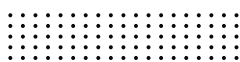
Целевые программы как новый инструмент государственного управления отражает выбранную стратегию реформ ориентированную на «новое государственное управление». Правительство Финляндии под руководством А. Ванханена инициировало реализацию министерствами 4 важнейших государственных программ [17]:

- Программа развития информационного общества (ответственный и координатор премьер-министр);
- Программа поддержки занятости (ответственный и координатор министр труда);
- Программа поддержки предпринимательства (ответственный и координатор министр торговли и промышленности);
- Программа вовлечения общественности в процесс государственного управления.

Министры как политические лидеры определяющие стратегию реформы опираются в реализации программы на директора программы – сотрудника соответствующего министерства, к мониторингу соответствующей программы привлекаются государственные служащие заинтересованного министерства. Министр и директор программы обладают всеми полномочиями по организации и реализации программы, достижения декларируемых программой целей. Ведущая программа по вовлечению общественности в процессы управления государством концентрируется на таких направлениях как:

- демократические структуры и методы;
- вовлечение граждан в процесс управления;
- функции гражданского общества;
- активная гражданская позиция.

Задачей государственных органов является создать такие благоприятные условия, что бы целевая общественность была заинтересована в реализации

Большаков С. Н., Большакова Ю. М.

программы как формы управления государством, как непрерывной деятельности. Данная программа преследует такие политические цели, как вовлечение граждан в политическую деятельность, развитие институтов представительной демократии, повышение явки избирателей и предоставление возможности гражданам влиять на проводимую политику в межэлекторальный период.

Данная программа декларирует такие важные цели как: стимулирование привлекательной и эффективной демократии, активность всех граждан в выборных процессах на центральных и местных уровнях власти, расширение возможностей политического участия для принятия управленческих решений на всех уровнях управления в т.ч. ЕС, развитие форм обратной связи с целевыми группами общественности.

Реализация программы вовлечения общественности в процесс государственного управления был закреплен принятием Правительством Финляндии Декрета и государственной стратегии.

В заключении следует отметить, что целевые программы являются важнейшим инструментом стратегического планирования и управления используемым Правительством Финляндии. Результатом программы повышения общественного участия в процесс государственного управления явились такие показатели достижения целей, как повышение явки избирателей по всем возрастным группам по всем уровням выборов, рост доли молодых депутатов в муниципальных советах, рост объема образовательных программ (в открытых университетах) направленных на развитие компетенций и навыков в сфере государственного управления.

Активность реформирования государственного управления в Финляндии позволяет проецировать те трудности и проблемы с которыми столкнулась финская сторона и на российский опыт административных реформ, это и методика оценки результатов реформ, программ и государственных стратегий, попытки измерить успех и эффективность реформ конкретной программы, а не синергетического эффекта влияния сторонних факторов, ограниченность временных характеристик реализации государственной программы, бюджетных и человеческих ресурсов реализации реформ.

Литература:

1. Harisalo R., Stenvall J. Luottamus kansalaisyhteiskunnan peruskivenä: Kansalaisten luottamus ministeriöihin. Trust as Cornerstone of Civic Society: Citizens trust to ministries. Helsinki: Edita. 2001.
2. Государственное устройство Финляндии [электронный ресурс]. URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshchestvo/gosudarstvennoe-ustrojstvo-finlyandi/> (дата обращения 01.05.2018)
3. Холкери Х. Оценка эффективности реформ государственного управления в Финляндии// Стратегия реформы государственного управления в России и ее реализация на региональном уровне. М.:«Алекс». 2005. С. 89–113
4. European Court of Auditors [ECA] (2011), “Have the e-Government projects supported by ERDF been effective?”, Special Report No 9, ECA, Luxembourg.
5. Finland. State Council 2002. “Yhteiset arvot vahvemiksi valtionhallinnossa.” Tiedote 92/ 2002. Helsinki: Valtiovarainministeriö. (Stronger Shared Values in the State Administration, Communication 23 September 2002, in Finnish.)
6. Finnish Centre for Pensions (2014), “Average handling times at the Finnish Centre for Pensions”, Finnish Centre for Pensions, Helsinki.
7. Майонен К. История изменений территориальной организации местного самоуправления в Финляндии. Объединение муниципальных образований: опыт Финляндии и основы российского законодательства. СПб: ИПК «Вести», 2011. 11–13 с.
8. Naschold, Frieder: The Modernization of the Public Sector in Europe: A Comparative Perspective on the Scandinavian Experience, Ministry of Labour, Helsinki, 1995.
9. Managing Senior Management: Senior civil Service Reform in OECD Member Countries, 2003 .
10. Suomen työllisyysohjelma 1996–1999, Seurantatiedot (The Employment Plan for Finland in 1996–1999, An Evaluation Report), Ministry of Labour, Helsinki.
11. Temmes, Markku and Kiviniemi, Markku: Suomen hallinnon muuttuminen 1987–1995 (The Change of the Finnish Administration in 1987–1995), A Summary Report of the Evaluation Programme concerning the Administrative Reforms and Reform Policy, Ministry of Finance, Helsinki, 1997.
12. Skog, Harri and Räisänen, Heikki: Toimivampiin työmarkkinoihin (Towards a More Flexible Labour Market), Ministry of Labour, Helsinki, 1997.
13. Harisalo, Risto & Jari Stenvall 2001 “Trust Management in Government: Ministries as Study Objects.” Annual Conference of the EGPA, Vaasa, Finland, September 2001. Mimeo.
14. J. Nye, Finding Ways to Improve the Public’s Trust in Government, The Chronicle of Higher Education, January 1998.
15. Вульфвич Р. М. Проблемы и пути реализации принципов эффективного государственного и муниципального управления (опыт Финляндии) // Продвижение европейских принципов эффективного управления в органах государственной власти и местного самоуправления Северо-Запада России. 2013. С. 169–179.
16. Дубровин Ю. Административно-государственные реформы в Финляндии // Власть. Институт социологии РАН. М. 2009. №4. С. 147–149.

Большаков С. Н., Большакова Ю. М.

17. Pollitt, Christopher; Hanney, Stephen; Packwood, Tim; Rothwell, Sandra and Roberts, Simon: *Trajectories and Options: An International Perspective on the Implementation of Finnish Public Management Reforms*, Ministry of Finance, Helsinki, 1997.
18. Rantahalvari, Vesa: *National Organizations Coordinating Operations Supported by the European Social Fund in Ireland, the Netherlands, Denmark and Finland*, Työhallinnon julkaisuja, Ministry of Labour, Tampere, 1995.
19. Salmen A., Temmes M., *The Evolution of Public Administration and Administrative Research in Finland: A Historical Overview*. In Modeen T. *Public Administration in Finland*. Helsinki: Ministry of Finance. 1994.
20. European Commission (2014), *Study on eGovernment and the Reduction of Administrative Burden*, Final Report, European Union, Brussels.
8. Naschold, Frieder: *The Modernization of the Public Sector in Europe: A Comparative Perspective on the Scandinavian Experience*, Ministry of Labor, Helsinki, 1995.
9. *Managing Senior Management: Senior Civil Service Reform in OECD Member Countries*, 2003.
10. Suomen työllisyysohjelma 1996–1999, Seurantatiedot (The Employment Plan for Finland in 1996–1999, An Evaluation Report), Ministry of Labor, Helsinki.
11. Temmes, Markku and Kiviniemi, Markku: *Suomen hallinnon muuttuminen 1987–1995, A Summary of the Evaluation Program concerning the Administrative Reforms and Reform Policy*, Ministry of Finance, Helsinki, 1997.
12. Skog, Harri and Räisänen, Heikki: *Toimivampiin työmarkkinoihin (Towards a More Flexible Labor Market)*, Ministry of Labor, Helsinki, 1997.
13. Harisalo, Risto & Jari Stenvall 2001 “Trust Management in Government: Ministries as Study Objects.” Annual Conference of the EGPA, Vaasa, Finland, September 2001. Mimeo.
14. J. Nye, *The Finding of Ways to Improve the Public in the Government*, The Chronicle of Higher Education, January 1998.
15. Vulfovich R. M. Problems and ways to implement the principles of effective state and municipal government (the experience of Finland) // Promotion of the European principles of good governance in public authorities and local self-government of the North-West of Russia. 2013. Pp. 169–179.
16. Dubrovin Yu. Administrative-State Reforms in Finland // *Vlast*. Institute of Sociology RAS. M. 2009. №4. Pp. 147–149.
17. Pollitt, Christopher; Hanney, Stephen; Packwood, Tim; Rothwell, Sandra and Roberts, Simon: *Trajectories and Options: An International Perspective on the Implementation of the Finnish Public Administration Reforms*, Ministry of Finance, Helsinki, 1997.
18. Rantahalvari, Vesa: *National Organizations Coordinating Operations Supported by the European Social Fund in Ireland, the Netherlands, Denmark and Finland*, Työhallinnon julkaisuja, Ministry of Labor, Tampere, 1995.
19. Salmen A., Temmes M., *The Evolution of Public Administration and Administrative Research in Finland: A Historical Overview*. In Modeen T. *Public Administration in Finland*. Helsinki: Ministry of Finance. 1994.
20. European Commission (2014), *Study on eGovernment and the Reduction of Administrative Burden*, Final Report, European Union, Brussels.

References:

1. Harisalo R., Stenvall J. Luottamus kansalaisyhteiskunnan peruskivenä: Kansalaisten luottamus ministeriöihin. Trust as Cornerstone of the Civic Society: Citizens trust to ministries. Helsinki: Edita. 2001.
2. The state structure of Finland. [e-resource]. URL: <https://finland.fi/en/zhizn-i-obshchestvo/gosudarstvennoe-ustrojstvo-finlyandi/> (date of reference 01.05.2018)
3. Holkeri H. Evaluation of the effectiveness of public administration reforms in Finland // The strategy of public administration reform in Russia and its implementation at the regional level. M: Alex. 2005. P. 89–113.
4. European Court of Auditors [ECA] (2011), “Have the e-Government projects supported by ERDF been effective?”, Special Report №9, ECA, Luxembourg.
5. Finland. State Council 2002. “Yhteiset arvot vahvemiksi valtionhallinnossa.” Tiedote 92 / 2002. Helsinki: Valtiovarainministeriö. (Stronger Shared Values in the State Administration, Communication 23 September 2002, in Finnish.)
6. Finnish Center for Pensions (2014), “Average handling times at the Finnish Center for Pensions”, Finnish Center for Pensions, Helsinki.
7. Mayonen K. History of changes in the territorial organization of local self-government in Finland. Association of municipalities: the experience of Finland and the basis of Russian legislation. SPb: IPC “Vesti”, 2011. 11–13 p.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Михайленко Е. Б.

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Департамента международных отношений Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург, пр. Ленина 51, ekamikhaylenko@gmail.com

Вербицкая Т. В.

ассистент кафедры теории и истории международных отношений Департамента международных отношений Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург, пр. Ленина 51, Aquitania-17@ya.ru

УДК 327.001

ББК 66.4(0),0

Статья посвящена исследованию определений парадипломатии, сформулированных как российскими, так и зарубежными учеными в качестве деятельности субгосударственных акторов (к числу которых отнесены регионы федеративных государств и муниципальные образования) на мировой арене посредством осуществления международных и внешнеэкономических связей.

Цель исследования состоит в определении парадипломатии посредством формулирования признаков данного явления, установленных в результате анализа определений парадипломатии российских и зарубежных ученых.

Методы. Работа основывается на использовании метода экспертных оценок для исследования понятия парадипломатии, ее сущностных признаков и особенностей акторов, участвующих в осуществлении парадипломатии. Также использован системно-структурный анализ для выявления признаков парадипломатии в качестве целостного явления.

Результаты исследования состоят в установлении признаков парадипломатии (акторов, участвующих в ее осуществлении и содержания парадипломатии – международные и внешнеэкономические связи регионов федеративного государства и муниципальных образований).

Результаты исследований могут быть применены в рамках науки международных отношений (для изучения особенностей участия субгосударственных акторов в мировой политике).

Научная новизна работы состоит в том, что несмотря на большое количество исследований парадипломатии, не был сформирован единый подход к определению данного явления. Парадипломатия в России является недостаточно изученной российскими учеными, поскольку парадипломатия не отграничена от смежных явлений (прежде всего таких противоправных, как сепаратизм).

Ключевые слова: парадипломатия, регионы федеративного государства, муниципальные образования, международные отношения, внешнеэкономические связи.

DEFINITION OF PARADIPLOMACY IN RUSSIAN AND FOREIGN POLITICAL DISCOURSE

Mikhailenko E. B.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg, Lenin Ave. 51, ekamikhaylenko@gmail.com

Verbitskaya T. V.

Assistant of the Chair of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg, Lenin Avenue 51, Aquitania-17@ya.ru

The article is devoted to the study of the definitions of paradiplomacy formulated by both Russian and foreign scientists as the activity of sub-state actors (including the regions of federal states and municipalities) in the world arena through the international contacts and foreign economic relations.

The **purpose** of the study is to determine the paradiplomacy by formulating the signs of this phenomenon as a result of analysis of the definitions of the paradiplomacy of Russian and foreign scientists.

Methods. The work is based on the use of the method of expert assessments to study the concept of paradiplomacy, its essential characteristics and the features of actors involved in the implementation of paradiplomacy. System-structural analysis was also used to identify signs of paradiplomacy as a holistic phenomenon.

The results of the research consist in defining the signs of paradiplomacy (including the actors participating in its implementation and the content of the paradiplomacy – international contacts and foreign economic relations of the regions of the federal state and municipalities).

The results of the research can be applied within the science of international relations (for studying the features of participation of sub-state actors in world politics).

The scientific novelty of the work are that despite a large number of studies of paradiplomacy, a unified approach to the definition of this phenomenon was not formed. Paradiplomacy in Russia is insufficiently studied by Russian scientists, since the paradiplomacy is not delimited from related phenomena (primarily from such unlawful ones as separatism).

Key words: paradiplomacy, regions of the federal state, municipalities, international relations, foreign economic relations

Глобализация предопределила участие в международных отношениях субгосударственных акторов, таких, как регионы федеративных государств и муниципальные образования, способные играть ощутимую роль в мировой политике. Для обозначения все возрастающих международных и внешнеэкономических связей субгосударственных акторов исследователями стал использоваться термин парадипломатия. Не существует единого мнения относительно содержания парадипломатии, четко установить которое посредством определения парадипломатии представляется важным, поскольку парадипломатия позволяет охарактеризовать пределы участия субгосударственных акторов в международных отношениях таким образом, чтобы не был затронут суверенитет государства.

Исходя из изложенного, сформулируем гипотезу исследования – парадипломатия представляет собой публично-властную деятельность субгосударственных акторов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей в пределах, установленных государством.

Обратимся, прежде всего, к анализу определений парадипломатии зарубежных исследователей (в силу того, что термин парадипломатия был введен в научный оборот зарубежными исследователями ранее, чем он стал употребляться в российской науке международных отношений). Далее изучим позиции российских ученых по данной проблеме.

Изучению парадипломатии зарубежными исследователями уделяется существенное внимание. В целом можно отметить, что под парадипломатией понимается участие региональных правительств в международных отношениях в качестве субнациональных акторов для защиты своих интересов и идентичности.

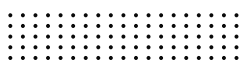
Согласно позиции А. Лекур, региональные правительства могут быть акторами международных отношений. Данный феномен участия в международных отношениях региональных правительств, названный «парадипломатией», наиболее часто применяется в западных промышленно развитых либеральных демократиях. Тем не менее, парадипломатия существует и в развивающихся и посткоммунистических странах, учитывая опыт таких регионов, как Квебек, Каталония, Страна Басков, Фландрия и Валлония. Парадипломатию можно определить как многофункциональное средство, направленное на представление интересов и идентичности региона [1, с. 3].

Схожее определение парадипломатии сформулировано М. Саналла. Под парадипломатией понимается деятельность субгосударственных единиц в качестве участников международных отношений, которую, безусловно, можно назвать современным явлением [2, с. 160].

Еще одно определение парадипломатии сформулировано Д. Крикеманс. Парадипломатия – это международные отношения, в которых самостоятельно участвуют субнациональные или региональные правительства с целью продвижения своих собственных интересов [3, с. 89].

Как отметил С. Вольфф, парадипломатия является относительно новым явлением и предметом изучения в рамках науки международных отношений. Парадипломатия направлена на отражение внешнеполитического потенциала субгосударственных образований, их независимую от государства деятельность на международной арене для достижения своих конкретных внешнеполитических интересов [4, с. 1–16].

Исследователи трактуют парадипломатию также и как деятельность на мировой определенной террито-

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.

риальной единицы государства, образованной по признаку национальности. Парадипломатия, которая часто в первую очередь является следствием наличия у территориальной единицы государства, определенных национальных особенностей, предполагает, что такие процессы как, построение идентичности, определение / артикуляция интересов и политико-территориальная мобилизация территориальной единицы государства логически приводят к формированию региональных правительств, стремящихся к развитию международной акторности территориального образования. Таким образом, парадипломатия служит средством установления национальной идентичности, помогает в реализации определенных интересов, таких, как сохранение культуры [5, с. 174]; [6, с. 14]. Схожее определение парадипломатии сформулировал А. Ж. Мохаммед: парадипломатия характеризует возможность этнических групп вступать в международные отношения с другими государствами и выражать свою этническую идентичность посредством представления своих интересов на международной арене [7, с. 27]. Однако исследователь наделяет возможностью участия в парадипломатии не только территориальные единицы государства, но также и этнические группы.

Ж. М. Магоне характеризует парадипломатию как совокупность формальных и неформальных элементов, определяющих участие субнациональных акторов в мировой политике наряду с государствами, что придает государственному суверенитету относительный характер [8].

Одно из самых широких определений парадипломатии было сформулировано бразильскими исследователями международных отношений. Они указывают, что поскольку дипломатия – это термин, который характеризует организованное политическое осуществление деятельности государства на международной арене, возник термин парадипломатия для обозначения совокупности действий негосударственных субъектов в рамках мировой политики: парадипломатию частных лиц, неправительственную парадипломатию, а также парадипломатию, осуществляемую регионами федеративных государств и муниципальную парадипломатию [9, с. 78]; [10, с. 16]; [11, с. 45]; [12, с. 21–36].

Кроме того, исследователи отмечают, что понятие парадипломатии является дискуссионным, потому что оно является слишком расплывчатым [13, с. 185–209]; [14, с. 10–20], парадипломатия воспринимается как нечто большее, чем аналог традиционной дипломатии или внешних отношений [15, с. 185–209]. Указанный термин признан спорным, и было предложено использовать другой термин, такой как политика микроуровня [16, с. 12]. Д. Ж. Дерриан использует концепцию парадипломатии для обозначения деятельности, осуществляемой полностью вне государственной внешней политики [17, с. 5].

Как уже было отмечено, проблемами парадипломатии активно занимаются не только зарубежные [18, с. 56–78]; [19, с. 91–104]; [20, с. 45–64]; [21, с. 78–84]; [22, с. 62–74]; [23, с. 43–52]; [24, с. 61–87], но и российские исследователи [25, с. 76–78]; [26, с. 25–33]; [27, с. 106–113]; [28, с. 28–41], обладающие схожими позициями относительно содержания парадипломатии.

В Российском индексе цитирования содержится всего 41 научное исследование [29], предметом которых выступает парадипломатия. Половина работ посвящена изучению зарубежного опыта и практики парадипломатии [30, с. 48–56]; [31, с. 48–56]; [32, с. 30–34]; [33, с. 42–51]. Исследование российской практики парадипломатии в большей степени связано с изучением трансграничного сотрудничества и приграничных территорий РФ с ЕС [33, с. 44–48]; [34, с. 106–113]; [35, с. 16–20] и РФ и АТР [36, с. 26–36]. Теоретические работы немногочисленны (Б. В. Базаров, А. С. Кузнецов, О. Литвишко, Д. Н. Барышников).

Российские ученые сформулировали определения парадипломатии. Так, Н. М. Мухарьямов, М. Н. Закамулина отмечают, что термин «парадипломатия» при всей своей условности служит релевантным аналитическим средством, описывающим международную активность таких «акторов вне суверенитета», как субнациональные регионы, субъекты федераций, провинции, крупные административно-территориальные единицы [37, с. 101–108]. Ю. Г. Акимов указывает, что «стандартная» субъектно-территориальная дипломатия (парадипломатия) характерна для большинства «структурных единиц» федеративных государств [38, с. 48–56]. Также автор полагает, что выход на мировую арену большого числа разнообразных несuverенных / негосударственных акторов является отличительной чертой современных международных отношений. Отдельные города, транснациональные корпорации, регионы устанавливают и развивают контакты с зарубежными партнерами в самых разных областях [39, с. 25–33]. Согласно позиции А. С. Кузнецова, основываясь на научном дискурсе последних двадцати лет парадипломатию можно определить как участие субнациональных единиц в международных отношениях через установление формальных и неформальных, постоянных и временных связей с иностранными акторами с целью достижения определенного набора задач через различные стратегии действия на международной арене [40, с. 76–78]. Б. В. Базаров понимает парадипломатию как процесс вовлечения регионов во внешнеэкономическую деятельность и международные отношения [41, с. 26–36]. Н. В. Еремина определяет парадипломатию как тренд, состоящий в том, что регионы как субгосударственные единицы постепенно выходят на международную арену. Они обретают новый голос в собственных государствах и новые возможности заявлять о своих интересах, планах и целях во

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.

«внешнем мире»[42, с. 42–51]. Н. В. Яковлева, И. М. Левкин понимают парадипломатию как одну из форм трансграничного сотрудничества, которая характеризуется взаимодействием между административно-территориальными единицами двух государств минуя границы[31, с. 106–113]. И. С. Денильханов понимает парадипломатию как процесс децентрализации и рост международных контактов регионов государств [33, с. 1930]. Г. О. Яровой определяет парадипломатию как усиление влияния субнациональных акторов (в первую очередь — регионов, единиц административно-государственного деления государств) во внутренней политике государств и в международных отношениях[22, с. 28–41].

Исходя из анализа приведенных работ российских ученых, посвященных парадипломатии, следует отметить, что проблемы приграничного сотрудничества субъектов РФ, находящихся у границы России и других государств исследуются чаще, чем международные и внешнеэкономические связи регионов, расположенных в срединной части России (таких, как Свердловская область, несмотря на то, что она является крупным транспортным хабом). Подобный интерес исследователей к изучению внешних связей приграничных регионов России можно объяснить интенсивностью указанных связей, и соответственно, наличием значительного объема материала для аналитической работы.

Кроме того, российские ученые стремятся избегать употребления термина парадипломатия, в том числе при исследовании иностранного опыта парадипломатии, особенно когда речь идет о регионах, осуществляющих сепаратистскую деятельность. Употребление термина парадипломатия является «опасным», поскольку между сепаратизмом и парадипломатией существует зыбкая граница, возникает ассоциативная связь.

Поэтому для обозначения парадипломатии российскими учеными используются другие термины (региональное сотрудничество, международные и внешнеэкономические связи, трансграничное сотрудничество) в том числе в контексте изучения международной и внешнеэкономической деятельности Свердловской области [15, с. 1–76]; [16, с. 1–144]; [17, с. 125–135]; [6, с. 27–32].

Иными словами, под парадипломатией российские исследователи понимают участие субнациональных акторов в международных отношениях. К числу таких акторов относят, прежде всего, субъекты федераций [4]; [44, с. 1930]; [20, с. 98–103].

Изложенное позволяет также квалифицировать парадипломатию в качестве деятельности негосударственных акторов (регионов государств и муниципальных образований) по обеспечению своих интересов на мировой арене, производной от дипломатии (дипломатию можно определить в качестве властной деятельности правительства государства по обеспечению внешнего суверенитета государства).

На основе приведенных определений парадипломатии в российской и зарубежной науке международных отношений возможно выделить признаки парадипломатии:

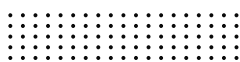
- Осуществляется субгосударственными акторами, являющимися территориальными единицами государства, обладающими властными полномочиями;
- Носит публичный характер — направлена на представление интересов субгосударственных акторов, действующих в официальном статусе;
- Ограничивается прерогативой государства на осуществление внешнего суверенитета — деятельность субгосударственных акторов на мировой арене не должна противоречить интересам государства (затрагивать внешний суверенитет страны);
- Контролируется государством в лице компетентных органов для предупреждения сепаратизма, составления представления государства в лице компетентных органов о международной деятельности его территориальных единиц, предупреждения финансовой несостоятельности региона или муниципального образования;
- Воплощается органами власти субгосударственных акторов, специально созданных для обеспечения международных и внешнеэкономических связей субгосударственных акторов.
- В рамках парадипломатии происходит обеспечение интересов субгосударственных акторов (регионов государств, муниципальных образований), которые состоят: в построении идентичности региона, муниципального образования или определенной этнической группы, в укреплении своего статуса как внутри страны, так и за ее пределами, сепаратизме (стремлении к сепарации, обретении квази суверенитета).

Установленные признаки парадипломатии позволяют сформулировать определение данного явления.

Парадипломатия представляет собой публично-властную деятельность субгосударственных акторов (регионов федеративных государств и муниципальных образований) в лице компетентных органов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей для реализации своих интересов на мировой арене в пределах, установленных государством, таким образом, чтобы не был затронут государственный суверенитет.

Таким образом, термин парадипломатия является относительно недавним понятием, применяемым для обозначения внешнеполитической деятельности негосударственных акторов (регионов федераций, муниципальных образований).

Основная группа зарубежных исследований была осуществлена в 90-е–2000-е годы, интерес к проблеме в настоящее время вырос в связи с активно происходящими процессами регионализации, вплоть до сепаратизма (таких, например, как референдумы о незави-

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.

симости, проведенные на территории Европы, опыт таких регионов, как Квебек, Каталония, Страна Басков, Фландрия и Валлония).

Российские исследователи присоединились к изучению парадипломатии посредством анализа международных и внешнеэкономических связей российских регионов и сепаратистской деятельности регионов иностранных государств. При этом российские исследователи старались избегать употребления термина парадипломатия (которая может вызывать ассоциации с таким негативным явлением, как сепаратизм) в пользу таких формулировок, как трансрегиональное сотрудничество, международные и внешнеэкономические связи, внешнеполитическая деятельность регионов России и иностранных государств и муниципальных образований.

И, несмотря на то, что понятие парадипломатии не является новым явлением, оно эволюционировало, стало более комплексным, отвечающим на современные вызовы (такие, как утрата государствами своего суверенитета) и мировые процессы (прежде всего, глобализацию и регионализацию).

Литература:

1. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World. Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2008. 532 p.
2. Sanalla M. The Phenomenon of Paradiplomacy in the Czech Republic: Representative Difficulties in the Concept of Paradiplomacy in the Subnational Unit of the Znojmo Region. IGÜSBD, 2014. 528 p.
3. Crikemans D. Regional Sub-State Diplomacy Today. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. 421 p.
4. Wolff S. Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges // SAIS European Journal. 2007. P. 1–16.
5. John K. Foreign relations of Constituent Units. Research paper, Forum of Federations, Winnipeg, 2001. 678 p.
6. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international politics. New York: Routledge, 2015. 489 p.
7. Mohammed A. J. The Politics of Iraqi Kurdistan: Towards Federalism or Secession? Thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Government at the University of Canberra. Australian Capital Territory, Australia, 2013. 153 p.
8. Magone J. M. Paradiplomacy revised: the structure of opportunities of global governance and regional actors. [электронный ресурс]. URL: <http://www.paradiplomacia.org/upload/downloads/66fc7ecc666b857d415ee890307ab79cjozemagonefinal.pdf> (дата обращения 10.09.2017).
9. Associação Brasileira de Organizações Não Governamentais. Diplomacia não-governamental. São Paulo: ABONG/Coordination Sud, 2007. 378 p.
10. Troyjo M. P. Manifesto da diplomacia empresarial e outros escritos. São Paulo: Aduaneiras, 2005. 744 p.
11. Vigevani T. Gestão pública e inserção internacional das cidades [Relatório Científico de Pesquisa, V. 2]. São Paulo: CEDEC, PUC-SP, FGV-SP, UNESP, 2006. 844 p.
12. Milani C. R. S., Ribeiro M. C. M. International Relations and the Paradiplomacy of Brazilian Cities: Crafting the Concept of Local International Management // BAR, Curitiba. 2011. V. 8. №. 1. P. 21–36.
13. Aguirre I. Making Sense of Paradiplomacy? An Intertextual Inquiry about a Concept in Search of a Definition. Paradiplomacy in Action: The Foreign Relation of Subnational Governments. London: Frank Cass, 1999. 472 p.
14. Grydehøj A. Goals, Capabilities, and Instruments of Paradiplomacy by Subnational Jurisdictions. Brussels: Centre Maurits Coppieters, 2014. 847 p.
15. Aldecoa F., Keating M. Paradiplomacy in Action: The Foreign Relation of Subnational Governments. London: Frank Cass, 1999. 563 p.
16. Dedushaj N. «Paradiplomatic» relations between the United States and Kosova: A friendship between an elephant and a mouse. A dissertation presented to the Faculty of Arts in the University of Malta for the degree of Master of Arts in Contemporary Diplomacy. 2013. 206 p.
17. Derian D. J. On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement. Oxford: Basil Blackwell, 1997. 528 p.
18. Inaki A. Making sense of paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition. Paradiplomacy in action. The foreign relations of subnational actors. Lilles, 1999. 376 p.
19. Derian D. On Diplomacy. Oxford, 1987. 456 p.
20. Ivo D. Perforated Sovereignities: towards a typology of new actors in International relations. Federalism and international Relations. The role of subnational units. Oxford, 1990. 455 p.
21. Ivo D. The territorial dimension of politics: within, among and across nations. Lilles, 1986. 674 p.
22. John K. Foreign relations of Constituent Units. Research paper, Forum of Federations, Winnipeg, 2001. 678 p.
23. Ander L., Moreno L. Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country. Unidad de Políticas Comparadas (CSIC), Working paper 01–06, 2001. 356 p.
24. Panayotis S. An Explanatory Framework for the study of federated States as Foreign-policy Actors. Lilles, 1993. 755 p.
25. Кузнецов А. С. Парадипломатия: трактовки и теоретические модели // Дискурс-Пи. 2006. Т. 6. № 1. С. 76–78.
26. Акимов Ю. Г. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 25–33.
27. Яковлева Н. В., Левкин И. М. Особенности сотрудничества между Германией и Россией в рамках парадипломатии. Российское предпринимательство. 2013. № 22 (244). С. 106–113.

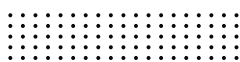

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.

28. Яровой Г. О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1 (1). С. 28–41.
29. Научная электронная библиотека eLIBRARY. RU [электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 26.08.2017).
30. Занова Т. В. Парадипломатия европейских регионов // *Вся Европа.ру*. 2011. № 4 (54). С. 48–56.
31. Акимов Ю. Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2011. № 4. С. 48–56.
32. Акимов Ю. Г. Идентификационная парадипломатия несuverенных территориальных акторов (на примере Квебека, Каталонии и Фламандского региона) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 30–34.
33. Еремина Н. В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? (на примере Шотландии и Уэльса) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 6. С. 42–51.
34. Чернов С. Н. Правовые основы парадипломатии европейских и российских регионов // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2013. № 10. С. 44–48.
35. Яковлева Н. В., Левкин И. М. Особенности сотрудничества между Германией и Россией в рамках парадипломатии. Российское предпринимательство. 2013. № 22 (244). С. 106–113.
36. Чернов С. Н. Международные связи Карелии с приграничными региональными союзами Финляндии // *Международное публичное и частное право*. 2014. № 3. С. 16–20.
37. Базаров Б. В. Региональная парадипломатия в трансграничных районах Сибири и Восточной Азии // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 26–36.
38. Мухарямов Н. М., Закамулина М. Н. Парадипломатия в языковых измерениях: к построению концептуальной модели // *Вестник Московского университета*. Серия 18: Социология и политология. 2009. № 1. С. 101–108.
39. Акимов Ю. Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2011. № 4. С. 48–56.
40. Акимов Ю. Г. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций // *Управленческое консультирование*. 2016. № 2 (86). С. 25–33.
41. Кузнецов А. С. Парадипломатия: трактовки и теоретические модели // *Дискурс-Пи*. 2006. Т. 6. № 1. С. 76–78.
42. Базаров Б. В. Региональная парадипломатия в трансграничных районах Сибири и Восточной Азии // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 26–36.
43. Еремина Н. В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? (на примере Шотландии и Уэльса) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 6. С. 42–51.
44. Яровой Г. О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1 (1). С. 28–41.

References:

1. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World. Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2008. 532 p.
2. Sanalla M. The Phenomenon of Paradiplomacy in the Czech Republic: Representative Difficulties in the Concept of Paradiplomacy in the Subnational Unit of the Znojmo Region. IGUSBD, 2014. 528 p.
3. Crikemans D. Regional Sub-State Diplomacy Today. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. 421 p.
4. Wolff S. Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges // *SAIS European Journal*. 2007. P. 1–16.
5. John K. Foreign relations of Constituent Units. Research paper, Forum of Federations, Winnipeg, 2001. 678 p.
6. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international politics. New York: Routledge, 2015. 489 p.
7. Mohammed A. J. The Politics of Iraqi Kurdistan: Towards Federalism or Secession? Thesis is submitted in compliance with the requirements for the degree of the Doctor of Philosophy in the Government of the University of Canberra. Australian Capital Territory, Australia, 2013. 153 p.
8. Magone J. M. Paradiplomacy revised: the structure of opportunities of global governance and regional actors. [e-resource]. URL: <http://www.paradiplomacia.org/upload/downloads/66fc7ecc666b857d415ee890307ab79cjosmagonefinal.pdf> (date of reference 10.09.2017).
9. Associação Brasileira de Organizações Não Governamentais. Diplomacia não-governamental. São Paulo: ABONG / Coordination Sud, 2007. 378 p.
10. Troyjo M. P. Manifesto da diplomacia empresarial e outros escritos. São Paulo: Aduaneiras, 2005. 744 p.
11. Vigevani T. Gestão pública e inserção internacional das cidades [Relatório Científico de Pesquisa, V. 2]. São Paulo: CEDEC, PUC-SP, FGV-SP, UNESP, 2006. 844 p.
12. Milani C. R.S., Ribeiro M. C.M. International Relations and the Paradiplomacy of the Brazilian Cities: Crafting

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.

- the Concept of Local International Management // BAR, Curitiba. 2011. V. 8. № 1. P. 21–36.
13. Aguirre I. Making Sense of Paradiplomacy? An Intertextual Inquiry about a Concept in Search of a Definition. *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relation of Subnational Governments*. London: Frank Cass, 1999. 472 p.
 14. Grydehøj A. Goals, Capabilities, and Instruments of Paradiplomacy by Subnational Jurisdictions. Brussels: Center Maurits Coppieters, 2014. 847 p.
 15. Aldecoa F., Keating M. *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relation of Subnational Governments*. London: Frank Cass, 1999. 563 p.
 16. Dedushaj N. «Paradiplomatic» relations between the United States and Kosova: A friendship between an elephant and a mouse. A dissertation presented to the Faculty of Arts in the University of Malta for the degree of the Master of Arts in Contemporary Diplomacy. 2013. 206 p.
 17. Derian D. J. *On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement*. Oxford: Basil Blackwell, 1997. 528 p.
 18. Inaki A. Making sense of paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition. *Paradiplomacy in action. The foreign relations of subnational actors*. Lilles, 1999. 376 p.
 19. Derian D. *On Diplomacy*. Oxford, 1987. 456 p.
 20. Ivo D. Perforated Sovereignities: towards a typology of new actors in International relations. *Federalism and international Relations. The role of subnational units*. Oxford, 1990. 455 p.
 21. Ivo D. The territorial dimension of politics: within, among and across nations. Lilles, 1986. 674 p.
 22. John K. Foreign relations of Constituent Units. Research paper, Forum of Federations, Winnipeg, 2001. 678 p.
 23. Ander L., Moreno L. Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country. *Unidad de Políticas Comparadas (CSIC)*, Working paper 01–06, 2001. 356 p.
 24. Panayotis S. An Explanatory Framework for the study of federated States as Foreign-policy Actors. Lilles, 1993. 755 p.
 25. Kuznetsov A. S. Paradiplomacy: interpretations and theoretical models // *Discourse-Pi*. 2006. V. 6. № 1. P. 76–78.
 26. Akimov Yu. G. Paradiplomacy as a means of expressing the regional identity of subjects of federations // *Administrative consulting*. 2016. № 2 (86). Pp. 25–33.
 27. Yakovleva N. V., Levkin I. M. Features of cooperation between Germany and Russia in the framework of paradigmatic // *Russian Entrepreneurship*. 2013. № 22 (244). Pp. 106–113.
 28. Yarovoy G. O. Paradiplomatic activity as an instrument of regional development: to the formulation of the question // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1 (1). Pp. 28–41.
 29. Scientific electronic library eLIBRARY. RU [e-resource]. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (date of reference 26.08.2017).
 30. Zonova T. V. Paradiplomacy of the European regions // *All of Europe*. 2011. № 4 (54). C. 48–56.
 31. Akimov Yu. G. Quebec's paralysis and the position of the federal government of Canada: from conflict to compromise // *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships*. 2011. № 4. P. 48–56.
 32. Akimov Yu. G. Identification paradigm of non-sovereign territorial actors (on the example of Quebec, Catalonia and the Flemish region) // *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2017. № 1. P. 30–34.
 33. Eremina N. V. Paradiplomacy: the new voice of the regions in a modern diplomatic concert? (on the example of Scotland and Wales) // *World Economy and International Relations*. 2012. № 6. P. 42–51.
 34. Chernov S. N. Legal foundations of the paradigmatic of European and Russian regions // *State power and local self-government*. 2013. № 10. P. 44–48.
 35. Yakovleva N. V., Levkin I. M. Features of cooperation between Germany and Russia in the framework of paradigmatic. *Russian Entrepreneurship*. 2013. № 22 (244). Pp. 106–113.
 36. Chernov S. N. International Relations of Karelia with Cross-Border Regional Unions of Finland // *International Public and Private Law*. 2014. № 3. P. 16–20.
 37. Bazarov B. V. Regional Paradiplomacy in Transboundary Areas of Siberia and East Asia // *Izvestiya Ural Federal University. Series 2: The humanities*. 2011. V. 96. № 4. P. 26–36.
 38. Mukharyamov N. M., Zakamulina M. N. Paradiplomacy in language dimensions: to construct a conceptual model // *Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2009. № 1. P. 101–108.
 39. Akimov Yu. G. Quebec's paralysis and the position of the federal government of Canada: from conflict to compromise // *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships*. 2011. № 4. P. 48–56.
 40. Akimov Yu. G. Paradiplomacy as a means of expressing the regional identity of subjects of federations // *Administrative consulting*. 2016. № 2 (86). Pp. 25–33.
 41. Kuznetsov A. S. Paradiplomacy: interpretations and theoretical models // *Discourse-Pi*. 2006. V. 6. № 1. P. 76–78.
 42. Bazarov B. V. Regional Paradiplomacy in Transboundary Areas of Siberia and East Asia // *Izvestiya Ural Federal University. Series 2: The humanities*. 2011. V. 96. № 4. P. 26–36.
 43. Eremina N. V. Paradiplomacy: the new voice of the regions in a modern diplomatic concert? (on the example of Scotland and Wales) // *World Economy and International Relations*. 2012. № 6. P. 42–51.
 44. Yarovoy G. O. Paradiplomatic activity as an instrument of regional development: to the formulation of the question // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1 (1). P. 28–41.

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Гришин Д. А.

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, grishin_d.a.@ui.ranepa.ru

Верховых А. Э.

оперуполномоченный ГОРИ ОМВД России по г. Березовскому (Россия), 6240701, Россия, г. Березовский, ул. Исакова, д. 5, verhovyh95@gmail.com

УДК 351:328.185

ББК 67.401.02

Предмет. Противодействие коррупции в органах государственной власти, причины коррупции в органах государственной власти и способы противодействия.

Цель. Проанализированы вопросы противодействия коррупции в органах государственной власти, предложены способы противодействия и установлены причины возникновения.

Методы. Исследование проведено на основе комплекса общенаучных методов, таких как обобщение и систематизация теоретических данных на основе изучения работ различных авторов, анализа, синтеза, сравнения, системно-функционального и комплексного подхода, с использованием анализа судебной практики и нормативных правовых актов.

Результаты. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем рассматриваются причины, последствия государственной коррупции и вопросы противодействия коррупции в органах государственной власти.

Научная новизна. Выявлен наиболее эффективного механизма противодействия коррупции в органах государственной власти России.

Ключевые слова: коррупция, органы государственной власти, государственная коррупция, чиновник, способы противодействия коррупции

ISSUES OF CO-OPERATION OF CORRUPTION IN THE STATE AUTHORITIES BODIES

Grishin D. A.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Legal Disciplines, Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, March 8 str., 66, grishin_d.a.@Ui.ranepa.ru

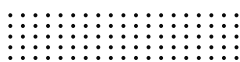
Verkhovyyh A. E.

operative authority GORI OMVD of Russia in Berezovsky (Russia), 6240701, Russia, Berezovsky, Isakova str., 5, verhovyh95@gmail.com

Subject. Anti-corruption in public authorities, the causes of corruption in public authorities and ways to counteract.

Purpose. The issues of counteracting corruption in public authorities have been analyzed, methods of counteraction have been proposed and the reasons for their occurrence have been established.

Methods. The research was carried out on the basis of a set of general scientific methods, such as the generalization and systematization of theoretical data on the basis of studying the work of different authors, analyzing, synthesizing, comparing, system-functional and integrated approach, using analysis of judicial practice and normative legal acts.

Гришин Д. А., Верховых А. Э.

Results. The theoretical and practical significance of the research is that it examines the causes, consequences of state corruption and issues of combating corruption in public authorities.

Scientific novelty. The most effective mechanism for counteracting corruption in the bodies of state power of Russia was identified.

Key words: corruption, state authorities, state corruption, official, ways of countering corruption

Осуществление государственных функций в любой стране реализуется через государственные органы, являющихся элементами государственного аппарата, представляющего собой систему органов и структурных подразделений, которые реализуют государственную власть в обществе. Органы государственной власти выступают в качестве важнейшей части государственной системы, задача которых – выравнивание организаторской роли государства в обществе. Органы государственной власти создаются только государством, реализуют свои функции от его имени [1, с. 224].

Причины и правовая природа связанные с появлением и развитием коррупции в органах государственной власти, и принятие эффективных мер в противодействии коррупции в органах государственной власти делают актуальным вопрос более глубокого изучения этого деструктивного явления.

Слабое гражданское общество не может удерживать под своим контролем государственный аппарат, что в итоге приводит к отделению от него управленцев и «приватизации» ими своих должностей, в связи с отсутствием ротации кадров в государственном аппарате. Из-за этого реально угроза разложения демократических институтов, что является политическим последствием коррупции. Как правило, это влечет расширение сектора теневой экономики. Следовательно, нарушается конкурентный механизм рынка, так как выигрывает не тот, кто является конкурентоспособным, а тот, кто может получить преимущества за взятки. Как следствие понижается эффективность рыночных отношений, что дискредитирует идею рыночной конкуренции. Кроме того, коррупция в государственных структурах и должностных лиц выступает как препятствие развития государственного управления.

Государственная коррупция существует, потому, что у чиновника есть возможность распоряжения не принадлежащими ему ресурсами в связи с возможностью принятия (или непринятия) тех или иных решений. Среди таких ресурсов следует назвать бюджетные средства, государственную или муниципальную собственность, государственные заказы или льготы. Государственные служащие являются субъектами коррупционной деятельности, так, как только они имеют властные полномочия, связанные с принятием решения и осуществления действий, которые приводят к возникновению коррупции.

Виды коррупции в государственных органах очень разнообразны, они проявляются в форме вознаграждения за получение выгодных контрактов; в форме выплат за оказанные якобы консультационные услуги; выплат непомерно высокого гонорара за публикации или лекции; в виде служебного мошенничества и различных видов хищения; получение «комиссионных» за размещение государственных заказов; в форме оказания государственному служащему разного рода услуг и других «знаков внимания»; оплаты поездки в зарубежную командировку, на отдых или лечение за счет средств заинтересованного в решении вопроса партнера; скрытого вымогательства взяток, в частности незаконного вознаграждения за быстрое решение служебного вопроса, выдачу документов и др. [2, с. 59].

В условиях реформирования государства трудно определить границы государственной коррупции. Возможность ее возникновения тесно связана с непрозрачностью процесса, что в бюджетном процессе прямо ведет к произволу чиновников, так как выбор организации, которая исполняет различные расходные статьи бюджета, находится в руках чиновников, следовательно, существует возможность получения «отката», в результате чего и возникает коррупция.

В современных условиях наряду с традиционной формой дачи взятки появились ее модификации, конверт с деньгами заменили действия, которые определяют изменения имущественного положения лиц, вовлеченных в коррумпированные отношения. К ним следует отнести криминальное лоббирование, решение об инвестировании коммерческих структур за счет средств государственного бюджета, создание ложных предприятий, перевод государственной собственности в акционерные общества, предоставление возможности вывоза стратегического сырья за рубеж и многое другое, которые трудно идентифицировать и доказать.

Среди причин существования коррупции в органах государственной власти следует назвать следующие: низкая эффективность системы государственного управления страной; неразвитость гражданского общества; неэффективность применения к коррупционерам системы уголовной ответственности в виде кратных штрафов [3, с. 158].

В связи с этим коррупции как системному явлению необходимо противопоставить и системные меры противодействия.

В настоящее время в современной России сформированы основы антикоррупционной политики, однако её эффективность ещё далека от потребностей государства и общества.

Для решения этих вопросов противодействия коррупции в органах государственной власти следует: усилить контроль за сведениями, которые чиновники отражают в ежегодных справках о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера; увеличить активность МВД по предотвращению хищений при реализации важных внутренних и международных проектов; предусмотреть дополнительные меры по урегулированию конфликта интересов; выявлять коррупционные риски в органах государственного управления; закрепить коррупциогенные должности в органах государственной власти; выявлять скрытые потенциальные возможности государственной системы, способствующих коррупционным проявлениям со стороны должностных лиц; установить запреты на занятие в дальнейшем государственных должностей теми, кто был уличён в коррупции; повысить престиж государственной службы; создать систему многоканального получения информации о совершённых и готовящихся коррупционных преступлениях.

В интересах обеспечения комплексного подхода в осуществлении антикоррупционной политики государства необходимо совершенствовать механизмы противодействия коррупции, в том числе формируя антикоррупционное правосознание и активную гражданскую позицию у государственных служащих, что предполагает тесную взаимосвязь мер правового и морального воспитания с мероприятиями государственного и общественного контроля.

В настоящий момент в России механизм связанный с правовым регулированием противодействия коррупции в органах государственной власти сформировал комплекс нормативно-правовых актов, которые установили ограничения и запреты для государственных служащих, основное место среди них заняло уголовное законодательство.

Однако, следует согласиться с мнением А. В. Трухачёвой о необходимости «проведения ревизии законов и подзаконных актов, в данной сфере, сократить их количество до необходимого минимума, устранить имеющиеся противоречия, двусмысленность формулировок, предусмотреть в самом законе конкретную ответственность за неисполнение» [4, с. 72].

Усиление роли не только уголовной, но и иной законодательной ответственности за свои действия, неизбежно приведет к снижению коррупции чиновников.

В связи с этим могут понадобиться следующие меры, связанные с:

- разграничением компетенции и защиты компетенции чиновников;

- уменьшением границ действия личного усмотрения;

- установлением жесткого порядка взаимодействия чиновников и граждан, при котором гражданам всегда и полностью известны их права и обязанности чиновников;

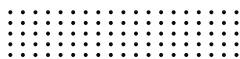
- введением в ряде важных случаев уголовных мер ответственности для чиновников за факт нарушения закона (не только при наличии доказуемого злого умысла);

- ужесточением контроля над государственными служащими и ответственности за отклонения от предписанного законами поведения [5, с. 214].

Таким образом, для построения наиболее эффективного механизма противодействия коррупции в органах государственной власти России следует сформировать систему реальной оценки показателей антикоррупционной защищённости РФ с обеспечением широкого доступа к подлинным данным о масштабах указанного сектора теневой экономики. Главным элементом в данном механизме, по нашему мнению, должна быть сформированность у большей части населения России системы взглядов, которые направлены на нетерпимость к коррупционным проявлениям и понимание отрицательного воздействия коррупции на развитие российской экономики в условиях мирового финансового кризиса. Однако пока российское общество не достигнет экономической стабильности, нельзя говорить о снижении уровня коррупции не только в органах государственной власти, но и в других сферах жизни общества.

Литература:

1. Салахутдинова Г. Ф., Пирогова С. В. Коррупции в Российской Федерации // Инновационная наука. 2017. №2-1. С. 223–225.
2. Андриянов В. Н. Некоторые современные проблемы противодействия коррупции в органах государственной власти // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №4. С. 58–64.
3. Айрапетян Э. С. Проблемы противодействия коррупции в органах государственной власти // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. №6. С. 157–159.
4. Трухачёва А. В. Коррупция в органах государственной власти. М.: Юнити, 2008 280 с.
5. Суханов В. А. Коррупция в органах государственной власти как глобальная проблема» Вестник МГИМО Университета. 2013. №4. С. 212–218.
6. Кумышева М. К. Борьба с коррупцией в России на современном этапе//Вестник университета. 2016. №3. С. 235–238.
7. Магомедов К. О. Об эффективности противодействия коррупции в государственных органах власти //

Струкова Н. А.

Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. №3. С. 201–212.

8. Малик И. В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы в современной России // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. №3. С. 52–56.
9. Чернобаева Н. В., Зварыгин В. Е. Правовые меры противодействия коррупции в органах государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. №3. С. 163–166.
10. Шедий М. В. Коррупция как системная проблема неэффективности российского государственного управления // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №4. С. 67–74.
3. Hayrapetyan E. S. Problems of counteracting corruption in public authorities // Gaps in Russian legislation. Juridical journal. 2012. №6. P. 157–159.
4. Trukhacheva A. V. Corruption in public authorities. М.: Unity, 2008 280 p.
5. Sukhanov V. A. Corruption in public authorities as a global problem // Bulletin of the University of Moscow State University of International Relations 2013. №4. P. 212–218.
6. Kumysheva M. K. The fight against corruption in Russia at the present stage // Bulletin of the University. 2016. №3. P. 235–238.
7. Magomedov K. O. On the effectiveness of anti-corruption in public authorities // Issues of state and municipal government. 2014. №3. P. 201–212.
8. Malik I. V. Counteraction of corruption in the system of state civil service in modern Russia // Bulletin of State and Municipal Administration. 2015. №3. P. 52–56.
9. Chernobaeva N. V., Zvarygin V. E. Legal measures to combat corruption in public authorities // Bulletin of the Udmurt University. Series “Economics and Law”. 2012. №3. P. 163–166.
10. Shedy M. V. Corruption as a system problem of ineffectiveness of Russian public administration // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. №4. P. 67–74.

References:

ПРОБЛЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Струкова Н. А.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, a-na@ngs.ru

УДК 353:004(470)
ББК 67.401.011.2с51

Цель. Выявить проблемы межведомственного взаимодействия в процессе предоставления государственных услуг и сформулировать рекомендации по их решению.

Методы. Проанализированы разные виды межведомственного информационного взаимодействия (система межведомственного электронного взаимодействия, традиционный бумажный документооборот, а также обмен электронными формами традиционного бумажного документа) используемые в процессе предоставления государственных услуг Министерством образования Новосибирской области и Государственным архивом Новосибирской области.

Результаты и практическая значимость: совершенствование межведомственного информационного взаимодействия в процессе предоставления государственных услуг является неотъемлемым условием реализации идей концепции New Public Management. Однако, в настоящее время существует ряд нерешенных проблем в этом вопросе, связанных как с низким уровнем координации государственных органов, участвующих в межведомственном взаимодействии, так и с несовершенством программных и технических средств. Предложенные рекомендации по решению выявленных проблем могут быть использованы в деятельности, как государственных органов, так и в деятельности органов местного самоуправления.

Научная новизна. Определены проблемы межведомственного информационного взаимодействия, с которыми сталкиваются государственные органы в процессе предоставления государственных услуг, а также сформулированы рекомендации по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: административная реформа, государственные услуги, межведомственное информационное взаимодействие, система электронного межведомственного взаимодействия.

PROBLEMS OF INTERDEPARTMENTAL INFORMATION INTERACTION IN THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES

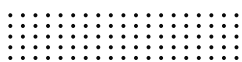
Strukova N. A.

Candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of state and municipal management of the Siberian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 630102, Russia, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, a-na@ngs.ru

Purpose. Identify the problems of interdepartmental interaction in the process of providing public services and formulate recommendations for their solution.

Methods. Various types of interdepartmental information interaction (interagency electronic interaction system, traditional paperwork, as well as electronic forms of a traditional paper document) are analyzed. They are used in the process of providing state services by the Ministry of Education of the Novosibirsk Region and the State Archives of the Novosibirsk Region.

Results and practical significance: improving the inter-agency information interaction in the process of providing public services is an indispensable condition for implementing the ideas of the New Public Management concept. However, at present there are a number of unresolved problems in this issue, related both to the low level of coordination of

Струкова Н. А.

state bodies participating in interdepartmental interaction, and to the imperfection of software and hardware. The proposed recommendations for resolving the identified problems can be used in the activities of both state bodies and the activities of local government bodies.

Scientific novelty. The problems of interdepartmental information interaction faced by state bodies in the process of providing public services are identified, and recommendations for solving identified problems are formulated.

Key words: administrative reform, public services, interdepartmental information interaction, electronic interdepartmental interaction system.

В настоящее время повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг рассматривается как один из приоритетов развития РФ. Это, во многом связано, с изменением парадигмы государственного управления, с внедрением идей концепции New Public Management (концепции «нового государственного управления»). Именно в этой концепции вводятся понятия «клиентоориентированное государство», «сервисное государство». Основной является идея о том, что граждане являются клиентами (принципалом), а государство – их слугой (агентом). Иными словами, предоставление публичных услуг населению является одной из основных функций государства [1, с. 38].

Повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг является одним из основных направлений административной реформы РФ. В рамках третьего этапа административной реформы в России был принят базовый для сферы предоставления государственных услуг документ – Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2]. На портале административной реформы подчеркивается, что принятый документ принципиально меняет подход к оказанию услуг и обозначает переход к сервисному государству [3].

Не смотря на формальное завершение административной реформы в Российской Федерации фактическое совершенствование механизмов государственного управления продолжается. Указом Президента РФ определены целевые индикаторы оказания государственных и муниципальных услуг: уровень удовлетворенности граждан РФ качеством предоставления государственных и муниципальных услуг к 2018 году – не менее 90 процентов; доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году – не менее 70 % и др. [4, ст. 1].

Еще не так давно для получения той или иной государственной или муниципальной услуги заявителю самостоятельно нужно было собрать большое количество документов. Для этого заявителю необходимо было посетить многочисленные организации, получить от них информацию, касающуюся его личности. Зая-

витель собирал и передавал документы из одной организации в другую, а в отдельных случаях был связующим звеном в процессе приема и передачи документов между должностными лицами внутри одних и тех же организаций. Иными словами, именно за счет заявителей происходило межведомственное взаимодействие должностных лиц, принимавших участие в предоставлении той или иной государственной услуги.

Поэтому в рамках административной реформы совершенствование межведомственного информационного взаимодействия рассматривается в качестве одного из основных направлений повышения качества и доступности государственных и муниципальных услуг.

Организация межведомственного информационного взаимодействия призвана повысить доступность государственных и муниципальных услуг посредством сокращения числа предоставляемых заявителем документов, которые необходимы для получения услуги. Недостающие документы и сведения органы государственной власти и местного самоуправления должны получить самостоятельно.

Впервые требования к организации межведомственного взаимодействия были установлены Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и в дальнейшем были включены в Концепцию снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 года № 1021-р. [2, ст. 7; 5, ст. 5.]

В настоящее время в РФ используются следующие виды информационного взаимодействия в процессе предоставления государственных услуг:

1. Традиционный бумажный документооборот осуществляется между сотрудниками организаций, которые участвуют в межведомственном информационном обмене;

2. Обмен электронными формами традиционного бумажного документа с применением доступных электронных технологий информационного взаимодействия – системы электронного документооборота, электронная почта;

3. Унифицированное информационное взаимодействие – осуществляется между информационными системами участников межведомственного электронного взаимодействия;

4. Применение интерактивных запросных приложений, которые предоставляются некоторыми ведомствами в качестве пользовательских электронных сервисов через официальные сайты органов в сети Интернет или ведомственные электронные порталы.

Приоритетным направлением межведомственного информационного взаимодействия является взаимодействие в электронной форме. Для этих целей в РФ создана Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), состоящая из региональных сегментов. Детальное описание процесса взаимодействия осуществляется в рамках Постановления Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе электронного межведомственного взаимодействия». Данный нормативный акт определяет правила формирования и функционирования СМЭВ, а также основы информационного обмена, осуществляемого с ее применением между информационными системами федеральных органов исполнительной власти, государственных внебюджетных фондов, исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, многофункциональных центров, иных органов и организаций в целях предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме [6].

Количество межведомственных запросов при предоставлении той или иной государственной услуги зависит от количества необходимых документов, предусмотренных административным регламентом предоставления данной услуги. Например, административный регламент предоставления государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности (одна из самых востребованных услуг, предоставляемых министерством образования Новосибирской области) предусматривает, что межведомственное взаимодействие необходимо на этапе получения таких документов как заключение о соответствии объекта защиты обязательным требованиям пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологическое заключение о соответствии санитарным правилам зданий и оборудования, выписка из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, сведения о наличии (отсутствии) судимости у граждан, являющихся учредителями соискателя лицензии или лицензиата, сведения о наличии (отсутствии) заключения, выданного в установленном порядке ГИБДД МВД РФ, о соответствии учебно-материальной базы установленным требованиям, сведения из Единого

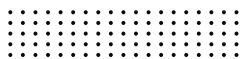
государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей и др. [7, ст. 10].

Учитывая, что в 2016 году в Министерство образования Новосибирской области поступило 1028 запроса на получение услуги по лицензированию образовательной деятельности, количество направленных межведомственных запросов составило примерно 2297 запросов. Стоит отметить, что по каждой из подуслуг (получение лицензии на осуществление образовательной деятельности, переоформление лицензии на осуществление образовательной деятельности, выдача дубликата лицензии на осуществление образовательной деятельности) может быть направлено от 2 до 8 межведомственных запросов. Эти статистические данные свидетельствуют об актуальности межведомственного взаимодействия в процессе предоставления государственных услуг.

Но, несмотря на то, что от уровня межведомственного взаимодействия напрямую зависит качество и доступность государственных услуг, на сегодняшний день в этом вопросе остаются нерешенными многие проблемы.

В некоторых государственных органах до сих пор не разработаны единые образцы запрашиваемых документов, согласованные с органами, в которые отправляется межведомственный запрос. Это, в свою очередь, приводит к тому, что часто при формировании межведомственных запросов запрашивается информация, выдача которой противоречит действующим нормативно-правовым актам. Так, например, специалисты Государственного архива Новосибирской области сталкиваются с тем, что территориальные отделения Пенсионного фонда РФ при оформлении архивных справок о заработной плате предъявляют необоснованные требования к содержанию данных документов и срокам их исполнения (например, указать причину отсутствия начислений за месяц по ведомостям начисления заработной платы и т.д.), а, зачастую, просят подготовить архивные справки по имеющимся у них образцам. Однако, это противоречит Правилам организации хранения, комплектования учета и использования документов Архивного фонда РФ и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук». [8].

Помимо этого в межведомственных запросах указывается неполная или неточная информация, поэтому для выполнения данных запросов требуется дополнительное рабочее время, что, в конечном счете, приводит к увеличению сроков предоставления той или иной государственной услуги. Так, например, в межведомственных запросах территориальных отделений Пенсионного фонда РФ в Государственный архив Новоси-

Струкова Н. А.

бирской области указываются неполные персональные данные гражданина, сокращенное наименование организации, используются не только общепринятые сокращения и т.д.

В качестве одной из основных проблем можно отметить отсутствие единой запросно-ответной системы, внедрённой на всей территории Российской Федерации, в каждом органе исполнительной власти и организации, задействованной в предоставлении услуг населению. Попытки создать такую единую систему предпринимаются. Так, например, на территории Новосибирской области функционирует подсистема «Конструирование запросов» государственной информационной системы Новосибирской области «Межведомственная автоматизированная информационная система (на платформе – Smart-Route) (АИС МАИС). Данная подсистема относится к региональному сегменту. АИС МАИС на данный момент позволяет в единой системе сделать запросы в Федеральную налоговую службу, МЧС России, Роспотребнадзор и Росреестр.

Однако, в процессе использования данной подсистемы специалисты сталкиваются с рядом проблем. Так, например, чтобы заполнить все необходимые обязательные поля в запросы необходимо ввести информацию, которую и необходимо получить в результате межведомственного взаимодействия. К примеру, в процессе предоставления услуги по лицензированию образовательной деятельности специалистам Министерства образования Новосибирской области, чтобы отправить запрос в Роспотребнадзор на получение сведений об имеющемся санитарно-эпидемиологическом заключении о соответствии санитарным правилам зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, необходимых для осуществления образовательной деятельности необходимо ввести уникальный номер этого заключения, которого в распоряжении данных специалистов, естественно, нет.

Главной же проблемой остается нестабильная работа электронных сервисов. Продолжается большая работа по совершенствованию сервисов межведомственного взаимодействия. И при каждом последующем обновлении систем возникают ошибки и перебои в работе сервисов, что значительно влияет на сроки и качество предоставления услуги.

Кроме того, из-за работы в нескольких информационных системах, переносов информации большими пакетами данных у сотрудников различных ведомств, участвующих в процессе межведомственного взаимодействия, возрастает вероятность совершить ошибки при внесении сведений.

В 2017 году началась опытная эксплуатация масштабной информационной системы, обеспечивающей автоматизацию контроля и надзора за полнотой и каче-

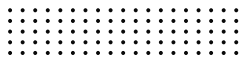
ством осуществления органами исполнительной власти субъектов РФ переданных полномочий РФ в сфере образования. Одной из важнейших особенностей данной системы является встроенный модуль межведомственного взаимодействия. В процессе опытной эксплуатации нередко наблюдались проблемы, присущие всем многозадачным и новым информационным системам – сложности при согласовании форматов данных различных ведомств и взаимосвязи различных систем, при осуществлении межведомственного взаимодействия, путем направления электронных межведомственных запросов, технические сбои и перерывы в работе системы.

Для совершенствования межведомственного взаимодействия в процессе предоставления государственных услуг необходимо:

- повышение стабильности работы электронных сервисов, за счет дальнейшего обновления и совершенствования программных и технических средств;
- более четкая нормативная регламентация работы многочисленных информационных систем и сервисов;
- усиление контроля корректности вводимых данных, главным образом, за счет внедрения современных информационных средств, которые позволят заметить и устранить данные неверного формата, опечатки и т.д.;
- повышение уровня квалификации специалистов участвующих в процессе межведомственного взаимодействия;
- обеспечение более тесного взаимодействия между органами власти, участвующими в процессе межведомственного взаимодействия, с целью устранения возникающих проблем с предоставлением необходимой информации, что приведет к значительной оптимизации процесса оказания государственных услуг

Литература:

1. Зайковский В. Н. Сервисное государство: новая парадигма или современная технология государственного управления? [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/.../servisnoe-gosudarstvo-novaya-paradigma-ili-sovremennaya> (дата обращения 07.05.2018).
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ (в ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 168. ст. 7.
3. Государственные услуги и функции // Портал административной реформы. [электронный ресурс]. URL: http://ar.gov.ru/ru/gos_uslugi_03_o_napravlenii/index.html (дата обращения 09.02.2018).
4. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Прези-

Фельдман М. А., Зуева А. В.

- дента РФ от 07 мая 2012 г. № 601 // Российская газета. 2012. 9 мая. № 5775 (102).
5. Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 года № 1021-р. // Российская газета. 2011. 28 июня.
 6. О единой системе электронного межведомственного взаимодействия: Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.
 7. Об утверждении административного регламента предоставления органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.03.2015 № 244. [электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/документы/5980/файл/4991/Prikaz_No_244_ot_17.03.2015.pdf (дата обращения 02.05.2018)
 8. Правила организации хранения, комплектования учета и использования документов Архивного фонда РФ и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 20.
 2. On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law of 27 July 2010 № 210-FL (as amended on 18.04.2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 168. Art. 7.
 3. Public services and functions // Portal of administrative reform. [e-resource]. URL: http://ar.gov.ru/en/gos_uslugi_03_o_napravlenii/index.html (date of reference 09.02.2018).
 4. On the main directions of improving the system of public administration: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 № 601 // Rossiyskaya newspaper. 9 May. № 5775 (102).
 5. The concept of reducing administrative barriers and increasing the availability of state and municipal services for 2011–2013: Decree of the Government of the Russian Federation of 10 June 2011 № 1021-d. // Rossiyskaya newspaper. 2011. 28 June.
 6. On a unified system of electronic interdepartmental interaction: Resolution of the Government of the Russian Federation of September 8, 2010 № 697 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. № 38. Art. 4823.
 7. On the approval of the administrative regulations for the provision by the state authorities of the subjects of the Russian Federation that exercise the transferred powers of the Russian Federation in the field of education, the state service for licensing educational activities: the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 17, 2015 № 244. [e-resource]. URL: https://minobarnauk.rf/documents/5980/file/4991/Prikaz_No_244_ot_17.03.2015.pdf (date of reference 02.05.2018)
 8. Rules for the organization of storage, acquisition and use of documents of the Archive Fund of the Russian Federation and other archival documents in state and municipal archives, museums and libraries, organizations of the Russian Academy of Sciences // Bulletin of normative acts of federal executive bodies. 2007. № 20.

References:

1. Zaikovskiy V. N. Service state: a new paradigm or state-of-the-art technology? [e-resource] URL: <https://cyberleninka.ru/.../servisnoe-gosudarstvo-novaya-paradigma-ili-sovremennaya> (date of reference 05.07.2018)

ПРОБЛЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Фельдман М. А.

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, Feldman_m.a.@ui.ranepa.ru

Зуева А. В.

Специалист Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, Zueva_AV@ui.ranepa.ru

УДК 314.152.2(470)

ББК 60.74(2Рос)

Статья посвящена анализу реализации Федеральным законом № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Рассмотрены основные точки зрения, существующие в научной литературе, по указанному вопросу.

Анализ статистических данных показывает, что общее количество новорожденных в области за период 2007–2018 гг. увеличилось. При этом рожать вторых детей стали больше, а первых детей, наоборот, меньше: в 2007 г. вторых детей родилось на 12 331 ребёнка меньше чем первых (почти в два раза), а в 2017 г. – родивших второго ребёнка на 1 919 детей больше, чем первого. Вместе с тем, очевидна и ограниченность потенциала материнского капитала, как инструмента регулирования демографической политики.

Для закрепления позитивной тенденции в статье предлагается ряд конкретных мер и предложений.

Ключевые слова: материнский капитал, семейная политика, семьи с детьми, рождаемость.

PROBLEMS OF INTER-DOMAIN INFORMATIONAL INTERACTION AT THE PROVISION OF GOVERNMENTAL SERVICES

Feldman M. A.

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, March 8 str., 66, Feldman_m.a.@Ui.ranepa.ru

Zueva A. V.

Specialist of the Ural Institute of Management – a branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, March 8 str., 66, Zueva_AV@ui.ranepa.ru

The article is devoted to the analysis of the implementation by Federal Law № 256-FL of 29 December 2006 “On additional measures of state support for families with children”. The main points of view that exist in the scientific literature on this issue are considered.

Analysis of statistical data shows that the total number of newborns in the region for the period 2007–2018. increased. At the same time, the number of second children increased, while the number of the first children was lower: in 2007, 12 331 children were born less than the first children (almost twice), and in 2017 they gave birth to a second child for 1,919 children more than the first. At the same time, the limited potential of mother capital as an instrument for regulating demographic policy is also evident.

To consolidate the positive trend, the article proposes a number of concrete measures and proposals.

Key words: maternity capital, family policy, families with children, fertility.

Федеральным законом № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [1] обозначена цель введения материнского капитала – создание условий, обеспечивающих семьям с двумя и более детьми достойную жизнь. Предваряя введение материнского капитала, Президент России В. В. Путин в 2006 году в Послании Федеральному Собранию обозначил задачу этой меры поддержки, как реальное повышение социального статуса женщины, решившейся родить второго ребёнка, помощь ей в решении будущих проблем [2].

С 2007 г. в России семья, родившая (усыновившая) второго или последующего ребёнка, в праве получить дополнительные меры государственной поддержки – материнский (семейный) капитал (далее – МСК).

Кроме федерального материнского семейного капитала в разных регионах страны существуют свои аналоги. Так в Свердловской области сертификаты на областной материнский капитал согласно закону № 86-ОЗ от 20 октября 2011 г. «Об областном материнском (семейном) капитале» [3] выдаются с 2012 г.

Согласно экспертным исследованиям суммарный коэффициент рождаемости (СКР – среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю её жизнь) для простого воспроизводства населения необходим на уровне 2,15. Таким образом, пока показатели не приблизятся к этому уровню, о повышении численности населения (без учёта миграции) не может быть и речи. В 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,76 [4]. По сравнению с 2006 г., когда величина равнялась 1,30 [4], СКР вырос на 36 %.

Даже, отдавая себе отчет, что положительный сдвиг в увеличении рождений второго ребенка в семьях вызван не только воздействием материнского семейного капитала, позитивный эффект налицо.

Однако темпы роста населения остаются медленными, а с учётом вступления в детородный возраст поколения 1990-х, можно предположить, что дальше эта величина будет расти медленнее, или вообще начнёт снижаться, как это и было во время демографического кризиса 1990-х годов.

Федеральный материнский (семейный) капитал действует в России уже двенадцатый год. За это время вопрос предоставления и использования материнского капитала подробно изучен, опубликовано достаточно много научных статей и исследований по вопросам реализации этой меры поддержки. Выделим основные точки зрения по указанному вопросу.

Ряд исследователей, приводя расчёты, утверждают, что материнский капитал до сих пор не оказал эффекта на рост рождаемости в России: «Наличие программы материнского капитала увеличивает вероятность рождения второго и последующего ребёнка на 1,6–2,4 %» [5] – приводят цифры исследователи. Обращаясь к дан-

ным социологическому опросу, авторы исследования отмечают, что только 5,6 % женщин, получивших МСК, согласны с тем, что возможность получить материнский капитал повлияла на желание родить второго или последующего ребёнка [5]. Однако подлинность такого опроса вызывает сомнение: далеко не все смогут так в открытую признаться, что родили ребёнка ради денег.

Ряд исследователей утверждает, что материнский капитал не оказал значимого влияния на показатели рождаемости, так как произошёл простой сдвиг календаря рождений – семьи стали решаться на рождения второго или последующего ребёнка раньше, чем планировали [6]. Таким образом, материнский капитал работает как ещё одна мера социального обеспечения, но не как инструмент повышения рождаемости.

Другие исследователи утверждают, что материнский капитал стимулирует семьи на рождение детей и, благодаря этой мере поддержки, рождаемость в последние годы росла. Согласно статистическим опросам более 20 % респондентов отмечают, что на принятие их решения о рождении ребёнка существенно повлияла возможность использования материнского (регионального) капитала [7]. Кроме того, в исследованиях отмечается, что даже в условиях сокращения доли женщин фертильного возраста, введение региональных материнских капиталов в стране позволило несколько продлить позитивный тренд рождаемости, повысить репродуктивные установки населения и, что не маловажно, реализовать отложенные старшими поколениями рождения детей [8].

Согласно другим исследованиям материнский капитал продемонстрировал высокую эффективность, так как примерно 6 % семей России, участвовавших в опросе Росстата, отметили, что решение рожать ещё одного ребёнка приняли с учётом будущей выплаты пособия [9]. В числовом выражении это около 1,8 млн новорожденных, что, по мнению исследователей, соответствует суммарному прибавлению рождаемости с 2006 года.

Существует небесспорная точка зрения о выравнивающем эффекте материнского капитала [10]: сокращение разницы между рождаемостью в южных регионах (традиционно многодетных) и в северных (малодетных) регионах России.

В большинстве своём, та часть исследователей, которая положительно относится к внедрению материнского капитала, сходится во мнении, что эта мера поддержки является своевременной, инновационной, позволяющей решать не только демографическую проблему общества, но и наиболее острые проблемы семей (в части направлений расходования средств материнского капитала) [11].

Руководители РФ однозначно одобряют действие Федерального материнского (семейного) капитала. Так, например, в своём послании Федеральному Собранию

в марте 2018 г. Президент России В. В. Путин отметил, что материнский капитал эффективен: «Наша демографическая политика доказала свою результативность. И мы продолжили, расширили ее. Продлили программу материнского капитала, предусмотрели адресные выплаты при рождении первенца, второго и третьего ребенка»[12] – сказал Президент.

В апреле 2015 г. Председатель Правительства Дмитрий Анатольевич Медведев подчеркнул, что «материнский капитал реально изменил демографическую ситуацию в стране»[13], значит, с точки зрения государства материнский капитал играет значительную роль в решении семьи завести ещё одного ребёнка.

В марте 2018 г. главный детский омбудсмен России Анна Кузнецова заявила: Программа материнского капитала доказала свою эффективность и будет не только продлена до 2021 г. но и подвергнется совершенствованию[14].

В Свердловской области представители органов власти тоже однозначно одобряют материнский капитал и другие меры поддержки семей. Председатель Законодательного Собрания Свердловской области Людмила Бабушкина в феврале 2018 года отметила, что за последние 7 лет в 2010 года в регионе число многодетных семей выросло в 2,6 раза, т.е. с 20 до 53 тысяч. В этих семьях воспитываются 175 702 ребёнка, и это результат комплекса государственных мер поддержки семей [15].

Вячеслав Погудин, председатель комитета по социальной политике Законодательного Собрания Свердловской области, в январе 2018 года в интервью отметил, что материнский капитал, как и другие меры поддержки, дают семьям уверенность, и это положительно влияет на решение родить ребёнка. Благодаря этим мерам поддержки динамика рождаемости в последние годы была положительной [16].

У областной меры поддержки материнства сумма в разы меньше аналогичного пособия по федеральной

программе, а направлений использования больше. Придает ли это большую эффективность областному материнскому капиталу?

Обратимся к анализу статистических данных (таблица 1).

Согласно представленной таблице, можно сделать вывод о том, что федеральный материнский капитал более востребован среди молодых семей, так как распорядились им 58 % таковых, против 43 % семей, имевших право на получение областного материнского капитала. Скорее всего, это вызвано большой разницей в размере двух видов помощи семьям: федеральный материнский капитал в 3,4 раза больше областного (по состоянию на 1 января 2018 года материнский капитал в Российской Федерации составляет 453 026 рублей[19], а материнский капитал Свердловской области составляет 131 461 рубль[20]).

Невысокий процент, распорядившихся средствами материнских капиталов обоих видов, можно объяснить еще и тем, что получить на руки сертификат на материнский капитал можно сразу после рождения ребёнка; потратить же его по одному из направлений, допускается только после достижения ребёнком трёхлетнего возраста. Поэтому можно предположить, что примерно половина родителей находится в ожидании нужного трёхлетнего срока или в пока не определились, какое направление расходования средств выбрать. *Снятие подобного ограничения, на наш взгляд, позволит практически удвоить число распорядившихся средствами материнского капитала.*

Самым популярным видом расходования материнского капитала в исследуемый период является направление материнского капитала на улучшение жилищных условий.

Это свидетельствует не только о сложности жилищной проблемы для молодых семей, но и о неэффективности жилищной ипотеки. Рост доступности

Таблица 1. Сравнительный анализ выдачи государственных и региональных сертификатов материнского капитала в Свердловской области за 2007–2017 гг. [17, 18]

Направления расходования материнского капитала	Программа государственных сертификатов на материнский капитал (с 2007 года)	Программа областного материнского (семейного) капитала (с 2012 года)
Всего выдано (нарастающим эффектом)	216 тыс.	51,381 тыс.
Распорядились (распоряжаются) средствами в том числе:	154,3 тыс. (58 %)	22,4 тыс. (43 %)
на улучшение жилищных условий	89,5 %	70,9 %
на оплату образовательных услуг	10,5 %	11,7 %
на оплату платных медицинских услуг	–	4,8 %
на приобретение садовых, огородных, дачных земельных участков	–	12,6 %

Таблица 2. Динамика рождаемости в Свердловской области в 2007–2017 гг. [12]

	2007– 2011 гг.	2012– 2017 гг.	2007– 2017 гг.
Количество новорожденных	265956	351043	616999
Кол-во родивших матерей (по талонам с 2007 г.), всего	263434	346625	610059
в том числе			
1-го ребенка	139658	143855	283513
2-го ребенка	94013	141159	235172
3-го ребенка	22160	45210	67370
Более	7603	16401	24004

этого важного инструмента регулирования социальной политики позволил бы приумножить позитивное воздействие материнского капитала.

Относительно невелика доля тех семей, которые тратят материнский капитал на оплату образовательных услуг. Изменение ситуации возможно при планомерном рекламировании подобной услуги в средствах массовой информации, что позволило бы существенно пополнить ряды студенчества.

Очевидно и другое: при появлении альтернативных вариантов (как это иллюстрирует пример с областным МСК), часть семей предпочитает направить деньги на другие нужды – оплата платных медицинских услуг, приобретение садовых, огородных, дачных земельных участков – вместо улучшения жилищных условий.

С учетом состояния здоровья детей, явно недостаточным следует считать долю семей, решивших направить деньги на оплату медицинских услуг за пределами гарантированного бюджетного стандарта. Между тем, проблему качественных обследований частично можно было бы решить за счет программы областного материнского (семейного) капитала.

Кроме перечисленных популярных направлений есть и другие (их список год от года расширяется, но особой популярности они не получают): так например, за всё время действия программы материнского (семейного) капитала (МСК) в Свердловской области, правом распорядиться сертификатом на приобретение товаров и услуг для детей инвалидов воспользовалась всего одна семья [18] – это менее 0,01 % от числа всех граждан области распорядившихся средствами.

Анализ статических данных показывает: число выданных сертификатов на федеральный материнский капитал в Свердловской области в 4,2 раза больше, чем сертификатов на областной материнский капитал (216 000 и 51 381 сертификатов соответственно), соот-

ветственно, и вторых детей в семьях родилось в четыре раза больше, чем третьих. Казалось бы, можно утверждать, что стимул родить третьего ребёнка у жителей Свердловской области в четыре раза меньше, чем второго. Однако мы не утверждаем, что это соотношение обусловлено только из-за размером материнского капитала – безусловно, есть и другие факторы, влияющие на рождение в семье вторых, третьих и последующих детей).

Интересно также сравнить количество выданных сертификатов с показателями рождаемости в Свердловской области за 2007–2017 гг.

Сравнив данные таблиц 1 и 2, видно, что количество выданных сертификатов отличается от суммарного количества матерей, родивших второго ребёнка (за которых родители должны были получить федеральный материнский капитал), третьего ребёнка (за которых родители должны были получить региональный материнский капитал) и последующих детей.

Данные таблиц свидетельствуют: за 2007–2017 гг. выдано 216 тысяч федеральных сертификатов на материнский капитал, а родилось около 235 тысяч вторых детей (на 8,8 % больше). Другая ситуация и с региональным материнским капиталом: выдано за 2012–2017 гг. 51 тысяча сертификатов, а третьих детей родилось около 45 тысяч (на 11,8 % меньше). Эта разница в показателях может объясняться тем, что, во-первых, сертификаты можно получить как за второго, так и за последующего ребёнка, если ранее сертификат не был оформлен. Таким образом, сумма сертификатов должна превысить сумму женщин, рожавших третьего ребёнка, что и произошло с региональным материнским капиталом. Во-вторых, нельзя отвергать и вероятность того, что семьи могут отказаться от получения сертификата на материнский капитал по разным причинам. Вероятно, этим и объясняется ситуация в разнице, родивших второго ребёнка, и получивших федеральный материнский капитал.

В данном случае интересно изучить динамику рождаемости вторых и третьих детей в сравнении с 2007 и 2012 гг. и соответственно, когда были только введены федеральный и областной материнские капиталы.

Из таблицы можно увидеть, что действительно по сравнению с 2007 годом к концу 2017 года наблюдается увеличение на 36,2 % числа матерей, родивших второго ребёнка (15 192 – в 2007 году, 20 685 – в 2017 году). Также наблюдается увеличение по сравнению с 2012 годом числа матерей, родивших третьего ребёнка – рост 29,4 % (6 321 – в 2012 году, 8 181 – в 2017 году) ребёнка. Вместе с тем, *общее количество новорожденных в области за период 2007–2018 гг. увеличилось всего на 8,6 %* (с 47 504 младенцев в 2007 году до 51 581 младенца в 2017 году), а по сравнению с 2012 годом вообще упало на 14,7 %. К сожалению, мы не можем утверждать, что эти изменения

Таблица 3. Динамика количества родивших матерей по очередности рождений детей в Свердловской области в 2006–2017 гг. [21]

	Год											
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество новорожденных	42557	47504	51726	54249	55549	56928	60455	60615	60728	59911	57753	51581
Кол-во родивших матерей (по талонам с 2007 г.), всего	42254	47131	51259	53724	54998	56322	59786	59905	60007	59039	57002	50886
в том числе												
1-го ребенка	н/д	27523	28363	28781	27644	27347	28132	26584	25487	23435	21451	18766
2-го ребенка	н/д	15192	17435	18959	20725	21702	23189	23814	24192	24983	24296	20685
3-го ребенка	н/д	3258	4042	4383	5024	5453	6321	7150	7614	7720	8224	8181
Более	н/д	1158	1419	1601	1605	1820	2144	2357	2714	2901	3031	3254

связаны исключительно с действием федеральной и областной программ материнского капитала.

Кроме того по сравнению с началом анализируемого периода рожать вторых детей стали больше, а первых детей, наоборот, меньше: в 2007 г. вторых детей родилось на 12 331 ребёнка меньше чем первых (почти в два раза), а в 2017 г. – родивших второго ребёнка на 1 919 детей больше, чем первого.

Оценивая показатели максимальной рождаемости по годам, стоит отметить, что максимальное число рождений вторых детей было зафиксировано в 2015 г. – 24983 матери, родивших второго ребёнка, и после этого показатель стал снижаться. Максимальное число рождений третьих детей было зафиксировано в 2016 г. – 8224 матери, родивших третьего ребёнка (это почти в 3 раза меньше, чем родивших второго ребёнка в этом же году). Более трёх детей в семьях Свердловской области рожают с каждым годом всё чаще: за весь исследуемый период этот показатель рос и к 2017 г. достиг максимального значения – 3254 рождений. И хотя эта цифра в 2,5 раза меньше по сравнению с рожденьями третьих детей за этот же год, но по отношению к 2007 г. этот показатель вырос на 181 % – это самый большой прирост среди всех групп за исследуемый период.

Из таблицы №3 видно, что в последние годы происходит смещение акцента на рождение в семьях как можно большего количества детей – это подтверждает растущая динамика рождений вторых и последующих детей и падающие с 2012 г. показатели рождения первых детей. Так же это может объясняться тем, что первые дети сейчас рождает малочисленное поколение 1990-х, а вот следующих детей в основном продолжают рождать представители поколения 1980-х, родившиеся во время «демографического бума».

Сравнивая показатели рождаемости Свердловской области с показателями рождаемости Россий-

ской Федерации, отметим, что наблюдаемые тенденции во многом сходны: в масштабах страны по сравнению с 2007 г. к концу 2017 г. также наблюдается увеличение на 34,2 % числа матерей, родивших второго ребёнка (по Свердловской области на 36,2 %), общее количество новорожденных с 2007 увеличилось всего на 5,8 % (в области на 8,6 %), максимальное число рождений детей разной очередности зафиксировано в одни и те же годы, максимальное количество новорожденных зафиксировано в России и в области в смежные годы (в 2015 и в 2014 соответственно). Таким образом, динамика рождаемости в Свердловской области повторяет общероссийские тенденции, инструменты стимулирования рождаемости, как областные, так и федеральные, действуют в нормальном режиме.

Для совершенствования использования материнского капитала для создания условий, обеспечивающих семьям с двумя и более детьми достойную жизнь, органам государственной власти необходимо, прежде всего, провести масштабное аналитическое исследование эффективности воздействия материнского капитала на ход демографической политики.

Для этого:

1. Проведение в каждом регионе научно-практической конференции по указанной тематике.
2. Выявление усредненного коэффициента (доли) реального воздействия материнского капитала в общем приросте населения.
3. Установление региональной и муниципальной специфики применения материнского капитала.

Наш анализ реализации использования материнского капитала в Свердловской области на протяжении длительного периода (2007–2017 гг.) показывает, что при всей положительности проведенного опыта, дальнейшее его совершенствование требует:

1. Рассмотрение роли материнского капитала в общем контексте инструментов регулирования семейной политики (областные целевые программы по улучшению положения детей, женщин и семьи, в том числе Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года, Подпрограмма «Обеспечение жильём молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище», Комплексная программа «Старшее поколение» 2014–2018; выплата пособий и компенсаций, предоставление льгот различным категориям семей, жильё, предоставляемое по договору социального найма, сеть учреждений социального обслуживания семьи и детей, областные мероприятия в поддержку семьи и детей, знак отличия Свердловской области «Материнская доблесть» и другие).

2. Превращение материнского капитала из временного в постоянный инструмент регулирования семейной политики.

3. Введение доступного и обязательного дошкольного образования для детей от года до трех лет, позволившего бы матерям не прерывать работу при рождении ребенка.

4. Оптимизация условий предоставления жилищной ипотеки для молодых семей.

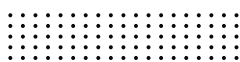
5. Распространение в широких масштабах строительства жилья, предоставляемого по договору социального найма.

6. Доведение размера адресных выплат до 1,5 лет и на ребенка 1,5–3-х лет до величины прожиточного минимума для семей, где среднедушевой доход не выше 250 % прожиточного минимума (ныне 150 % прожиточного минимума на местном уровне).

7. Заметим, однако, что все ныне действующие и предлагаемые меры относятся к категории мер социальной защиты, гарантирующей гражданину социальную защищенность в рамках минимальных социальных стандартов. Выход на уровень обеспечения семьям с двумя и более детьми стандарта «достойная жизнь» требует либо подключения института социального страхования, либо принятия принципиально новой стратегии развития семейной политики. Но это уже тема отдельной статьи.

Литература:

1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 № 256-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Послание Президента Федеральному Собранию 2006 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/ (дата обращения 28.03.2017)
3. Об областном материнском (семейном) капитале: Закон Свердловской области от 20 октября 2011 г. № 86-ОЗ (в ред. от 26 апреля 2016 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Суммарный коэффициент рождаемости. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx (дата обращения 28.03.2017)
5. Слонимчик Ф., Юрко А. Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-politiki-materinskogo-kapitala-v-rossii> (дата обращения 28.03.2017)
6. Терентьев И., Волкова О. Рожают не больше, а быстрее. Электронный ресурс: <https://www.rbc.ru/society/30/04/2015/56bce2189a7947299f72c060> (дата обращения 28.03.2017)
7. Архангельский В. Н., Джанаева Н. Г. Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политики // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 73–82
8. Попова Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44)
9. Якименко М. В., Вострухина Д. Ю. Материнский капитал как инструмент социально ориентированной политики государства // Экономические исследования. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinskiy-kapital-kak-instrument-sotsialno-orientirovannoy-politiki-gosudarstva> (дата обращения 28.03.2017)
10. Куликова Н. А., Березина В. Ю. Материнский капитал как мера стабилизации демографической ситуации в России // Социальное и пенсионное право. 2012. № 2. С. 12.
11. Хайруллина Ю. Р., Жигитова Т. В., Хайруллин Р. Р. Материнский капитал. Инвестиции в будущее или социальное пособие // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 270–274
12. Послание Президента Федеральному Собранию 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 28.03.2017)
13. Замахина Т., Кузьмин В. Реальность без иллюзий // Российская газета. 2015. № 6656 (85).
14. Лебедева Н. Сертификат доверия. // Российская газета. 15 марта 2018. С. 6.
15. Мурашова Е. В России появится единый закон для поддержки многодетных семей // Областная газета. 2018. № 28.

Фельдман М. А., Зуева А. В.

16. Абрамова Е. Нюансы господдержки материнства // Областная газета. 2018. № 15.
17. В 2017 году в Свердловской области выдано более 23 тыс. сертификатов на материнский капитал // Пенсионный фонд России – отделение по Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/sverdlovsk/news~2018/01/23/151516> (дата обращения 28.03.2017)
18. Об исполнении закона Свердловской области «Об областном материнском (семейном) капитале»: постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 14 ноября 2017 г. № 884-ПЗС. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
19. Материнский капитал 2018 – что нового? [Электронный ресурс]. URL: <http://materinskij-kapital.ru/v-2018-godu/> (дата обращения 28.03.2017)
20. Увеличение размера областного материнского капитала [Электронный ресурс]. URL: <https://msp.midural.ru/download/13369/> (дата обращения: 28.03.2017)
21. Поисково-мониторинговая система Фонда социального страхования Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://fz122.fss.ru> (дата обращения: 23.03.2017)
7. Arkhangel'skii V. N., Dzhanaeva N. G.. Regional features of birth rate dynamics and demographic policy // Living standards of the population of Russian regions. 2014. № 1 (191). P. 73–82
8. Popova L. A. Modern Russian demographic policy in the field of fertility: results and directions of improvement // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. № 2 (44)
9. Yakimenko M. V., Vostrukhina D. Yu. Maternal capital as an instrument of socially oriented state policy // Economic research. 2015. [e-resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinskiy-kapital-kak-instrument-sotsialno-orientirovannoy-politiki-gosudarstva> (date of reference 28.03.2017)
10. Kulikova N. A., Berezina V. Yu. Maternal capital as a measure of stabilization of the demographic situation in Russia // Social and pension law. 2012. № 2. P. 12.
11. Khairullina Yu. R., Zhigitova T. V., Khairullin R. R. Maternal capital. Investments in the future or social benefits // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2015. № 3. P. 270–274.
12. Message of the President to the Federal Assembly in 2018. [e-resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (date of reference 28.03.2017)
13. Zamahina T., Kuzmin V. Reality without illusions // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 6, 656 (85).
14. Lebedeva N. Certificate of trust. // Russian newspaper. 15 March, 2018. P. 6.
15. Murashova E. Russia will have a single law to support large families // Regional newspaper. 2018. № 28.
16. Abramova E. Nuances of state support of motherhood // Regional newspaper. 2018. № 15.
17. In 2017, more than 23 thousand certificates for maternity capital were issued in the Sverdlovsk region // The Pension Fund of Russia is a branch of the Sverdlovsk Region. [e-resource]. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/sverdlovsk/news~2018/01/23/151516> (date of reference 28.03.2017)
18. On the implementation of the law of the Sverdlovsk region “On the regional mother (family) capital”: Resolution of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk region of 14 November 2017 № 884-CCD. In this form the document was not published. Access from the ref.-legal system “ConsultantPlus”
19. Maternity capital 2018 – what’s new? [e-resource]. URL: <http://materinskij-kapital.ru/v-2018-godu/> (date of reference 28.03.2017)
20. Increasing the size of the regional maternity capital. [e-resource]. URL: <https://msp.midural.ru/download/13369/> (date of reference 28.03.2017)
21. Search and monitoring system of the Social Insurance Fund of the Russian Federation. [e-resource]. URL: <http://fz122.fss.ru> (date of reference 28.03.2017)
1. On additional measures of state support for families with children: Federal Law № 256-FL of 29 of December 2006 (as amended on 7 March 2018). In this form the document was not published. Access from the ref.-legal system “ConsultantPlus”.
2. Message of the President to the Federal Assembly in 2006. [e-resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/ (date of reference 28.03.2017)
3. On the regional maternity (family) capital: Law of the Sverdlovsk region of 20 October 2011 № 86-OL (as amended on 26 April 2016). In this form the document was not published. Access from the ref.-legal system “ConsultantPlus”
4. Total fertility rate. [e-resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx (date of reference 28.03.2017)
5. Slonimchik F., Yurko A. Evaluation of the impact of the policy of the maternal capital in Russia // Demographic Review. 2015. [e-resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-politiki-materinskogo-okapitala-v-rossii> (date of reference 28.03.2017)
6. Terentyev I., Volkova O. Give birth no more, but faster. [e-resource] URL: <https://www.rbc.ru/society/30/04/2015/56bce2189a7947299f72c060> (date of reference 28.03.2017)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПРИНЦИПАХ «УМНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ»

Репичев А. И.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Среднерусский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д. 5А, repichev@bk.ru

Тугачева Л. В.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Среднерусский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д. 5А, tugacheva.lv@yandex.ru

Воробьева А. В.

Магистрант, Среднерусский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д. 5А, vorobyova.nastya1@mail.ru

Авдеева Д. А.

Магистрант, Среднерусский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д. 5А, d.awdeewa@yandex.ru

УДК 338.24(1-3)
ББК 65.050.22(2Рос-11)

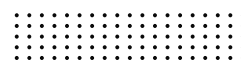
Цель. Заключается в проведении анализа существующих методологических подходов к разработке региональных инновационных стратегий и выбору приоритетов инновационного развития субъектов ЦФО России.

Методы. В исследовании используются методы количественного и качественного анализа.

Результаты и практическая значимость. Проанализированы факторы качества инновационной политики регионов ЦФО России, выявлены недостатки в формировании региональных стратегий инновационного развития. Практическая значимость результатов исследований связана с возможностью их использования при разработке стратегий инновационного развития органами регионального и муниципального управления.

Научная новизна. Предложены рекомендации по совершенствованию процессов формирования региональных инновационных стратегий с учетом принципов концепции «умной специализации» и обоснована необходимость формирования карты уникальных инновационных компетенций регионов.

Ключевые слова: региональная инновационная стратегия, инновационный приоритет, концепция «умной специализации», карта компетенций регионов.

Репичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.

OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL INNOVATION STRATEGIES BASED ON THE PRINCIPLES OF «SMART SPECIALIZATION»

Repichev A. I.

Candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of management and public administration, Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 302028, Russia, Orel, b. Pobedy, 5A, repichev@bk.ru

Tugachev L. V.

Candidate of economic sciences, associate professor of the department of management and public administration, Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 302028, Russia, Orel, b. Pobedy, 5A, tugacheva.lv@yandex.ru

Vorobyeva A. V.

Master, Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 302028, Russia, Orel, b. Pobedy, 5A, vorobyova.nastya1@mail.ru

Avdeeva D. A.

Master, Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 302028, Russia, Orel, b. Pobedy, 5A, d.awdeewa@yandex.ru

Purpose. It consists in the analysis of existing methodological approaches to the development of regional innovation strategies and the choice of priorities for innovative development of the subjects of the Central Federal district.

Methods. The scientific research uses methods of quantitative and qualitative analysis.

Results and practical importance. Factors of quality of innovative policy of regions of Central Federal district are analyzed, shortcomings in formation of regional strategies of innovative development are revealed. The practical importance of the research results is related to the possibility of their use in the development of strategies for innovative development of regional and municipal authorities.

Scientific novelty. Recommendations on improvement of processes of formation of regional innovative strategies taking into account the principles of the concept of «smart specialization» are offered and necessity of formation of the map of unique innovative competences of regions is proved.

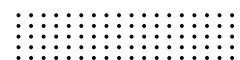
Key words: regional innovation strategy, innovative priority, concept of «smart specialization», competency map of regions.

В современных условиях радикального изменения технологий важность национальных инновационных экономических систем резко возрастает. Инновации по своей сути сосредоточены на конкретной территории, обладающей своими уникальными особенностями и сравнительными преимуществами. В этой связи уровень инновационного развития страны во многом определяется уровнем развития инновационной деятельности на региональном и местном уровнях. В ближайшем будущем ключевым фактором конкурентоспособности будет являться способность той или иной экономики реализовывать инновации. Поэтому переход к экономической модели, ориентированной на инновации и услуги, является ответом на глобальные вызовы. Безусловно, инновационную экономическую систему страны необходимо строить на

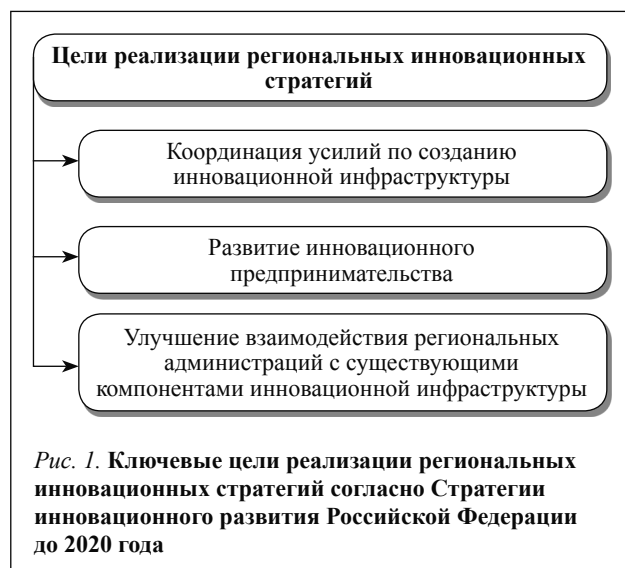
основе формирования региональных инновационных экономических систем.

Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года (далее Стратегия) в регионах России должны быть разработаны соответствующие региональные стратегии инновационного развития или разделы по стимулированию инноваций в региональных стратегиях социально-экономического развития с учетом особенностей регионов [1]. Ключевые цели реализации региональных инновационных стратегий согласно Стратегии представлены на рис. 1.

Однако, анализ факторов качества инновационной политики регионов ЦФО России, представленный в таблице 1 [2], позволяет сделать вывод о том, что не все исследуемые регионы имеют утвержденные стратегии (концепции) инновационного развития или про-

Репичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.

фильный раздел в региональной стратегии социально-экономического развития. В частности, в настоящее время в Орловской области отсутствует единая действующая программа (стратегия) инновационного развития.

Государственная поддержка инновационной деятельности осуществляется путем реализации соответствующих мероприятий в рамках государственных программ Орловской области в различных сферах социально-экономического развития региона (промышленность, сельское хозяйство, наука и образование, а также развитие малого и среднего предпринимательства) [3. с. 247–249].

Следствием отсутствия стратегического инновационного планирования в регионе является, в том числе, один из самых низких рейтингов инновационного развития среди субъектов ЦФО России [2].

Следует отметить, что в Стратегии «принципиальным является вовлечение всех субъектов Российской

Таблица 1. Анализ факторов качества инновационной политики регионов ЦФО России

Регион	Факторы качества инновационной политики регионов ЦФО России				Рейтинг инновационного развития региона
	Наличие стратегии (концепции) инновационного развития или профильного раздела в стратегии развития региона	Наличие выделенных зон приоритетного развития инновационной деятельности	Наличие специализированного законодательного акта в области инноваций	Наличие комплекса мер государственной поддержки развития инноваций	
Белгородская область	+	+	+	+	0,395
Брянская область	+	-	+	+	0,298
Владимирская область	+	-	+	-	0,348
Воронежская область	+	-	+	+	0,400
Ивановская область	+	-	+	-	0,288
Калужская область	+	+	+	+	0,481
Костромская область	-	-	+	-	0,216
Курская область	+	+	+	-	0,377
Липецкая область	+	+	+	+	0,426
Московская область	+	+	+	-	0,414
Орловская область	-	-	+	-	0,288
Рязанская область	-	-	+	+	0,325
Смоленская область	-	-	+	-	0,327
Тамбовская область	+	+	+	+	0,377
Тверская область	-	+	+	+	0,371
Тульская область	-	-	+	+	0,336
Ярославская область	-	-	-	+	0,396
г. Москва	-	+	+	+	0,553

Репичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.

Таблица 2. Анализ методологических подходов к разработке стратегий регионального инновационного развития, применяемых в субъектах ЦФО России с низким рейтингом инновационного развития (составлено авторами)

Регион	Наименование стратегического документа	Методологические подходы
Белгородская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года.	Комплексная количественно-качественная оценка, включающая системный анализ потенциалов и результативность их использования с позиции производства добавленной стоимости, а также критериев оптимальности региональной социально-экономической системы.
Брянская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Брянской области до 2025 года.	SWOT-анализ. Сценарный анализ. Оценка и учет глобальных научно-технологических трендов.
Владимирская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года	SWOT-анализ. Сценарный анализ. Оценка глобальных научно-технологических трендов. Выявление перспектив развития промышленных отраслей региона на основе многокритериальной оценки.
Ивановская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2020 года.	Экспертный метод. Комплексная оценка природно-рекреационного потенциала, сформировавшихся тенденций развития экономики и социальной сферы с учетом состояния и тенденций развития экономики РФ.
Курская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Курской области до 2020 года.	Оценка возможных рисков и ресурсного потенциала области.
Тамбовская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года.	Форсайт-исследование – «Научно-техническая политика Тамбовской области и качество жизни». SWOT-анализ кластерного потенциала.

Федерации с учетом степени развития научно-образовательного комплекса и инновационного предпринимательства в формировании базовой инфраструктуры для развития инновационного предпринимательства» [1].

При этом некоторые регионы России в настоящее время демонстрируют существенный прогресс в формировании благоприятных условий для инновационного бизнеса и развитии различных инструментов поддержки инноваций в рамках сформированных стратегических документов. Так, в ходе настоящего исследования установлено, что Тамбовская область сегодня является одним из регионов Российской Федерации, который осуществляет форсайт-исследование «Научно-техническая политика Тамбовской области и качество жизни». Целью исследования является разработка перспективных сценариев развития реального сектора экономики на основе оценки текущего состояния критических технологий Тамбовской области и формирование согласованных приоритетов научно-технической политики [4, с. 78]. Результаты данного форсайт-исследования положены в основу Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2035 года, ключевым разделом которой является создание инновационной экономической системы в регионе.

Отсутствие в большинстве субъектов ЦФО России стратегических документов в области инновационного развития, а также сохраняющийся низкий уровень инновационного развития страны в целом по сравнению

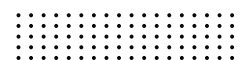
с показателями стран-лидеров в этой сфере определяют необходимость корректировки систем управления инновациями на региональном уровне в части формирования соответствующих стратегий [5 с. 153, 6, с. 33–34]. В этой связи в рамках настоящего исследования проведен качественный анализ методологических подходов к разработке стратегий регионального инновационного развития, применяемых в субъектах ЦФО России.

Целью данного анализа является формирование комплексного представления о принципах формирования стратегических документов и особенностях выбора приоритетов инновационного развития в регионах. В таблице 2 представлены регионы ЦФО, имеющие значение рейтинга инновационного развития менее 0,4.

Методические подходы к разработке стратегий, применяемые в выборке регионов с рейтингом инновационного развития 0,4 и выше отражены в таблице 3.

Анализ методологических подходов к разработке стратегий инновационного развития регионов ЦФО России позволяет сделать вывод, что вне зависимости от рейтинга инновационного развития всем регионам присущ ряд принципиальных особенностей стратегического планирования:

- все региональные стратегии разработаны в соответствии с положениями *Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года*;

Репичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.

Таблица 3. Анализ методологических подходов к разработке стратегий регионального инновационного развития, применяемых в субъектах ЦФО России с рейтингом инновационного развития более 0,4 (составлено авторами)

Регион	Наименование стратегического документа	Методологические подходы
Воронежская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Воронежской области до 2020 года. Концепции инновационной политики Воронежской области на 2016–2020 годы.	Проблемно-ориентированный подход. Экспертный метод. Стратегический анализ региональной экономики.
Калужская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года.	Комплексная оценка существующих условий и прогноза развития ситуации на долгосрочный период. Отраслевой анализ. Кластерный анализ. Оценка конкурентоспособности области. Сценарный анализ. Проведение экспертных интервью.
Липецкая область	Государственная программа Липецкой области «Модернизация и инновационное развитие экономики Липецкой области»	Оценка текущего состояния. Причинно-следственный анализ. Анализ социальных, финансово-экономических и прочих рисков в сфере модернизации и инновационного развития экономики области
Московская область	Раздел стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года (проект).	Массовые опросы населения и бизнеса, Составление балансов спроса и предложения на основных товарных рынках. Разработанная модель общего экономического равновесия.

Таблица 4. Перечень выбранных приоритетов инновационного развития регионов ЦФО России

Регион	Выбранные приоритеты инновационного развития
Белгородская область	Инновационный вектор горнодобывающей и металлургической отраслей, агропромышленного комплекса, транспортно-логистической инфраструктуры, дополнительных энергетических мощностей, сектора услуг и сервисных отраслей.
Брянская область	Промышленность, информационные технологии, биотехнологии.
Владимирская область	Машиностроение, фармацевтика, биоэнергетика, агропромышленный комплекс, туризм, транспорт, химическая и стекольная промышленность, информационно-коммуникационные технологии.
Воронежская область	Нанотехнологии; ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии; новые технологии переработки отходов, очистки воды; биотехнологии; сельскохозяйственные технологии; доступное жилье, строительные технологии и жилищно-коммунальное хозяйство; электронные технологии и робототехника; транспортные технологии и дорожное строительство; машиностроение; технологии авиационной и космической промышленности; информационные технологии.
Ивановская область	Активизация инновационной деятельности в традиционных для региона отраслях промышленности (текстильной и швейной, машиностроении), а также в научно-образовательном комплексе, агропромышленном комплексе, строительной индустрии, химической и металлургической промышленности.
Калужская область	Производство новых материалов, биотехнологии и фармацевтика, ядерные технологии и радиомедицина, информационные технологии.
Курская область	Электроэнергетика и черная металлургия, высокотехнологичные обрабатывающие производства, агропромышленный комплекс.
Липецкая область	Производство машин и оборудования (в том числе станков и спецтехники, подъемного и гидравлического оборудования, роботов), микроэлектроника и приборостроение.
Московская область	Биомедицина и биофармацевтика; новые технологии в строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве; новая промышленность; аэрокосмические технологии; энергетическое машиностроение, в том числе атомное.
Тамбовская область	Технологии воспроизводства плодородия и предотвращения деградации почв. Технологии производства новых продуктов и ингредиентов функционального назначения из растительного сырья. Технологии облачных вычислений и облачных хранилищ данных. Технологии 3D-печати и аддитивного производства. Технологии создания инфраструктуры для умных городов. Технологии повышения прочности, надежности и долговечности машин и конструкций и др.

Репичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.

Таблица 5. Перечень сильных и слабых сторон в стратегическом инновационном планировании на региональном уровне

Сильные стороны	Слабые стороны
Учет результатов прогнозов научно-технологического развития при выборе региональных приоритетов	Фокус на престижных отраслевых и научных направлениях, на существующих, а не возникающих и быстрорастущих индустриях
Использование экспертных методов с привлечением заинтересованных представителей науки, бизнеса и власти	Слабое межведомственное и межрегиональное взаимодействие при разработке региональных инновационных стратегий
Соответствие положениям <i>Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года</i>	Недостаток внешней экспертизы стратегических документов
Наличие достаточно разнообразных методологических подходов к формированию региональных стратегий	Ориентация на высокотехнологичные отрасли, в ущерб инновационной деятельности в низкотехнологичных отраслях
Ориентация на наращивание возможностей региона создавать инновации в любой форме	Недостаток учета глобальных технологических тенденций

- основным методологическим подходом к формированию положений региональных стратегий является комплексный количественно-качественный анализ социально-экономического развития территории;

- региональная стратегия развития обычно предполагает проведение SWOT-анализа региональных компетенций, связанных с инновационной деятельностью;

- в большинстве случаев выбор приоритетных направлений регионального развития определяется исключительно в традиционных для региона отраслях без учета глобальных тенденций общественного развития (таблица 4);

- несмотря на то, что любая региональная стратегия инновационной деятельности требует периодических обновлений, в большинстве анализируемых регионов стратегические документы не корректировались с момента формирования.

Результатом проведенного сравнительного анализа методологических подходов к разработке стратегий инновационного развития явилось выявление сильных и слабых сторон в стратегическом инновационном планировании на региональном уровне (табл. 5).

Таким образом, в сложившихся условиях актуальным является поиск новых методологических подходов к формированию региональных стратегий инновационного развития. Стратегическим подходом к инновационному экономическому развитию может стать «умная специализация», предложенная европейскими учеными как ответ на вызов дублирования компетенций и фрагментации средств поддержки инноваций в ЕС [7. с. 390; 8. с. 79; 9. с. 72].

Стратегия «умной специализации» является перспективным логическим продолжением кластерного подхода к управлению развитием экономики в целом и на региональном уровне, получившего широкое развитие в настоящее время [10. с. 40; 11. с. 226].

Концепция формирования региональных инновационных стратегий на принципах «умной специализации» (на основе европейского опыта) представлена на рис. 2.

Концепция «умной специализации» помогает регионам совершенствовать свои инновационные стратегии, исходя из преимуществ многоуровневого управления. При этом такие стратегии должны быть строго индивидуальными, учитывающими специфическую экосистему науки и инноваций конкретного региона. Суть такого подхода состоит в формировании региональной стратегии на основе преимуществ и потенциала отдельной территории.

Предлагаемый концептуальный подход к выбору стратегических приоритетов регионального инновационного развития в России представлен на рис. 3.

В результате реализации предлагаемого концептуального подхода региональная инновационная стратегия должна стать действенным инструментом, а не очередным формальным документом. При этом приоритет инновационного развития должен быть у всех регионов, а не только у регионов – инновационных лидеров. За счет фокусирования на уникальных компетенциях и ресурсах региона, а также учета различных траекторий его развития политика «умной специализации» приводит в масштабе страны к дифференциации региональных инновационных стратегий и, как следствие, к большему их разнообразию [12, с. 20–22]. Согласно концепции «умной специализации» любой регион может идти по пути инноваций, только данный путь у каждого региона будет специфичным в зависимости от имеющихся условий и потенциала развития. В результате регион концентрируется либо на традиционных для него отраслях либо выбирает путь формирования новых высокотехнологичных секторов экономики. Кроме того, большое внимание должно быть уделено межрегиональ-

ному сотрудничеству. В этой связи, важнейшим инструментом обеспечения инновационного развития должна стать карта уникальных компетенций регионов.

Следует отметить, что в настоящий момент в России разработан открытый портал об инновациях – <http://innovation.gov.ru>, где размещена Карта инновационной России. Однако на ней размещены лишь регионы и объекты их инновационной инфраструктуры, что не позволяет в полной мере оценить потенциальные воз-

можности для сотрудничества и зачастую тормозит межрегиональное взаимодействие. Карта уникальных компетенций регионов предполагает раскрытие информации о выбранных приоритетах развития конкретного региона на основе реализации концепции «умной специализации» и предложения по сотрудничеству. Такой инструмент делает процесс поиска потенциальных партнеров более прозрачным и понятным и будет способствовать росту количества межрегиональных инновационных кластеров.

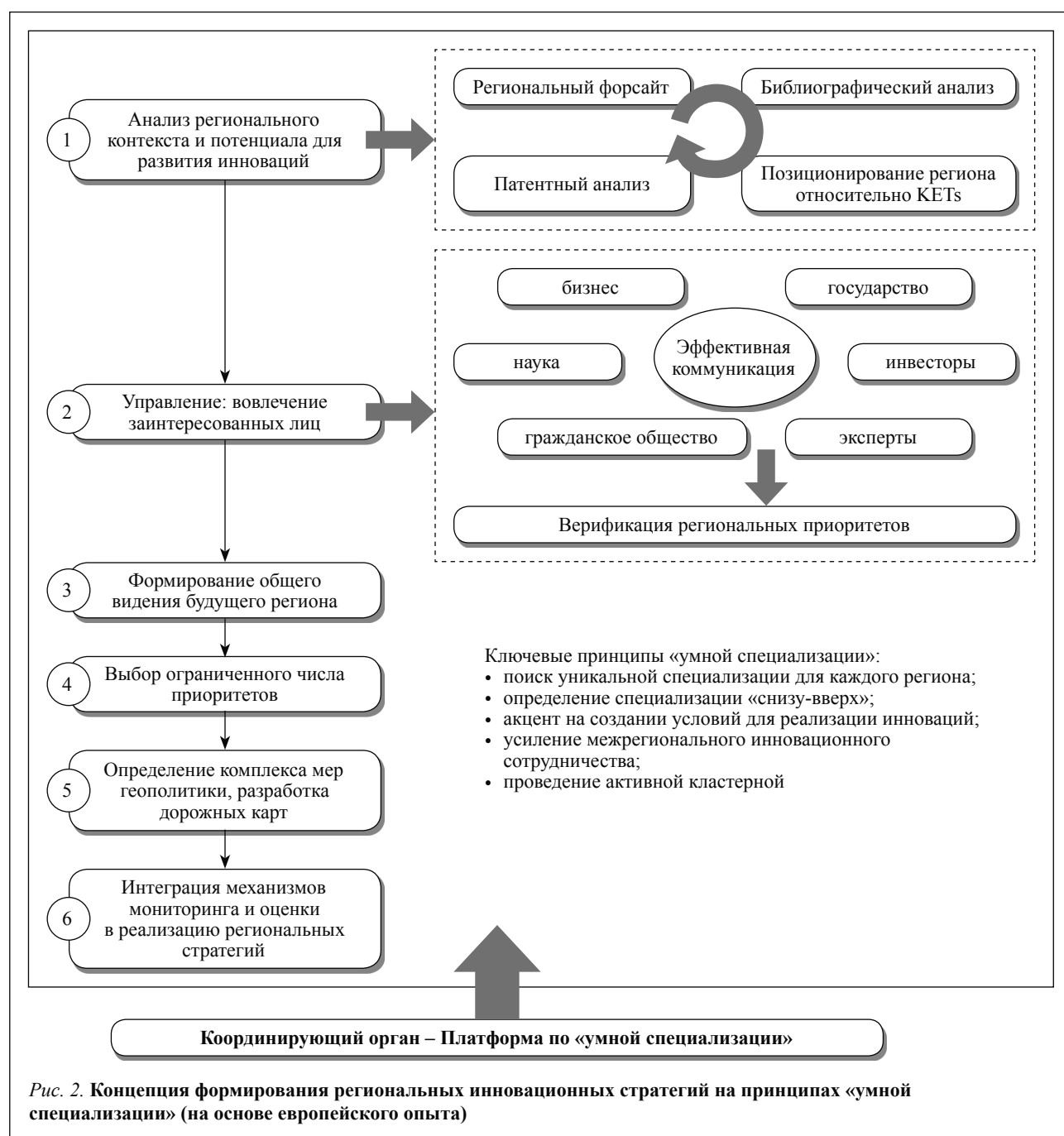
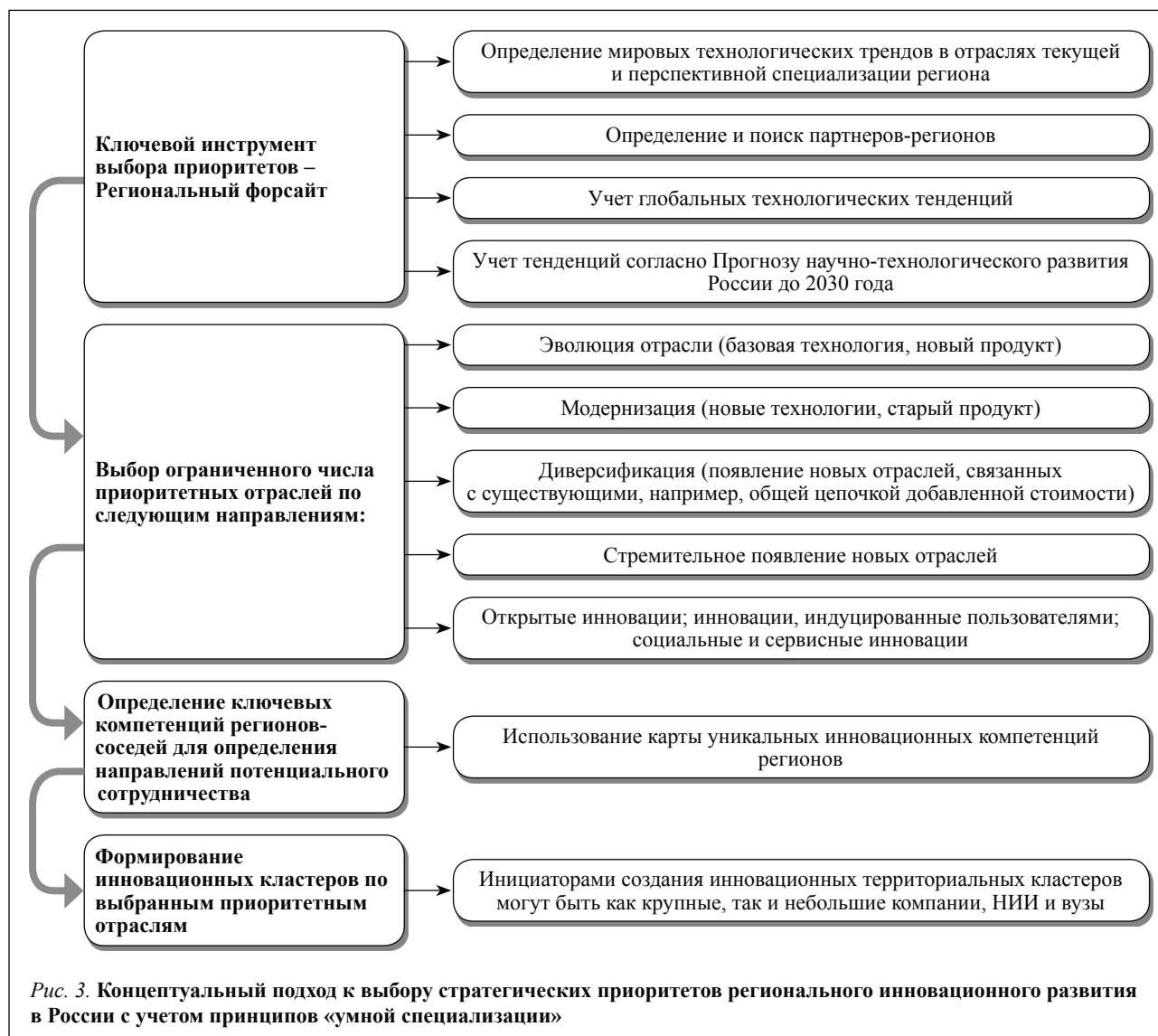

Рис. 2. Концепция формирования региональных инновационных стратегий на принципах «умной специализации» (на основе европейского опыта)

Литература:

1. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru/ru/taxonomy/term/2371> (дата обращения 20.03.2018).
2. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 4 / под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. 248 с.
3. Репичев А. И., Тугачева Л. В., Ланская А. В. Перспективы развития предпринимательской деятельности в Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 246–256.
4. Юхачев С. П., Солопов В. А., Николашин В. П., Калужный М. С. Форсайт-проект «Научно-технологическая политика Тамбовской области и качество жизни»: итоги Делфи-опроса // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2017. № 1. С. 78–83.
5. Рудакова О. В., Полянин А. В., Кузнецова Л. М. Основные проблемы инвестиционной привлекательности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 152–162.
6. Полянин А. В. Эволюция теорий экономического роста регионов на основе размещения производственных сил и экономического равновесия // Сборник трудов 2-й международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов». 2016. С. 32–35.

Репичев А. И., Тугачева Л. В., Воробьева А. В., Авдеева Д. А.

7. Куценко Е. С., Исланкина Е. А. Обновление региональных инновационных стратегий на принципах умной специализации: уроки для России // Материалы XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2017. С. 390–400.
8. Бахтина С. С. Возможности использования европейского опыта при формировании региональных инновационных стратегий // Управленческий учет. 2017. № 12. С. 78–87.
9. Земцов С. П., Баранова В. А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.
10. Павлова А. В. Управление процессами формирования кластерных структур в регионе // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 39–46.
11. Проняева Л. И., Павлова А. В. Управление формированием кластеров в экономике на основе развития методики их идентификации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 5. С. 225–237.
12. Бахтина С. С. Управление инновационно-технологическим развитием регионов России: стратегия разумной специализации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-1. С. 18–26.
- the Orel region // Srednerussky herald of social sciences. 2017. V. 12. № 6. P. 246–256.
4. Yukhachev S. P., Solopov V. A., Nikolashin V. P., Kalyuzhny M. S. Foresight project “Scientific and technical policy of Tambov region and quality of life”: results of Delphi survey // Bulletin of Michurinsky State Agrarian University. 2017. № 1. P. 78–83.
5. Rudakova O. V., Polyanin A. V., Kuznetsova L. M. The main problems of investment attractiveness of Russia // Srednerussky vestnik of social sciences. 2016. V. 11. № 2. P. 152–162.
6. Polyanin A. V. Evolution of theories of economic growth of regions on the basis of the location of production forces and economic equilibrium // Proceedings of the 2 nd International Scientific and Practical Conference “Fundamental and Applied Research in Economics and Finance”. 2016. P. 32–35.
7. Kutsenko E. S., Islankina E. A. Renewal of Regional Innovation Strategies on the Principles of Intelligent Specialization: Lessons for Russia // Proceedings of the XVII April International Scientific Conference on the Development of Economics and Society. Moscow: Izd. home of the Higher School of Economics. 2017. P. 390–400.
8. Bakhtin S. S. Possibilities of using European experience in the formation of regional innovation strategies // Administrative Accounting. 2017. № 12. P. 78–87.
9. Zemtsov S. P., Baranova V. A. The paradigm shift of the regional innovation policy in Russia: from leveling to “smart specialization” // Issues of economics. 2016. № 10. P. 65–81.
10. Pavlova A. V. Management of the processes of formation of cluster structures in the region // Management in Russia and abroad. 2017. № 1. P. 39–46.
11. Pronyaeva L. I., Pavlova A. V. Management of the formation of clusters in the economy on the basis of the development of methods for their identification // Srednerussky Vestnik social sciences. 2016. V. 11. № 5. P. 225–237.
12. Bakhtin S. S. Managing innovation-technological development of Russia’s regions: the strategy of reasonable specialization // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. № 2-1. P. 18–26.

References:

ОЦЕНКА ВЕЛИЧИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОГО ПОДХОДА

Грачев С. А.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия), 601508, Россия, г. Гусь-Хрустальный, проспект 50-летия Советской власти, 39, grachev-sa@mail.ru

УДК 331.101.26+332.1(1-3)

ББК 65.049(2Рос-11)-640

Цель. Оценка величины человеческого капитала регионов Центрального федерального округа на основе трех взаимосвязанных критериев: количественного, качественного, результирующего с последующим ранжированием субъектов.

Методы. Теоретической основой исследования послужили работы в области теории человеческого капитала. Группы критериев, характеризующих динамику развития регионов ЦФО, сформированы на основе официальных статистических сборников. Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты. Исходя из комплексной оценки величины человеческого капитала регионов, основанной на нескольких критериях, сформированы комплексные индикаторы, позволяющие оценить текущее состояние территорий, проранжировать их, а также выявить проблемные зоны, сдерживающие социально-экономическое развитие субъектов в части формирования и использования человеческого капитала.

Научная новизна. Сформирован универсальный инструментарий, позволяющий на основе имеющейся статистической информации оценить величину человеческого капитала региона путем оценки его количественных показателей, условий его воспроизводства, а также результирующих показателей развития территорий. Сделан вывод о дифференциации регионов по критериям оценки человеческого капитала, а также показана динамика за пятилетний период.

Ключевые слова: регион, человеческий капитал, многокритериальный подход, дифференциация.

THE VALUE OF HUMAN CAPITAL OF THE REGIONS ON THE BASIS OF MULTI-CRITERIA APPROACH

Grachev S. A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Investments and Innovations, Vladimir State University Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs (Russia), 601508, Russia, Gus-Khrustalny, Prospekt 50-th anniversary of Soviet power, 39, grachev-sa@mail.ru

Purpose. Estimation of the human capital of the Central Federal district regions on the basis of three interrelated criteria: quantitative, qualitative, resulting with subsequent ranking of subjects.

Methods. The theoretical basis of the study was the work in the field of human capital theory. Groups of criteria that characterize the dynamics of the development of the regions of the Central Federal district, formed on the basis of official statistical compilations. Methods of economic and statistical analysis were used for calculations.

Results. Based on a comprehensive assessment of the size of the human capital of the regions, based on several criteria, the complex indicators are formed to assess the current state of the territories, arrange them, as well as identify problem areas that hinder the socio-economic development of the subjects in terms of the formation and use of human capital.

Scientific novelty. The universal tools allowing to estimate size of the human capital of the region on the basis of the available statistical information by estimation of its quantitative indicators, conditions of its reproduction, and also the resulting indicators of development of territories are formed. The conclusion about differentiation of regions by criteria of an assessment of human capital is drawn, and also dynamics for a five-year period is shown.

Key words: region, human capital, multi-criteria approach, differentiation.

Современный этап российского развития характеризуется снижением темпов экономического роста и замедлением общего развития. Следует отметить, что, начиная с 2014 года, российская экономика столкнулась с рядом проблем, как экономического, так и политического характера, которые отрицательно влияют на общую ситуацию в стране.

Достаточно весомо влияние кризиса глобальной экономической системы, при этом следует отметить, что данный кризис является, по сути, как отмечает д.э.н. В. Мау с коллегами, наложением сразу нескольких: структурного, финансового, внешнего шока [1]. Данный факт резко усложняет общую ситуацию, поскольку, необходимая к проведению социально-экономическая политика является разнонаправленной, и, возможно, не всегда последовательной.

При этом российская экономика подвержена внешнему негативному экономическому воздействию со стороны ряда стран. Данный факт находит свое проявление в череде экономических санкций, которые, являясь как финансовыми, так и технологическими, замедляют экономический рост и усугубляют последствия общего кризиса.

Данные негативные факторы сформировали условия перехода российской экономики на новый этап развития, в связи с этим вопросы неоиндустриализации обрели второе дыхание. Переход России к новому ближайшему неоиндустриальному этапу развития предполагает учет передовых мировых достижений научно-технического прогресса в сочетании с национальной исторической спецификой страны, ее экономики и особенностями ее современных проблем [2, с. 119].

В ходе данных процессов значительная часть материального производства, на которое приходится до половины отечественного ВВП, будет переведена на новые более высокие технологии, с новой материально-технической базой, включающей последние поколения машин и оборудования. Это в свою очередь потребует кадров с качественно обновленными знаниями и навыками и значительных вложений в их подготовку, а также в целом в развитие образования, НИОКР, информационно-коммуникационных технологий, биотехнологии и здравоохранения, составляющих сферу так называемой экономики знаний [3, с. 17].

Таким образом, происходит изменение основы конкурентоспособности. Если на более ранних этапах существования социально-экономических систем для эффективного функционирования было достаточно природного и физического капитала, то сегодня данный список пополняется новым типом капитала – человеческим. Речь идет о формировании новой экономической категории капитала – «человеческого капитала», который из второстепенных ресурсов становится осно-

вой оптимальности и эффективности функционирования фирмы в любой сфере.

Основу понятия человеческого капитала заложил в своих исследованиях У. Петти, который произвел одну из первых попыток оценить человека в денежном выражении. Вопреки господствующему на тот момент убеждению, он видел источник богатства не в деньгах, а в труде. Он полагал, что основой богатства служит земля, т.е. природные ресурсы, но непосредственным создателем богатства является труд. В ходе исследований ученый пришел к выводу, что «стоимость» человека примерно равняется его двадцатикратному годовому доходу. Ключевым фактором, влияющим на данный показатель, являлась способность к труду, желание работать, а также сфера деятельности.

Идеи о выделении человека как основы материального благосостояния государства, заложенные в работах У. Петти, нашли дальнейшее развитие в работах А. Смита [4]. Последний, изучая вопросы эффективности труда, определил, что производительность труда отдельного работника зависит в значительной степени от их личных качеств, навыков и способностей. А. Смит пришел к выводу, что государственное богатство, формируемое за счет результатов труда отдельных работников, зависит в первую очередь от уровня образования последних. Поэтому необходимо обеспечить условия для обязательного обучения всего населения. Источником данного обязательного образования, ученый видел государство. Дальнейшее развитие данного направления научной мысли оформились в теорию «экономического человека», согласно которой ведущую роль играет мотивация отдельного работника, а также его компетентность и профессионализм.

Несмотря на заложенные основы, теория человеческого капитала в современном понимании оформилась только в середине 20 века. Данный период связывают с такими учеными как Г. Беккер и Т. Шульц, которые изучали проблему инвестирования в развитие человека, эффективность и целесообразность данного процесса. Изучая указанные направления, Г. Беккер [5] сделал ряд основополагающих выводов относительно категории «человеческий капитал». Во-первых, знаний, навыки работника становятся капиталом в момент заключения трудового договора или получения вознаграждения за выполненную работу; во-вторых, производительность труда напрямую зависит от величины человеческого капитала, в-третьих, рост индивидуального человеческого капитала, т.е. капитала конкретного работника, как правило, ведет к росту доходов данного человека, что, в свою очередь, стимулирует последнего к увеличению вложений в свое дальнейшее развитие, т.е. возрастают расходы на образование и медицину.

Дальнейшее развитие теория человеческого капитала нашла в работах таких ученых как М. Блауг, Дж. Минцер, Ф. Уэлч, Б. Чизвик и др.

Развитие данного направления научной мысли вполне логично породило довольно значительное количество различных определений категории человеческого капитала. Несмотря на многогранность понятия, следует отметить, что единого определения не существует даже в рамках экономической ветви наук.

Когда речь идет о человеческом капитале, чаще всего подразумевают (наряду с другими ресурсами) исчисляемый ресурс, ориентированный на поддержку функционирования устоявшихся экономических структур [6, с. 49].

Под человеческим капиталом можно понимать объединенные вместе интеллект, навыки и специальные знания, которые придают организации отличительный характер [7].

Л. Туроу определил человеческий капитал как способность производить предметы и услуги, с выделением способности, влияющей на производительность всех вложений [8].

Э. Долан и Дж. Линдсей под человеческим капиталом подразумевают капитал в виде интеллектуальных возможностей, полученных через формальное обучение, либо эмпирически [9].

С. А. Сысоев определяет человеческий капитал как совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, благодаря которым человек может получать доход в виде ренты [10, с. 213].

Более обобщенный подход высказывает в своей работе Г. В. Леонидова, которая пишет: «...человеческий капитал рассмотрен как сформированный в результате инвестиций и накопленный запас способностей, навыков, состояния здоровья, уровня культуры, целесообразно используемый в деятельности и способствующий увеличению индивидуальных доходов, росту конкурентоспособности организации и региона...» [11, с. 7].

М. Критский трактует человеческий капитал «как всеобщую форму экономической жизнедеятельности – итог исторического движения человеческого общества к современному состоянию» [12, с. 15].

Подводя итог приведенным определениям экономической категории «человеческий капитал», следует, что единого определения на данный момент не существует, указанные выше понятия имеют как схожие черты, так и довольно большое количество различий. Данный вывод подтверждается рядом исследователей [13], который в своих исследованиях отмечают, что общего определения никогда не было, и быть не могло.

Применительно к данной работе предлагается использовать следующее определение человеческого капитала – сформированный в результате вложение

запас способностей, практических навыков, уровня здоровья и культуры, оптимально используемый в профессиональной деятельности и способствующий увеличению, как индивидуального дохода, так и дохода фирмы (региона).

Таким образом, ввиду выдвижения на передний план именно человеческого капитала, достаточно актуальной является задача описать и проанализировать существующие региональные различия на основе оценки величины данной категории в субъектах федерации.

Для оценки предлагается использовать определенный набор статистических показателей, представленных в официальных статистических сборниках. Это позволяет унифицировать данный методический подход и при необходимости производить оценку и ранжирование любого количества регионов при наличии статистической информации.

При этом необходимо оценивать человеческий капитал не только посредством количественных характеристик, нужно уделять внимание также условиям воспроизводства. Отметим, что ввиду смещения центра тяжести на человека (работника) в части формирования конкурентоспособности территорий, становится важным оценивать количественно-качественные характеристики категории человеческого капитала в сопоставлении с результатами его реализации в регионе.

Более полная реализация человеческого капитала региона способствует увеличению конкурентоспособности территории и тем самым росту экономического благополучия. Соответственно необходимо оценивать также критерии, отражающие уровень экономического развития субъекта.

Таким образом проводить оценку человеческого капитала региона целесообразно, на наш взгляд, по трем критериям:

- количественный (R_1) – отражает общий уровень человеческого капитала региона;
- качественный (R_2) – условия воспроизводства человеческого капитала;
- результирующий (R_3) – общеэкономическая оценка развития территории.

В связи с вышеизложенной логикой предлагается сформировать перечень показателей для каждого критерия (таблица 1).

Следует отметить, что для приведения разноименных показателей к сопоставимому виду, была проведена процедура нормализации. Нормализация – преобразование формальных параметров объекта, выражаемых в различных единицах, к безразмерному виду с целью их сопоставления и сравнительной оценки.

Для показателей, представленных в таблице 1, характерна разнонаправленность, так, например, так оптимальность индикаторов ряда данных прямо про-

Таблица 1. Показатели комплексной оценки человеческого капитала региона

Критерий	Показатель	Экономическое содержание показателя [14]
Количественный (R_1)	Численность рабочей силы	Лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период (обследуемую неделю) считаются занятыми или безработными.
	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	Совокупность лиц, чья творческая деятельность, осуществляемая на систематической основе, направлена на увеличение и поиск новых областей применения знаний, а также занятых оказанием прямых услуг, связанных с выполнением исследований и разработок.
	Уровень безработицы	отношение численности безработных определенной возрастной группы к численности рабочей силы соответствующей возрастной группы, в процентах
Качественный (R_2)	Среднедушевые денежные доходы населения	результат деления объема денежных доходов на 12 и на среднегодовую численность населения
	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	результат деления фонда начисленной заработной платы работников на среднесписочную численность работников и на 12 месяцев
	Средний размер назначенных пенсий	результат деления общей суммы назначенных пенсий на численность пенсионеров
Результирующий (R_3)	ВРП на душу	результат деления величины ВРП на численность населения региона
	Фондовооруженность	отношение среднегодовой величины стоимости основных фондов к среднегодовой численности занятых

порциональна их величине. Однако уровень безработицы – обратен, для более благоприятной ситуации в регионе необходимо минимальное значение данного показателя.

Данный аспект был учтен при нормализации данных. Для первой группы нормализация проведена по формуле (1), для второй группы – по формуле (2).

$$X_{\text{норм}} = \frac{x_{\text{факт}} - x_{\text{min}}}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}} \quad (1)$$

$$X_{\text{норм}} = 1 - \frac{x_{\text{факт}} - x_{\text{min}}}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}} \quad (2)$$

где $x_{\text{факт}}$ – фактическое значение нормируемого показателя;

x_{min} – минимальное значение показателя в совокупности анализируемых регионов за определенный период;

x_{max} – максимальное значение показателя в совокупности анализируемых регионов за определенный период.

Пример нормализованных данных по показателю численности рабочей силы в разрезе регионов Центрального федерального округа (ЦФО) представлен в таблице 2.

Остальные показатели были нормализованы аналогичным образом.

Далее в целях комплексной оценки критериев было исчислено совокупное значение по каждой группе. Данный индикатор определялся по формуле (3).

$$R_n = \sqrt{x_1^2 + \dots + x_n^2} \quad (3)$$

При определении совокупной величины по группе показателей предполагается, что все индикаторы равнозначны.

Исчисленные по формуле (3) величины представлены в таблице 3.

Анализируя представленные данные, заметим, что на протяжении всего рассматриваемого периода безусловными лидерами по всем параметрам выступают г. Москва и Московская область. При этом показатели данных субъектов превышают аналогичные у других регионов в разы. Данный факт становится возможным объяснить имеющей место дифференциацией территорий по изначальным индикаторам развития, в первую очередь это касается количественных критериев. Соответственно для облегчения дальнейшего ранжирования регионов, а также визуализации данных, были построены две диаграммы рассеяния за 2012 год (начальный период анализа – рис. 1а) и 2016 год (конечный период анализа – рис. 1б). Отметим, что в связи с ярко выраженными лидирующими регионами, было принято решение об их исключении с графиков для более детального анализа остальной совокупности субъектов.

Данные графиков свидетельствуют о достаточно серьезных изменениях, произошедших за рассматриваемый период. Так в 2012 году все регионы разделяются на 2 группы:

- 1) Белгородская область (#1), Липецкая область (#9), Ярославская область (#17);
- 2) остальные регионы.

Для субъектов 1 группы характерны максимальные (т.е. наиболее оптимальные) значения по всем трем группам критериев. Остальные субъекты имеют меньшие значения параметров, соответственно их становится возможным охарактеризовать как территории с более низкой величиной человеческого капитала. Так отставание по количественным и качественным критериям выражается в более низких значениях результирующих индикаторов (ВРП и фондовооруженности). Отдельно выделим Ивановскую область, параметры оценки которой являются минимальными, т.е. наименее оптимальными.

Отметим, что к 2016 году распределение регионов меняется. Группа субъектов с наибольшей величиной человеческого капитала представлена следующими: Белгородская область (#1), Липецкая область (#9), Тамбовская область (#14), Курская область (#8), Рязанская область (#12), Воронежская область (#4), Калужская область (#6),

Брянская область (#2), Тульская область (#16). Для указанной совокупности территорий характерны наиболее оптимальные величины по всем критериям.

Группа с наименьшими величинами человеческого капитала также изменилась и представлена Орловской (#11) и Ярославской областями (#17).

Увеличение числа регионов с более оптимальными величинами человеческого капитала связано с проводимой политикой социально-экономической стабилизации для преодоления кризисных явлений, а также реализуемыми программами импортозамещения. Изменение состава отстающих по проанализированным критериям территорий связано в первую очередь с индивидуальными негативными тенденциями, так, например, в Ярославской области за пять лет уровень безработицы увеличился почти вдвое, что не могло не сказаться на остальных показателях, в том числе результирующих.

В целом можно отметить, что наиболее «проблемной» зоной для большинства регионов, остается критерий R_1 , т.е. группа количественных показателей. Несмотря на наблюдающийся рост общей численности рабочей силы, а также улучшение условий воспроизводства человеческого капитала (критерий R_2), в подавляющем большинстве регионов происходит снижение числа персонала, занятого научными исследованиями

Таблица 2. Нормализованные данные численности рабочей силы по регионам ЦФО

Регион	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	0,069	0,066	0,067	0,071	0,071	0,071	0,072
Брянская область	0,048	0,046	0,045	0,045	0,044	0,044	0,043
Владимирская область	0,066	0,067	0,066	0,065	0,063	0,065	0,059
Воронежская область	0,131	0,130	0,126	0,124	0,122	0,124	0,121
Ивановская область	0,033	0,032	0,032	0,031	0,030	0,033	0,030
Калужская область	0,034	0,033	0,031	0,032	0,030	0,031	0,031
Костромская область	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Курская область	0,037	0,035	0,033	0,035	0,035	0,036	0,035
Липецкая область	0,043	0,041	0,044	0,041	0,039	0,040	0,039
Московская область	0,590	0,583	0,561	0,544	0,526	0,536	0,531
Орловская область	0,007	0,006	0,006	0,007	0,008	0,009	0,008
Рязанская область	0,035	0,035	0,033	0,033	0,030	0,032	0,030
Смоленская область	0,031	0,031	0,030	0,030	0,029	0,030	0,028
Тамбовская область	0,032	0,030	0,029	0,029	0,028	0,030	0,028
Тверская область	0,059	0,058	0,058	0,057	0,056	0,056	0,052
Тульская область	0,074	0,072	0,071	0,070	0,070	0,071	0,068
Ярославская область	0,053	0,052	0,050	0,051	0,054	0,054	0,051
г. Москва	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

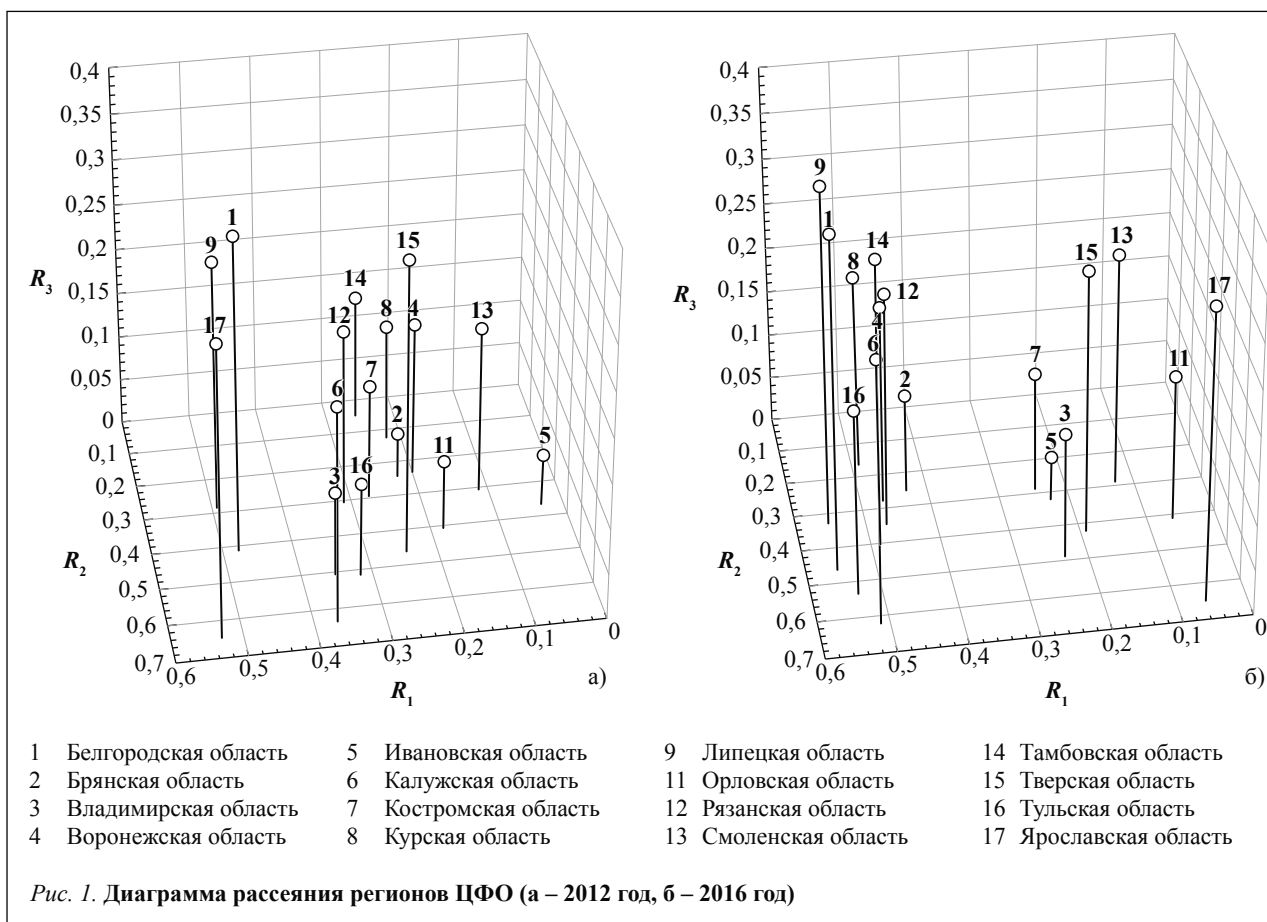
и разработками, а также рост уровня безработицы, что отрицательно сказывается на результирующих индикаторах развития территорий.

Подводя итог проведенному исследованию, стоит отметить, что несмотря на повышение значимости человеческого капитала в современной экономике, единого подхода к трактовке данной дефиниции пока не выработано. Однако подход к оценке данной категории является крайне актуальным вопросом. Разработанный инструментарий является универсальным и позволяет

проводить не только оценку текущего уровня величины человеческого капитала, но и ранжировать регионы по данной величине. Кроме того сформированный подход позволяет проводить многомерную оценку в неразрывной связи с конечными показателями развития регионов. Таким образом, данный инструментарий может применяться как органами местного самоуправления и государственной власти, так и иными заинтересованными лицами в целях комплексной диагностики величины человеческого капитала регионов.

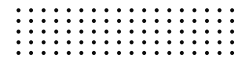
Таблица 3. Комплексная оценка величины человеческого капитала регионов ЦФО

Регион	R_1					R_2					R_3				
	2012	2013	2014	2015	2016	2012	2013	2014	2015	2016	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	0,48	0,44	0,35	0,48	0,56	0,41	0,41	0,42	0,43	0,47	0,35	0,33	0,35	0,40	0,37
Брянская область	0,22	0,15	0,09	0,37	0,43	0,24	0,21	0,24	0,25	0,26	0,05	0,05	0,07	0,06	0,08
Владимирская область	0,35	0,49	0,27	0,15	0,23	0,51	0,49	0,48	0,49	0,49	0,09	0,08	0,10	0,10	0,11
Воронежская область	0,20	0,30	0,25	0,41	0,47	0,23	0,23	0,26	0,29	0,28	0,17	0,16	0,19	0,21	0,20
Ивановская область	0,03	0,15	0,26	0,14	0,23	0,37	0,34	0,33	0,33	0,32	0,06	0,05	0,04	0,05	0,01
Калужская область	0,37	0,32	0,29	0,43	0,51	0,63	0,60	0,61	0,65	0,62	0,24	0,24	0,25	0,30	0,28
Костромская область	0,27	0,22	0,26	0,20	0,24	0,29	0,28	0,28	0,28	0,29	0,13	0,12	0,12	0,11	0,10
Курская область	0,22	0,30	0,37	0,46	0,49	0,13	0,12	0,14	0,14	0,15	0,13	0,13	0,15	0,18	0,19
Липецкая область	0,49	0,51	0,42	0,48	0,55	0,28	0,28	0,31	0,32	0,33	0,28	0,29	0,35	0,41	0,38
Московская область	0,91	0,98	0,94	0,92	0,95	1,19	1,16	1,17	1,14	1,17	0,44	0,41	0,41	0,47	0,44
Орловская область	0,18	0,01	0,05	0,01	0,06	0,41	0,37	0,39	0,39	0,41	0,08	0,08	0,10	0,14	0,13
Рязанская область	0,31	0,27	0,24	0,34	0,47	0,31	0,30	0,32	0,34	0,35	0,19	0,19	0,22	0,25	0,24
Смоленская область	0,11	0,15	0,06	0,03	0,13	0,31	0,29	0,28	0,30	0,29	0,18	0,18	0,20	0,26	0,24
Тамбовская область	0,26	0,29	0,26	0,36	0,45	0,05	0,06	0,09	0,07	0,09	0,14	0,15	0,20	0,22	0,19
Тверская область	0,24	0,14	0,06	0,15	0,19	0,46	0,44	0,42	0,43	0,43	0,32	0,30	0,26	0,25	0,28
Тульская область	0,32	0,40	0,32	0,48	0,54	0,51	0,48	0,51	0,52	0,54	0,11	0,11	0,15	0,18	0,18
Ярославская область	0,53	0,32	0,40	0,21	0,06	0,65	0,63	0,63	0,65	0,65	0,32	0,33	0,28	0,32	0,32
г. Москва	1,73	1,73	1,73	1,73	1,73	1,73	1,73	1,73	1,73	1,73	1,41	1,41	1,41	1,41	1,41

Литература:

1. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 38). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
2. Зяблюк Р. Т., Титова Н. И. Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность (обзор материалов круглого стола по неоиндустриализации экономики России) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 119–135.
3. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 17–20.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцгиз, 1962. с. 492
5. Becker Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964. 320 p.
6. Шингаров Г. Х. Человеческий капитал, человеческий потенциал и социальный капитал // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2012. № 4. С. 49–58.
7. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. СПб.: Питер, 2010. 848 с.
8. Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. 190 p.
9. Долан Э., Линдсей Дж. Рынок: микроэкономическая модель. СПб., 1992. 477 с.
10. Сысоев С. А. Институциональные парадоксы инвестиций в человеческий капитал в условиях трансформационной экономики // Лаборатория Новой Политэкономии [электронный ресурс]. URL: <http://newpoliteconomy.org/publications/articles/8.pdf> (дата обращения 28.03.2018)
11. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования: монография / под общ. ред. А. А. Шабуновой. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 184 с.
12. Критский М. М. Человеческий капитал. СПб: Лен. Унив., 1991. с. 15.
13. Соболева И. В. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 51–69.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Грачев С. А.

References:

1. The Russian economy in 2016. Trends and prospects. (Issue 38). Moscow: Izd-vo Institut Gaidar, 2017. 520 p.
2. Zyabluk RT, Titova NI Non-industrialization of the Russian economy: the need and opportunity (a review of the materials of the round table on the neoindustrialization of the Russian economy) // Bulletin of the Moscow University. Series 6: The Economy. 2016. №2. P. 119–135.
3. Aganbegyan AG Investments in fixed assets and investments in human capital – two interconnected sources of socio-economic growth // Problems of forecasting. 2017. №4. P. 17–20.
4. A. Smith. A study on the nature and causes of the wealth of peoples. Moscow: Sotsgiz, 1962. p. 492
5. Becker, Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964. 320 p.
6. Shingarov G. H. Human capital, human potential and social capital // Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration. Series: The Economy. 2012. №4. P. 49–58.
7. Armstrong M. The practice of human resources management. 10 th ed. St. Petersburg: Peter, 2010. 848 p.
8. Tnurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. 190 p.
9. Dolan E., Lindsay J. Market: microeconomic model. SPb., 1992. 477 p.
10. Sysoev S. A. Institutional Paradoxes of Investments in Human Capital under the Conditions of Transformational Economy // Laboratory of New Political Economy [electronic resource]. URL: <http://newpoliteconomy.org/publications/articles/8.pdf> (circulation date 03.28.2018)
11. Problems of the effectiveness of public administration. Human capital of territories: problems of formation and use: monograph / ed. A. A. Shabunovoy. Vologda: Institute for Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, 2013. 184 p.
12. Kritsky M. M. Human capital. St. Petersburg: Len. Univ., 1991. p. 15.
13. Soboleva I. V. Paradoxes of measuring human capital // Issues of Economics. 2009. №9. P. 51–69.
14. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: Stat. Sat. / Rosstat. M., 2017. 1402 p.

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ КАК БАЗОВЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Анатолийев А. А.

Аспирант Владимирского института управления-филиала, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 600017, Россия, Владимир, ул. Горького, 59 «А», arseniy-aa@mail.ru

УДК 338.45:69

ББК 65.31(2Рос)-37

Цель. Анализ системы ценообразования в строительном секторе, выявление несовершенства и поиск путей улучшения процесса бюджетирования строительства с точки зрения стратегического развития отрасли в рамках национальной экономики.

Методы. Проведен анализ существующей структуры ценообразования в строительной отрасли Российской Федерации, осуществлено сравнение с принципами бюджетирования в развитых странах. Выявлены основные проблемы и предложены пути преодоления выявленных несоответствий.

Результаты. На основе анализа данных и собственных выводов о принципах ценообразования в строительстве предложены методы повышения эффективности организации составления проектно-сметной документации и определения цены строительства на основе вышеуказанных данных и сопроводительных документов.

Научная новизна. Научная новизна заключается в формулировке текущих задач повышения результативности организаций строительного сектора и их важности с точки зрения отрасли в целом и влияния на национальную экономику Российской Федерации.

Ключевые слова: ценообразование, сметная стоимость, проектно-сметная документация, строительная отрасль, контрактная стоимость.

PRICING AS A BASIC FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Anatoliev A. A.

Post-graduate Student, Vladimir Institute of Management-Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 600017, Russia, Vladimir, ul. Gorky, 59 "A", arseniy-aa@mail.ru

Purpose. An analysis of the pricing system in the construction sector, the identification of imperfections and the search for ways to improve the budgeting process of construction in terms of strategic development of the industry within the national economy.

Methods. The analysis of the existing pricing structure in the construction industry of the Russian Federation is carried out, a comparison is made with the principles of budgeting in developed countries. The main problems are identified and ways of overcoming the identified non-conformities are suggested.

Results. Based on the analysis of data and own conclusions on pricing principles in construction, methods for improving the efficiency of the organization of drawing up design estimates and determining the price of construction on the basis of the above data and accompanying documents are proposed.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in formulating the current tasks of increasing the effectiveness of organizations in the construction sector and their importance from the point of view of the industry as a whole and the impact on the national economy of the Russian Federation.

Key words: pricing, estimated cost, design and estimate documentation, construction industry, contract value.

На современном этапе развития строительной отрасли в рамках рыночных экономических отношений вопрос соотношения стоимости строительства и аль-

тернативных вариантов использования инвестиционного потенциала является основополагающим фактором при принятии решения об инвестировании в новые

Анатольев А. А.

проекты и реконструкцию существующего недвижимого имущества. Широкий спектр параметров выполнения разного рода работ, а также высокая вариативность технологического исполнения сопоставимых проектных решений порождает неоднородность структуры ценообразования в рамках, как конкретного строительного производства, так и в целом по отрасли.

Проблематика данного вопроса заключается в неполноценном взаимодействии государства и частного сектора при распределении ответственности за процесс ценообразования. Согласно работам А. А. Кузьменкова, сметные цены в настоящий момент формируются исходя из информации об отпускных ценах на материалы, используемые при строительном производстве. Отпускные цены, в свою очередь, содержат затраты на тару, реквизит, упаковку, погрузочные и транспортные расходы, которые напрямую не отражены в расценках сводных сметных расчетов. Следовательно, на современном этапе сметная цена является средневзвешенной величиной, устанавливаемой с учетом арифметически усредненной стоимости того или иного материала либо ресурса за отчетный период.[1, с. 36] В масштабах такого крупного государства, как Российская Федерация – это не самый целесообразный метод с точки зрения функционирования строительной отрасли в рамках общенациональной экономической системы.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) гласит, что договорная цена на строительную продукцию формируется на базе сметы или иной технической документации, содержащей ценовую часть. Особенности механизма ценообразования в строительной отрасли обусловлены рядом факторов:

- Индивидуальный характер выполняемых зданий и сооружений (определенная уникальность каждого из возводимых объектов);
- Локальные особенности зоны застройки, которые включают в себя экономические, географические, природные, территориальные, сезонные различия, отражающиеся как на стоимости материалов и осуществляемых работ, так и на условиях оплаты труда;
- Параллельное участие в формировании окончательной стоимости инвестиционного строительного проекта нескольких субъектов: застройщика, заказчика, подрядчиков, проектных организаций и т.д.

Согласно общепринятому определению, цена в строительстве – это денежное выражение стоимости единицы строительной продукции, которая определяется количеством общественно необходимого труда, затрачиваемого на ее создание. [2, с. 241]

Стоимость строительства определяется на стадии проектирования будущего здания или сооружения, что обусловлено необходимостью корректного определения стоимости инвестиционных контрактов, договоров на строительство, подрядных договоров. При

этом, зачастую, суммарная стоимость выполнения работ по конкретному проекту варьируется по мере реализации его этапов. Расхождения на этапе проектирования и непосредственно производственного процесса возведения зданий и сооружений, реконструкции, капитального ремонта, выполнения отдельных видов строительно-монтажных работ возникают регулярно. Следовательно, для более корректного процесса бюджетирования строительных проектов следует определять вероятность изменения итоговой стоимости строительства в рамках заранее оговоренной дельты цен, которая базируется на опыте проведения схожих по технологическому процессу работ, а также отраслевой и общеэкономической конъюнктуры.

Основной величиной, используемой в процессе ценообразования строительства, является сметная стоимость. Сметная стоимость – это сумма денежных средств, необходимых для осуществления строительства в соответствии с проектной документацией. [3, с. 11] Сметная стоимость – специфический элемент бюджетного процесса, свойственный, в первую очередь для деятельности в рамках строительной отрасли. Это основа для закрепления величины капитальных вложений, объема необходимого финансирования того или иного строительного объекта, согласования договорных цен между субъектами – участниками строительного производства, расчета за приобретаемые ресурсы и материалы. Следовательно, работа над уточнением параметров формирования сметной стоимости – один из ключевых аспектов обеспечения надежности строительства как объекта инвестирования в рамках рыночной конкуренции за капитал, как базовый фактор производства с макроэкономической точки зрения.

Дополнительным препятствием корректного определения стоимости является отсутствие экономической оценки развития научно-технического прогресса, который, в контексте строительной отрасли, включает в себя появление и внедрение новых типов материалов, использование ранее не задействованных машин, механизмов, инструментов. Разрозненные исследования говорят о высокой погрешности в ценообразовании по причине укрупнения и усреднения сметных цен на ресурсы, порядка 3–7,5 %. При крайне высокой капиталоемкости, данный уровень погрешности оказывает весьма негативное влияние на бюджет строительных организаций, так как коммерческие структуры не имеют возможности достоверно оценить уровень затрат и определить предельно близкую к окончательной стоимости строительства сметную цену.

Все вышеперечисленные факторы в совокупности являются достаточным обоснованием необходимости реформирования действующей системы ценообразования в Российской Федерации. Следует рассмотреть как, инновационные методы и подходы при определе-

нии стоимости строительства, так и международный опыт внедрения систем оценки и структурирования строительного ценообразования.

Опыт зарубежных стран с развитой экономикой и активным строительным сектором демонстрирует наличие обширной информационной базы цен в строительстве, не только касаемо стоимости материалов, но и затрат на эксплуатацию машин и механизмов, а также уровня оплаты труда. Одним из способов достижения схожего уровня информационного обеспечения строительного бюджетирования является ужесточение требований к проектно-сметной документации, публикуемой в открытых и закрытых каналах, а также расширения перечня позиций, включаемых в отдельные расценки сметных расчетов.

В соответствии с текущим законодательством Российской Федерации, «при размещении заказа на выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства начальная (максимальная) цена государственного или муниципального контракта определяется на весь срок выполнения таких работ исходя из их цены в течение соответствующих лет планируемого периода исполнения контракта». [4, ст. 9, п. 7.2] При этом, при составлении сметной документации и в процессе формирования цены контракта используются данные, имеющиеся на момент его заключения или проведения тендера. Но специфика строительного производства заключается в довольно продолжительном процессе осуществления деятельности, а также эффекте сезонности. Данные условия, наряду с нестабильностью уровня инфляции, неизбежно ведут к расхождению номинальной (контрактной) стоимости строительства и ее реального уровня.

Одним из методов реформирования процесса ценообразования является внедрение общих рекомендаций, постепенно закрепляемых в качестве норм на уровне местного и федерального законодательства. К таким мерам можно отнести согласование общих ценовых норм с уровнем затрат конкретной строительной организации при составлении проектно-сметной документации, гибкость распределения ответственности и рисков между заказчиком и застройщиком в зависимости от типа контракта и формата исполняемых обязательств, внедрение прогнозной деятельности при анализе динамики цен на материалы и ресурсы, применяемые в процессе осуществления строительного производства, страхование строительного производства исходя из конкретных условий, оговоренных договорами на выполнение строительных работ.

Определение предельно точной цены строительства на стадии планирования ведет, кроме всего прочего, к улучшению конкурентной среды на рынке оказания подрядных услуг. В некоторых странах с раз-

витой рыночной экономикой сметная оценка стоимости строительства производится не единожды при заключении контракта, а периодически, на каждом этапе планирования строительного производства. Для анализа цены строительного производства в Российской Федерации используется два базовых укрупненных норматива – НЦС (нормативы цены строительства) и НЦКР (нормативы цены конструктивных решений). НЦКР, по сути, является дополнением к НЦС, формулируемым на стадии принятия проектных решений, в то время как НЦС – ряд показателей, фиксируемых на этапе возникновения идеи о возведении того или иного объекта. Безусловно, данные инструменты весьма эффективны с точки зрения формирования цены контракта на проведение тех или иных видов работ. Отрицательной стороной их использования является недостаточная гибкость. Подрядчик, выигравший на торгах право на возведение того или иного объекта, ограничен жесткими ценовыми пределами. С точки зрения общеэкономического восприятия, данный эффект скорее полезен, так как в теории должен вынуждать подрядчика минимизировать издержки и искать методы оптимизации собственной деятельности. Но в данный момент чаще наблюдается процесс пересмотра стоимости контракта в сторону увеличения. Инструментом, позволяющим избежать подобных случаев, может стать обязательный отчет подрядчика о невозможности исполнения контракта теми методами и ресурсами, которые были заложены в проектной документации. Только при наличии такого заключения, контракт может быть расширен с точки зрения бюджетирования. При оспаривании выводов заключения, вся ответственность за невыполнение определенных видов работ или за удорожание стоимости строительства ложится на подрядчика.

Следует обратить внимание на ряд проблем, свойственных строительной отрасли Российской Федерации в данный момент, над решением которых регулярно ведется работа, но искоренить их в полной мере на текущее время не представляется возможным. Следовательно, при внедрении каких бы то ни было новых решений в сфере строительства, обязательно принимать их во внимание. К таким проблемам следует отнести:

- Наличие определенных расхождений норм законов и подзаконных актов реальным современным условиям осуществления строительной деятельности или их несогласование между собой;
- Использование технически и технологически устаревших машин, механизмов и технологий из соображений экономии средств или банальной нехватки уровня прибыли для формирования амортизационного фонда строительной организации;
- Недостаточный уровень подготовки и образования рабочих, занятых на строительных объектах. (Причем данная проблема только затрагивает отрасль ком-

Анатольев А. А.

мерческого строительства, тогда когда ее источником является система образования Российской Федерации, а также недостаточный уровень социального благополучия, вынуждающий людей выбирать род деятельности не исходя из собственной квалификации или уровня образования, а исходя из доступности работы как таковой);

- Наличие фирм-однодневок, а также высокая степень теневизации такой капиталоемкой отрасли, как строительство;

- Излишняя бюрократизация процессов получения различного рода согласований на всех этапах осуществления строительного производства.

- Увеличение временных промежутков между этапами составления проектной документации, получения разрешений и согласований на строительное производство и сам процесс осуществления строительной деятельности с целью осознанного удорожания цены строительства.

Сложность государственного контроля, а также обеспечения действия рыночных механизмов в рамках строительной отрасли обусловлена вышеперечисленными проблемами, рассмотренными в данной статье. При этом, как базовая отрасль национальной экономики, строительство должно регулярно развиваться и совершенствоваться при поддержке государства как в роли регулятора, так и в роли инвестора при создании и поддержании социальной инфраструктуры. В качестве основных мер, предложенных автором статьи, в итоге следует выделить обеспечение прогнозирования дельты цен контрактов на выполнение строительного производства, что позволит обезопасить честных и добросовестных участников от необоснованной спекуляции ценами контрактов. Также конкретизация параметров формирования цены позволит повысить прозрачность процесса ценообразования в строительстве, что приведет к большей структуризации и ускорению развития строительной отрасли. Для реализации вышеперечисленных мер следует, проанализировав опыт зарубежных стран, расширить наполнение информационной базы, содержащей данные о суммах затрат, показателях уровня цен и стоимостном составе по всем видам работ, осуществляемых в рамках как конкретного строительного производства, так и по всей отрасли в целом. Данный принцип в дальнейшем будет

своеобразным фундаментом реформирования строительной отрасли в сторону прозрачности и прогнозируемости показателей, стабилизации цен и достоверности понесенных затрат вне зависимости от источника инвестируемых средств.

Литература:

1. А. А. Кузьменков, Е. Емельянова, А. Федорова «Анализ изменений в системе сметного ценообразования в строительстве в современных условиях Российской Федерации» // Ресурсы и технология. 2017. № 14 (4). С. 32–42.
2. Экономика строительства: учебник / под общей ред. И. С. Степанова. М.: Юрайт-Издат, 2008. 620 с.
3. Соколов С. П. Стоимость капитального строительства: правовые, учетные, налоговые аспекты // Строительство: налогообложение, бухгалтер. 2007. № 4.
4. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (ред. от 30.12.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Братановский С. Н., Зайкова С. Н. Административное ценообразование России: история и перспективы развития: монография. М: Директ-Медиа 2017 г. 268 с.

References:

1. A. A. Kuzmenkov, E. Emelyanova, A. Fedorova "Analysis of changes in the system of estimated pricing in construction in the modern conditions of the Russian Federation" // Resources and technology. 2017. № 14 (4). P. 32–42.
2. Economics of construction: a textbook / under the general ed. IS Stepanova. Moscow: Yurayt-Izdat, 2008. 620 p.
3. Sokolov S. P. Cost of Capital Construction: Legal, Accounting, Tax Aspects // Construction: Taxation, Accounting. 2007. № 4.
4. On the placement of orders for the supply of goods, works, services for state and municipal needs: Federal Law № 94-FL of 21 of July 2005 (as amended on December 30, 2012). Access from the ref.-legal system "ConsultantPlus".
5. Bratanovskiy S. N., Zaykova S. N. Administrative price formation in Russia: history and development prospects: monograph. M: Direct-Media 2017, 268 p.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

Махмудова М. М.

Кандидат педагогических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (Россия), 625000, Россия, Тюмень,
ул. 50 лет Октября, 38, mushkam@inbox.ru

Королева А. М.

Старший преподаватель кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет
(Россия), 625000, Россия, Тюмень, ул. 50 лет Октября, 38, mushkam@inbox.ru

УДК 339.727.22

ББК 65.263.23

Привлечение иностранного капитала в экономическую систему является актуальной задачей органов власти различного уровня. В условиях, когда государство не в состоянии финансировать все сферы экономической системы, а население все больше денежных средств тратит на потребление в силу инфляционных процессов в экономике, существенную роль в поддержании экономического роста, как основы повышения жизненного уровня населения, играют иностранные инвестиции.

Целью исследования является определение ресурса роста эффективности функционирования иностранного капитала в национальной экономике. В статье описывается экономическая сущность инвестиций, их роль в развитии экономики. Представлены основные концепции и подходы к определению эффективности инвестиционных процессов в макроэкономике. В работе проведен анализ статистических данных за период с 2014–2016 гг. о динамике и структуре поступления прямых иностранных инвестиций в экономику России, как наиболее востребованных и эффективных для страны-реципиента. Выявлены особенности регионального и отраслевого аспектов приложения иностранных инвестиций в российской экономике.

Методы и методология: в ходе исследования авторы использовали общенаучные методы: на основе научного абстрагирования проведен анализ прямых иностранных инвестиций в национальную экономику; кроме того, использованы метод экспертных оценок, метод сопоставления данных; посредством графической интерпретации данных и метода их группировки описаны динамика и структура основных показателей, характеризующих современные тенденции поступления и распределения зарубежного капитала в российской экономике.

Теоретическая и практическая значимость настоящей работы заключается в возможности использования результатов представленного исследования для обоснования перспективных направлений развития инвестиционной политики России и в обосновании основных методов и инструментов привлечения иностранного капитала, формирования благоприятного инвестиционного климата во всех регионах страны.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и изучении особенностей отраслевого и регионального аспектов приложения зарубежного капитала в российской экономике для разработки действенных мер по повышению инвестиционной привлекательности государства для иностранных инвесторов.

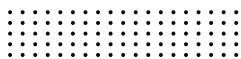
На основании проведенного анализа основных статистических показателей, характеризующих функционирование иностранного капитала в российской экономике, авторами сформулированы **выводы** о современных тенденциях инвестиционной привлекательности российских регионов и отраслей национальной экономики.

Ключевые слова: инвестиции, иностранные инвестиции, инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, мультипликатор, прямые иностранные инвестиции.

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE NATIONAL ECONOMY AS A MANAGEMENT OBJECT

Makhmudova M. M.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Tyumen Industrial University (Russia), 625000, Russia, Tyumen, 50 years
of October str., 38, mushkam@inbox.ru

Махмудова М. М., Королева А. М.

Koroleva A. M.

Senior Lecturer of the Department of Economics and Organization of Production, Tyumen Industrial University (Russia), 625000, Russia, Tyumen, 50 years of October str., 38, mushkam@inbox.ru

The attraction of foreign capital to the economic system is an urgent task for the authorities at various levels. In conditions when the state is not able to finance all spheres of the economic system, and the population spends more and more money on consumption due to inflationary processes in the economy, foreign investment plays a significant role in maintaining economic growth as the basis for raising the standard of living of the population.

The **purpose** of the study is to determine the resource of growth of the efficiency of the functioning of foreign capital in the national economy. The article describes the economic essence of investments, their role in the development of the economy. The main concepts and approaches to determining the effectiveness of investment processes in macroeconomics are presented. The work analyzes statistical data for the period from 2014–2016. on the dynamics and structure of foreign direct investment in the Russian economy, as the most sought after and effective for the recipient country. The peculiarities of regional and branch aspects of the application of foreign investments in the Russian economy are revealed.

Methods and methodology: in the course of the study, the authors used general scientific methods: on the basis of scientific abstraction, direct foreign investments were made in the national economy; In addition, the method of expert assessments, the method of data comparison, was used; through the graphic interpretation of data and the method of grouping them, describes the dynamics and structure of the main indicators characterizing the current trends in the receipt and distribution of foreign capital in the Russian economy.

The theoretical and practical significance of this work lies in the possibility of using the results of the presented study to substantiate the perspective directions of the development of Russia's investment policy and in substantiating the main methods and tools for attracting foreign capital, and creating a favorable investment climate in all regions of the country.

The scientific novelty of the research is to identify and study the specifics of the sectoral and regional aspects of the application of foreign capital in the Russian economy to develop effective measures to increase the investment attractiveness of the state for foreign investors.

Based on the analysis of the main statistical indicators characterizing the functioning of foreign capital in the Russian economy, the authors formulated **conclusions** on current trends in the investment attractiveness of Russian regions and sectors of the national economy.

Key words: investment, foreign investment, investment climate, investment attractiveness, multiplier, foreign direct investment.

В условиях глобализации мировой экономики роль иностранных инвестиций возрастает год от года. Динамика инвестиций оказывает значительное воздействие на изменение совокупного спроса и совокупного предложения в экономике, влияет на динамику макроэкономических показателей, уровень занятости и совокупный доход.

В экономической литературе существуют различные точки зрения на понятие эффективности инвестиций. При этом в целом различные школы сходятся во мнении о положительном воздействии инвестиций на величину национального дохода.

Наибольший вклад в теорию инвестиций внес основоположник макроэкономического анализа Дж. Кейнс. Согласно его концепции, инвестиционные расходы являются важнейшей составляющей совокупного спроса, стимулирование которой положительно сказывается на экономической динамике посредством действия эффекта мультипликатора [1, с. 503]. Так,

выход из так называемого «порочного круга нищеты», сопровождающегося низким уровнем доходов и сбережений населения, невысоким потреблением и недостатком инвестиционных ресурсов, возможен за счет увеличения потребительских и инвестиционных расходов [2]. Логика подобного стимулирования выражается системой причинно-следственных связей, представленных на рис. 1.

Рост доходов населения приводит к увеличению объемов потребления и сбережения. Рост потребительских расходов стимулирует спрос и предложение, а возросшие сбережения, трансформируясь в инвестиции, способствуют расширению объемов производства [3]. Эти два эффекта положительно воздействуют на динамику ВВП, что повышает доходы населения и возвращает нас к началу воспроизводственного цикла, а также увеличивает прибыль предпринимателей, способствуя тем самым росту инвестиционных расходов [4, с. 26].

Доходы работающих и предпринимателей облагаются налогами, следовательно, растет доходная часть государственного бюджета, что позволяет повышать доходы населения посредством реализации распределительной функции налогов.

В данной связи стимулирование инвестиционных расходов в концепции Дж. Кейнса приобретает особый смысл. Важнейшей задачей государства становится необходимость создания условий для трансформации сбережений в инвестиции, а также осуществление эффективного выбора капитализации инвестиций [5].

Воздействие инвестиционных расходов на экономику происходит под воздействием мультипликативного эффекта. По Кейнсу, мультипликатор инвестиций представляет собой коэффициент, показывающий насколько изменится национальный доход ΔY вследствие изменения объема инвестиций ΔI :

$$\Delta Y = mult \cdot \Delta I \quad (1)$$

Величина данного мультипликатора обратно пропорциональна предельной склонности к сбережению

MPS, которая показывает насколько увеличится объем сбережений при росте дохода на одну дополнительную денежную единицу:

$$mult = \frac{1}{MPS} \quad (2)$$

Важным аспектом мультипликативного эффекта является возможность его действия в обоих направлениях, т.е. при росте инвестиционных расходов происходит увеличение национального дохода, а при снижении расходов – национальный доход уменьшается [6].

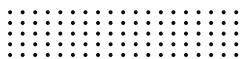
По-иному значение инвестиций трактуется в монетаристской теории. В данном случае инвестиции теряют свое самостоятельное значение, а рассматриваются как производное от функции спроса на деньги. Регулирующая роль государства сводится к контролю денежной массы, а динамика инвестиций, являющихся воплощенной формой сбережений, зависит от ее изменения. Меры по регулированию инвестиций через механизм процентной ставки в концепции монетаристов рассматривались как неэффективные, нарушающие способность экономики к саморегуляции и приводящие к резким изменениям денежной массы и инфляции [7]. Поэтому для воздействия на инвестиционный процесс государство должно использовать другие инструменты – сокращение налогового бремени, снижение бюджетного дефицита, улучшение инвестиционного климата и пр.

Следует отметить, что в российской экономике с начала рыночных реформ предпочтение отдается монетаристской концепции [8]. К сожалению, в условиях российской действительности использование монетаристского подхода оказалось неэффективным, поскольку данные инструменты разрабатывались для стран с развитой, а не переходной экономикой [9].

Как отмечает генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии, д.физ.-мат.н., д.полит.н. Степан Сулакшин, монетаристская основа эмиссионной политики в стране со времен Гайдара неизменна и уже давно неэффективна [10]. По его мнению, ставка на таргетирование инфляции сжатием денежной массы – ошибочна и ведет к стагнации развития.

Что касается кейнсианского подхода в современной российской истории, то его использование можно отметить в период кризиса в 2008–2009 годах, когда правительство страны сделало ставку на стимулирование совокупного спроса через субсидирование предприятий, процентных ставок и сохранения рабочих мест.

Наибольший экономический эффект для государства-реципиента достигается при привлечении прямых иностранных инвестиций, поскольку портфельные

инвестиции носят спекулятивный характер и могут быть изъяты в любой момент [11].

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) представляют собой такую форму участия иностранного капитала в инвестиционных проектах принимающей стороны, при которой инвестор остается активным участником процесса [12]. Это такие формы участия, как, например, создание предприятия с нуля, покупка предприятия, открытие филиалов, покупка акций предприятия с возможностью контролировать его деятельность и пр.

Портфельные инвестиции – это форма участия иностранного капитала, при которой инвестиции направляются в ценные бумаги, формируемые в виде портфеля и не предусматривающие возможность участия инвестора в оперативном управлении предприятием [13].

В современной экономической литературе выделяют следующие отличительные особенности прямых иностранных инвестиций [14]:

- объем прямых иностранных инвестиций должен быть не менее 10 % акций или долей в уставном капитале, т.е. позволять принимать непосредственное участие в оперативном управлении предприятием;
- ПИИ имеют долгосрочный характер;
- прямые зарубежные инвестиции предполагают вложение значительного капитала и невозможность его быстрого изъятия;
- основными источниками прямых иностранных инвестиций выступают транснациональные корпорации;
- прямые иностранные инвестиции оказывают значительное положительное влияние на экономику страны-реципиента за счет действия эффекта мультипликатора.

В современной экономической литературе выделяют следующие основные подходы к моделированию прямых иностранных инвестиций [15]:

1) Модель, основанная на рентабельности, то есть на характеристике основной цели деятельности предприятия – извлечении прибыли. Следовательно, основной целью инвестирования является доведение доходности инвестиций до уровня предельных издержек проекта. В рамках данного подхода направление движения прямых иностранных инвестиций определяется следующим образом: перелив капитала происходит из стран с высокой предельной производительностью капитала и, следовательно, высокой процентной ставкой в страны с относительно низкой предельной производительностью и процентной ставкой [16]. Такое движение позволяет инвестору находить проекты с наибольшей рентабельностью.

Наиболее известной в рамках данного подхода является модель В. Леонтьева, в которой объясняется,

как за счет привлекательности инвестиционных ресурсов объем прямых иностранных инвестиций направляется из развитых стран в развивающиеся с целью выравнивания уровней экономического развития [17].

2) Модели, основанные на показателях объема рынка и производства. В основе модели лежит предположение о том, что между объемами прямых иностранных инвестиций и валовым внутренним продуктом существует взаимосвязь. Следовательно, чем больше объем и потенциал внутреннего рынка, тем больший объем инвестиций должен на него привлекаться [18].

Однако сравнение фактических данных о динамике инвестиций в различные страны свидетельствует о несостоятельности такого подхода, что объясняется действием комплекса других факторов, именуемого инвестиционным климатом. Так, в сравнении со странами Центральной и Восточной Европы, имеющими куда меньший потенциал рынка, Россия проигрывает в объемах привлекаемых иностранных инвестиций (16 % от ВВП против 24 % в среднем по странам ЦВЕ) [11].

3) Подход, основанный на монополистических преимуществах, возникающих при предоставлении иностранному инвестору более благоприятных условий, чем резидентам страны-реципиента. Реализация данного подхода, с одной стороны, позволяет стимулировать привлечение иностранных инвестиций в страну, но, с другой, – может нести в себе угрозу для экономической безопасности государства. В связи с этим, в большинстве стран существует перечень стратегически важных отраслей, закрытых для иностранного финансирования [19].

4) Эклектический подход представляет собой компромиссный вариант между предыдущими моделями, основываясь на понятии рентабельности и эффективности инвестиций с условием максимизации прибыли и расширения сферы деятельности за счет освоения новых рынков.

Указанные подходы не позволяют характеризовать направления инвестирования между отдельными государствами, но включают в себя механизм привлечения прямых иностранных инвестиций в страну.

Методика

В ходе исследования авторы использовали общенаучные методы: на основе научного абстрагирования проведен ретроспективный анализ основных подходов к характеристике инвестиций, использованы метод сопоставления данных; посредством графической интерпретации данных и метода их группировки; описаны динамика и структура основных показателей, характеризующих современные тенденции прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Результаты

1. Обзор основных мировых тенденций в области прямых инвестиций

В настоящее время мировая экономика представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых национальных экономик. Одним из важнейших показателей глобализации мировой экономики выступает объем иностранного инвестирования, оказывающий значительное влияние на социально-экономическую составляющую национального хозяйства.

В последние десятилетия (за исключением кризисного периода 2008–2009 гг.) наблюдается рост объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В сравнении со второй половиной восьмидесятых годов в девяностых годах среднегодовые темпы прироста прямых иностранных инвестиций составляли около 40 %.

В 2008–2009 годах среднегодовые темпы прироста ПИИ были отрицательными – 14,9 % и 32,1 %, соответственно [20]. Это объясняется действием ряда различных факторов:

1) мировой финансово-экономический кризис, рост задолженности государственного и частного сектора, снижение темпов экономического роста, кризис банковских систем развитых стран и пр.

2) экономические проблемы в отдельных странах-инвесторах;

3) ухудшение инвестиционного климата в странах-реципиентах.

С точки зрения стран по уровню развития, наибольшее сокращение притока инвестиций в 2012 году произошло в развитых странах – на 32 %, а отдельно в Евросоюзе падение составило 41 %. По отношению к развивающимся странам падение ПИИ было незначительным и составило лишь 4 %. Это привело к перераспределению долей инвестиций между странами (52 % от общего объема инвестиций пришлось на развивающиеся страны).

В 2013 году потоки ПИИ вновь стали характеризоваться повышательным трендом. Глобальный приток ПИИ увеличился в 2013 году на 9 % до 1,45 трлн долларов. Объем притока ПИИ увеличился во всех основных экономических группах – в развитых и развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Совокупный объем ввезенных ПИИ возрос на 9 % и достиг 25,5 трлн долларов [21].

В 2014 году общий объем прямых иностранных инвестиций снизился на 16 % и составил 1,23 трлн долл. Это связано с неустойчивостью мировой экономики, непредсказуемостью политики для инвесторов и возросшими геополитическими рисками. В развивающиеся страны приток ПИИ увеличился на 2 % и составил 681 млрд долларов.

Таблица 1. ТОП-10 стран-реципиентов прямых иностранных инвестиций

Место		Страна	Объем инвестиций, млрд долл.	
2015 г.	2014 г.		2015 г.	2014 г.
1	2	США	384	294
2	3	Гонконг	163	76
3	1	Китай	136	347
4	13	Нидерланды	90	32
5	10	Великобритания	68	48
6	6	Сингапур	65	63
7	15	Индия	59	28
8	–	Бразилия	56	–
9	5	Канада	45	67
10	37	Франция	44	6

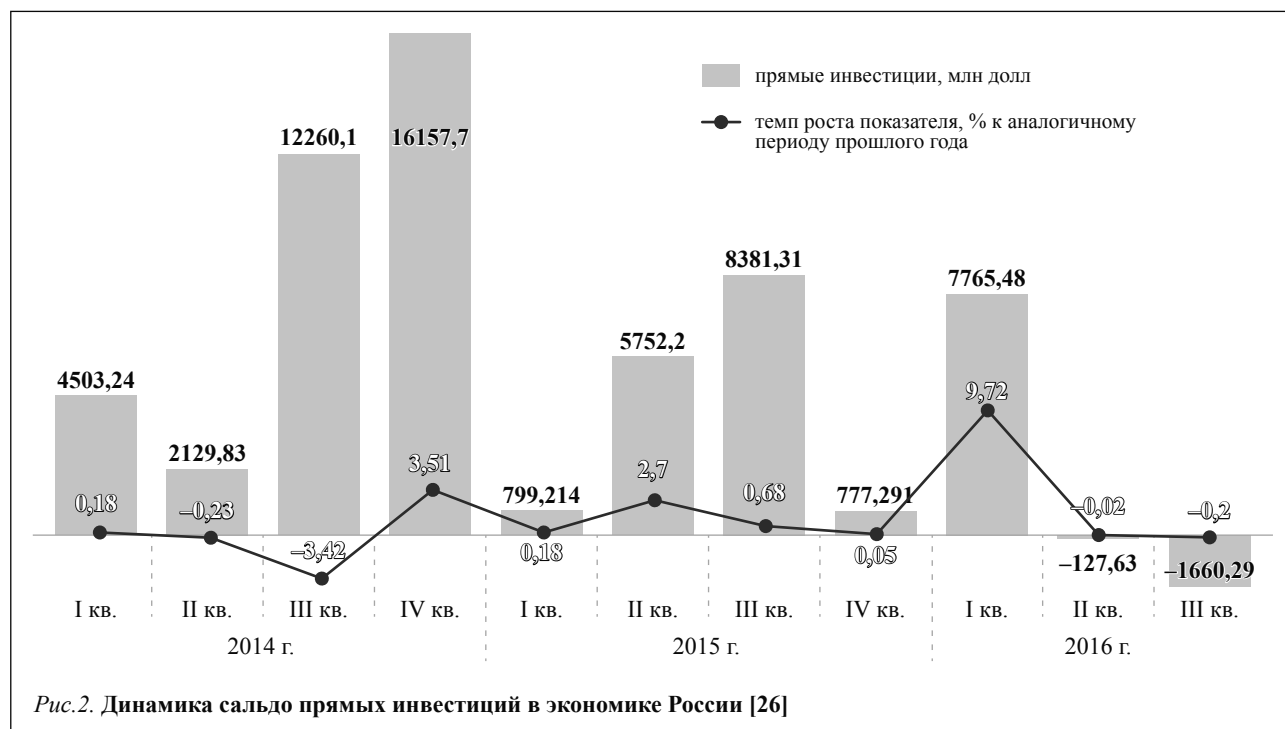
В 2015 г. глобальный объем ПИИ вырос на 36 %, его величина составила 1,7 трлн долл. США. При этом объем инвестиций в страны с переходной экономикой упал на 54 % [22]. Восстановление темпов инвестирования произошло благодаря увеличению на 90 % ПИИ в развитые страны, в результате на долю развитых стран пришлось 55 % глобальных входящих ПИИ.

В первую десятку стран-реципиентов ПИИ в 2015 г. вошли США, Гонконг, Китай, Нидерланды, Великобритания, Сингапур, Индия, Бразилия, Канада и Франция [23]. Россия в 2014 г. по объемам ПИИ занимала 4 место, а в 2015 г. выбыла из ТОП-10 (таблица 1) [24].

Помимо роста темпов трансграничных слияний и поглощений на 68 %, важным является также увеличение инвестиций во вновь создаваемые производства на 14 %, что может быть свидетельством возврата к наращиванию капиталовложений в производственные активы на фоне улучшения макроэкономической и финансовой ситуации.

В России и Казахстане падение цен на сырьевые товары привело к снижению прямых иностранных инвестиций на 92 % и 66 % соответственно. Тем не менее, иностранные инвесторы продолжают финансировать добывающую промышленность. В частности, британский частный инвестиционный фонд Gaetano Holdings Ltd приобрел российскую компанию Komi Oil Ltd, а малайзийская государственная компания Petroliaam Nasional Berhad заплатила 2,25 млрд долл. США за часть в Azerbaijan Gas Supply Co.

По мнению экспертов ЮНКТАД, отсутствие очередной волны трансграничных слияний и поглощений, а также крупных корпоративных реструктуризаций, приведет к уменьшению потоков ПИИ в 2016 г.

по причине высокой волатильности мировых финансовых рынков, слабого совокупного спроса и замедления экономической активности во многих развивающихся странах. Негативными факторами выступают высокие геополитические риски и региональная напряженность.

2. Анализ динамики и структуры прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации

Современный этап развития российской экономики характеризуется некоторым снижением промышленной активности, трансформацией структуры потребления и сокращением импорта [25]. Усложняет макроэкономическую конъюнктуру геополитическая напряженность и секторальные ограничительные меры со стороны иностранных государств по отношению к России. В таких условиях динамика иностранного капитала, функционирующего в российской экономике, становится индикатором нестабильности инвестиционной привлекательности национальной экономики.

Так, циклические изменения темпов роста прямого инвестирования в российской экономике наблюдались на протяжении всего анализируемого периода 2014–2016 гг. Существенные увеличения иностранных активов и обязательств, наблюдаемые в экономике в конце 2014 г. и в начале 2016 г., сменялись критическим снижением их величин в предыдущие и предшествующие периоды (рис. 2).

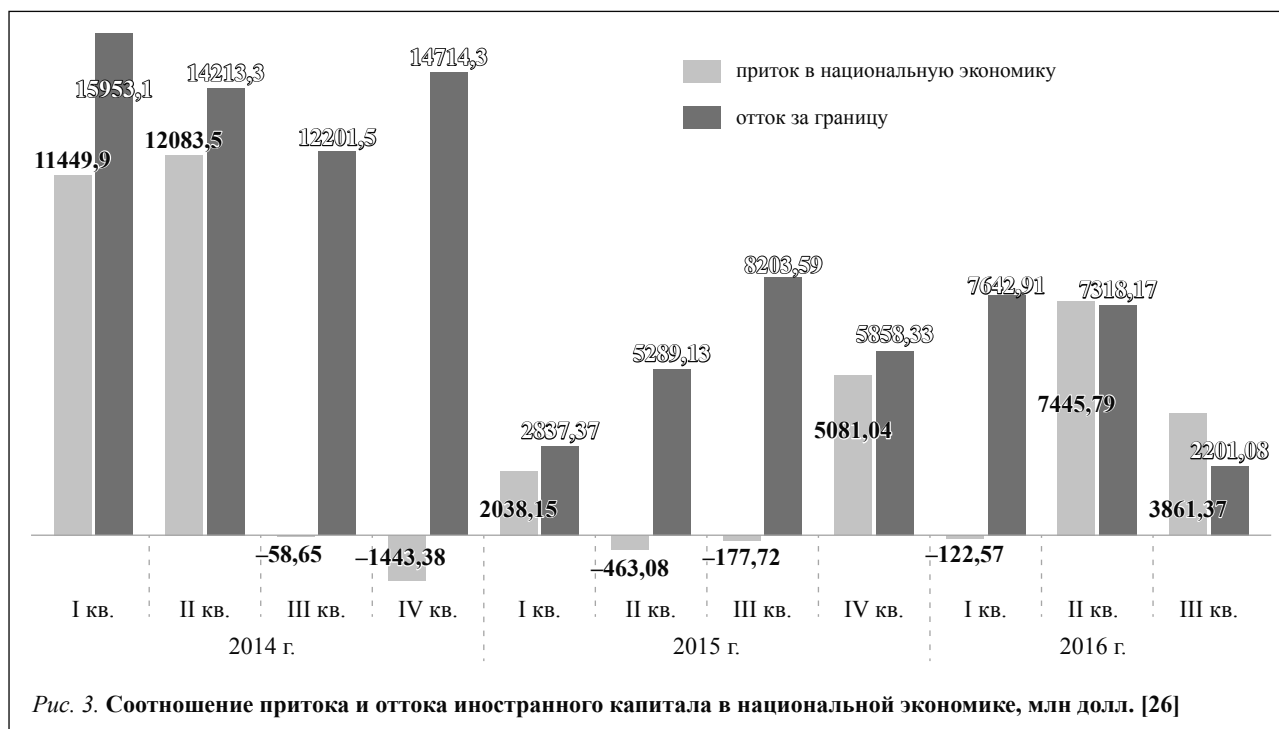
Характерной особенностью анализируемого периода зарубежного инвестирования российской экономики является резкое и значительное снижение инве-

стиционной активности иностранных партнеров в 2014 г. на фоне обострения международных экономических отношений России и ряда зарубежных государств. Так, если в середине 2014 г. в национальную экономику поступило 12083 млн долл. прямых иностранных инвестиций, то в третьем квартале того же года фиксировалось колоссальное изъятие иностранных активов и обязательств (рис. 3).

Наряду с продолжением вывода иностранного капитала из российской экономики в условиях нестабильной экономической конъюнктуры наблюдается и существенное снижение притока инвестиций из-за рубежа. Критические тенденции иностранного капиталовложения фиксируются в российской экономике на протяжении всего 2015 г., когда квартальные темпы роста оттока капитала за границу опережают показатели предшествующего 2014 г. и достигают 86 % относительно предыдущего периода.

Отмечаемая экспертами и аналитиками стабилизация российской экономики в 2016 г., а также реализация государственных программ развития отдельных отраслей народного хозяйства и всей экономики в целом, способствовали улучшению инвестиционного климата России для иностранных инвесторов. Так, уже в середине 2016 г. в российскую экономику поступило 7446 млн долл. зарубежных прямых инвестиций, что 3,5 раза превышает значение показателя начала 2015 г.

Разумеется, сегодня величина притока иностранного капитала в российскую экономику пока не

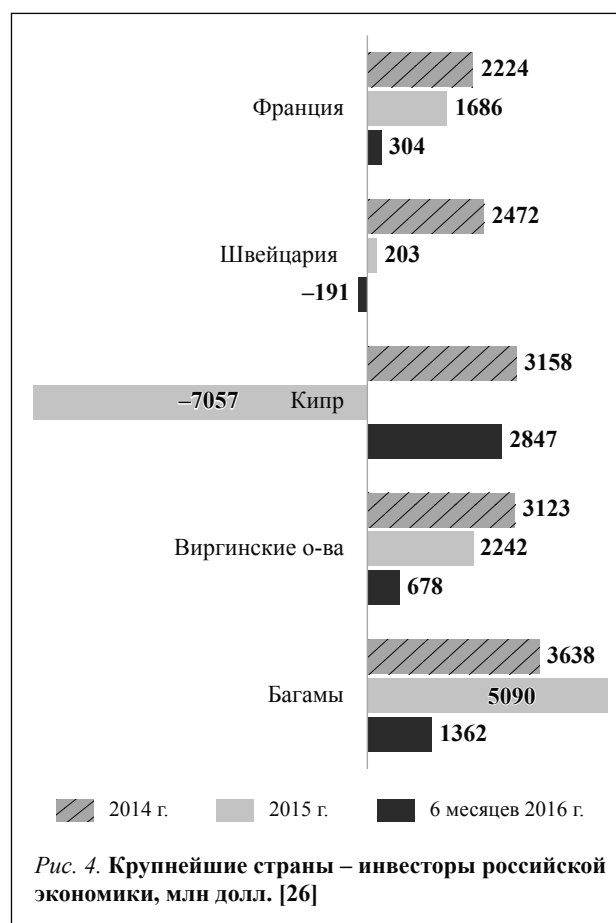

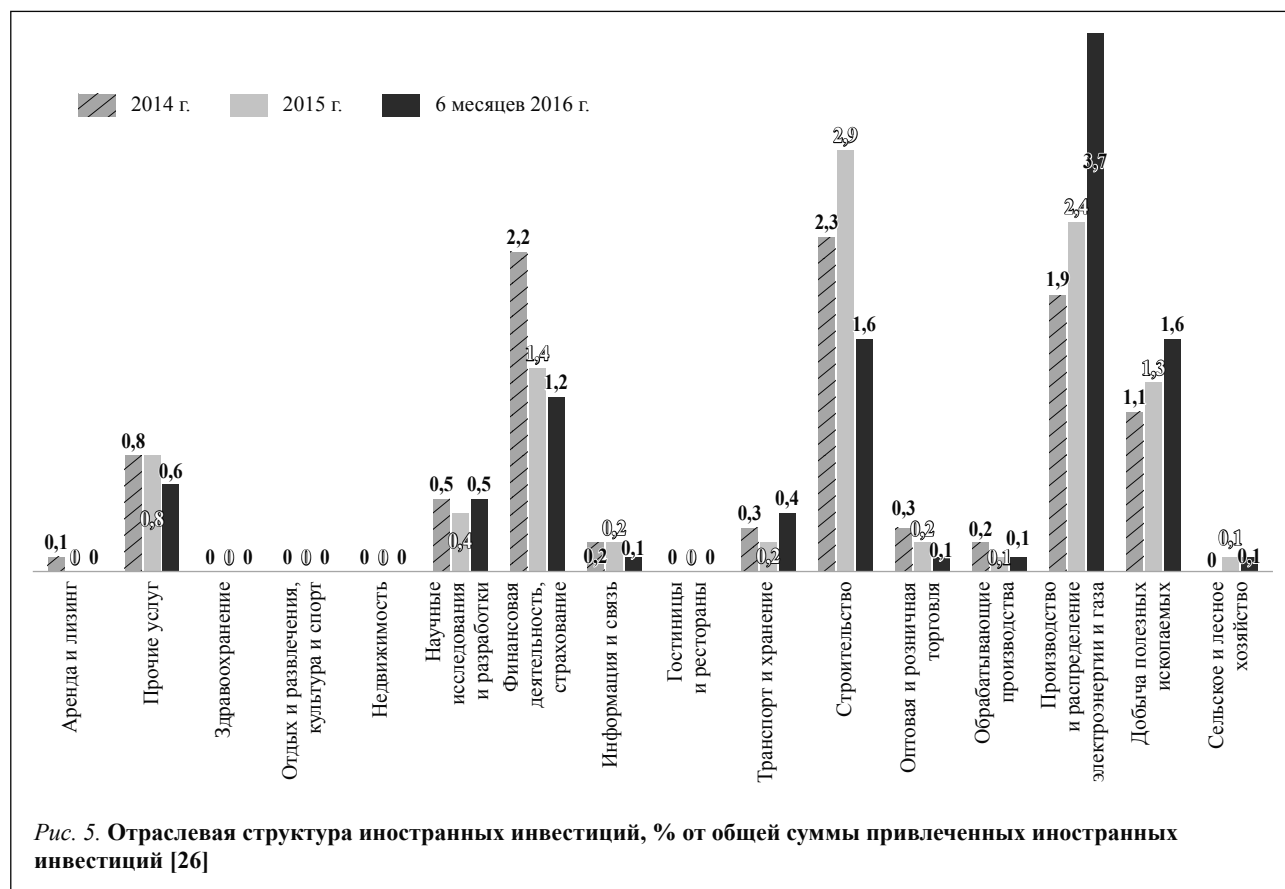
достигла динамики докризисного значения, однако, своевременная и адекватная политика государства по созданию привлекательного инвестиционного климата страны позволила снизить объемы вывоза средств за границу.

Наиболее активными инвесторами российской экономики в анализируемый период, традиционно, являются Виргинские острова, Багамы и Кипр, вложившие в Россию в 2014 г. более 3000 млн долл. (рис. 4). Однако, уже в 2015 г. из тройки ключевых доноров отечественной экономики с существенными объемами вывода активов (более 7000 млн долл.) выбывает Кипр. Аналитики объясняют данную ситуацию с процессом деофшоризации, то есть процесса возвращения в отечественную экономику капиталов и активов из-за рубежа.

На сегодняшний день российскую экономику инвестируют государства, связанные с российскими партнерами соглашениями и договоренностями, заключенными в докризисные 2012–2013 гг. Такими государствами являются Великобритания, Германия, Франция. Расширение и укрепление международного инвестиционного сотрудничества России в последние годы отразилось на положительной динамике роста инвестиций из Азии, Африки, стран Латинской Америки.

Доля поступлений прямых иностранных инвестиций в российскую экономику из стран СНГ за анализируемый период также существенно трансфор-

мировалась. За счет активизации инвестирования со стороны отдельных государств дальнего зарубежья, поступления из стран СНГ в 2016 г. составили лишь 3,4 % в общей сумме ПИИ, тогда как в 2015 г. эта доля составляла более 9 %. Активными инвесторами национальной экономики из стран ближнего зарубежья, традиционно, являются Казахстан, Азербайджан, Беларусь.

Трансформации международных экономических отношений, а также девальвация национальной валюты и инфляционные процессы в российской экономике привели к изменениям и отраслевого распределения прямых иностранных инвестиций, поступающих в Россию. Так, традиционно привлекательные для зарубежного инвестора сферы торговли, финансовой деятельности, получающие в докризисный период более 20 % от общей суммы ПИИ, в 2016 г. привлекли лишь 15,6 и 11,7 % соответственно (рис. 5).

Несмотря на неблагоприятную ситуацию на мировых сырьевых рынках в период 2014–2016 гг., доля иностранных вложений в отечественный топливно-энергетический комплекс ежегодно увеличивалась и составила в 2016 г. около 16 % от общей суммы ПИИ. Привлекательными для иностранных партнеров явля-

ются отрасли обрабатывающих производств, транспорт, сфера недвижимости.

Рискованными вложениями капитала зарубежные инвесторы сегодня считают российскую сферу информационных технологий, строительной индустрии, энергетики, в деятельности которых фиксируется существенное снижение участия иностранных партнеров.

Факторами, сдерживающими инвестиционную активность зарубежных партнеров, помимо геополитической компоненты, являются неразвитость инфраструктуры бизнеса, высокий уровень коррупции в стране, непрозрачность для иностранных инвесторов отечественного законодательства и пр.

Данные характеристики инвестиционного климата в России предопределили присутствие и преобладание в национальной экономике, преимущественно, иностранных долговых обязательств над непосредственным участием в капитале предприятий. Так, на долю иностранных долговых инструментов в общей структуре иностранных инвестиций в российской экономике, традиционно, приходится более 60 % (рис. 6). Вложения, предполагающие трансфер передовых технологий производства или управления, составляют более 25 % от общей величины ПИИ.

Однако на сегодняшний день в структуре зарубежного капитала наметились новые тенденции: за шесть месяцев 2016 г. увеличилась доля иностранных долговых инструментов за счет снижения доли участия в капитале предприятий и роста доли реинвестирования доходов.

Неравномерно распределены прямые иностранные инвестиции и в разрезе регионов России. Традиционно, наиболее привлекательными для зарубежных партне-

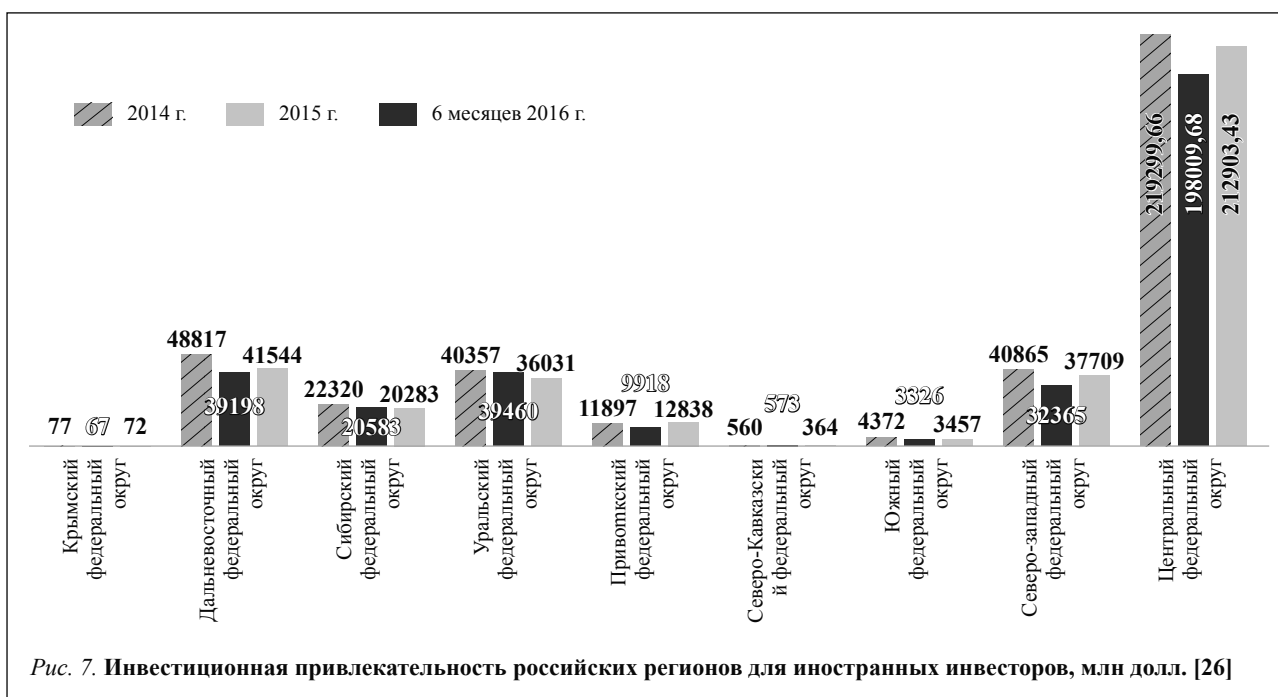
ров являются регионы Центрального федерального округа, на территорию которого поступают ежегодно около 60 % ПИИ (рис. 7). Также активно иностранный капитал участвует в бизнесе Дальневосточного региона, Уральского федерального округа, на территории которых функционируют крупные отраслевые предприятия с участием международного капитала. Минимальные поступления иностранного капитала фиксируются в регионах неблагоприятного Северного Кавказа, Южного и Приволжского федеральных округов.

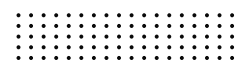
Существенных изменений в инвестиционной привлекательности российских регионов для иностранных инвесторов за анализируемый период не наблюдалось.

Обсуждение

В целом российская экономика, несмотря на действие ряда негативных факторов, обладает благоприятным инвестиционным климатом. Работающий в национальной экономике зарубежный капитал оказывает серьезное влияние на уровень экономического развития страны, качество экономического роста, и как следствие, уровень жизни населения россиян.

Однако, чрезмерная открытость экономики, зависимость ключевых отраслей от конъюнктуры на мировых рынках, нестабильная политическая ситуация на международной арене являются негативными факторами, сдерживающими возможности реализации инвестиционной политики государства.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская экономика в современных условиях остается привлекательной для иностранных инвесторов, вкладывающих средства в серьезные и масштабные проекты. В предпочтениях зарубежных партнеров существенных изменений ни в отраслевом, ни в региональном аспекте приложения капиталов не наблюдалось. Некоторые трансформации структуры и объемов прямого инвестирования являются результатом проводимой в стране инвестиционной политики, адекватной новым условиям хозяйствования, как на национальном уровне, так и в геополитическом контексте.

Литература:

1. Keynes D. General Theory of Employment, Interest and Money. Classical Economic Thought: Selected Works, M.: AST-Press.
2. The Economics of Take-off into Sustained Growth. Proceeding of a Conference Held by the International Economic Association / Ed. by W. W. Rostow, L.
3. De Gregorio J., Borensztein E. How does foreign direct investment affect economic growth. Nber working paper series.
4. Махмудова М. М., Королева А. М., Шакирова Е. В., Ефименко Е. Л. 2016. Инвестиционная привлекательность северного региона. Известия высших учебных заведений. Экономика. Социология. Политика, 1: 27–32.
5. Schneider F., Frey B. S. Economic and Political Determinants of Foreign Direct Investment. World Development. V. 13, 2: 161–175.
6. Froot K. A., Stein J. C. Exchange Rates and Foreign Direct Investment: An Imperfect Capital Markets Approach. Quarterly Journal of Economics, 106: 1191–1217.
7. Lucas Robert E. Expectations and the Neutrality of Money. Journal of Economic Theory. 4 (2): 103–124.
8. Симонов С. Г., Махмудова М. М., Королева А. М. Макроэкономическое регулирование циклического развития хозяйства: Учебное пособие. Тюмень, 2016.
9. De Mello L. Foreign Direct Investment in Developing Countries and Growth: A. Selective Survey. Journal of Development Studies, 34: 1–34.
10. ЦБ РФ и монетаризм ошибаются, проблему инвестиций и инфляции решить можно: открытое письмо президенту России. Итоги пресс-конференции. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/important/tsb-rf-i-monetarizm-oshibajutsja-problemu-investitsij-i-infljatsii-reshit-mozhno-otkrytoe-pismo-prezidentu-rossii-itogi-press-konferentsii> (дата обращения 22.03.2018)
11. Bevan A., Estrin S., Meyer K. Foreign investment location and institutional development in transition economies. International Business Review, 13: 43–64.
12. Kemp M. C. The Pure Theory of International Trade. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall.
13. Bill, Browder. Red Notice: A True Story of High Finance, Murder, and One Man's Fight for Justice. Simon & Schuster: 416.
14. Foreign Direct Investment for Development: maximizing benefits, minimizing costs. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/daf/inv/investmentfordevelopment/1959815.pdf> (дата обращения 22.03.2018)
15. Phelps, M. Custer or Capture? Manufacturing Foreign Direct Investment External Economies and Agglomeration. Regional Studies, 42: 457–473.
16. Giblin, M. Inward foreign investment and the clustering process. The case of the medical technology sector in Ireland. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nuigalway.ie> (дата обращения 22.03.2017)
17. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика. М.: 240.
18. Ford T., Rork J., Elmslie B. Foreign direct investment, economic growth, and the human capital threshold: evidence from US states. Review of International Economics, 16: 96–113.
19. Lensink R., Morrissey O. Foreign Direct Investment: Flows, Volatility and Growth in Developing Countries. University of Nottingham, mimeo.
20. OECD FDI Statistics. Global Investment Trends Monitor. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/investment/statistics.htm> (дата обращения 22.03.2018)
21. UNCTAD, World Investment Report 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_en.pdf (дата обращения 22.03.2018)
22. Годовой отчет МВФ 2016: Совместный поиск решений. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2016/pdf/ar16_rus.pdf (дата обращения 22.03.2018)
23. Recovery in foreign direct investment is unexpectedly strong, but lacks productive impact [Электронный ресурс]. URL: <http://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=1189> (дата обращения 22.03.2018)
24. Рейтинг стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info> (дата обращения 22.03.2018)
25. Makhmudova M.M., Koroleva A.M. Foreign Trade Activity of the Russian Federation in the Current Context. International Journal of Economics and Financial Issues, 6: 241–245.
26. Статистика внешнего сектора: прямые иностранные инвестиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения 22.03.2018)

References:

1. Keynes D. General Theory of Employment, Interest and Money. Classical Economic Thought: Selected Works, M.: AST-Press.
2. The Economics of Take-off into Sustained Growth. 1963. Proceeding of a Conference Held by the International Economic Association / Ed. by W.W. Rostow, L.
3. De Gregorio J., Borensztein E. How does foreign direct investment affect economic growth. Nber working paper series.
4. Mahmudova M. M., Koroleva A. M., Shakirova E. V., Efimenko E. L. Investment attractiveness of the northern region. News of higher educational institutions. Economy. Sociology. Politics. 2016. 1: 27–32.
5. Schneider F., Frey B. S. Economic and Political Determinants of Foreign Direct Investment. World Development. V. 13, 2: 161–175.
6. Froot K. A., Stein J. C. Exchange Rates and Foreign Direct Investment: An Imperfect Capital Markets Approach. Quarterly Journal of Economics. 1991. 106: 1191–1217.
7. Lucas, Robert E. Expectations and the Neutrality of Money. Journal of Economic Theory. 4 (2): 103–124.
8. Simonov S. G., Makhmudova M. M., Korolev A. M. Macroeconomic regulation of the cyclical development of the economy: Textbook. Tyumen, TIU: 235, 2016.
9. De Mello, L. Foreign Direct Investment in Developing Countries and Growth: A. Selective Survey. Journal of Development Studies, 34: 1–34.
10. The Central Bank of Russia and monetarism are wrong, the problem of investment and inflation can be solved: an open letter to the Russian president. Results of the press conference. [e-resource]. URL: <http://rusrand.ru/important/tsb-rf-i-monetarizm-oshibajutsja-problemu-investitsij-i-infljatsii-reshit-mozhno-otkrytoe-pismo-prezidentu-rossii-itogi-press-konferentsii> (date of reference 22.03.2018)
11. Bevan A., Estrin S., Meyer K. Foreign investment location and institutional development in transition economies. International Business Review, 13: 43–64.
12. Kemp M. C. The Pure Theory of International Trade. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall.
13. Bill, Browder. Red Notice: A True Story of High Finance, Murder, and One Man's Fight for Justice. Simon & Schuster: 416.
14. Foreign Direct Investment for Development: maximizing benefits, minimizing costs. [e-resource]. URL: <http://www.oecd.org/daf/inv/investmentfordevelopment/1959815.pdf> (date of reference 22.03.2018)
15. Phelps, M. Custer or Capture? Manufacturing Foreign Direct Investment External Economies and Agglomeration. Regional Studies, 42: 457–473.
16. Giblin M. Inward foreign investment and the clustering process. The case of the medical technology in Ireland. [e-resource]. URL: <http://www.nuigalway.ie> (date of reference 22.03.2018)
17. Leontiev V. Economic essays. Theories, research, facts, politics. M.: 240.
18. Ford T., Rork J., Elmslie B. Foreign direct investment, economic growth, and the human capital threshold: evidence from US states. Review of International Economics, 16: 96–113.
19. Lensink R., Morrissey O. Foreign Direct Investment: Flows, Volatility and Growth in Developing Countries. University of Nottingham, mimeo.
20. OECD FDI Statistics. Global Investment Trends Monitor. [e-resource]. URL: <http://www.oecd.org/investment/statistics.htm> (date of reference 22.03.2018)
21. UNCTAD, World Investment Report. [e-resource]. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_en.pdf (date of reference 22.03.2018)
22. IMF Annual Report Joint solutions search. [e-resource]. URL: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2016/pdf/ar16_eng.pdf (date of reference 22.03.2018)
23. Recovery in foreign direct investment is unexpectedly strong, but lacks commercial impact. [e-resource]. URL: <http://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=1189> (date of reference 22.03.2018)
24. Rating of countries in the world in terms of foreign direct investment. Humanitarian Encyclopedia. [e-resource]. URL: <http://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info> (date of reference 22.03.2018)
25. Makhmudova M. M., Koroleva A. M. Foreign Trade Activity of the Russian Federation in the Current Context. International Journal of Economics and Financial Affairs, 6: 241–245.
26. External sector statistics: foreign direct investment. [e-resource]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/> (date of reference 22.03.2018).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ФАКТОР СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Раменская Л. А.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, Уральский государственный экономический университет (Россия), 620144, Россия, г.Екатеринбург, ул. 8 Марта/ Народной Воли, 62/45, ramen_lu@mail.ru

Мехренцев А. В.

Кандидат технических наук, профессор, и.о. ректора, Уральский государственный лесотехнический университет (Россия), 620100, Россия, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, mehrentsev@yandex.ru

Стариков Е. Н.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, Уральский государственный экономический университет (Россия), доцент кафедры экономики и экономической безопасности, Уральский государственный лесотехнический университет (Россия), руководитель Центра «Исследования и разработки фундаментальных и прикладных проблем лесного сектора цифровой экономики» УГЛТУ (Россия), 620100, Россия, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, starik1705@yandex.ru

УДК 630*79:004(470.54)
ББК 65.342.1(2Рос-4Све)с51

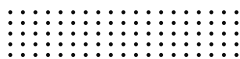
Цель. Исследование существующего уровня цифровых технологий в лесном секторе экономики Свердловской области, перспектив его развития в виде межорганизационной кооперации отраслевых организаций в форме кластерного образования.

Методы. Существующая степень развития информационных технологий в лесопромышленном бизнесе Свердловской области проанализирована при помощи модели Н. Венкатрамана. Сделан вывод о необходимости межорганизационного партнерства для дальнейшего повышения эффективности функционирования отраслевых предприятий. С позиции кластерного подхода обосновано создание лесоперерабатывающего кластера в регионе. Анализ нормативно-правовой базы и существующих кластерных инициатив позволил выявить основные инструменты государственной поддержки региональных промышленных кластерных образований.

Результаты. «Цифровизация» позволяет лесопромышленному сектору экономики выйти за пределы традиционных ограничений и предоставляет много новых возможностей для повышения производительности, эффективности и создания новых конкурентных преимуществ. На основе выявленного уровня развития цифровых технологий лесопромышленных предприятий, создана концептуальная схема регионального лесопромышленного кластера и его основных информационных потоков. Кластер, сформированный предлагаемым образом, будет соответствовать требованиям, необходимым для получения государственной поддержки, и способствовать повышению уровня развития информационных технологий в отрасли.

Научная новизна. Научная новизна заключается в обосновании взаимосвязи между развитием цифровых технологий и необходимостью структурно-организационной трансформации бизнеса в виде кластерного образования на примере одной из традиционных отраслей – лесной промышленности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация бизнеса, цифровая экономика, лесная промышленность, региональный лесопромышленный кластер.

Раменская Л. А., Мехренцев А. В., Стариков Е. Н.

DIGITALIZATION AS A NEW FACTOR OF STRUCTURAL AND ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE FOREST INDUSTRY (FOR EXAMPLE, THE FORMATION OF THE SVERDLOVSK REGION'S TIMBER CLUSTER)

Ramenskaya L. A.

Candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of corporate economics and business management, Ural State Economic University (Russia), 620144, Russia, Yekaterinburg, March 8 / People's Wil str., 62/45, ramen_lu@mail.ru

Mekhrentsev A. V.

Candidate of Technical Sciences, Professor, Acting. Rector, Ural State Forestry University (Russia), 620100, Russia, Yekaterinburg, Sibirskiy trakt str., 37, mekhrentsev@yandex.ru

Starikov E. N.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Corporate Economics and Business Management, Ural State Economic University (Russia), Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security, Ural State Forestry University (Russia), Head of the Center for Research and Development of Fundamental and Applied Problems of the Forestry Sector economy (Russia), 620100, Russia, Yekaterinburg, Sibirskiy trakt str., 37, starik1705@yandex.ru

Purpose. Research of the existing level of digital technologies in the forestry sector of the economy of the Sverdlovsk region, prospects for its development in the form of interorganizational cooperation of branch organizations in the form of cluster education.

Methods. The current degree of development of information technologies in the timber business of the Sverdlovsk region has been analyzed using the model of N. Venkatraman. The conclusion contains the rationale for the need for an inter-organizational partnership to improve the efficiency of the operation of industry enterprises. The creation of a timber-processing cluster in the region is justified from the point of view of the cluster approach. Analysis of the regulatory framework and existing cluster initiatives has made it possible to identify the main instruments of state support for regional industrial cluster entities.

Results. "Digitalization" allows the timber industry sector to move beyond traditional constraints and provides many new opportunities to increase productivity, efficiency and create new competitive advantages. On the basis of the revealed level of development of digital technologies of timber industry enterprises, a conceptual scheme of a regional timber industry cluster and its main information flows has been created. Cluster formed in the way proposed, will meet the requirements for receiving state support, and enhance the level of development of information technologies in the industry.

Scientific novelty. The scientific novelty lies in the substantiation of the relationship between the development of digital technologies and the need for structural and organizational transformation of business in the form of cluster formation in the example of one of the traditional industries – the forest industry.

Key words: digitalization, digital business transformation, digital economy, forest industry, regional forestry cluster.

Стремительное развитие информационных технологий в течение трех последних десятилетий приводит к тому, что с одной стороны организациям приходится иметь дело с увеличивающимся объемом данных и участвовать во все усложняющейся системе взаимосвязей участников рынка и широкого спектра заинтересованных сторон. С другой стороны – поддерживаемая информационными технологиями гибкость, позволяют повысить производительность при снижении цен. Вместе с тем существенная технологическая трансформация промышленных предприятий приводит к необходимости преобразования как бизнес-процессов, так организационных структур и стратегий развития.

Вместе с тем дискуссия о распространении цифровых технологий в традиционных отраслях промышленности обычно ведется в лишь в контексте инвестирования в новые технологические решения, при этом вопросы, связанные с необходимостью преобразований в системе управления организацией и межорганизационного сотрудничества, обмена данными внутри предприятий одной отрасли, как правило не рассматриваются.

Для определения существующего уровня развития цифровых технологий, направлений организационных преобразований и совершенствования, целесообразно рассмотреть модели организационной трансформации, являющейся следствием развития информацион-

ных технологий. Одной из наиболее часто упоминаемых, является широко цитируемая за рубежом модель Н. Венкатрамана [1–2]. Несмотря на срок существования более двух десятков лет, модель обновляется и остается актуальной и востребованной исследователями и практиками во многих отраслях [3–4].

В модели (рис. 1) представлены пять уровней, расположенных в порядке их воздействия на организацию, начиная с небольшой трансформации отдельных видов деятельности и заканчивая переопределением стратегии и бизнес-модели организации.

Базисом трансформации бизнеса вследствие развития информационных технологий является оцифровка аналоговых источников в самом широком смысле, включая, например, электронный документооборот, измерения и сигналы датчиков, преобразованные в цифровую форму.

Первые два уровня, называемые эволюционными, не предполагают существенной трансформации бизнеса. Уровни с первого по третий сосредоточены на внутриорганизационных преобразованиях, коммерческих перспективах отдельной организации. Первоначально модель ограничивалась этим [3, С. 229].

Два высших уровня посредством межорганизационных преобразований трансформируют всю сеть бизнеса, под которой в данном случае понимается совокупность взаимодействий отраслевых и инфраструктурных организаций, работающих над достижением общей цели [5], а также их внешних заинтересованных лиц [6, С. 198].

Каждый уровень модели описывает базовые информационные технологии уровня и степень трансформации бизнеса:

1. Локализованная эксплуатация, подразумевает использование базовых возможностей информационных технологий для выполнения определенного функционала. К информационным технологиям данного уровня относят использование офисных приложений, электронной почты, а также программное обеспечение по планированию производства и управлению запасами. Организации претерпевают лишь незначительные изменения и не создают существенных конкурентных преимуществ посредством использования информационных технологий вследствие их типичности и ограниченности применения.

2. Второй уровень предполагает интеграцию различных подсистем и функционалов организации, кросс-функциональный обмен информацией (например, производственных, трудовых и финансовых ресурсов), что позволяет обеспечить балансировку и оптимизировать использование ресурсов организации [7, С. 11]. Примерами информационных технологий данного уровня являются программные пакеты, реализующие функционал системы планирования ресурсов предприятия (ERP), корпоративные хранилища данных (Data Warehouse).

3. Реинжиниринг бизнес-процессов организации на третьем уровне является следствием применения информационных технологий второго уровня. С целью создания конкурентных преимуществ организации трансфор-

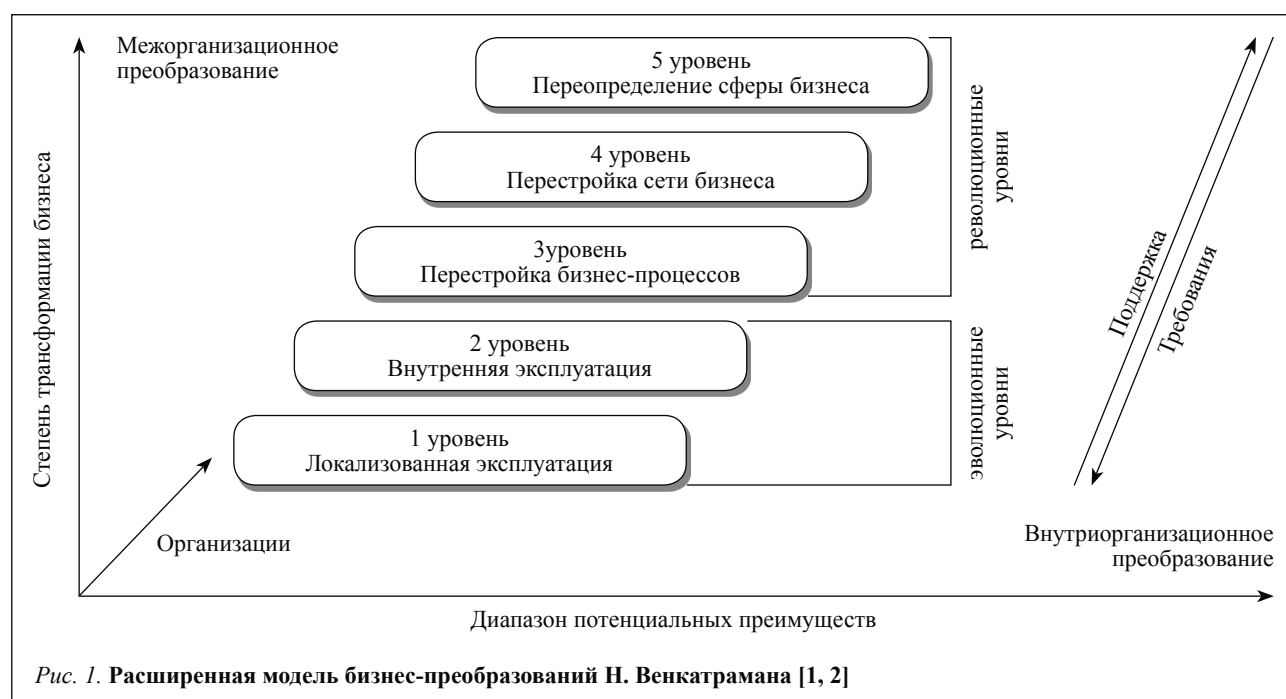

Рис. 1. Расширенная модель бизнес-преобразований Н. Венкатрамана [1, 2]

мируют бизнес-процессы для более высокой степени интеграции на основе данных об «узких местах», полученных в интегрированных информационных системах. Так, например, использование корпоративных хранилищ существенно расширяет возможности управленческого анализа, позволяет управлять знаниями.

4. В отличие от предыдущих уровней, четвертый уровень фокусируется на трансформации межорганизационного взаимодействия, перестраивая бизнес-сети для более эффективного взаимодействия между организациями. Техническими платформами реорганизации бизнес-сетей являются общие стандарты обмена данными, например, электронный обмен данными (EDI) основан на серии стандартов, регламентирующих форматы сообщений, которыми обмениваются организации-партнеры в электронном виде. Его использование предполагает существенное увеличение скорости документооборота и снижение себестоимости обработки документов, сокращение ошибок, связанных с «человеческим фактором», хранение всей информации в электронном виде. На данном уровне трансформации стратегическое видение конкурентных преимуществ организации рассматривается с позиции партнерства с другими организациями, включающего совместное планирование, координацию и сотрудничество в совместных проектах, обмен необходимой информацией и знаниями [8, С. 19].

5. Переопределение бизнес-сферы на пятом уровне относится к изменению бизнес-модели и стратегии, что может быть вызвано реорганизацией сети бизнеса на предыдущем уровне. Организации на этом уровне, вследствие цифровой трансформации, начинают реализовывать новые стратегии, заключающиеся в использовании появившихся возможностей выхода на новые рынки, производства новых продуктов и услуг. К пятому уровню преобразований относятся стратегические изменения в долгосрочных союзах и партнерствах, включая реструктуризацию, аутсорсинг и расширение деловой активности.

В данном исследовании в качестве объекта исследования рассматривается лесной сектор экономики Свердловской области.

Производственный потенциал Свердловской области, обусловленный значительными объемами древесного сырья для перспективного наращивания объемов лесопользования и деревообработки, а также широкой номенклатурой продукции, относится к одному из крупнейших в России. Практически в каждом муниципалитете региона работают отраслевые предприятия, являясь для ряда населенных пунктов градообразующими, что свидетельствует о высокой социальной значимости отрасли.

Вместе с тем лесопромышленная отрасль не является приоритетной для Свердловской области, в общем

объеме промышленного производства её доля составляет всего 1,4 %. Доля продукции с высокой добавленной стоимостью остается низкой.

В таблице 1 представлены основные показатели развития организаций лесного сектора экономики Свердловской области.

За последние годы производство продукции отрасли в натуральном выражении растет, за исключением деревянного домостроения, вместе с тем наблюдается сокращение объема отгруженной продукции в стоимостном выражении 2016 г. Это объясняется тем, что по укрупненному виду деятельности «Обработка древесины и производство изделий из дерева» в 2015 г. наблюдался скачок объемов производимой и отгруженной продукции. Сокращение объемов по укрупненному виду деятельности «Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность» обусловлено прекращением деятельности ряда микро- и малых предприятий издательской и полиграфической деятельности.

Для анализа существующего уровня развития информационных технологий и перспективных направлений трансформации бизнеса целесообразно проанализировать региональные отраслевые предприятия по размеру, видам деятельности и возможностям внутриотраслевой коммуникации.

В общем объеме отгруженной продукции удельный вес малых предприятий и организаций составляет 55,3 %, при этом их вес в общем количестве зарегистрированных предприятий и организаций составляет 99,1 %.

Следовательно, можно утверждать, что малые предприятия и организации занимают значительную часть отраслевого регионального рынка. Малый бизнес преобладает в издательской и полиграфической деятельности, помимо этого малые предприятия также ориентированы на лесозаготовки, малое лесопиление и столярное производство, индивидуальное деревянное домостроение, производство древесного угля.

Средние предприятия лесопромышленного сектора Свердловской области преимущественно заняты в производстве пиломатериалов, клееных щитов и конструкций, сфере индустриального деревянного домостроения.

Очевидно, что ни один современный бизнес не может функционировать без информационных технологий первого уровня модели Н. Венкатрамана, при этом покупка ERP-систем и корпоративных хранилищ данных для малых и средних предприятий традиционных отраслей промышленности представляется неоправданной.

Крупными региональными лесопромышленными предприятиями являются НАО «СВЕЗА Верхняя Сиячиха», ЗАО «Аргус СФК», ООО «Новолялинский цел-

Таблица 1. Основные показатели развития лесного сектора экономики Свердловской области

Показатели	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Индекс производства (в процентах к предыдущему году)							
Обработка древесины и производство изделий из дерева	111,3	107,0	108,8	99,5	94,5	104,2	109,2
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	124,3	115,7	121,2	66,3	93,3	79,5	95,3
Объем отгруженных товаров собственного производства (миллионов рублей)							
Обработка древесины и производство изделий из дерева	7699	8563	8218	8611	8444	13489	12792
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	7504	8402	8384	9691	8276	15729	10872
Производство продукции в натуральном выражении							
Пиломатериалы, млн м ³	21,9	22,6	21,2	21,7	21,5	22,0	23,8
Фанера клееная, тыс. м ³	2697	3063	3201	3329	3569	3657	3812
Плиты древесностружечные, тыс. условных м ³	5467	6531	6778	6638	6822	7207	7394
Плиты древесноволокнистые, млн условных м ²	404	464	469	427	469	502	555
Домики садовые и постройки хозяйственные приусадебные, тыс. шт.	3,5	2,4	6,8	18,3	19,1	10,5	14,1
Целлюлоза, тыс. т	7510	7661	7658	7211	7537	7875	8208
Бумага, тыс. т	4688	4784	4782	4765	5051	5073	5274
Картон, тыс. т	2971	2847	3032	3022	3099	3121	3366

Источник: Свердловскстат

люлозно-бумажный комбинат», ЗАОр «Туринский ЦБЗ», ООО «Тавдинский фанерно-плитный комбинат», группа компаний «СКМ-Мебель».

Основная часть крупных отраслевых предприятий находится на втором-третьем уровне рассматриваемой модели, переходя на использование ERP-систем и единое цифровое корпоративное пространство хранения данных.

НАО «СВЕЗА Верхняя Синячиха», являющееся одним из шести комбинатов группы «СВЕЗА» – мирового лидера на рынке березовой фанеры, одного из флагманов отраслевого рынка по использованию современных производственных технологий.

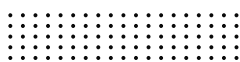
В группе компаний в течение продолжительного времени внедрена ERP SAP¹. Для оперативного планирования и управления производством на предприятиях ГК «СВЕЗА» внедрены исполнительные системы производства MES (Manufacturing Execution System), позволяющие решать задачи координации, синхронизации и оптимизации производственных процессов. Помимо этого, внедрена система аналитической обработки данных BI (Business Intelligence), основной функ-

ционал которой нацелен на развитие бизнес-процессов, достижение ключевых показателей эффективности (KPI). В число компонентов системы BI входят помимо прочего корпоративные хранилища данных, корпоративные порталы, обеспечивающие совместный доступ к информации. (EAI, enterprise application integration), позволяющие достичь взаимосвязей на уровне бизнес-процессов и отдельных данных [9, С. 154].

Таким образом, ГК «Свеза» находится на четвертом уровне модели цифровых преобразования бизнеса Н. Венкатрамана, обеспечивая межорганизационное взаимодействие между комбинатами и сырьевой площадкой группы компаний – ООО «СВЕЗА-Лес».

Таким образом, можно констатировать, что лесопромышленном комплексе Свердловской области сформировались предпосылки для межорганизационной трансформации, присущей четвертому и пятому уровням модели развития цифровизации. Наиболее развитые в отношении информационных технологий предприятия отрасли могут достичь синергетического эффекта в росте своей эффективности в основном за счет снижения транзакционных затрат при объеди-

¹ Официальный сайт ГК «Свеза» www.sveza.ru

нении в единую сеть информационного обмена. При этом, по нашему мнению, перспективной трансформацией сети бизнеса является образование регионального лесопромышленного кластера.

Кооперация внутри кластера позволит его участникам усилить взаимодействие между отдельными предприятиями, выработать единый формат цифрового обмена данными, отладить и отработать механизм и формы сотрудничества по крупным совместным проектам.

Отказ от межорганизационного взаимодействия не позволит отраслевым предприятиям повысить свою конкурентоспособность за счет использования информационных технологий.

Учитывая сказанное выше, представляется целесообразным рассмотреть возможности получения государственной поддержки лесопромышленным кластером Свердловской области, а также сформировать его концептуальную схему.

Анализ зарубежного опыта показал, что в таких экономически развитых странах как Германия, Франция и Япония кластерный подход успешно применялся [10–13].

Теоретические основы современной кластерной теории заложены в трудах М. Портера, который предлагал рассматривать конкурентоспособность страны с позиции кластеров – сконцентрированных по географическому признаку групп компаний, в которые входят не только отраслевые предприятия, но также торговые объединения, организации подготовки отраслевых кадров и прочие, связанные с деятельностью участников кластера [14].

Вопросам уточнения теоретико-методических положений кластерного подхода посвящено значительное количество исследований (например, [15–17]). Ряд работ посвящен формированию инновационных кластерных образований, например, [18–20]. Существуют также работы, освещающие создание региональных лесопромышленных кластеров [21–22].

На сегодняшний день формирование промышленных кластеров в регионах является одним из перспективных инструментов промышленной политики [23–24], что находит отражение в ряде инструментов государственной поддержки кластерных образований.

Государственная поддержка создания и функционирования региональных промышленных кластеров осуществляется в соответствии с Федеральным Законом «О промышленной политике в Российской Федерации» [25].

Существует два основных варианта получения государственной поддержки формирования и развития кластерных образований. В обоих случаях для того чтобы претендовать на государственную поддержку региональные промышленные кластеры и их управля-

ющие компании должны соответствовать ряду требований, утвержденных Постановлением Правительства РФ № 779 от 31.07.2015. К их числу относятся требования к составу участников (так, в состав участников должны входить не менее десяти производителей промышленной продукции, один производитель конечной продукции, одна организация финансового сектора, одно образовательное учреждение, два инфраструктурных технологических объекта, некоммерческая специализированная организация промышленного кластера), территориальной близости участников, их функциональной зависимости, а также необходимость подтверждения кооперации (у участника кластера, не занятого в производстве конечной продукции, более половины производимой продукции должно использоваться другими участниками).

Первый вариант предусматривает включение кластера, который в заявительном порядке подтверждает соответствие требованиям, приведенным выше, в реестр Минпромторга. На его основе готовится проект бюджетного субсидирования кластерного образования.

С 2016 года в реестре Минпромторга из 20 промышленных кластеров появились два, относящихся к лесному сектору экономики, – Лесопромышленный инновационный территориальный кластер «Помор-ИнноваЛес» (Архангельская область) и Лесопромышленный кластер Республики Коми. Объем финансирования программ развития кластеров составил 531,8 и 2 278,8 млн руб. соответственно, при этом объем средств Федерального бюджета в каждом случае составляет около 200 млн руб. [26].

Второй вариант предусматривает частичное субсидирование развития кластеров в регионах в рамках программ поддержки предпринимательства Минэкономразвития России, осуществляемое центром кластерного развития.

Государственная поддержка по данному варианту оказывается четырем региональным лесопромышленным кластерам, находящимся на раннем этапе развития: «Промышленный кластер деревянного домостроения и деревопереработки Вологодской области», «Кластер производителей мебели, деревообработки и смежных отраслей Республики Саха (Якутия)», Некоммерческое партнерство «Лесопромышленный кластер Ханты-Мансийского автономного округа-Югры», «Промышленный кластер Пестовского муниципального района Новгородской области», ключевой специализацией которого является лесопереработка [27].

Дополнительными мерами государственной поддержки участников промышленных кластеров, свидетельствующими о высокой значимости кластерных образований для развития промышленности, является предоставление субсидирования «на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по про-

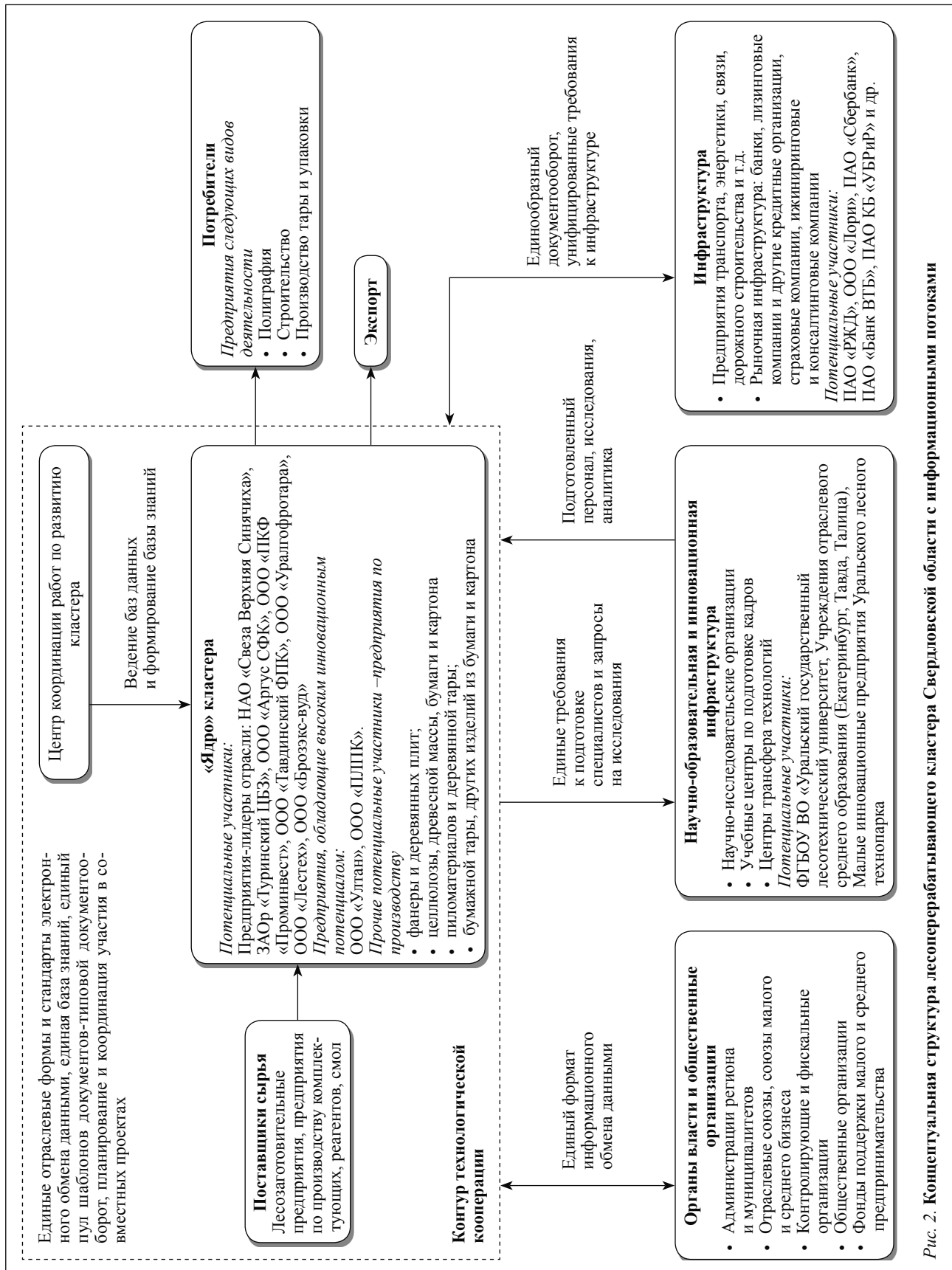

Рис. 2. Концептуальная структура лесоперерабатывающего кластера Свердловской области с информационными потоками

Раменская Л. А., Мехренцев А. В., Стариков Е. Н.

изводству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения», включенную в государственную программу «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» (Постановление №41 от 28.01.2016).

Таким образом, на сегодняшний день существует ряд мер государственной поддержки региональных промышленных кластеров. Сформировавшиеся кластеры находятся на раннем этапе становления, что также делает возможным развитие предприятий лесопромышленного комплекса Свердловской области в форме кластерного образования.

Кластер по лесопереработке был обозначен в числе направлений развития региона в «Стратегии развития Свердловской области до 2020 года», но так и не был создан.

Дополнительными аргументами в пользу создания лесоперерабатывающего кластера в регионе, включающего наиболее крупных региональных игроков, являются наличие в регионе предприятий полного цикла переработки, а также успешная реализация инновационных и инвестиционных проектов малыми предприятиями Уральского лесного технопарка, среди которых проект производства влагостойкой ДСП (ООО «ПЛПК»), проект антисептической обработки деревянных изделий (ООО «Ултан») и др. Концептуальная структура лесоперерабатывающего кластера Свердловской области с его информационными потоками представлена на рис. 2.

Конечным продуктом кластера может быть целлюлозно-бумажная продукция и фанера, рынок которых в последние годы демонстрирует устойчивый рост.

В контур технологической кооперации войдут участники «ядра» кластера, поставщики сырья – предприятия в сфере лесозаготовок, а также центр координации работ по развитию кластера, основной деятельностью которого будет создание условий для эффективного взаимодействия и информационного обмена между участниками кластера.

Кластер, сформированный предлагаемым образом, будет отвечать представленным выше требованиям, соответствие которым необходимо для заявки на получение государственной поддержки. Кроме того, предлагаемое межорганизационное взаимодействие представляет собой трансформацию сети бизнеса и будет содержать предпосылки для развития информационных технологий четвертого и пятого уровней модели Н. Венкатрамана.

Таким образом, использование цифровых технологий лесопромышленными предприятиями помимо возможностей предъявляет дополнительные требования к системе управления организациями.

Более эффективная интеграция отдельных информационных систем и данных, а также большие аналитиче-

ские возможности позволяют усовершенствовать планирование, контроль и координацию систем управления отдельными организациями, так и сеть бизнеса в целом.

Важным моментом, который необходимо дополнительно исследовать, является социальный аспект, связанный с тем, что персонал предприятий должен быть подготовлен к использованию цифровых технологий и мотивирован на такую работу.

Литература:

1. Venkatraman N. IT-enabled business transformation: From automation to business scope redefinition // Sloan Management Review. 1994. №35 (2). P. 73–87.
2. Bharadwaj A., El Sawy O.A., Pavlou P.A., Venkatraman N. Digital business strategy: Toward a next generation of insights // MIS Quarterly. 2013. №37(2). P. 471–482.
3. Heilig L., Schwarze S., Voß S. An analysis of digital transformation in the history and future of modern ports // In Proceedings of the 50th Hawaii international conference on system sciences (HICSS). 2017. P. 1341–1350.
4. Agarwal, R., Gao, G., DesRoches C., Jha A. Research commentary—the digital transformation of healthcare: Current status and the road ahead // Information Systems Research. 2010. №21 (4). P. 796–809.
5. Henneberg, Stephan C., Mouzas S., Naudé P. Network pictures: concepts and representations // European Journal of Marketing. 2006. №40. P. 408–429.
6. Word, J. Business Network Transformation: Strategies to Reconfigure Your Business Relationships for Competitive Advantage / J-B Edition. 2009. P. 304.
7. Luftman J. Assessing IT/business alignment // Information Systems Management. 2003. №20(4). P. 9–15.
8. Petersen, K.J., Ragatz, G.L., Monczka, R.M.. An examination of collaborative planning effectiveness and supply chain performance // Journal of Supply Chain Management. 2005. №41(2). P. 14–25.
9. Rud, O.P. Business Intelligence Success Factors: Tools for Aligning Your Business in the Global Economy. John Wiley & Sons, 2009. 305 p.
10. Arimoto, Y., Nakajim, K., Okazaki, T. Sources of productivity improvement in industrial clusters: the case of pre-war Japanese silk-reeling industry // Regional Science and Urban Economics. 2014. №46. P. 27–41.
11. Hashino, T., Otsuka, K. Cluster-based industrial development in contemporary developing countries and modern Japanese economic history // Journal of the Japanese and international Economics. 2013. №30. P. 19–32.
12. Ketels, K., Sölvell, Ö. Clusters in the EU-10 new member countries 2005. 76 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://cordis.europa.eu/innovation-policy/studies/pdf/eucluster.pdf> (дата обращения 12.04.2018).
13. Regional clusters in Europe // Observatory of European SMEs. – Luxembourg. Office for Official Publication

Раменская Л. А., Мехренцев А. В., Стариков Е. Н.

- of European Communities. 2002. №3. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/innovation/pdf/library/regional_clusters.pdf (дата обращения 11.04.2018).
14. Портер М. Э. Конкуренция. Москва: Вильямс, 2005. 608 с.
15. Лаврикова Ю. Г. Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом пространстве региона: монография. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2008. 232 с.
16. Пропульсивные кластеры: сущность и роль в управлении прогрессивными структурными преобразованиями региональных социально-экономических систем: монография / под ред. Ю. В. Вертаковой. М.: ИНФРА-М, 2016. 262 с.
17. Раевский С. В., Винокурова Ю. В. Кластерная концепция организации структуры экономики региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. №5 (44). С. 27–33.
18. Агарков А. П., Голов Р. С. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров: монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. 288 с.
19. Бабкин А. В., Мошков А. А. Управление инновационным потенциалом интегрированных промышленных структур // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. №6 (84). С. 43–33.
20. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Формирование прокластеров в рамках реализации экономической стратегии // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. №1 (14). С. 28–34.
21. Киселева А. А. Создание регионального лесопромышленного кластера как основа повышения конкурентоспособности отрасли // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2014. №3 (22). С. 52–57.
22. Амбрутис В. Ю. Кластеризация как способ повышения эффективности лесного комплекса Хабаровского края // Российское предпринимательство. 2008. №6 Вып. 2 (113). С. 69–72.
23. Кластерно-ориентированная политика развития экономического пространства регионов России: монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб. Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 300 с.
24. Кумышева М. М. Кластерная политика как механизм реализации эффективного управления промышленными предприятиями / М. М. Кумышева, Н. Б. Абанова, А. Б. Нагоев // Фундаментальные исследования. 2014. №12-8. С. 1703–1707.
25. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 декабря 2014 г. №488-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70833138:0> (дата обращения 02.04.2018).
26. Реестр промышленных кластеров Минпромторга РФ. [электронный ресурс]. URL: https://www.gisip.ru/reg_clusters (дата обращения 12.04.2018).
27. Проект «Карта кластеров России» Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: <http://clusters.mocore.ru> (дата обращения 11.04.2018).

References:

1. Venkatraman N. IT-enabled business transformation: From automation to business scope redefinition // Sloan Management Review. 1994. №35 (2). P. 73–87.
2. Bharadwaj A., El Sawy O. A., Pavlou P. A., Venkatraman N. Digital business strategy: Toward a next generation of insights // MIS Quarterly. 2013. №37(2). P. 471–482.
3. Heilig L., Schwarze S., Voß S. An analysis of digital transformation in the history and future of modern ports // In Proceedings of the 50th Hawaii international conference on system sciences (HICSS). 2017. P. 1341–1350.
4. Agarwal R., Gao G., DesRoches C., Jha A. Research commentary—the digital transformation of healthcare: Current status and the road ahead // Information Systems Research. 2010. №21(4). P. 796–809.
5. Henneberg Stephan C., Mouzas S., Naudé P. Network pictures: concepts and representations // European Journal of Marketing. 2006. №40. P. 408–429.
6. Word J. Business Network Transformation: Strategies to Reconfigure Your Business Relationships for Competitive Advantage / J-B Edition. 2009. P. 304.
7. Luftman J. Assessing IT/business alignment // Information Systems Management. 2003. №20(4). P. 9–15.
8. Petersen K. J., Ragatz G. L., Monczka R. M.. An examination of collaborative planning effectiveness and supply chain performance // Journal of Supply Chain Management. 2005. №41(2). P. 14–25.
9. Rud O. P. Business Intelligence Success Factors: Tools for Aligning Your Business in the Global Economy. John Wiley & Sons, 2009. 305 p.
10. Arimoto Y., Nakajim K., Okazaki T. Sources of productivity improvement in industrial clusters: he case of pre-war Japanese silk-reeling industry // Regional Science and Urban Economics. 2014. №46. P. 27–41.
11. Hashino T., Otsuka K. Cluster-based industrial development in contemporary developing countries and modern Japanese economic history // Journal of the Japanese and international Economics. 2013. №30. P. 19–32.
12. Ketels K., Sölvell Ö. Clusters in the EU-10 new member countries 2005. 76 p. [e-resource]. URL: <http://cordis.europa.eu/innovation-policy/studies/pdf/eucluster.pdf> (date of reference 11.04.2018)
13. Regional clusters in Europe // Observatory of European SMEs. – Luxembourg. Office for Official Publica-

Раменская Л. А., Мехренцев А. В., Стариков Е. Н.

- tion of European Communities. 2002. № 3. [e-resource]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/innovation/pdf/library/regional_clusters.pdf. (date of reference 11.04.2018)
14. Porter M. E. On Competition / Moscow: Williams, 2005. 608 p.
 15. Lavrikova Y. G. Clusters: the strategy of formation and development in the economic space of the region: monograph. Ekaterinburg: Institute of Economics, UrB RAS, 2008. 232 p.
 16. Propulsive clusters: the essence and role in the management of progressive structural transformations of regional socio-economic systems: monograph / ed. Y. V. Vertakova. M.: INFRA-M, 2016. 262 p.
 17. Raevsky S. V., Vinokurova Y. V. Cluster concept of organization of the regional economy structure // Regional economy: theory and practice. 2007. No 5 (44). p. 27–33.
 18. Agarkov A. P., Golov R. S. Designing and forming of innovative industrial clusters: monograph. Moscow: Publishing and Trading Corporation “Dashkov and K”, 2016. 288 p.
 19. Babkin A. V., Moshkov A. A. Management of Innovative Potential of Integrated Industrial Structures // Izvestiya of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2013. № 6 (84). P. 43–33.
 20. Polozhentseva Y. S., Klevtsova M. G. Formation of pro-clusters in the framework of the implementation of the economic strategy // Izvestiya Yugo-Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2015. № 1 (14). p. 28–34.
 21. Kiseleva A. A. Establishment of a regional forestry cluster as a basis for increasing the competitiveness of the industry // Vestnik of Perm University. Ser. «Economy» 2014. № 3 (22). P. 52–57.
 22. Ambrutis V. Y. Clustering as a way of increasing the efficiency of forest complex of the Khabarovsk Krai // Journal of Russian entrepreneurship. 2008. № 6 V. 2 (113). P. 69–72.
 23. Cluster-oriented policy of economic space development in Russian regions: monograph / edited by A. V. Babkin. SPb.: Publishing house of Polytechnical Institute. UN-TA, 2014. 300 p.
 24. Kumacheva M. Cluster policy as a mechanism of implementing the effective management of industrial enterprises / M. M. Kamysheva N. B. Abalakova Nagoyev A. B. // Fundamental research. 2014. № 12-8. P. 1703–1707.
 25. On Industrial Policy in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 31 of December 2014 № 488-FL (as amended on 3.07.2016) [e-resource]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70833138:04> (date of reference 02.04.2018).
 26. Register of industrial clusters of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. [e-resource]. URL: https://www.gisip.ru/reg_clusters (date of reference 12.04.2018).
 27. The project “Map of clusters of Russia” of the Russian cluster observatory of the Higher School of Economics. [e-resource]. URL: <http://clusters.moscore.ru> (date of reference 11.04.2018).

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Тохиров Т. И.

ассистент кафедры «Автомобили и управление на транспорте» политехнического института таджикского технического университета имени академика М. С. Осими (Таджикистан), 734042, Таджикистан, г. Душанбе, улица ак. Раджабовых, 10, tohirov.82@mail.ru

УДК 338.47(575.3)

ББК 65.373(5Тад)

В статье рассмотрено состояние транспортной инфраструктуры Согдийской области Республики Таджикистан, обозначены проблемы в её развитии при переходе к современной рыночной экономике, определены направления региональной поддержки формирования транспортной инфраструктуры, отвечающей потребностям повышения конкурентоспособности Согдийского региона. Определены показатели функционирования транспортной инфраструктуры. Дана оценка современного состояния транспортной инфраструктуры Согдийской области. Для оценки уровня развития транспортной инфраструктуры территории использованы коэффициенты Энгеля, Гольца, Успенского и Василевского. Приведены некоторые показатели, характеризующие состояние транспортной инфраструктуры в соответствии с данными статистических источников Республики Таджикистан.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, автомобильный транспорт, коэффициент Энгеля, коэффициент Гольца, коэффициент Успенского, коэффициент Василевского, грузовые перевозки, пассажирские перевозки.

ASSESSMENT OF THE TRANSPORT INFRASTRUCTURE OF THE REGION

Tokhirov T. I.

Assistant of the Department of Automobiles and Transport Management at the Polytechnic Institute of the Tajik Technical University named after Academician MS Osimi (Tajikistan), 734042, Tajikistan, Dushanbe, Ak. Rajabovs, 10, tohirov.82@mail.ru

The article examines the state of the transport infrastructure of the Sughd region of the Republic of Tajikistan, identifies the problems in its development in the transition to a modern market economy, and identifies areas for regional support for the formation of transport infrastructure that meets the needs of increasing the competitiveness of the Sughd region. Indicators of the functioning of transport infrastructure are determined. The estimation of a modern condition of a transport infrastructure of Sughd region is given. To assess the level of development of the transport infrastructure of the territory, the coefficients of Engel, Golts, Uspensky and Wasilevsky were used. Some indicators describing the state of the transport infrastructure in accordance with the statistical sources of the Republic of Tajikistan are given.

Key words: transport infrastructure, motor transport, Engel coefficient, Golts coefficient, Uspensky coefficient, Vasilevsky coefficient, freight traffic, passenger transportation.

Оценка состояния транспортной инфраструктуры является широко распространенной практикой сегодня на всех уровнях управления. Современная система социально-экономического развития, ориентированная на транспортную инфраструктуру, все в большей степени основывается на территориальных диспропорциях с участием различных групп субъектов, заинтересованных в развитии инфраструктуры.

Из-за интенсивного использования инфраструктуры транспортный сектор является важным компонентом экономики и является общим инструментом,

используемым для развития. С развитием интеграционных процессов, где экономические возможности все больше связаны с мобильностью людей, товаров и информации. Очевидна взаимосвязь между количеством и качеством транспортной инфраструктуры и уровнем экономического развития. Инфраструктура транспорта с высокой плотности и сети обычно связаны с высокими уровнями развития экономики региона. Когда транспортные системы эффективны, они обеспечивают экономические и социальные возможности и выгоды, которые приводят к положитель-

Таблица 1. Коэффициент Энгеля для населенных пунктов Таджикистана

Название единицы региона	Население, тыс. чел.	Площадь, тыс. км ²	Плотность населения, чел./км ²	Длина транспортных путей, км	Коэффициент Энгеля
город Худжанд	172,7	0,28	6167	462	2,1
Айнинский район	76,9	5,2	14,8	327,1	0,51
Аштский район	151,6	2,8	54,1	316,3	0,48
Б. Гафуровский район	347,4	2,7	128,7	428,1	0,44
Деваштич	154,3	1,6	96,4	233,4	0,46
Горно-Матчинский район	22,8	3,7	6,2	274,5	0,94
Дж. Расуловский район	125,0	0,3	416,7	252,4	1,30
Зафарabadский район	67,4	0,4	168,5	200	1,21
Истаравшанский район	185,6	0,7	350,7	266,2	0,73
Исфаринский район	204,5	0,8	314,2	270,1	0,66
Канибадамский район	146,3	0,8	245,0	289,6	0,84
Матчинский район	113,4	1,0	113,4	148,7	0,44
Пенджикентский район	231,2	3,7	73,5	285	0,30
Спитаменский район	128,7	0,4	321,7	198,3	0,87

Составлено автором с использованием [3]

ным мультипликативным эффектам, таким как более широкий доступ к рынкам, занятость и дополнительные инвестиции. Когда транспортные системы недостаточны по мощности или по надежности, они могут иметь экономические издержки, такие как сокращенные или упущенные возможности и более низкое качество жизни.

Протяженность автомобильных дорог Республики Таджикистан составляет 26 366 км, железнодорожных путей широкой колеи 666 километров. Сеть автодорог общего пользования при Министерстве транспорта Республики Таджикистан состоит из 14 141 км, что составляет 56,3 % сети дорог республики. Ведомственные дороги составляют 12 563 км., т.е, 47,7 % всей сети дорог. Сеть дорог Министерства транспорта включает 5423,1 км республиканских дорог и 8717,9 км местных дорог, что составляет 38 % и 62 % соответственно [1].

Автомобильные дороги здесь доминируют над воздушным транспортом и железными дорогами для местных грузовых перевозок. Среднее расстояние перевозки грузов составляет 22 км, что слишком мало для экономической транспортировки грузов воздушным или железнодорожным транспортом [1]. Пассажиры, передвигающиеся внутри страны, в подавляющем большинстве пользуются автомобильным транспортом на совокупном уровне эффективная транспортировка снижает затраты во многих секторах экономики, в то время как неэффективная транспортировка увеличивает эти затраты. Кроме того, последствия транспорти-

ровки не всегда предназначены и могут иметь непредвиденные или непреднамеренные последствия.

Для оценки уровня развития транспортной инфраструктуры территории используются различные коэффициенты. Наиболее распространенными из них являются коэффициенты Энгеля, Гольца, Успенского, Василевского.

Коэффициент Энгеля рассчитывается по следующей формуле [2]:

$$d = \frac{L}{\sqrt{S \cdot H}},$$

где L – общая длина транспортных путей; S – площадь территории; H – численность населения.

Коэффициент Гольца рассчитывается как [1]:

$$d = \frac{L}{\sqrt{S \cdot \Pi}},$$

где Π – число населенных пунктов.

Коэффициент Гольца, по сути является модификацией коэффициента Энгеля, так как коэффициент Энгеля может несколько исказить картину уровня транспортного развития территорий, учитывая, что численность населения разных районов, регионов и стран могут значительно различаться, а коэффициент Гольца выводит более выверенную картину уровня транспортного развития, учитывая, что порой одни и те же транспортные пути соединяют населенные пункты с различной численностью.

Таблица 2. Показатели транспортной сети Республики Таджикистан

Название единицы регион	Длина транспортных путей, км	Площадь, тыс. км ²	Число населенных пунктов, ед.	Коэффициент Гольца
Душанбе, РРП	2795	28,5	106	1,60
Хатлонская область	5076	24,7	137	2,75
Согдийская область	3414	25,2	101	2,13
ГБАО	2690	62,9	44	1,61

Рассчитано автором с использованием [5]

Коэффициент Успенского рассчитывается как [2]:

$$d = \frac{L}{\sqrt[3]{S \cdot H \cdot t}},$$

где t – общий вес отправляемых на территории грузов.

Коэффициент Успенского является также модификацией коэффициента Энгеля с учетом веса отправляемых на территории грузов.

Коэффициент Василевского рассчитывается как [2]:

$$d = \frac{L}{\sqrt[3]{S \cdot H \cdot Q}},$$

где Q – общий вес произведенной продукции.

Коэффициент Василевского является модификацией коэффициента Успенского с учетом общего веса произведенной продукции [2].

Анализ состояния транспортной инфраструктуры Согдийской области и расчёт коэффициента Энгеля показал, что наиболее развитыми являются город Худжанд, Дж. Расуловский район и Зафарбадский район. Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры характерен для районов Пенджикент, Матча и Б. Гафуров.

Рассчитанные коэффициенты Гольца показывают, что наибольшее значение получает Хатлонская область, за ним идет Согдийская область.

Транспорт несет важную социальную и экологическую нагрузку, которой нельзя пренебрегать. Оценка экономической важности транспортировки требует категоризации типов воздействий, которые она передает. К ним относятся основные (физические характеристики транспорта), оперативные и географические аспекты.

Наиболее значимым воздействием транспорта является увеличение себестоимости товаров. Улучшение производительности, особенно с точки зрения надежности, а также снижение потерь или ущерба. Это подразумевает более высокий уровень использования существующих транспортных активов, приносящих пользу своим пользователям, поскольку пассажиры и грузовые перевозки осуществляются быстрее и с меньшими задержками.

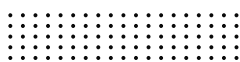
Доступ к более широкой рыночной базе, где экономия за счет масштаба производства, распределения и потребления может быть улучшена. Повышение производительности за счет доступа к более широкой и разнообразной базе ресурсов (сырья, деталей, энергии или рабочей силы) и более широких рынков для различных продуктов (промежуточных и готовых изделий). Еще одно важное географическое воздействие касается влияния транспорта на местоположение деятельности и ее воздействия на земельные ценности.

Таким образом, экономическое значение транспортной отрасли можно оценить с точки зрения макроэкономики и микроэкономики.

На макроэкономическом уровне (важность транспорта для целой экономики) транспорт и мобильность, которые он предоставляет, связаны с уровнем производства, занятости и доходами в национальной экономике. Во многих развитых странах транспортные расходы составляют от 6 % до 12 % ВВП. Рассматривая более всеобъемлющий уровень, включающий логистические затраты, такие затраты могут составлять от 6 % до 25 % ВВП. Кроме того, стоимость всех транспортных активов, включая инфраструктуру и транспортные средства, может легко составлять половину ВВП развитой экономики.

На микроэкономическом уровне (важности транспортировки для определенных частей экономики) транспорт связан с производственными, потребительскими и производственными издержками. Таким образом, важность конкретных видов транспорта и инфраструктуры может быть оценена для каждого сектора экономики. Как правило, более высокие уровни дохода связаны с большей долей транспорта в расходах на потребление. Транспортные расходы составляют в среднем от 10 % до 15 % расходов домашних хозяйств, тогда как на их долю приходится около 4 % затрат на каждую единицу продукции в обрабатывающей промышленности, но этот показатель сильно варьируется в зависимости от подсекторов [1].

Эффекты добавленной стоимости и занятости транспортных услуг обычно выходят за рамки своей деятельности; косвенные эффекты являются существен-

ными. Например, транспортные компании приобретают часть своих ресурсов (топливо, поставки, техническое обслуживание) от местных поставщиков. Производство этих материалов порождает дополнительную добавленную стоимость и занятость в местной экономике. Поставщики, в свою очередь, покупают товары и услуги у других местных фирм. Существуют дальнейшие раунды местных перерасходов, которые генерируют дополнительную добавленную стоимость и занятость. Аналогичным образом, домашние хозяйства, которые получают доход от занятости в транспортной деятельности, тратят часть своих доходов на местные товары и услуги. Эти покупки приводят к дополнительным местным рабочим местам и добавленной стоимости. Часть доходов домашних хозяйств от этих дополнительных рабочих мест, в свою очередь, расходуется на местные товары и услуги, тем самым создавая дополнительные рабочие места и доходы для местных домашних хозяйств. В результате этих последовательных перерасчетов в рамках местных закупок общее влияние на экономику превышает начальный раунд производства, доходов и занятости, связанных с деятельностью пассажирских и грузовых перевозок. Таким образом, с общей точки зрения экономические последствия транспортировки могут быть прямыми и косвенными.

Результат улучшения потенциала и эффективности, когда транспорт обеспечивает занятость, добавленную стоимость, большие рынки, а также улучшает время и затраты. Общий спрос на экономику растет.

Результат улучшения доступности и эффекта масштаба, косвенная добавленная стоимость и рабочие места являются результатом местных покупок компаниями, которые напрямую зависят от транспортной активности. Транспортная деятельность несет ответственность за широкий спектр косвенных эффектов с добавленной стоимостью и занятости через связи транспорта с другими секторами экономики (например, фирмы по поставкам канцелярских товаров, поставщики оборудования и запчастей, услуги по техническому обслуживанию и ремонту, страховые компании, консалтинговые и другие бизнес услуги). Результат эффекта экономического мультипликатора, когда цена товаров, товаров или услуг падает и / или их разнообразие увеличивается.

Транспорт связывает факторы производства в сложной сети взаимоотношений между производителями и потребителями. Результатом обычно является более эффективное разделение производства путем использования географических сравнительных преимуществ. Таким образом, производительность пространства, капитала и рабочей силы повышается за счет эффективности распределения и личной мобильности. Экономический рост все больше связан с развитием транспорта, а именно с инфраструктурами, но и с управленческим опытом, который имеет решающее

значение для логистики. Таким образом, хотя транспорт является интенсивной инфраструктурой, твердые активы должны поддерживаться множеством мягких активов, а именно рабочей, управленческими и информационными системами. Необходимо принять решение о том, как использовать и управлять транспортными системами таким образом, чтобы оптимизировать преимущества и минимизировать затраты и неудобства.

Литература:

1. Задворный Ю. В. Критерии эффективности транспортной инфраструктуры региона // Российское предпринимательство. 2011. № 1 (1). С. 168–172.
2. Гольская Ю. Н. Понятие транспортной инфраструктуры и оценка ее влияния на региональную экономику // Транспортная инфраструктура Сибирского региона: материалы второй межвузовской научно-практической конференции: в 6 т. Иркутск: изд-во ИрГУПС, 2011. С. 157–162.
3. Кельбах С. В. Перспективы развития транспортной инфраструктуры в Российских регионах // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 1. С. 189–192.
4. Таджикистан в цифрах 2017. Статистический сборник. Душанбе. 2017. С. 160.
5. Государственная целевая программа «Развитие транспортного комплекса Республики Таджикистан на 2010–2025 годы»: приложение к постановлению Правительства Республики Таджикистан. Душанбе, 2009.
6. Азимов П. Х. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры в Республике Таджикистан. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2017. Т. 11. № 2. С. 159–165.
7. Каточков В. М., Азимов П. Х. Концептуальные положения формирования транспортно-логистической системы Республики Таджикистан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2017. Т. 11. № 4. С. 142–149.
8. Данилюк А. А., Мифтахова М. Р. Грузооборот автомобильного транспорта как показатель экономического развития региона // Казанская наука. 2016. № 4. С. 30–32.
9. Колесникова Т. О., Пышный В. А. Анализ доступности маршрутной сети пассажирского транспорта в Душанбе // Альтернативные источники энергии в транспортно-технологическом комплексе: проблемы и перспективы рационального использования. 2016. Т. 3. № 1. С. 417–421.
10. Гордиенко М. С. Бюджетные расходы на транспортную инфраструктуру: невозвратные вложения или эффективные инвестиции // Экономические системы. 2016. № 3. С. 52–53.

11. Буденко И. Н., Велиляева Э. С., Коркина А. К. Проблемы интеграции России в мировую транспортную инфраструктуру // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 1. С. 5–9.
12. Бережная О. В. Транспортная инфраструктура как фактор экономического развития региона: проблемы функционирования // Вестник Института дружбы народов Кавказа Теория экономики и управления народным хозяйством. 2011. № 2 (18). С. 70–74.
13. Раджабов Р. К. Экономико-математическое моделирование размещения автосервисных предприятий в регионах // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. Т. 1. № 2-5. С. 86–89.
14. Раджабов Р. К., Шодиев Ш. К., Наджмуддинов Н. А. Теоретические аспекты экономической сущности транспортной инфраструктуры в условиях рыночной экономики // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. Т. 1. № 2-4. С. 89–94.
15. Рауфи А. Транспорт в системе рыночной экономики: монография / Под общ. ред. А. Х. Катаева. Душанбе: Ирфон, 2002. 255 с.
16. Сангинов О. К. Пассажирский автомобильный транспорт и социально-экономическое развитие горных регионов. Душанбе: Ирфон, 1999. 70 с.
17. Сандакова Н. Ю. Инновационные инструменты развития транспортной инфраструктуры региона // Современные вызовы и реалии экономического развития России: материалы IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 270–271.
18. Кузнецов Ю. Ю. Оценка эффективности функционирования транспортной инфраструктуры // Города и местные сообщества. 2015. Т. 1. С. 186–193.
- annex to the Government of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2009.
6. Azimov P. H. Development of transport and logistics infrastructure in the Republic of Tajikistan. Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2017. V. 11. № 2. P. 159–165.
7. Katotkov V. M., Azimov P. Kh. Conceptual provisions of the formation of the transport and logistics system of the Republic of Tajikistan // Vestnik of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2017. V. 11. № 4. P. 142–149.
8. Danilyuk A. A., Miftakhova M. R. The freight turnover of road transport as an indicator of the region's economic development // Kazan Science. 2016. № 4. P. 30–32.
9. Kolesnikova T. O., Pyshny V. A. Analysis of accessibility of the passenger transportation network in Dushanbe // Alternative energy sources in the transport-technological complex: problems and perspectives of rational use. 2016. V. 3. № 1. P. 417–421.
10. Gordienko M. S. Budgetary expenses for transport infrastructure: non-returnable investments or effective investments // Economic systems. 2016. № 3. P. 52–53.
11. Butchenko I. N., Velilyaeva E. S., Korkina A. K. Problems of Russia's Integration into the World Transport Infrastructure // Economics and Business: Theory and Practice. 2017. № 1. P. 5–9.
12. Berezhnaya O. V. Transport infrastructure as a factor of the region's economic development: problems of functioning // Vestnik of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus Theory of Economics and Management of the National Economy. 2011. № 2 (18). P. 70–74.
13. Radzhabov R. K., Economic-mathematical modeling of the location of service stations in the regions // Bulletin of the Tajik National University. A series of socio-economic and social sciences. 2017. V. 1. № 2-5. P. 86–89.
14. Radzhabov R. K., Shodiev Sh. K., Nadzhmuddinov N. A. Theoretical Aspects of the Economic Essence of Transport Infrastructure in a Market Economy // Bulletin of the Tajik National University. A series of socio-economic and social sciences. 2017. V. 1. № 2-4. P. 89–94.
15. Raufi A. Transport in the system of market economy: monograph / Under total. Ed. O. H. Kataev. Dushanbe: Irfon, 2002. 255 p.
16. Sanginov O. K. Passenger motor transport and socio-economic development of mountain regions. Dushanbe: Irfon, 1999. 70 p.
17. Sandakova N. Yu. Innovative tools for the development of transport infrastructure in the region // Modern challenges and realities of Russia's economic development: materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 270–271.
18. Kuznetsov Yu. Yu. Evaluation of the efficiency of transport infrastructure functioning // Cities and local communities. 2015. V. 1. P. 186–193.

References:

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ С ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БИЗНЕС-ИНКУБИРОВАНИЯ

Овчинникова Н. Э.

Кандидат экономических наук, старший аналитик Московской школы управления СКОЛКОВО (Россия), 143026, Россия, Московская область, Одинцовский район, Сколково, ул. Новая, 100, n.e.ovchinnikova@mail.ru

УДК 338.24(1-3):004

ББК 65.050.22с51-133.3

Цель. Выявление наиболее эффективной формы взаимодействия региональных университетов с промышленностью.

Методы. Проведен сравнительный анализ характеристик взаимодействия университетов и реального сектора экономики за период с 2000 года по настоящее время, выделены ключевые причины, препятствующие эффективному инновационному развитию региона. Изучена эволюция развития бизнес-инкубаторов, что позволило рассматривать бизнес-инкубатор как одно из ключевых направлений инновационного развития территории. Выделены основные проблемы, которые можно решить только с помощью активизации деятельности бизнес-инкубаторов в составе регионального университета. Проанализированы положительные и отрицательные стороны виртуальных бизнес-инкубаторов.

Результаты. На основе проведенного анализа представлена новая модель сетевого бизнес-инкубатора. Отличительной особенностью представленной модели является комбинация классического и виртуального бизнес-инкубатора, позволяющего расширить возможности для резидентов и сократить издержки для университета. Данная модель позволит региональным университетам укреплять свои позиции на рынке образовательных услуг за счет возможности кооперации и использования современных технологических решений в своей деятельности, а также повысить в конечном итоге конкурентоспособность региона.

Научная новизна. Научная новизна заключается в предположении, что решение проблемы эффективного взаимодействия региональных университетов и промышленности лежит в плоскости реализации новых форматов бизнес-инкубаторов, а именно сетевой модели, направленной на качественное изменение характера данного взаимодействия для обеспечения как взаимовыгодного цифрового сотрудничества, так и обеспечения конкурентоспособности региона в целом.

Ключевые слова: взаимодействие университета и индустрии, бизнес-инкубатор, сетевое взаимодействие.

REGIONAL UNIVERSITIES-INDUSTRY INTERACTION: NEW OPPORTUNITIES FOR BUSINESS INCUBATION

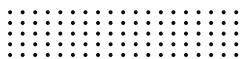
Ovchinnikova N. E.

Candidate of Sciences in Economics, Senior analyst of Moscow school of Management SKOLKOVO, 143026, Russia, Moscow Region, Odintsovsky District, Skolkovo village, Novaya st. 100, n.e.ovchinnikova@mail.ru

Purpose. Identifying the most effective form of interaction between regional universities and industry.

Methods. In the article has been made a comparative analysis of the characteristics of the university – real sector of the economy interaction for the period from 2000 to the present. Key factors that hinder the effective innovative development of the region have been singled out. The evolution of the development of business incubators has been studied, which made it possible to view the business incubator as one of the key areas of innovative development of the territory. The main problems that can be solved only by activating the activity of business incubators in a regional university are identified. The positive and negative aspects of virtual business incubators have been analyzed.

Results. Based on the analysis it is presented a new model of a network business incubator. A distinctive feature of the presented model is the combination of a classical and virtual business incubator, which allows to expand opportuni-

ties for residents and reduce costs for the university. This model will allow regional universities to strengthen their positions on the educational services market through the possibility of cooperation and the use of modern technology solutions in their activities, and ultimately enhance the competitiveness of the region.

Scientific novelty. Scientific novelty lies in the assumption that the solution of the problem of effective interaction of regional universities and industry lies in the implementation of new formats of business incubators, namely a network model aimed at qualitative change of this interaction to ensure both mutually beneficial digital cooperation and ensure the region's competitiveness in whole.

Key words: university-industry interaction, business incubator, network interaction.

Конкурентоспособность регионов в настоящее время определяется инновационным потенциалом территории, возможностью генерировать и транслировать знания. Драйвером инновационного развития территории являются университеты, они же должны стимулировать инновационную деятельность, в том числе путем создания инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий и т.п.). Первые модели университетских бизнес-инкубаторов рассматривались как эффективный механизм развития малого технологического бизнеса, как канал передачи разработанных в университетах технологий в производство [1–2]. В дальнейшем процесс бизнес-инкубирования стал развиваться как механизм коммерциализации научных разработок, как инфраструктура, стимулирующая экономическое развитие территории [3]. Несмотря на то, что в научной литературе существует устойчивая позиция, что университет должен оставаться организацией, занимающейся исключительно наукой и образованием, т.е. выполнять социальную функцию [4], становление экономики знаний требует переформатирования позиционирования университета как активного участника экономических процессов. Новая стратегическая позиция университетов связана с реакцией на глобальные вызовы, на растущую конкуренцию за ресурсы, которые в цифровом мире могут мгновенно перемещаться в различные точки мира. Именно поэтому создание инновационной инфраструктуры, которая способствует повышению как конкурентоспособности высшего учебного заведения, так и конкурентоспособности территории его локации, является стратегической задачей университета.

Теоретическая рамка исследования.

Технологическое развитие страны в настоящее время возможно на основе активного взаимодействия науки, образования и реального сектора экономики. Такое взаимодействие лежит в основе экономики, основанной на знаниях, экономике инновационного типа. Если в начале текущего века направления взаимодействия вузов и предприятий заключались в основном

в поддержке исследовательской деятельности университетов, то в последние годы оно в большей степени ориентировано на коллаборацию – совместные образовательные и наставнические программы, предпринимательство и т. п. (таблица 1).

В зарубежной литературе выделяют следующие типы современного взаимодействия университетов и реального сектора экономики [7]:

1. *Ориентированный на образование:* такая форма взаимодействия не предполагает обязательного долгосрочного сотрудничества и может быть в формате краткосрочного обучения как со стороны университета, так и со стороны индустрии.

2. *Диффузионно-ориентированный:* состоит из общедоступных технологических знаний и доступных в настоящее время решений без высокой сложности. Примером такого взаимодействия является доступ к академическим документам или приобретение патентов, т.е. фактическая передача знаний.

3. *Сервисно-ориентированный:* это услуги, предоставляемые университетами и отраслями, такие как техническое консультирование и использование средств, предоставляемых партнером, включая лаборатории и материалы для испытаний.

4. *Ориентированный на развитие:* это взаимодействие, направленное на совместное технологическое развитие. В этом типе взаимодействия участники активны, даже когда результаты используются только в краткосрочной перспективе.

5. *Ориентированный на исследования:* этот тип взаимодействия является наиболее сложным, поскольку все участники должны быть активными в научно-технических исследованиях. Также он подразумевает двунаправленные потоки знаний и информации между университетами и отраслями.

В целом, в настоящее время следует выделить следующие основные формы инновационной деятельности университетов: научные парки, спин-оффы; бизнес-инкубаторы, технопарки, акселераторы, исследовательские дорожные карты компаний; создание совместных НИИ и лабораторий; использование университета как площадки для коммуникации и кооперации предприятий с уникальными экспертами; центры

Таблица 1. Характеристика взаимодействия университетов и реального сектора

2000–2010 гг.	2010 – по н.в.
1. Поддержка исследований путем распределения финансовых ресурсов, использования оборудования, создания благотворительных целевых фондов для обновления университетских лабораторий и предоставления стипендий для реализации новых перспективных проектов; 2. Проведение совместных исследований на контрактной основе с участием научных сотрудников или сотрудников, занимающихся консультационными услугами, а также создание исследовательских групп, специально предназначенных для решения бизнес-задач 3. Трансфер знаний посредством формального и неформального взаимодействия, сотрудничество в области образования, разработка учебных программ и обмен сотрудниками 4. Трансфер технологий ориентирован на решение конкретной бизнес-проблемы, когда университет занимается исследованиями и разработками, будучи экспертом, оценивает и продвигает технологии, необходимые для рынка (патенты, лицензии)	1. Совместные научные исследования 2. Коммерциализация результатов НИОКР 3. Мобильность студентов и сотрудников – распространение знаний и технологий посредством обмена студентами и преподавательским составом между университетами и предприятиями 4. Разработка совместных учебных программ, включая курсы, специальные гостевые лекции и семинары 5. Непрерывное обучение и развитие компетенций и навыков, включая расширенное образование, обучение и наставничество 6. Предпринимательство – активное вовлечение университетов в создание новых предприятий и развитие предпринимательского мышления у студентов и ученых в результате взаимодействия с бизнес-структурами 7. Управление – ученые из университетов, участвующих в принятии решений в компаниях и на руководящих должностях; с другой стороны, представители бизнеса участвуют в управлении университетскими департаментами и т. д.

Составлено автором на основе [5, 6]

трансфера технологий; создание малых инновационных предприятий; создание «базовых» кафедр предприятий в университетах; традиционная форма – выполнение НИОКР и НИР по заказу предприятий.

В последние десятилетия университетские бизнес-инкубаторы рассматриваются в зарубежной литературе как один из ключевых факторов инновационного развития территории [8–9]. Положительным результатом функционирования университетских бизнес-инкубаторов считается создание новых рабочих мест и активизация взаимодействия университета с региональным промышленным комплексом [10]. Университетские бизнес-инкубаторы являются связующим звеном между научными исследованиями, технологиями, образовательным процессом, предпринимательством и финансовыми ресурсами [11–12]. Являясь по сути своей инновационными центрами, бизнес-инкубаторы занимают определенную позицию в региональной цепочке создания стоимости. Они обеспечивают передачу инновационных технологий в местную экономику [13].

По определению Европейской экономической комиссии, «инкубаторы представляют собой «новообразующиеся предприятия, цель которых заключается в развитии других начинающих компаний»» [14]. В классическом варианте бизнес-инкубатор представляет собой совместное пространство, в рамках которого новые или существующие университетские компании могут использовать профессиональную поддержку бизнес-сообщества, действующих компаний,

а также получать консультативную, образовательную и сетевую помощь. Однако с развитием информационных технологий традиционная модель бизнес-инкубатора эволюционизировала, включив в себя виртуальные форматы, благодаря которым зарождающиеся компании (стартапы) могут использовать инкубационные услуги, не находясь физически на территории бизнес-инкубатора [15–16]. Акцентирование внимания на региональных инновационных стратегиях и внедрение подхода «умной специализации» региона [17–18] требуют изменения подхода к организации бизнес-среды для развития регионального инновационного предпринимательства.

В научной литературе модели бизнес-инкубаторов рассматриваются в последнее время как нелинейные и интерактивные процессы между университетами, бизнесом, региональными властями, гражданским обществом [19–20].

В Российской Федерации первые бизнес-инкубаторы появились после Указа Президента РФ от 04 апреля 1996 г. № 491 «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации» [21]. Следует отметить, что успех университетских бизнес-инкубаторов был неоднозначным. Практически все российские университеты создали бизнес-инкубаторы после принятия Федерального закона Российской Федерации от 02 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Однако многие университетские бизнес-инкубаторы либо так и остались «на бумаге», либо ведут фрагментарную деятельность по поддержке студенческих стартапов. Только единицы университетских бизнес-инкубаторов получили серьезное развитие (например, бизнес-инкубаторы МГУ, НИУ ВШЭ). Что касается региональных университетов, то руководство вузов, понимая, что поддержка инновационного предпринимательства важна, пытаются активизировать данную деятельность. Однако в силу ряда причин эти усилия не всегда достигают заданной цели.

К таким причинам, на взгляд авторов, следует отнести следующие.

1. Сложившиеся научные школы в региональных университетах в основном ориентированы на воспроизводство академических знаний и их трансляцию через образовательный процесс, а не на их коммерциализацию.

2. Образовательный процесс в региональных университетах построен таким образом, что практическая связь с существующим бизнес-сообществом декларирована, но в реальности отсутствует.

3. В силу сложившегося в последние десятилетия отрыва академической науки от быстро развивающейся бизнес-среды региональные предприятия, как правило, не прибегают к услугам местных университетов. Это означает отсутствие заказов на научные исследования со стороны промышленности, а также отсутствие спроса на консалтинговые и образовательные услуги. Многие предприятия создают собственные учебные центры, которые проводят повышение квалификации работников и проводят обучение выпускников вузов, которые устраиваются на работу на предприятие.

4. Предпринимательская активность студентов региональных вузов зачастую находится в пределах существующих в регионе рынков, не стремясь выйти за эти рамки, в том числе путем создания инновационных продуктов.

Вместе с тем, следует учитывать, что в современной экономике университет предлагает продукты и услуги, основанные на знаниях. Следовательно, академический состав высшего учебного заведения должен понимать существующие и перспективные рынки, учитывать предпочтения студентов, исследователей, бизнес-сообщества, региональной власти (которые являются по сути «клиентами» университета, потребителями его услуг), учитывая при этом издержки и выгоды, которые можно получить, предлагая соответствующие продукты и услуги, т.е. разработать конкурентоспособную стратегию развития университета.

Все вышеуказанные причины являются объективными, поэтому нельзя сказать, что академическое сообщество является косным или предпринимательская среда не воспринимает ученый мир. В современном технологическом мире промышленный сектор все более нуждается в обновлении знаний, поиске новых идей и решений. Кроме того, обмен знаниями в модели четырехзвенной спирали инноваций включает также гражданское общество, которое все больше предъявляет спрос на инновационные решения в связи с необходимостью качественного улучшения социальной сферы. Кроме того, основные ограничения, препятствующие обмену знаниями между участниками инновационного процесса, заключаются в недостаточном объеме информации для создания «портрета» партнера, ограниченности временных ресурсов и недостаточной информационной грамотности со стороны партнеров для того, чтобы создавать сетевое сообщество.

Именно эти проблемы и должен решать современный университетский бизнес-инкубатор.

Учитывая, что «информация должна считаться таким же предметом общественного потребления, как вода, газ или электричество, и должна быть легко доступна для тех, кому она необходима» [22], рассмотрим возможность создания новой формы университетского бизнес-инкубатора с целью организации эффективного взаимодействия с промышленным сектором территории.

С позиции стимулирования зарождающихся предпринимательских структур задача университетского бизнес-инкубатора состоит в предоставлении комплексной поддержки новому предприятию. Такая поддержка осуществляется в виде предоставления по цене ниже рыночной офисных помещений, организации обучающих программ, консультаций, менторской поддержки со стороны предпринимательского сообщества и т. п. Вместе с тем, в рамках новой технологической парадигмы подчеркивается развитие сетевых информационных потоков, сетевых структур и сетевого взаимодействия [23]. Следовательно, новым предприятиям недостаточно простого офисного помещения, им для эффективного развития собственного бизнеса необходимо наличие некоей профессиональной сети, которая могла бы способствовать поиску новых идей и решений.

Физическое пространство бизнес-инкубатора в данном процессе не играет столь значительной роли для начинающего бизнеса. В мировой практике существует понятие виртуальных бизнес-инкубаторов (технологических парков), которые «предлагают услуги в кибер-пространстве. Они обеспечивают налаживание связей компаний друг с другом, с потребителями, поставщиками, партнерами, а также с оперативным руководством виртуального инкубатора через Интернет, через электронный обмен данными, видеоконфе-

ренции и т.д.» [14]. По сути, эти организации организуют взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами посредством использования информационных технологий.

Виртуальные бизнес-инкубаторы имеют несколько существенных преимуществ.

1. В связи с отсутствием физического пространства необходимость оплаты помещения и коммунальных услуг отпадает, что существенно снижает как затраты самого университета, так и затраты резидентов бизнес-инкубатора.

2. Виртуальный бизнес-инкубатор может привлечь начинающий бизнес из других регионов, тем самым повысить конкурентоспособность как самого университета, так и региона его нахождения.

3. Возможности информационного пространства позволяют не замыкаться в рамках регионального рынка, привлекая заинтересованных производителей и покупателей из других регионов.

Однако есть и определенные ограничения в деятельности виртуального бизнес-инкубатора.

1. Общее пространство бизнес-инкубатора позволяет молодым фирмам физически общаться между собой, иногда кооперироваться, находить общие решения. Виртуальный инкубатор может предоставить только виртуальное общение резидентам инкубатора.

2. Участие реального бизнеса в мероприятиях бизнес-инкубатора, в менторских программах важен для каждой молодой фирмы. При таком общении общее физическое, осязаемое пространство также необходимо для участников процесса.

Вместе с тем, развитие информационных технологий постепенно приводит к нелинейным связям между людьми, компаниями, органами власти. В связи с этим, целесообразным видится предложить новый формат бизнес-инкубатора – сетевой бизнес-инкубатор, который будет сочетать в себе как возможности виртуального инкубатора, так и преимущества традиционного бизнес-инкубатора.

Определимся с заинтересованными сторонами сетевого бизнес-инкубатора. Лицо считается заинтересованным (стейкхолдером), если у него есть определенная релевантность по отношению к организации [24]. Стейкхолдеры обладают рядом преимуществ во взаимоотношениях с организацией:

1) власть – возможность влиять на деятельность организации;

2) легитимность – безусловное восприятие действий стейкхолдеров;

3) срочность – требования стейкхолдеров требуют немедленной реакции [25].

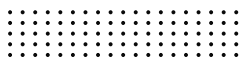
Если мы говорим об университетском бизнес-инкубаторе, то заинтересованными сторонами по отношению к университету являются региональные органы

власти, участники процесса инкубирования (стартапы), промышленный сектор региона локации университета или другого региона, финансовые структуры (фонды, частные инвесторы и т.п.). Все стейкхолдеры имеют свой определенный набор ресурсов, которые в той или иной степени могут влиять на деятельность и развитие бизнес-инкубатора, используя стратегии «удержания» ресурсов или их «использования» [26,27]. Это важный момент, т.к. именно ресурсы являются ключевым фактором в развитии бизнес-инкубатора.

Согласно Ф. Ясену, сеть – это группа компаний, работающих совместно. Сети позволяют снижать степень неопределенности, с которой компании сталкиваются во внешней среде [28]. Иными словами, под сетью подразумевают сотрудничество различных предприятий, позволяющее им снижать риски и увеличивать выгоду от совместной деятельности. Именно с таких позиций будем рассматривать сетевой бизнес-инкубатор.

Понятие «сетевой бизнес-инкубатор» используется в современной литературе, однако его трактовка различна. Так, отдельные авторы понимают под этим межвузовское взаимодействие бизнес-инкубаторов с целью привлечения кооперации знаний для реализации инновационных проектов [29]. Другие авторы понимают под этим «комбинацию венчурного фонда и управляющей компании» [30]. В этом случае сетевой инкубатор рассматривается с позиции независимого юридического лица, которое работает с компаниями, расположенными в разных регионах, непосредственно в инкубаторе работает только подразделение инкубируемой компании или рабочая группа.

Однако для университетов сетевой бизнес-инкубатор может рассматриваться как подразделение вуза, оформленный как традиционный инкубатор, но обладающий минимальной площадью. Основная задача сетевого бизнес-инкубатора состоит в отборе и привлечении инновационных предприятий, предоставлении им организационной, образовательной и иных видов поддержки. Различие состоит в том, что стартапы могут территориально находиться в других регионах, однако их будет связывать инкубационная сеть университета. Кроме того, инкубатор в рамках модели открытых инноваций может привлекать инорегиональные предприятия и инвесторов, а также ученых к сотрудничеству. Социально-экономическое положение региона играет немалую роль при выборе серьезными предприятиями и инвесторами своих партнеров [9]. Однако для депрессивных регионов существенным моментом в повышении собственной конкурентоспособности может быть привлечение посредством регионального университетского сетевого инкубатора перспективных инновационных проектов, которые будут интересны инорегиональному инвестору. Тем самым,

все заинтересованные стороны получают определенные преимущества. Модель сетевого инкубатора практически применима для опорных университетов, основной задачей которых является деятельность как инновационного центра развития территории.

Сетевой университетский бизнес-инкубатор должен обладать поддержкой региональных органов власти, чтобы инвестор, который готов работать с инновационными проектами, выращиваемыми в бизнес-инкубаторе, был уверен в том, что его активы не перейдут в собственность других компаний, т.е. в том, что существуют определенные гарантии со стороны властей.

Выводы

В настоящее время скорость технологического развития и оперативность принятия решения диктует совершенно новые требования к деятельности университетов и их взаимодействию с промышленным сектором. Рассмотренные выше форматы взаимодействия университета и промышленного сектора позволяют определить рамки эффективного партнерства и сформировать кооперацию, отвечающую вызовам современности. Одной из наиболее актуальных и эффективных форм инновационной деятельности университетов является бизнес-инкубатор. Проведенный анализ эволюционного развития бизнес-инкубаторов демонстрирует необходимость применения новых видов данной формы, таких как сетевые бизнес-инкубаторы, которые являются более адаптированными к требованиям современной цифровой среды. Выявив отрицательные и положительные стороны сетевых бизнес-инкубаторов, представляется очевидным, что это одна из наиболее технологически перспективных форматов взаимодействия университетов с промышленным сектором в эпоху цифровой экономики. Важно отметить, что сетевой бизнес-инкубатор не только позволяет наладить партнерские отношения с промышленным сектором, но также позволяет повысить привлекательность университетов для профессоров, студентов и абитуриентов, а также обеспечить повышение конкурентоспособности региона в целом.

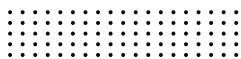
Литература:

1. Allen D. N., Rahman S. Small Business Incubators: A Positive Environment for Entrepreneurship // *Journal of Small Business Management*. 1985. V. 23. № 3. P. 12–22.
2. Voisey P., Gornall L., Jones P., Thomas B. The measurement of success in a business incubation project // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2006. V. 13. № 3. P. 454–468.
3. Deiacio E., Hughes A., McKelvey M. Universities as strategic actors in the knowledge economy // *Cambridge Journal of Economics*. 2012. V. 36. № 3. Special issue: Universities as Strategic Actors in the Knowledge Economy. P. 525–541. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/24232591> (дата обращения 17.08.2017)
4. Santoro M., Chakrabarti A. (2001) Firm Size and Technology Centrality in Industry-University Interaction, MIT IPC Working Paper IPC-01-001, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://ipc.mit.edu/sites/default/files/documents/01-001.pdf> (дата обращения 17.08.2017)
5. Davey, T., Baaken, T., Galan Muros, V. and Meerman, A. (2011) The State of European University-Business Cooperation. Part of the DG Education and Culture Study on the Cooperation between Higher Education Institutions and Public and Private Organisations in Europe. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/tools/docs/uni-business-cooperation_en.pdf (дата обращения 17.08.2017)
6. Rücker Schaeffer P., Dullius A. C., Rodrigues R. M., Zawislak P. A. Searching to bridge the gaps: a new typology of university-industry interaction // *Academia Revista Latinoamericana de Administración*. 2017. V. 30 Issue: 4, P. 459–473. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1108/ARLA-05-2016-0148> (дата обращения 17.08.2017)
7. Liargovas P. Do Business Incubators and Technoparks affect Regional Innovation? A comparative study in the EU27 and the NC1 countries. Working Paper, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ub.edu/search-project/wp-content/uploads/2013/01/WP-4.5.pdf> (дата обращения 17.08.2017)
8. McAdam M., Miller K., McAdam R. Situated regional university incubation: A multi-level stakeholder perspective // *Technovation*. 2016. V. 50–51. P. 69–78. [Электронный ресурс]. DOI: doi.org/10.1016/j.technovation.2015.09.002 (дата обращения 17.08.2017)
9. Aaboen L. Explaining incubators using firm analogy. // *Technovation*, 2009. V. 29. № 10. P. 657–670.
10. Aerts K., Matthyssens P., Vandenbempt K., 2007. Critical role and screening practices of European business incubators // *Technovation*. 2007. V. 27. № 5. P. 254–267.
11. Theodorakopoulos N., Kakabadse N. K., McGowan C. What matters in business incubation? A literature review and a suggestion for situated theorizing // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2014. V. 21. № 4. P. 602–622.
12. Etzkowitz H., Mello J.M.C., Almeida M. Towards “meta-innovation” in Brazil: the evolution of the incubator and the emergence of a triple helix // *Research Policy*. 2005. V. 34. № 4. P. 411–424.
13. Оптимальная практика организации работы бизнес-инкубаторов /Европейская экономическая комиссия.

- Женева, 2001. 91 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rcsme.ru/ru/library/show/3680> (дата обращения 17.08.2017)
14. Breznitz S. M., O'Shea R., Allen T. J. University commercialization strategies in the development of regional bio clusters // *Journal of Product Innovation Management*. 2008. V. 25. № 2. P. 129–142.
 15. Tsai F., Hsieh L. H. Y., Fang S., Lin J. L., 2009. The co-evolution of business incubation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2009. V. 75. № 5. P. 629–643.
 16. Rasmussen E., Mosey S., Wright M. The influence of university departments on the evolution of entrepreneurial competencies in spin-off ventures // *Research Policy*. 2014. V. 43. № 1. P. 92–106.
 17. Camagni R., Capello R. Regional innovation patterns and the EU regional policy reform: toward smart innovation policies // *Growth Change*. 2013. V. 44. № 2. P. 355–389.
 18. Tödtling F., Trippel M., 2005. One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // *Research Policy*. 2005. V. 34. № 1. P. 1023–1209.
 19. Ivanova I. Quadruple Helix Systems and Symmetry: a Step Towards Helix Innovation System Classification // *Journal of the Knowledge Economy*. 2014. V. 5. № 2. P. 357–369.
 20. Васильченко С. А. Деятельность бизнес-инкубаторов в России // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 4–6. с. 1140–1143. [Электронный ресурс]. URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=9148>. (дата обращения 17.08.2017)
 21. Зубаревич Н. Российские города как центры роста // *Российское экспертное обозрение*. 2006. № 2(16). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit04.php> (дата обращения 17.08.2017)
 22. Castells M. *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society* / M. Castells. Oxford: Oxford University Press, 2001. 292 с.
 23. Mitchell R. K., Agle B. R., Wood D. J. Toward a theory of stakeholder identification and salience: defining the principle of who and what really counts // *The Academy of Management Review*. 1997. V. 22 № 4. P. 853–886.
 24. Friedman A. L., Miles S., 2002. Developing stakeholder theory // *Journal of Management Study*. 2002. V. 39. № 1. P. 1–21.
 25. Frooman J., 1999. Stakeholder influence strategies // *The Academy of Management Review*. 1999. V. 24. № 2. P. 191–205.
 26. McAdam R., Miller K., McAdam M., Teague S., 2012. The development of University Technology Transfer stakeholder relationships at a regional level: lessons for the future // *Technovation*. 2012. V. 32. № 1. P. 57–67.
 27. Янсен Ф. Эпоха инноваций. Как заниматься бизнесом творчески постоянно, а не от случая к случаю. М. Издательство «Инфра-М», 2002. 504 с.
 28. Ратнер С. В., Филатова О. В. Сетевая модель развития университетских бизнес-инкубаторов // *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 13 (220). С. 2–9.
 29. Колдовский В. В., Домбровский В. С. Виртуальные бизнес-инкубаторы как инструмент развития малых инновационных фирм и повышения инвестиционной привлекательности регионов. [электронный ресурс]. URL: http://uabs.edu.ua/images/stories/docs/K_TPE/Dombrovskii_5.pdf (дата обращения 17.08.2017)
 30. McAdam M., Miller K., Rodney McAdam Situated regional university incubation: A multi-level stakeholder perspective // *Technovation* 50–51 (2016). P. 69–78

References:

1. Allen D. N., Rahman S. Small Business Incubators: A Positive Environment for Entrepreneurship // *Journal of Small Business Management*. 1985. V. 23. № 3. P. 12–22.
2. Voisey P., Gornall L., Jones P., Thomas B. The measurement of success in a business incubation project // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2006. V. 13. № 3. P. 454–468
3. Deiacio E., Hughes A., McKelvey M. Universities as strategic actors in the knowledge economy // *Cambridge Journal of Economics*. 2012. V. 36. № 3. Special issue: Universities as Strategic Actors in the Knowledge Economy. P. 525–541. [e-resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/24232591> (date of reference 17.08.2017)
4. Santoro M., Chakrabarti A. (2001) Firm Size and Technology Centrality in Industry-University Interaction, MIT IPC Working Paper IPC-01-001, 2001. [e-resource]. URL: <http://ipc.mit.edu/sites/default/files/documents/01-001.pdf> (date of reference 17.08.2017)
5. Davey, T., Baaken, T., Galan Muros, V. and Meerman, A. (2011) The State of European University-Business Cooperation. Part of the DG Education and Culture Study on the Cooperation between Higher Education Institutions and Public and Private Organisations in Europe. [e-resource]. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/tools/docs/uni-business-cooperation_en.pdf (date of reference 17.08.2017)
6. Rücker Schaeffer P., Dullius A. C., Rodrigues R. M., Zawislak P. A. Searching to bridge the gaps: a new typology of university-industry interaction // *Academia Revista Latinoamericana de Administración*. 2017. V. 30 Issue: 4, P. 459–473. [e-resource]. URL: <https://doi.org/10.1108/ARLA-05-2016-0148> (date of reference 17.08.2017)
7. Liargovas P. Do Business Incubators and Technoparks affect Regional Innovation? A comparative study in the EU27 and the NC1 countries. Working Paper, 2013. [e-resource]. URL: <http://www.ub.edu/searchproject/wp-content/uploads/2013/01/WP-4.5.pdf> (date of reference 17.08.2017)

8. McAdam M., Miller K., McAdam R. Situated regional university incubation: A multi-level stakeholder perspective // *Technovation*. 2016. V. 50–51. P. 69–78. [e-resource]. DOI: doi.org/10.1016/j.technovation.2015.09.002 (date of reference 17.08.2017)
9. Aaboen, L. Explaining incubators using firm analogy. // *Technovation*, 2009. V. 29. № 10. P. 657–670.
10. Aerts K., Matthyssens P., Vandenbempt K., 2007. Critical role and screening practices of European business incubators // *Technovation*. 2007. V. 27. № 5. P. 254–267.
11. Theodorakopoulos N., Kakabadse N. K., McGowan C. What matters in business incubation? A literature review and a suggestion for situated theorizing // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2014. V. 21. № 4. P. 602–622.
12. Etzkowitz H., Mello J.M.C., Almeida M. Towards “meta-innovation” in Brazil: the evolution of the incubator and the emergence of a triple helix // *Research Policy*. 2005. V. 34. № 4. P. 411–424.
13. Best Practices in Organization of Business Incubators / European Economic Commission. Geneva, 2001. 91 p. [e-resource]. URL: <https://rcsme.ru/en/library/show/3680> (date of reference 17.08.2017)
14. Breznitz S. M., O’Shea R., Allen T. J. University commercialization strategies in the development of regional bio clusters // *Journal of Product Innovation Management*. 2008. V. 25. № 2. P. 129–142.
15. Tsai F., Hsieh L. H. Y., Fang S., Lin J. L., 2009. The co-evolution of business incubation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2009. V. 75. № 5. P. 629–643.
16. Rasmussen E., Mosey S., Wright M. The influence of university departments on the evolution of entrepreneurial competencies in spin-off ventures // *Research Policy*. 2014. V. 43. № 1. P. 92–106.
17. Camagni R., Capello R. Regional innovation patterns and the EU regional policy reform: toward smart innovation policies // *Growth Change*. 2013. V. 44. № 2. P. 355–389.
18. Tödtling F., Trippel M., 2005. One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // *Research Policy*. 2005. V. 34. № 1. P. 1023–1209.
19. Ivanova I. Quadruple Helix Systems and Symmetry: a Step Towards Helix Innovation System Classification // *Journal of the Knowledge Economy*. 2014. V. 5. № 2. P. 357–369.
20. Vasilchenko S. A. Activity of business incubators in Russia // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. № 4–6. P. 1140–1143. [e-resource]. URL: <http://applied-research.ru/en/article/view?id=9148>. (date of reference 17.08.2017)
21. Zubarevich N. Russian cities as growth centers // *Russian expert review*. 2006. № 2 (16). [e-resource]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit04.php> (date of reference 17.08.2017)
22. Castells M. The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society / M. Castells. Oxford: Oxford University Press, 2001. 292 c.
23. Mitchell R. K., Agle B. R., Wood D. J. Toward a theory of stakeholder identification and salience: defining the principle of who and what really counts. // *The Academy of Management Review*. 1997. V. 22 № 4. P. 853–886.
24. Friedman A. L., Miles S., 2002. Developing stakeholder theory // *Journal of Management Study*. 2002. V. 39. № 1. P. 1–21.
25. Frooman J., 1999. Stakeholder influence strategies // *The Academy of Management Review*. 1999. V. 24. № 2. P. 191–205.
26. McAdam R., Miller K., McAdam M., Teague S., 2012. The development of University Technology Transfer stakeholder relationships at a regional level: lessons for the future // *Technovation*. 2012. V. 32. № 1. P. 57–67.
27. Jansen F. The Age of Innovation. How to do business creatively all the time, and not occasionally. M. Izdatelstvo «Infra-M», 2002. 504 p.
28. Ratner S. V., Filatova O. V. The network model of the development of university business incubators // *Economic analysis: theory and practice*. 2011. № 13 (220). P. 2–9.
29. Koldovsky V. V., Dombrovsky V. S. Virtual business incubators as a tool for developing small innovative firms and increasing the investment attractiveness of regions. [e-resource]. URL: http://uabs.edu.ua/images/stories/docs/K_TPE/Dombrovskii_5.pdf (date of reference 17.08.2017)
30. McAdam M., Miller K., Rodney McAdam Situated regional university incubation: A multi-level stakeholder perspective // *Technovation* 50–51 (2016). P. 69–78

ПУТИ СНИЖЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК НА ВНУТРЕННЕМ ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ

Григорьев Е. А.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики предпринимательской деятельности, Сибирский государственный университет водного транспорта (Россия), 630099, Россия, г. Новосибирск, Щетинкина, 33, e.grigorev@inbox.ru

Варакса А. М.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ) (Россия), 630099, Россия, г. Новосибирск, Каменская 56, annu.v@rambler.ru

УДК 338.47:656.62
ББК 65.374.5

Предмет. Эффективность эксплуатации судов.

Цель. Проанализировать снижение затрат при использовании водотопливной эмульсии и определить экономический эффект от нанесения газотермических покрытий для восстановления комплекса винт-насадка (для речных судов).

Методология. методическим инструментарием экономического анализа, методом обоснования оптимальных решений, и математической статистики, в том числе методом детерминированного факторного анализа и функционально-стоимостной анализа. Установлено, что движение составов на одном работающем двигателе приводит к уменьшению эксплуатационных расходов по флоту и снижению себестоимости перевозок на 4,7–12,5 % за счет экономии топлива. Исследования в рамках первого направления выполнены в соответствии с разработанным Е. А. Григорьевым.

Результаты. Снижение расходов на судоремонте возможно за счет внедрения новых материалов и передовых технологий. В результате анализа проведенных расчетов установлено, что применение плазменного напыления и металлической наплавки к комплексу винт-насадка способствует экономии затрат на ремонт ДРК за счет продления срока его службы в 2–3 раза при весьма низкой стоимости восстановления. При этом, также, снижается расход топлива главными двигателями судов, в связи с уменьшением потребляемого двигателем крутящего момента и увеличивается скорость состава, что в свою очередь приводит к снижению эксплуатационных затрат на 9–13 %.

Научная новизна. Обоснованы научные подходы экономической оценки ресурсосберегающих работы судов при организации грузовых перевозок и судоремонта, предложен алгоритм снижения стоимости грузоперевозок. В результате анализа определены следующие направления снижения эксплуатационных расходов на речных грузовых перевозках: обоснование рациональных режимов работы судовых двигателей и движения буксиров толкачей с типовыми составами в целях экономии расхода топлива; снижение расходов на судоремонте за счет внедрения новых материалов и передовых технологий.

Ключевые слова: топливопотребляющие агрегаты, сжиженный газ, грузоподъемность, стоимость.

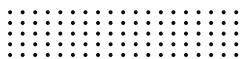
HOW TO REDUCE THE COST FOR RIVER CARGO TRANSPORTATION

Grigoriev E. A.

Candidate of economic sciences, Associate Professor, Department of Economics of Entrepreneurship, Siberian State University of Water Transport (Russia), 630099, Russia, Novosibirsk, Schetinkina, 33, e.grigorev@inbox.ru

Varaksa A. M.

Candidate of economic sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Novosibirsk State University of Economics and Management (NINH) (Russia), 630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya 56, annu.v@rambler.ru

Subject. Efficiency of ship operation.

Purpose. Analyze the cost reduction when using a fuel oil emulsion and determine the economic effect from the application of gas-thermal coatings to restore the screw-nozzle complex (for river vessels).

Materials and methods. The study used methods of economic analysis, economic and mathematical methods of optimal solutions basis, elements of probability theory and math statistics, including the method of deterministic factor analysis and value analysis. The research was carried out according to the designs by E. Grigoriev. Water-fuel emulsions and Structure of new thermal coatings were developed by Siberian scientists.

Results and scope. During calculations analysis it was found out that plasma spraying and metal deposition use to screw-cap complex saves the costs of propulsion and steering complex repairs of 33,7–37,0 thousand rubles per year. Also, the fuel consumption of vessel main engines is decreased due to the reduced consumption of propeller torque, and speed of the stock composition increases, which in turn leads to decrease of operating costs by 9–13 %. Analysis of the operating cost structure for the leading shipping companies' fleet maintenance shows that the most meaningful expenditures are the «fuel and power» (45–50 % of the total volume), «fleet maintenance» is up to 20 %.

Scientific novelty. The scientific approaches to the economic evaluation of the resource-saving work of ships in the organization of freight traffic and ship repair are substantiated, an algorithm for reducing the cost of cargo transportation is proposed. As a result of the analysis, the following directions of decrease in operating costs for river cargo transportation are determined: rationale for rational operating modes of ship engines and the movement of tugs of pushers with typical compositions in order to save fuel consumption; reduction of ship repair costs due to the introduction of new materials and advanced technologies.

Key words: ship's fuel-consuming units, liquefied gas, the carrying capacity, prime cost.

В настоящее время сложившаяся в экономике и на речном транспорте ситуация характеризуется неуклонным ростом цен на энергоносители, моральным и физическим износом судов, низкими темпами их пополнения, увеличением количества транспортных предприятий, и, как следствие, усилением конкуренции на рынке грузоперевозок, что в целом негативно сказывается на итоговых результатах хозяйственной деятельности судоходных предприятий [1, с. 145, 2, с. 58].

Целью данной работы является анализ эксплуатационных расходов судоходных предприятий (СК), а также разработка рекомендаций, направленных на их снижение. В процессе работы были использованы методы экономического анализа и экономико-математические методы обоснования оптимальных решений.

В результате анализа структуры эксплуатационных расходов на содержание флота СК Обь-Иртышского бассейна авторами было установлено, что самыми весомыми статьями прямых затрат являются затраты на топливо и энергию, которые достигают до 50 % от их общего объема, а также затраты на ремонт флота – порядка 20 %. [3, с. 47].

Экономия топлива возможна за счет реализации следующих мероприятий:

- замены физически и морально устаревших старых судов на более новые и современные, в которых заложены другие технические решения;
- применения современных конструкционных материалов, а также более совершенных средств электроники, автоматики, движительных и энергетических

установок, которые обуславливают более высокие их эксплуатационные и экономические показатели;

- модернизации эксплуатируемых судов в целях увеличения срока их службы, а также совершенствования технико-эксплуатационных характеристик;
- выведение не задействованного на пассажирских и грузоперевозках излишнего флота из эксплуатации;
- максимального сокращения использования судов на внеэксплуатационных, рейдовых и вспомогательных работах;
- качественного и своевременного техобслуживания деталей и механизмов транспортных средств;
- совершенствования технической эксплуатации судов;
- регулярного контроля за состоянием судовых двигателей и ДРК;
- вывода из эксплуатации транспортного флота с высоким расходом топлива;
- своевременной замены устаревших и изношенных судовых деталей и механизмов новыми;
- выполнения качественного и своевременного ремонта, а также регулировки судовых агрегатов и топливной аппаратуры;
- внедрение рациональных режимов движения флота и работы ДВС.

Основным видом топлива, используемым на речных судах является дизельное.

Снизить затраты на это топливо возможно за счет применения наиболее экономичных, альтернативных видов топлива. По мнению М. И. Браславского и В. М. Селиверстова, существенный эффект возможен

за счет перехода традиционного топлива на сжиженный газ. Работы в данном направлении в нашей стране были начаты еще в 1930-х годах. Несмотря на более высокий расход газа в сравнении с дизельным топливом, его стоимость намного ниже, что приводит к экономии затрат на топливо в размере 3–5 %. [4, с. 21, 154–167].

Большую популярность в области ресурсосбережения в последние два десятилетия получила водотопливная эмульсия (ВТЭ). Применение ВТЭ в качестве топлива связано, прежде всего, с целью повышения экономичности, а также снижения нагарообразования на деталях ЦПГ, теплонпряженности дизеля, токсичности отработавших газов.

Водотопливная эмульсия представляет собой приготовленную равномерную смесь мелко диспергированной пресной воды с очищенным топливом. Размеры частиц воды в ВТЭ находятся в диапазоне 1–10 мкм.

По результатам многочисленных исследований применение водотопливной эмульсии приводит к экономии топлива до 7 % при существенном улучшении экологических характеристик. Количество воды в такой смеси составляет 20 % [5, с. 33].

Дизельное топливо также может быть заменено на моторное топливо из угля, синтетические спирты и др. [4, с. 89].

Несмотря на обилие исследований по замене дорогостоящего топлива на альтернативные источники энергии многие аспекты изучены недостаточно.

Существенного экономического эффекта можно добиться за счет движения буксиров с типовыми составами при одном из двух работающих двигателей, в результате чего снижается потребляемая мощность и, как следствие, расход топлива. При этом движение состава на одном работающем двигателе вверх по течению с грузом не приемлемо.

На основе разработанного Е. А. Григорьевым методического инструментария авторами статьи был определен экономический эффект работы судов на одном работающем двигателе [6, с. 67]. Для этого были выбраны следующие направления грузовых перевозок: Джебарики-Хая – Сангары, Джебарики-Хая – Олёкминск, Джебарики-Хая – Якутск, ур Алдан-Якутск, Осетрово-Якутск. Наиболее распространенными типами буксиров-толкачей здесь являются проекты: 1741А, Р-33ЛГ и несамоходного тоннажа: Р-56 и 16800.

Установлено, что при движении типового состава на одном работающем двигателе сокращаются эксплуатационные расходы, однако, в тоже время, увеличивается потребность во флоте из-за снижения скорости движения состава.

Таким образом, преимущество данного направления заключается в уменьшении себестоимости грузоперевозок, при недостатке в снижении провозной способности флота.

Анализ полученных результатов показывает, что движение составов на одном работающем двигателе приводит к снижению эксплуатационных расходов по флоту, а, следовательно, и себестоимости перевозок на 5–12 % за счет экономии топлива. При этом провозная способность, как было установлено, сокращается на 4 % из-за снижения скорости до 12 %. Однако, небольшое увеличение срока доставки грузов для заказчиков значения не имеет [6, с. 67].

При эксплуатации транспортного судна в работе судового оборудования, судовых деталей и механизмов происходят существенные изменения. Так, например, корпус судна подвергается деформации наружной обшивки, коррозии. Гребной винт подвержен механическим, а также коррозионно-усталостным повреждениям, что приводит к повышению сопротивления воды движению судна и момента сопротивления гребного винта, и, таким образом, перегружает главный двигатель. Как следствие возрастает напряженность деталей ЦПГ двигателя, что приводит к повышению цикловой подачи топлива, а это сказывается на повышении эксплуатационных расходов, сократить которые возможно за счет качественных и своевременных ремонтов.

По-прежнему в области ремонта судов преобладает характер замены поврежденных деталей на новые. В большинстве случаев выхода из строя судовых деталей и механизмов происходит по причине повреждения их поверхности, при этом высокая остаточная стоимость обуславливает экономическую целесообразность их восстановления.

В настоящее время, наиболее эффективным путем повышения ресурса судовых деталей и механизмов является нанесение защитных покрытий на их рабочие поверхности. Для таких цели используют металлы,

Таблица 1. Расчет себестоимости перевозок при различных режимах работы судового двигателя

Линия	Количество оборотов – п, об	Тип состава	Число раб. двиг.	Сх, руб	Сст, руб	С', руб	S, руб/т
Джебарики-Хая – Сангары	500	Р33-ЛТ+2×Р-56	2	12307,4	6804,4	712,76	639,80
	500		1	8155,3	5303,8	712,76	586,00
Джебарики-Хая – Олёкминск	750	1741А+2×Р-56	2	10772,3	6360,0	712,76	1164,84
	750		1	7317,1	5110,9	712,76	1081,96
Джебарики-Хая – Якутск	500	Р-33ЛТ+2×Р-56	2	12307,4	6804,4	712,76	697,11
	500		1	8155,3	5303,8	712,76	631,41
Ур Алдан-Якутск	500	Р-33ЛТ+2×16800	2	12307,4	6804,4	783,3	159,02
	500		1	8155,3	5303,8	783,3	151,39
Осетрово-Якутск	500	Р-33ЛТ+2×16800	2	12307,4	6804,4	712,76	2138,47
	500		1	8155,3	5303,8	712,76	1867,92

сплавы, керамику и др. Это позволяет значительно повысить ресурс деталей и, вместе с тем, сократить потребность в запасных и сменных частях. Как правило, затраты на восстановление поверхностей деталей защитными покрытиями не превышают половины их первоначальной стоимости, при этом сроки службы после восстановления возрастают.

К наиболее активно развивающимся технологиям восстановления поврежденных поверхностей деталей относятся методы газотермического напыления, что представляют из себя процесс нагрева, диспергирования и переноса конденсированных частиц распыляемого материала плазменным или газовым потоком в целях формирования слоя нужного материала на подложке.

Газотермическое напыление объединяет такие методы как: газопламенное, плазменное, электродуговое, детонационное и высокоскоростное [6,7,8]. Однако, универсального метода, как такового, который мог бы подойти для восстановления любой судовой детали не существует, поскольку в зависимости от уровня износа, условий эксплуатации, формы и размера детали, структуры покрытия и т.д. необходимо подбирать наиболее подходящий метод восстановления.

Основными преимуществами газотермического напыления, в сравнении с другими методами восстановления поверхностей являются: высокая экономическая и экологическая эффективность, защитные покрытия возможно наносить на объекты различных размеров и форм, отсутствие температурных деформаций обрабатываемых деталей, а также наличие большого спектра напыляемых на поверхность материалов.

Стоит отметить, что данные процессы относятся к ресурсосберегающим за счет возможности вос-

становления деталей и механизмов, а не замены их новыми, а также существенного продления срока их службы. Кроме того, используя функциональные покрытия, внутреннюю часть механизма можно изготавливать из дешевых металлов, что приведет к экономии дорогостоящих материалов.

В настоящее время защитные покрытия широко применяются в таких областях как: медицина; металлургия, строительство, электроника, космическая техника и др. Этим направлением занимаются многие институты и лаборатории, большой круг ученых и производителей.

Как показывают результаты многочисленных исследований ученых Сибирского университета водного транспорта применение защитных покрытий к деталям

Григорьев Е. А., Варакса А. М.

судового двигателя, корпусу судов, деталям ДРК и т.д. значительно продлевает срок их эффективной работы.

Так, на основе натуральных показателей, которые были получены в результате проведенных профессором Л. К. Арабьяном исследований и эксплуатационных испытаний [7–8] в данной статье авторами определен экономический эффект от использования технологии восстановления поверхности ДРК.

Для проведения расчетов были выбраны составы 1741А+2*Р56 с загрузкой в 4944 т. и состав 428+4*Р56 с загрузкой в 9888 т. на участке Томск-Нижевартовск (перевозка песка).

В результате анализа проведенных расчетов установлено, что применение технологии восстановления поверхности ДРК в виде плазменного напыления и металлической наплавки приводит к экономии затрат на ремонт ДРК и составляет от 34 до 37 тыс. руб. в год с одного гребного винта для буксира-толкача проекта 428 и от 21 до 23 тыс. руб. для буксира-толкача проекта 1741А за счет продления срока его службы в 2–3 раза при весьма низкой стоимости восстановления. При этом, также, снижается расход топлива главными двигателями судов, в связи с уменьшением потребляемого двигателем крутящего момента и увеличивается скорость состава, что в свою очередь приводит к снижению эксплуатационных затрат до 13 %. Это свидетельствует о перспективности применения в судоремонте данной технологии.

Литература:

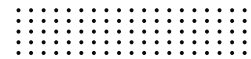
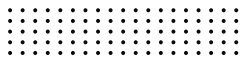
1. Некрасов Н. А. Экономические проблемы внутреннего водного транспорта и перспективы его развития // Идеи и идеалы. 2017. №3 (33). С. 145–153.
2. Григорьев Е. А. Учет внутрирейтинговой оценки при выборе оптимального типа состава // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. 2015. №4. С. 58–60.
3. Бунеев В. М. Методики оценки эффективности завоза грузов на боковые реки и притоки // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. 2016. №3-4. С. 46–49.
4. Браславский М. И. Экономия топлива на речном флоте / М. И. Браславский, В. М. Селиверстов. М.: Транспорт, 1983. 231 с.
5. Антонов В. Е. Повышение эксплуатационной экономичности судовых дизелей посредством их перевода на водотопливную эмульсию дизельного топлива:

Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Новосибирск, 1996. 129 с.

6. Григорьев Е. А. Экономическая оценка ресурсосберегающих технологий работы речных судов: Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Новосибирск. 2014. 151 с.
7. Арабьян Л. К. Диагностика, ремонт и модернизация движительно-рулевых комплексов речных судов: учебное пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. акад. вод. трансп., 2003. 270 с.
8. Арабьян Л. К. Технология повышения качества поверхности деталей движительно-рулевого комплекса судов внутреннего плавания: Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Ленинград. 1984. 219 с.

References:

1. Nekrasov N. A. Economic problems of inland water transport and prospects for its development // Ideas and ideals. 2017. №3 (33). P. 145–153.
2. Grigoryev E. A. Accounting for the in-house evaluation when choosing the optimal type of composition // Scientific problems of transport in Siberia and the Far East. 2015. №4. P. 58–60.
3. Buneev V. M. Techniques for assessing the efficiency of delivering goods to side rivers and tributaries // Scientific problems of transport in Siberia and the Far East. 2016. №3-4. P. 46–49.
4. Braslavsky M. I. Fuel economy in the river fleet / M. I. Braslavsky, V. M. Seliverstov. M.: Transport, 1983. 231 p.
5. Antonov V. E. Increase of operational profitability of marine diesel engines by means of their transfer to a fuel oil emulsion of diesel fuel: Thesis for a scientific degree of Candidate of Technical Sciences. Novosibirsk, 1996. 129 p.
6. Grigoryev E. A. Economic evaluation of resource-saving technologies of river vessels: Thesis for the degree of candidate of technical sciences. Novosibirsk. 2014. 151 p.
7. Arabyan L. K. Diagnosis, repair and modernization of propulsion-steering complexes of river vessels: a training manual. Novosibirsk: Novosib. state. acad. water. transp., 2003. 270 p.
8. Arabyan L. K. Technology for improving the surface quality of parts of the propulsion and steering complex of inland navigation vessels: Thesis for the degree of Candidate of Technical Sciences. Leningrad. 1984. 219 p.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОКАЗАНИИ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

Кулькова В. Ю.

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и инноватики Казанского кооперативного института, Российский университет кооперации (Россия), эксперт Общественной палаты Республики Татарстан, 141014, Россия, г. Казань, Фучика, 36, kulkova77@mail.ru

УДК 614.2(470.41)
ББК 51.1(2Рос.Тат),29

Цель. Исследование организационного механизма взаимодействий в оказании паллиативной помощи государства и некоммерческих организаций НКО (НКО), реализуемых посредством межсекторного социального партнерства (МСП).

Методы. В описании организационного механизма взаимодействий государства и некоммерческих организаций в оказании паллиативной помощи использовался метод анализа документов: устава, соглашения Некоммерческого медицинского частного учреждения Казанского хосписа. Методом структурированного интервью было проведено исследование по сбору экспертного мнения о позиционировании и функциях МСП и государственных, частных и некоммерческих организаций в оказании паллиативной помощи.

Результаты. На основе обобщения организационного механизма реализации общественно-государственного партнерства в создании казанского хосписа для оказания паллиативной помощи описана дескриптивная модель организационного механизма взаимодействий государства и НКО для оказания паллиативной помощи, с выделением и разграничением функций государства и НКО.

Научная новизна. Доказана результативность механизма взаимодействий государства и НКО (общественно-государственное партнерство) в организации оказания паллиативной помощи. Выявлено, что НКО в отличие от государственных и частных учреждений в оказании паллиативной помощи использует принцип мультидисциплинарности (консолидации медицинской, социальной, психологической, духовной и т.д. помощи пациентам и членам их семей), что работает на повышение качества оказания паллиативной помощи в НКО.

Ключевые слова: межсекторное социальное партнерство, некоммерческие организации, медицинские услуги, паллиативная помощь, хоспис.

THE ORGANIZATIONAL MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN PROVIDING PALLIATIVE CARE

Kulkova V. Yu.

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Innovation of the Kazan Cooperative Institute, Russian University of Cooperation (Russia), expert of the Public Chamber of the Republic of Tatarstan, 141014, Russia, Kazan, Fucika, 36, kulkova77@mail.ru

Purpose. Investigation of the organizational mechanism of interactions in providing palliative care to the state and non-commercial organizations of NPOs implemented through cross-sectoral social partnership

Methods. In the description of the organizational mechanism of interactions between the state and non-profit organizations in the provision of palliative care, the document analysis method was used: the statute, the agreement of the Non-Profit Medical Private Institution of the Kazan Hospice. A structured interview was conducted to collect expert opinions on the positioning and functions of cross-sectoral social partnership and public, private and non-profit organizations in providing palliative care.

Results. Based on the generalization of the organizational mechanism for the implementation of public-state partnership in the creation of the Kazan hospice for the provision of palliative care, a descriptive model of the organizational

mechanism of interactions between the state and NPOs for palliative care, with the separation and delimitation of the functions of the state and NPOs is described.

Scientific novelty. The effectiveness of the mechanism of interaction between the state and NPOs in the organization of palliative care was proved. It has been revealed that, unlike public and private institutions in providing palliative care, NPOs use the principle of multidisciplinary (consolidation of medical, social, psychological, spiritual, etc. assistance to patients and their families), which works to improve the quality of palliative care in NPOs.

Key words: intersectoral social partnership, non-profit organizations, medical services, palliative care, hospice.

Согласно данным доклада секретариата, опубликованного ВОЗ 4 апреля 2014 г, каждый год во всем мире около 20 миллионов человек нуждаются в паллиативной медицинской помощи в конце жизни [1, с. 13] и считается, что столько же человек нуждаются в паллиативной помощи в течение последнего года жизни. Таким образом, общее число людей, которым ежегодно требуется паллиативная медицинская помощь, составляет около 40 миллионов. По оценкам, из 20 миллионов человек, нуждающихся в паллиативной помощи в конце жизни, 80 % проживают в странах с низким и средним уровнем доходов; около 67 % – люди пожилого возраста (старше 60 лет) и около 6 % – дети.

Очевидность, продемонстрированной данными ВОЗ, необходимости паллиативной помощи, потребовал ав мировой практике общественного здравоохранения, несмотря на наличие различных моделей организации паллиативной помощи в странах, разработку унифицированных стандартов и норм паллиативной помощи: во-первых, рекомендации Европейской ассоциации паллиативной помощи (ЕАПП)[2]; во-вторых, рекомендации ВОЗ к мероприятиям по укреплению паллиативной медицинской помощи на страновом уровне [1].

В определениях паллиативной помощи ВОЗ, ЕАПП несмотря на различные подходы к позиционированию «характера заболевания», общность проявляется в стейкхолдерах (заинтересованных сторонах) и компонентах. При этом обращает внимание, что в стандартах ЕАПП термин «паллиативная помощь» используется для обозначения как паллиативной, так и хосписной помощи.

Хосписная помощь – помощь на дому, в отделении дневного пребывания или в хосписе пациенту, который приближается к концу жизни, и тем людям, которые его любят в решении всех проблем, связанных с физической, эмоциональной, социальной и духовной сферами жизни.

Согласно подходу ЕАПП к терминологической определенности понятий паллиативная / хосписная помощь представляет собой и такие виды помощи как «помощь в конце жизни», помощь «выходного дня», для людей с онкологическими заболеваниями «поддерживающую помощь». Часто можно встретить термин «поддерживающая помощь», который ЕАПП позиционируется как часть онкологической помощи. В то

время как паллиативная помощь имеет самостоятельную область применения – это все пациенты с угрожающими жизни заболеваниями, поэтому поддерживающая помощь не является синонимом паллиативной.

ЕАПП обращает внимание, что термин «помощь в конце жизни» может быть использован как синоним паллиативной или хосписной помощи при условии, если под «концом жизни» понимается «расширенный» период, составляющий от 1 до 2 лет, в течение которых пациент/члены его семьи и медики знают о том, что заболевание приведет к смертельному исходу.

Помощь «выходного дня» (respitecare, предоставляемые кратковременного отдыха родственникам больного).

Ключевой характеристикой паллиативной помощи выступают уровни паллиативной помощи, выделяемые ЕАПП[2, с. 14]: «паллиативный подход – это применение/интеграция принципов и методик паллиативной помощи в учреждениях, не специализирующихся на оказании паллиативной помощи. Это касается не только фармакологических и нефармакологических методов купирования симптомов, но также принципов общения с пациентом и его родственниками, а также и с медицинскими работниками, принятия решений и постановки целей в соответствии с принципами паллиативной помощи»; «общая паллиативная помощь оказывается медицинскими работниками первичного звена медицинской помощи и специалистами, которые занимаются лечением пациентов с угрожающими жизни заболеваниями и имеют хорошие навыки и знания основ паллиативной помощи. Специалистам, которые в своей практике чаще занимаются оказанием паллиативной помощи, например, онкологам и гериатрам (но паллиативная помощь не является их основной специальностью), может потребоваться специализация и подготовка по паллиативной помощи, после чего они смогут предложить своим пациентам услуги лучшего качества»; «Специализированная паллиативная помощь оказывается специализированными службами пациентам с угрожающими жизни/смертельными заболеваниями и их близким с многоплановыми проблемами для удовлетворения всех их нужд».

Детерминантным принципом оказания паллиативной помощи, сформулированным ВОЗ и поддержанным ЕАПП, выступает принцип междисциплинар-

ности паллиативной помощи – требует обеспечение предоставления всех составляющих паллиативной помощи (основная медицинская помощь и психологическая и духовная поддержка пациентов и членов их семей) под контролем со стороны подготовленных специалистов здравоохранения, по мере необходимости.

В зарубежных практиках широкое распространение в предоставлении паллиативной помощи получает деятельность некоммерческих организаций (НКО)[4, с. 14], организованная через реализацию механизма межсекторного социального партнерства (МСП), что дает основания для позиционирования МСП в качестве организационного механизма взаимодействий государства и НКО в оказании услуг.

В зарубежной и отечественной науке обосновано[4, с. 21],[5, с. 11], [6, с. 11], что реализация межсекторного социального партнерства, работает на обеспечение корреспонденции интересов государства, общества, частного капитала и отдельного индивидуума (домохозяйства). Связывание интересов различных стейкхолдеров через достижение общественного консенсуса дает основание для позиционирования МСП как института работающего на повышение доверия к власти. В современной западной науке и на практике инвестирование в доверительное управление рассматривается как новый подход к восстановлению экономического роста и укреплению социальной сплоченности, а также как признак того, что правительство извлекает уроки из кризиса. Тем самым построение МСП можно рассматривать как инвестиции в доверительное управление в контексте реформ государственного сектора. Вместе с тем, МСП, с одной стороны, необходимо для реализации реформ, то есть выступает инструментом государственного управления, с другой, МСП позиционируется в качестве предмета реформ, что фиксируется, в частности в главе 19 «Развитие общественных институтов раздела V Эффективное государство» Стратегии 2020[7, с. 3], где оно влияет на отношения индивидуумов, их решения имеют значение для экономического и социального благополучия организаций.

В РФ реализация механизма межсекторного социального партнерства во взаимодействиях государства и НКО находится на стадии становления. Так, в российских практиках организации паллиативной помощи в деятельности Казанского хосписа наличествует единственный и успешный кейс реализации межсекторного социального партнерства в виде общественно-государственного партнерства[8, с. 30], предусматривающего взаимодействие государства и НКО. Зарождающиеся практики взаимодействий государства и НКО в оказании услуг паллиативной помощи нуждаются в исследовании и обобщении. **Целью статьи является** описание результатов исследования организационного механизма реализации МСП в оказании паллиативной

помощи. Территорией исследования является Республика Татарстан. Выбор территории исследования обусловлен тем, что в Республике Татарстан паллиативная помощь представляется различными организационными формами, как государственными учреждениями, так и единственным в РФ хосписом в статусе НКО.

Так, в Республике Татарстан в рамках общественно-государственного партнерства между Министерством здравоохранения РТ (от лица государственного сектора) и Общественным благотворительным фондом помощи детям, больным лейкемией, Республики Татарстан им. Анжелы Вавиловой (от лица некоммерческого сектора) создан Казанский хоспис, единственный в РФ, имеющий статус НКО – Некоммерческое медицинское частное учреждение «Детский хоспис».

Общественный благотворительный фонд помощи детям, больным лейкемией, Республики Татарстан им. Анжелы Вавиловой был создан в марте 2003 года Владимиром Владимировичем Вавиловым и назван именем ушедшей от лейкемии пятилетней дочери. Более 2000 детей получили помощь от Фонда имени Анжелы Вавиловой за время его работы с 2003 года[4, с. 11].

В 2010 году при Министерстве здравоохранения РТ была создана рабочая группа по организации паллиативной помощи, ряд представителей которой изучали опыт в Германии по деятельности 8 хосписов.

Институциональной основой реализации общественно-государственного партнерства в оказании паллиативной помощи в Республике Татарстан стало подписание 25 января 2011 года Соглашения о сотрудничестве между Министерством здравоохранения РТ и Общественным благотворительным фондом помощи детям, больным лейкемией, Республики Татарстан им. Анжелы Вавиловой. В соглашении определены: цель, предмет, обязанности сторон, обобщение которых раскрывает модель организационного механизма реализации общественно-государственного партнерства в создании хосписа для оказания паллиативной помощи на рис. 2.

Обобщение модели организационного механизма реализации общественно-государственного партнерства в создании хосписа для оказания паллиативной помощи, представленной на рис.2, дает основания для разграничения функций государства и НКО в общественно-государственном партнерстве по организации паллиативной помощи табл. 1.

Из приведенной таблицы видно, каким образом были разделены функции между государством и НКО: государство предоставило площади и оборудование, НКО – провела ремонт выделенных зданий и создала дополнительные площади, государство участвовало в финансировании через оплату лечения больных через ОМС, НКО – проводила финансирование через фандрайзинг, государство поддерживало НКО в публичном пространстве, НКО – демонстрировала открытость и подотчетность, создавая

имидж организации в глазах населения и т.д. Другими словами, анализ этой практики дает пример эффективного взаимодействия государства и некоммерческой организации. В результате, проект «Детский хоспис» развивался, расширяя свои возможности, и, как следствие, предоставляя помощь большему числу детей, которые в ней нуждаются: в феврале 2012 года на базе детского терапевтического санатория г. Казани, переданного в аренду Минздравом РТ Фонду им. Анжелы Вавиловой, открыты две палаты круглосуточного стационарного Детского хосписа. 01.08.2013 было начато строительство детского отделения, а 02.06.2014 произошло открытие детского отделения; 01.08.2014 начато строительство взрослого отделения, открытие которого состоялось менее года спустя – 01.06.2015.

Основываясь на положении *implementation research*, в соответствии с которыми успешность реализации социальных реформ во многом обусловлена восприятием и поддержкой их стейкхолдерами, методом структурированного интервью было проведено исследование по сбору экспертного мнения о позиционировании и функциях МСП и государственных, частных и некоммерческих организаций в оказании паллиативной помощи.

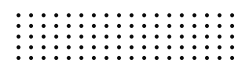
Экспертами выступили ключевые стейкхолдеры паллиативной помощи, имеющие опыт соприкосновения с паллиативной помощью более 15 лет – руководители медицинских организаций, оказывающих паллиативную помощь населению различных форм собственности (хоспис НКО, отделение паллиативной помощи в стационаре – государственное учреждение, руководитель выездной службы паллиативной помощи при стационаре – государственное учреждение, главный врач); члены семей пациентов, получателей паллиативной помощи; больные ВИЧ-инфекцией; топ-менеджер по клинической работе Высшего учебного медицинского

заведения; консультант отдела охраны здоровья матери и ребенка Управления здравоохранения Казани.

Отличие оказания паллиативной помощи в НКО и государственных и частных учреждениях заключается и в философии помощи. НКО и благотворительные организации ориентированы на бесплатное представление услуг, в отличие от частных учреждений, которые хотят получить деньги и прибыль. *«Государство и в зарубежных странах не вкладывается в строительство хосписов. Общество объединяется и вкладывается. Суть НКО и благотворительных фондов – бесплатная помощь для населения. В НКО в отличие от государственных организаций в оказании паллиативной помощи имеет подход другой к пациентам и работе, это свой мир, своя философия – улучшение качества жизни на последнем пути, и разделить с родственниками горечь утраты. В благотворительных фондах должно быть три кита – цель НКО, прозрачность, целевое расходование средств»*(руководитель НКО – хосписа).

На недостаток в ограничении общения с близкими в государственных организациях паллиативной помощи указывают пациенты, которые отдают предпочтение в получении паллиативной помощи в НКО (Казанском хосписе). *«Я своего ребенка могу оставить только в хосписе, в государственных больницах нет таких условий, за ней не будет такого ухода, внимания и заботы. Качество паллиативной помощи в хосписе выше ...»* (мама девочки с орфанным заболеванием, руководитель некоммерческой организации «Ассоциация содействия больным синдромом Ретта»).

На результативность механизма взаимодействия государства и НКО (общественно-государственное партнерство) в организации оказания паллиативной помощи в рамках строительства хосписа указывают все эксперты. *«Не первом республиканском форуме НКО*

Кулькова В. Ю.

я подошел к Президенту РТ и попросил о поддержке проекта строительства хосписа. Он поддержал нас. Подарил реанимобиль для выездной паллиативной службы. Мы подписали соглашение с Минздравом и начали строительство. Когда были сложности: по техническому согласованию проекта нас поддерживали в Администрации Президента... Финансово нас поддерживают в основном простые люди. 99 % это бабушки, дедушки, рабочие, которым не чуждо сострадание ...».

Как отмечает руководитель хосписа, были и институциональные сложности при реализации общественно-государственного партнерства в организации паллиативной помощи «Фонд выступал как кошелек при строительстве хосписа. А собственность была государства... то есть де-факто мы руководили, но де-юре государство. Мы этот вопрос поднимали в Министерстве, и потом решили учредить Некоммерческое частное медицинское учреждение «Детский хоспис». Мы стали собственниками».

Успех реализации общественно-государственного партнерства в оказании паллиативной помощи эксперты связывают с харизматичностью, высоким менеджерским потенциалом лидера проекта по строительству хосписа, инфраструктурной поддержкой СО НКО, реализуемой в настоящее время в РФ и РТ. «Лидерские качества и целеустремленность Вавилова помогли реализации проекта хосписа и повысить качество оказания паллиативной помощи в РТ» (топ-менеджер по клинической работе Высшего учебного медицинского заведения, партнера хосписа). «Факторами успеха НКО в оказании паллиативной помощи является то, что Владимир Владимирович лидер, который смог собрать команду профессионалов. Конечно, поддержка некоммерческих организаций со стороны госу-

дарства много дает для развития НКО. Это и обучение для повышения профессионализма лидеров НКО. Проведение конкурсов проектов, что позволяет привлечь дополнительные средства для финансирования деятельности НКО» (мама девочки с орфанным заболеванием, руководитель некоммерческой организации «Ассоциация содействия больным синдромом Ретта»).

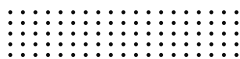
«В день смерти дочери идея о паллиативной помощи у меня возникла. Мы с единомышленниками – родителями детей стали помогать больным детям. Мы организовывали круглые столы при Минздраве. Про нас думали: пошумят и бросят. Многие чиновники говорили, зачем Вам это надо, пускай умирают... Но я человек такой, если я берусь, то я делаю. И не хочу, чтоб мне плевали в спину» (руководитель хосписа).

Руководитель НКО, оказывающего паллиативную помощь выделяет следующие пробелы в законодательстве «Первое. Согласно земельному кодексу только религиозным организациям разрешено передавать землю в собственность. У НКО под строительство хосписа таких средств на покупку земли нет. Поэтому предлагаем внести поправки в земельный кодекс и разрешить под строительство хосписов передавать землю НКО в безвозмездное пользование. Второе. Сейчас в паллиативном отделении ДРКБ умираю 200 детей, а врачи боятся сказать родителям, о том, что ребенок умирает, чтоб потом его не затаскали по прокураторам. Предлагаем закрепить в законодательном порядке, при поступлении пациента с диагнозом, угрожающим жизни, если комиссия ЛПУ признает радикальное лечение не эффективным, брать письменное согласие на перевод на паллиативную помощь. Третье. Законодательно предусмотреть финансирование оказания паллиативной помощи через ОМС».

Таблица 1. Разграничение функций государства и НКО в организации паллиативной помощи населению*

Функции	Государство	НКО
Имущественная поддержка	Выделение земли, зданий, и прочего оборудования	Реконструкция зданий, возведение помещений
Финансирование	ОМС	Фандрайзинговые средства
Формирование репутации	Содействие НКО	Формирование и продвижение позитивного мнения на основе подотчетности обществу и открытости
Транспарентность		Публикация отчетов, размещенных в открытом доступе на сайте НКО
Организационно-методическая помощь (реестр нуждающихся в паллиативной помощи)	Иницирует	Продвигает и информирует
Взаимодействия со стейкхолдерами	Поддерживающая позиция	Детерминантная позиция
Волонтерское движение		Функция НКО

* Разработка автора

Кулькова В. Ю.

Проведенное исследование взаимодействий государства и некоммерческих организаций в предоставлении услуг паллиативной помощи дает основание для следующих выводов и обобщений:

1. Организация взаимодействий между государством и НКО в реализации общественно-государственного партнерства институционализируется в подписании соглашения о сотрудничестве и предполагает разграничение функций между ними. Обобщение опыта Казанского хосписа позволяет описать следующую модель разграничения функций: государство оказывает имущественную поддержку (предоставление площади и оборудования), НКО – проведение ремонта выделенных зданий и создание дополнительных площадей, государство участвует в финансировании через оплату паллиативной помощи через ОМС, НКО – финансирует через фандрайзинг, государство поддерживает НКО в публичном пространстве, НКО – демонстрирует открытость и подотчетность, создавая имидж организации в глазах населения и т.д.

2. Некоммерческая форма, личная вовлеченность председателя правления и руководителя хосписа позволяют привлекать дополнительное финансирование в механизме фандрайзинга, грамотно организовать работу с волонтерами и благотворителями на принципах подотчетности и открытости (ежемесячная публикация отчетов по расходованию поступивших средств), в организации хосписа используются принципы мультидисциплинарности оказания паллиативной помощи (медицинской, социальной, психологической, духовной и т.д.) пациентам и членам их семей мультипрофессиональной командой специалистов, что работает на повышение качества оказания паллиативной помощи в НКО.

3. На результативность механизма взаимодействий государства и НКО (общественно-государственное партнерство) в организации оказания паллиативной помощи в рамках строительства хосписа указывают все эксперты. Успех реализации общественно-государственного партнерства в оказании паллиативной помощи эксперты связывают с харизматичностью, высоким менеджерским потенциалом лидера проекта по строительству хосписа, инфраструктурной поддержкой СО НКО, реализуемой в настоящее время в РФ и РТ. Однако, как отмечает руководитель хосписа, были и институциональные сложности по решению вопросов собственности при реализации общественно-государственного партнерства в организации паллиативной помощи.

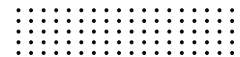
Литература:

1. How many people a rein need of palliative care world wide? In: Global atlas of palliative care at the end of life. Geneva: World Health Organization and Worldwide Palliative Care Alliance. 2014.

2. Council of Europe. Recommendation Rec (2003) 24 of the Committee of Ministers to member states on the organisation of palliative care, 2003.
3. Government at a Glance 2013, OECD Publishing. [Электронный ресурс] URL: http://dx.doi.org/10/1787/gov_glance-2013-en. (дата обращения 14.12.2017)
4. Паллиативная помощь в Республике Татарстан. Казанский Хоспис. Казань: А-Пресс. 43 с.
5. Кулькова В. Ю. Трансформация устойчивости СО НКО в Российской Федерации: монография. Казань: Печать-Сервис, 2016. 82 с.
6. Петрище В. И. Инновационная инфраструктура: внебюджетное финансирование и инвестиции // Вестник Орел ГИЭТ. 2015. №2(16). С. 25–30
7. Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года/ под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М.: Дело РАНХиГС, 2013. 356 с.
8. Кулькова В. Ю. Концептуальное обоснование построения межсекторного социального партнерства// Фундаментальные и прикладные исследования. 2014. №2. С. 28–33.

References:

1. How many people a rein need of palliative care world wide? In: Global atlas of palliative care at the end of life. Geneva: World Health Organization and Worldwide Palliative Care Alliance. 2014.
2. Council of Europe. Recommendation Rec (2003) 24 of the Committee of Ministers to member states on the organisation of palliative care, 2003.
3. Government at a Glance 2013, OECD Publishing. [e-resource]. URL: http://dx.doi.org/10/1787/gov_glance-2013-en. (date of reference 14.12.2017)
4. Palliative care in the Republic of Tatarstan. The Kazan Hospice. Kazan: A-Press. 43 p.
5. Kulkova V. Yu. Transformation of sustainability of NCOs in the Russian Federation: monograph. Kazan: Print-Service, 2016. 82 p.
6. Petrishche V. I. Innovative infrastructure: off-budget financing and investments // Vestnik Orel GIET. 2015. №2 (16). P. 25–30
7. Strategy 2020: A new growth model is a new social policy. Final report on the results of expert work on topical issues of the socio-economic strategy of Russia for the period to 2020 / under the scientific. Ed. V.A. Mau, Ya. I. Kuzminova. M.: Delo RANEPА, 2013. 356 p.
8. Kulkova V. Yu. Conceptual justification for building an intersectoral social partnership // Fundamental and applied research. 2014. №2. P. 28–33.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ТЕРМИНАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Кох И. А.

Доктор социологических наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), заведующий кафедрой философии и культурологии, Уральский государственный горный университет (Россия), 620099, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, kia4@mail.ru

Алексеева Л. А.

Аспирант Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620099, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

Статья посвящена исследованию профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи, их месту в структуре жизненных ценностей студентов. Современное общество характеризуется высокой социальной динамикой, социальные и экономические запросы на рынке специалистов постоянно изменяются. Сформированные профессионально-ценностные ориентации способствуют эффективной адаптации молодого специалиста к профессиональной деятельности. Ценности образования и профессии могут быть отнесены как к инструментальным, так и к терминальным ценностям. Исследования характера профессиональных ориентаций и ценностей студентов могут стать основанием для прогноза успешности социализации в профессиональной сфере.

Ключевые слова: ценности, профессиональные ценности, терминальные жизненные ценности, инструментальные жизненные ценности.

TERMINAL AND INSTRUMENTAL VALUES IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL-VALUE ORIENTATIONS OF STUDENT YOUTH

Kokh I. A.

Doctor of Sciences (Sociological), Professor of Department of theory and sociology of management of Ural Institute of management-branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), head of the Department of philosophy and cultural studies, Ural state mining University (Russia), 620099, Ekaterinburg, str. 8 Marta, 66, kia4@mail.ru

Alekseeva L. A.

Post-graduate student of Ural Institute of management-branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620099, Ekaterinburg, str. 8 Marta, 66, kia4@mail.ru

This article studies the professional-value orientation of students, their place in the structure of students' life values. Modern society is characterized by high social dynamics, social and economic demands on the market of specialists are

constantly changing. Formed professional and value orientations contribute to the effective adaptation of the young specialist to professional activity. The values of education and profession can be classified both instrumental and terminal values. Studies of the nature of professional orientations and values of students can be the basis for forecasting the success of socialization in the professional sphere.

Key words: values, professional values, terminal values, instrumental values.

Актуальность научных исследований профессионально-ценностных ориентаций молодежи обусловлена, во-первых, значимостью для общества процессов воспроизводства человеческого капитала, трудовых и социальных ресурсов, во-вторых, важностью ценностно-смысловых компонентов в структуре профессиональной направленности студентов.

В наши дни понятия «самоэффективность» и «профессиональная самореализация» являются смыслообразующими, определяющими поведение большинства социально активных молодых людей. По демографическому и социально статусным признакам к такой группе принадлежит подавляющее большинство представителей студенческой молодежи.

Ценность жизненного и профессионального успеха в современном обществе рассматривается социологами одновременно и как социальный, и как целевой ориентир, связанный с самореализацией личности, что требует использования современных исследовательских подходов, в основе которых находится человеко-ориентированная парадигма.

Социально-психологический аспект при исследовании профессионально-ценностной сферы предполагает учет возрастных особенностей исследуемой группы. Социально-педагогический аспект подразумевает рассмотрение особенностей социальной работы с молодежью в процессах ее профессиональной социализации.

На специфику исследования молодежной проблематики обращали внимание многие авторы еще в 70–80-х годах. О специфике исследования проблем молодежи писал Л. Н. Коган, отмечая недопустимость объект ориентированных подходов при исследовании молодежи, уже в 80-х годах. В следующее десятилетие В. А. Ядов отмечал необходимость изменения научного восприятия молодежи и ее отдельных групп в качестве объекта социологических исследований. «Ранее на молодежь смотрели как на какую-то заготовку будущих граждан, сегодня необходимо во многом пересмотреть мировоззрение и идеологию молодежной социологии» [1, с. 12].

Динамика социальных изменений в современном мире все возрастает, что оказывает влияние на процессы формирования ценностной сферы молодого поколения. Современная социология, изучая молодежную проблематику, опирается на парадигму «от чело-

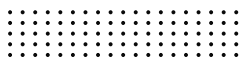
века», ориентирует на изучение ценностно-мотивационного компонента личности, находящейся в сложном и динамичном этапе своего развития, главным ориентиром и сущностью которой является достижение социального взросления, социальной зрелости.

Важно отметить, что такая исследовательская стратегия особенно значима в демократическом обществе, преодолевающем авторитарные тенденции и идеологию «социального атомизма» и «человека системы». Современная молодежь по сравнению с предыдущими поколениями, даже с молодежными группами двадцатилетней давности, существенно изменилась: стали иными условия жизни, как следствие – иные ценностные ориентации, установки, существенно различающиеся между различными группами в структуре молодежи» [2, с. 238].

Среди факторов, влияющих на профессионально-ценностную сферу студенческой молодежи, следует отметить неблагоприятные тенденции в сфере трудоустройства молодежи на работу по специальности. Так, в исследованиях трудовой занятости учащейся молодежи отмечается, что 47 % трудоустроенных студентов занимаются неквалифицированным трудом в сфере обслуживания. Можно предположить, что такой характер занятости может существенно повлиять на отношение к профессиональному образованию и на стратегии профессионализации. В связи с этим, в частности, Ю. А. Зубок отмечает: «Поэтому потенциал, заложенный в сравнительно высоком уровне образования молодежи, может быть реализован только при условии формирования мотивации, адекватной современным вызовам» [3, с. 106].

Современные исследователи профессионально-ценностных ориентаций, их роли и места в профессиональной социализации молодежи по-разному акцентируют проблематику, обращаясь к исследованиям различных аспектов и факторов успешности профессиональной самореализации.

В рамках изучения внутренних, личностных факторов, влияющих на содержание профессионально-ценностных ориентаций, изучаются ценностные и смыслообразующие структуры самосознания личности и механизмы их формирования [4]. В рамках процессуально-деятельностно-ориентированных подходов исследуется динамика становления профессионально-ценностных ориентаций молодежи как на стадии соци-

ализации посредством образования, так и в профессиональной социализации» [5, с. 106].

С позиций культурно-исторического подхода к трактовке эффективности и успешности самореализации в профессиональной и иных сферах, социокультурные модели самореализации понимаются как стратегия личности, выстроенная согласно культурному образцу и идеалу рассматриваемого типа общества. Социально-философское понимание профессиональной самореализации как решения проблемы смысла жизни содержится в работах Л. Н. Когана [6]. К исследованию проблем образования и профессионального становления молодежи обращается в своих работах Ю. Р. Вишневский [7, с. 5–9]. Влияние социально-демографических факторов на представление об успешности самореализации разрабатывается Г. Г. Силласте» [8, с. 115–130].

Современные исследователи профессионально-ценностных ориентаций связывают их с направленностью личности, включают в них компонент отношения к профессиональной деятельности и к деятельности в целом, считают их качественным показателем личности, придают им статус ключевой личностной установки, ее социально приемлемой направленности» [9, с. 10].

Под профессионально ценностными ориентациями мы будем подразумевать важнейший элемент внутренней структуры личности, выражающий субъективное отношение к общественно значимым ценностям труда. Профессионально-ценностные ориентации, по нашему мнению, включают в себя отношение к образованию как к первому этапу профессионализации, отношение к значимым ценностям труда.

Функции профессионально-ценностных ориентаций можно условно разделить на две группы: личностные – эндогенные, и социальные – экзогенные. К первым следует отнести регулятивную, определяющую и структурирующую потребностно-мотивационную сферу личности, и смыслообразующую функцию. Ко второй группе функций относится ориентировочная адаптационная функция, способствующая ориентации молодежи на трудовом и социальном рынках, и статуснообразующую функцию, связанную с процессами социальной мобильности.

По мнению А. А. Деркача, ценности существуют в виде ценностных ориентаций, система которых определяет содержание направленности личности и составляет основу ее отношений, ядро мотивации, жизненной концепции и смысла жизни. Профессиональное развитие – это встреча профессии и личности» [10, с. 3]. Однако профессиональные ценности не ограничиваются только личностно-ориентирующими функциями, для человека важен статус и социальный престиж профессии, ее условия, социальная значимость и социальная актуальность.

Если подходить к определению профессиональных ценностей с позиций индуктивного подхода, можно перечислить следующие: осознание и уважение к социальной профессиональной роли, наличие социальной мотивации труда, ценность трудовой деятельности, интерес к профессиональной и корпоративной культурам, потребность в образовании и самообразовании.

Проблема отношения молодежи к образованию входит в профессионально-ценностную сферу и является практически значимой. Отношение молодежи к образованию зависит от социально-ситуационных и личностных факторов, влияющих на характер профессиональных ожиданий и осознание профессиональных жизненных перспектив. По мере осознания базовых и социально-ситуационных характеристик в соотношении с потребностями и интересами они приобретают ценностную форму. Отношение к образованию, его значение, смысл, ценность для студента определяют его поведение в этой сфере, его становление как специалиста.

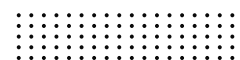
Образование может существовать и рассматриваться как терминальная или инструментальная ценность. В настоящее время, по мнению А. Ю. Зубок и В. И. Чупрунова, наблюдается тенденция преувеличения образования как инструментальной ценности, особенно среди возрастной группы 25–29 лет. Ценность знания в сознании современной молодежи, прежде всего, – как «средство решения поставленных задач» [11, с. 106]. Рост ценности инструментального значения знания наблюдается среди состоявшихся молодых специалистов.

По мнению социологов, в современном аксиологическом дискурсе ценности карьеры и успеха занимают лидирующее место. Идеология успешных социальных слоев активно транслируется в культурное поле и, безусловно, оказывает влияние на формирование ценностно-целевых установок молодежи [12, с. 93].

Проведенное нами исследование позволило выявить приоритетные ценности студенческой молодежи и определить место профессиональных ценностей в целостной структуре инструментальных и терминальных ценностей.

Среди 606 опрошенных студентов, обучающихся в двух вузах Екатеринбурга, только 3,0 % высказали негативные ожидания по отношению к будущему, что можно трактовать как показатель степени сформированности ценностной и профессионально-ценностной сферы в целостной структуре ценностей личности.

В ходе исследования были выяснены значимые жизненные ценности студентов. Для большинства опрошенных мерилом самореализации является публичность как степень востребованности на социальном рынке, однако любимая работа оказалась ценнее работы престижной, то есть личностная

Кох И. А., Алексеева Л. А.

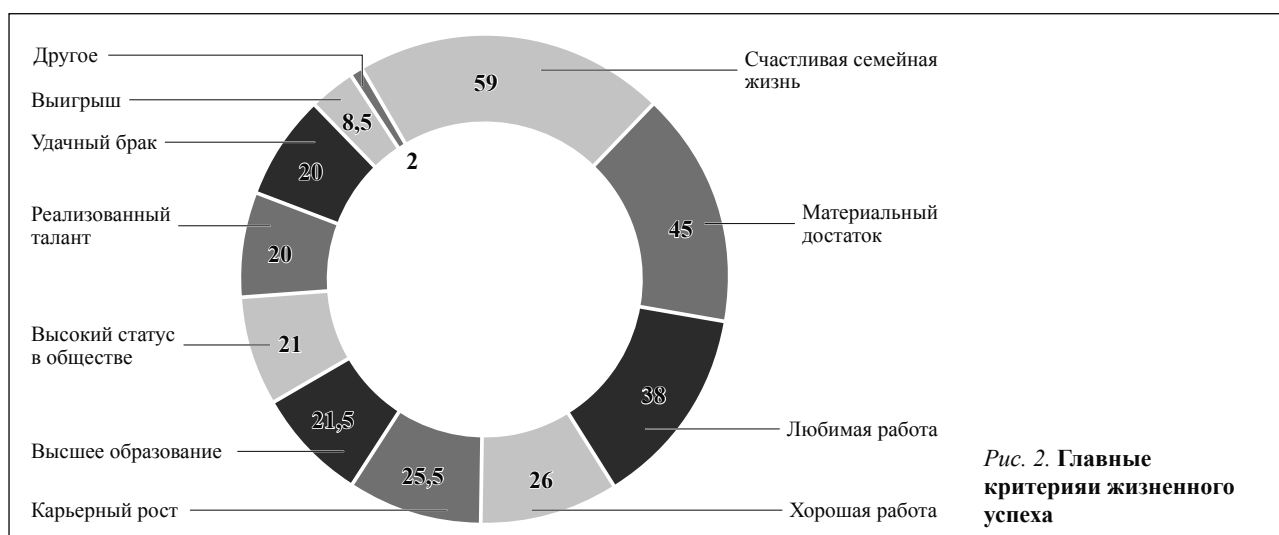

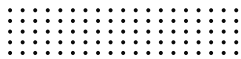
оценка работы оказывается более значимой, чем социально-статусная. Общественному признанию избранного вида деятельности (престиж профессии, работы) отдали предпочтение всего 3,0 % опрошенных (рис. 1).

В ходе исследования студентам предлагалось не просто назвать наиболее значимые ценности, но и ранжировать ценности, подразделенные на инструментальные и терминальные, с учетом осознания их значимости. Терминальные ценности представляют собой убеждения в значимости той или иной цели и необходимости стремления к ней. Инструментальные ценности отражают убеждения в том, что определенный образ действий или свойство личности является предпочтительным для достижения жизненных целей. Активная жизненная позиция, интересная работа, профессиональная карьера, наличие друзей, материально обеспеченная жизнь, развлечения и другие цели-ценности принадлежат к числу терминальных, тогда как рационализм, ответственность, независимость, самоконтроль и другие являются инструментальными ценностями.

Ценность труда трактуется студентами преимущественно как инструментальная ценность. Больше половины опрошенных отметили в качестве ключевого условия успешности профессиональной карьеры упорный труд – 55 %. Только 28,5 % опрошенных студентов считают, что это везенье, 9,5 % предполагают, что это закономерность, и лишь малая доля студентов думают, что это случайность.

Говоря о содержании терминальных ценностей, следует отметить, что главными критериями жизненного успеха для большинства респондентов является счастливая семья (59 %) и материальный достаток (45 %), затем любимая работа (38 %). Карьерные устремления как критерий успеха отметили четверть опрошенных студентов (25 %). Данные приведены на рис. 2.

Кох И. А., Алексеева Л. А.

Таким образом, несмотря на растущий интерес исследователей к проблеме трансформации профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи в современной России и современном обществе, понятие «профессионально-ценностные ориентации» трактуется очень широко, что требует продолжения исследований. По нашему мнению, профессионально-ценностные ориентации представляют собой интегративную личностную структуру, отражающую профессиональное сознание специалиста. Они характеризуют отношение личности к профессии, отражают содержательную сторону направленности личности на ценности профессиональной деятельности.

Отношение молодежи к образованию входит в число факторов, влияющих на характер профессиональных ожиданий и осознание профессиональных жизненных перспектив, на отношение к профессии как к терминальной, смыслообразующей ценности.

Результаты нашего исследования показали, что для большинства студентов профессиональная самореализация является одной из самых значимых ценностей в структуре профессионально-ценностных ориентаций. Мерилом ее успешности выступают мера востребованности и возможности адаптации на рынке труда, а также в обществе в целом. Однако приоритетной оказывается не социально-статусная, а личностная оценка профессиональной деятельности, поскольку большинство опрошенных студентов отмечают ценность предпочитаемой профессии, «любимой» работы.

Литература:

1. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1999. 596 с.
2. Бергер П. Л., Бергер Б. Личностно ориентированная социология. М., 2004.
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. 2012. № 8.
4. Согомонов А. Ю. Генеалогия Успеха и Неудач. М.: Просвещение, 2005.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // СоцИс. 2012. № 8.
6. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984.
7. Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-прак-

тической конференции. 28 февраля 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 5–9.

8. Силласте Г. Г. Гендерная социология: от идеи и дискуссий к научной школе // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 15–30.
9. Сластенин В. А. Педагогическая аксиология: науч. монография. Красноярск: СибГТУ, 2008. 293 с.
10. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. 752 с.
11. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 106.
12. Хагуров Т. А. Учащаяся молодежь в кризисном обществе // Социологические исследования. 2010. № 7.

References:

1. Yadov V. A. The strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Dobrosvet, 1999. 596 p.
2. Berger P. L., Berger B. Personally oriented sociology. M., 2004.
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. The Attitude of Youth to Education as a Factor of Improving the Efficiency of Training Highly Skilled Personnel // Sociological Research. 2012. № 8.
4. Sogomonov A. Yu. Genealogy of Success and Failure. Moscow: Education, 2005.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. The Attitude of Youth to Education as a Factor of Improving the Efficiency of Training Highly Skilled Personnel // Soc. 2012. № 8.
6. Kogan L. N. The purpose and meaning of human life. M.: Thought, 1984.
7. Vishnevsky Yu. R., Shapko V. T. Sociology of youth – about young people, for young people // Actual problems of sociology of youth, culture, education and management: materials of the all-Russian scientific and practical conference. February 28, 2014. Ekaterinburg: UrFU, 2014. V. 1. P. 5–9.
8. Gillaste G. G. Gender sociology: from the idea and discussions to the scientific school // Humanitarian of the South of Russia. 2016. № 3. P. 15–30.
9. Slastenin V. A. Pedagogical axiology: scientific. monograph. Krasnoyarsk: SibSTU. 2008. 293 p.
10. Derkach A. A. Acmeological foundations of professional development. M.: Izd. M. psychol.-sots. in-ta; Voronezh: Modec, 2004. 752 p.
11. Zubok Yu. A., Chuprunov V. I. The Attitude of Youth to Education as a Factor of Improving the Efficiency of Training Highly Skilled Personnel // Sociological Research. 2012. № 8. P. 106.
12. Khagurov T. A. Studying young people in a crisis society // Sociological research. 2010. № 7.

УСТОЙЧИВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: ОТ МЕТОДОЛОГИИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ К ТЕХНОЛОГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Подгорный В. В.

Доктор экономических наук, доцент, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (Донецкая Народная Республика), 83004, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 271, кв. 126, vlad60127@mail.ru

УДК 316.3
ББК 60.560

Цель. Обоснование модели устойчивой социальной системы как совокупности управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил, взаимосвязь и взаимозависимость которых устанавливается посредством актуализации общественных потребностей.

Методология и методы. В работе обоснована новая методология формирования модели устойчивой социальной системы, включающая аргументацию её структурных элементов – политической, организационной и экономической систем, взаимодействие которых лежит в основе управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил и создаёт требуемые условия для достижения двуединого результата – развитие социальных отношений и максимально полное удовлетворение общественных потребностей.

Результаты. Предложена новая методология формирования модели жизнеустройства общества, в основе которой положено взаимодействие политической, организационной и экономической систем. Данная методология позволяет обосновать структурную организацию модели устойчивой социальной системы, включающую в себя управление социальной деятельностью, общественное воспроизводство и развитие социальных сил, направленных на развитие социальных отношений и максимально полное удовлетворение общественных потребностей. Процесс формирования развития социальных отношений и максимально полное удовлетворение общественных потребностей представлено в виде замкнутого системного цикла. Движущей силой всех процессов внутри цикла являются общественные потребности, влияние которых проявляется в результатах управления социальной деятельностью.

Практическая значимость. Предложенный метод формирования устойчивой социальной системы может быть использован в теории и практике государственного управления, а также в законотворческом процессе.

Научная новизна. Состоит в обосновании теоретико-методологического подхода к формированию научной концепции устойчивой социальной системы в современных условиях развития общества.

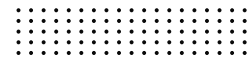
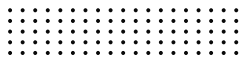
Выводы. Исследование сущности основных концептуальных подходов к трактовке социальных систем позволило обосновать методологию устойчивой социальной системы и сформировать на её основе соответствующую модель, функционирующую посредством взаимодействия управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил, что позволяет оказывать существенное влияние на уровень развития социальных сил и удовлетворения общественных потребностей.

Ключевые слова: устойчивая социальная система, общественные потребности, управление социальной деятельностью, общественное воспроизводство, развитие социальных сил.

SUSTAINABLE SOCIAL SYSTEM: FROM METHODOLOGY OF STRUCTURAL ORGANIZATIONS TO TECHNOLOGY OF EFFECTIVE FUNCTIONING

Podgornyi V. V.

Doctor of Economics, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of the Donetsk People's Republic (Donetsk People's Republic), 83004, Donetsk People's Republic, Donetsk, st. Chelyuskintsev, house 271, apt. 126, vlad60127@mail.ru

Подгорный В. В.

Objective. Substantiation of model of sustainable system as the aggregate of managing social activities, public reproduction and developing social forces, interrelation and interdependence of which is created by means of implementation of public needs.

Methodology and methods. The work substantiates new methodology of creating sustainable social system including the argumentation of its structural elements – political, organizational and economic systems interaction of which underlies management of social activities, social reproduction and development of social forces and creates required preconditions for attaining two-pronged result, namely: development of social relations and maximum of the entire satisfaction of social needs.

Results. New methodology of forming the model of life arrangement of society presupposes interacting political, organizational and economic systems is suggested. This methodology have enabled the author to ground the structural organization of model of sustainable social system which involves management of social activities, social reproduction and development of social forces, whit a view to develop and meet social needs. Process of forming social relations and maximum of meeting social needs is represented by the closed system cycle. The motivating force of all processes inside the cycle are social needs the effect of which manifests itself in results of managing social activities.

Practical significance. The suggested method of creating sustainable social system can be used in the theory and practice of public administration, as well as in the process of making laws.

Scientific novelty. Consists in substantiating theoretical and methodological approach to creating the scientific concept of sustainable social system under contemporary conditions of the society progress.

Conclusions. Research of the essence of fundamental conceptual approaches to interesting social system has enabled the author to ground methodology of sustainable social system and form on its base the proper model which functions interacting management of social reproduction and development of social forces which leads to influencing the level of developing social forces and meeting social needs.

Key words: sustainable social system, social needs, management of social activities, social reproduction, development of social forces.

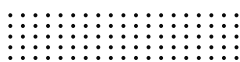
Текущая социальная ситуация в России отличается крайней противоречивостью и многоаспектностью. Имеют место нестабильность в экономике, дифференцированность населения по доходам, напряжённость на рынке труда, проявление тенденций неблагополучия, коррупция как следствие криминализации сознания. Всё это является не только следствием проводимых в стране социальных (политических, экономических и организационных) преобразований, но и отображением кризисного состояния российского общества, когда социальная система неспособна сохранять текущее состояние при наличии внешних воздействий.

Положение осложняется тем, что интенсивная эксплуатация природных ресурсов в должной мере не способствует росту благосостояния российского общества по причине непропорционального распределения и перераспределения получаемых доходов. Вследствие социального расслоения общества формируется неустойчивость социальной системы, что характеризуется таким состоянием, когда все её связи и процессы не могут быть полностью восстановлены после внешних воздействий, и она оказывается неспособной функционировать без изменения функциональных характеристик. В результате общество становится легкоуязвимым для внешнего воздействия идеологического характера, постоянно осуществляемого западным миром через общественные и финансовые институты, функционирующие на территории Российской Федерации.

К факторам, влияющим на устойчивость социальной системы, можно отнести следующие: институциональный, организационно-экономический, социально-политический, социально-психологический и структурный. Структурный фактор имеет особую значимость для обеспечения устойчивости социальной системы в силу того, что оптимальность структуры социальной системы определяет устойчивость связей между всеми её образующими элементами и, следовательно, является первичной по отношению ко всем остальным факторам. Решение проблемы оптимизации структуры социальной системы позволит улучшить влияние всех остальных факторов, обеспечив тем самым её устойчивость.

Проблемам структурирования и развития социальных систем посвящено большое количество работ исследователей. Теоретические аспекты и особенности структурного построения социальных систем раскрыты в работах А. А. Дрегалю [1, с. 82–91], Д. С. Докучаева [2, с. 1–6], Ф. И. Розанова [3, с. 171–188], Н. А. Головина [4, с. 95–106], Ю. Е. Волкова [5, с. 119–125], П. А. Торина [6, с. 233–236], Г. Е. Зборовского [7, с. 3–12], Дж. Ритцера [8, с. 34–39], Э. Гиденса [9, с. 100–125], Н. Л. Лумана [10, с. 107–111] и др.

В указанных работах представления об обществе как целостной системе базируются на структурном функционализме, который представляет собой методологический подход в социологии и социокультур-

Подгорный В. В.

ной антропологии, состоящий в трактовке общества как социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию. В своих исследованиях обоснованно авторы исходят из идеи «социального порядка», т.е. имманентного стремления социальной системы поддерживать собственное равновесие, согласовывать между собой различные её элементы, добиться согласия между ними. Всё это является логичным и обоснованным.

Вместе с тем, анализ вышеупомянутых концепций позволяет увидеть преемственность взглядов западных мыслителей, обосновывавших возможность существования и развития социальной системы исключительно на индивидуалистических началах, присущей капитализму. В данном случае характеристики социальной системы выводятся исследователями из акта индивидуального действия. Поэтому в их концепциях нет места для реальных интересов социальных классов и групп, присущих любой социальной системе. И, следовательно, у него нет и не может быть места для анализа производственных отношений – отношений, в которые люди вступают в процессе общественного производства. Отсюда невозможность экстраполяции полученных выводов на реальную жизнь и отсутствие возможности выработки на их основе технологии функционирования социальной системы и самой модели устойчивой социальной системы.

Имеющие место недостатки указывают на несовершенство господствующих представлений о социальной системе, что, в свою очередь, вызывает необходимость внесения корректив в логику структурной организации социальной системы и обоснование соответствующей методологии. В этой связи особый интерес приобретает исследование структурных особенностей социальной системы и разработка на основе полученных результатов новой методологии структурной организации социальной системы и технологии её функционирования в условиях глобальных изменений, присущих современной эпохе.

Объектом исследования являются процессы структурной организации и функционирования устойчивой социальной системы.

Предмет исследования – взаимосвязи и взаимозависимости между функционированием устойчивой социальной системы и результатами этого функционирования – развитием общественных отношений и удовлетворением общественных потребностей.

Цель исследования – обоснование методологии структурной организации и технологии функционирования устойчивой социальной системы.

В процессе достижения поставленной цели решены следующие задачи:

1. Исследованы методологические подходы к трактовке общества как социальной системы в рамках макросоциологии.

2. Обоснована методология структурной организации устойчивой социальной системы.

3. Сформирована модель устойчивой социальной системы, в которой гармонично объединены методология структурной организации и технология функционирования социальной системы.

Изменения, связанные с влиянием глобализации на условия функционирования и развития социальных систем, заставляют искать ответы на основные вопросы, касающиеся самой социальной системы: в чём состоит сущность социальной системы как общества; какова должна быть структура организации устойчивой социальной системы; каким образом можно обеспечить её успешное функционирование; какими должны быть принципы, функции и методы модели устойчивой социальной системы?

Представления об обществе как целостной системе начали складываться в социологии под влиянием работ представителей школ и направлений макросоциологии. Поэтому анализ сущности основных концептуальных подходов позволит увидеть как преимущества, так и ограниченность каждого подхода. Отталкиваясь от полученных результатов, можно оптимизировать структуру организации устойчивой социальной системы и сформировать соответствующую модель.

Логика соответствующего исследования, в основу которой положены принципы исторической последовательности и преемственности, представлена в табл. 1.

Результаты исследования основных концептуальных подходов в макросоциологии к трактовке социальных систем заключаются в следующем. Неустойчивость социальной системы возникает как результат отсутствия сбалансированности её структуры, низкой эффективности отдельных её элементов, которые в ответе за предотвращение и ликвидацию последствий воздействий. Кроме того, нестабильность является последствием низкой реализации человеческого потенциала, что выражается в исключении значительной части населения из процесса стабилизации системы.

Причина нестабильности состоит в несоответствии стоящих и возникающих задач структуре и социальным технологиям, динамизму развития. Во-первых, социальная система является неэффективной по причине невостребованности творческого потенциала общества, что приводит к отчуждению личности от общества и к деградации самой личности. Во-вторых, неудовлетворённость потребностей личности также приводит к изоляции от социальной системы и к деградации личности. Как результат – снижение совокупного творческого потенциала социальной системы, что неизбежно сказывается на общей стабильности в стране.

Таблица 1. Логика исследования основных концептуальных подходов в макросоциологии к трактовке социальных систем

Концепция	Характеристика социальной системы	Достоинства	Недостатки
Теория социального конфликта (К. Маркс, концепция позитивно-функционального конфликта Л. Козера, конфликтная модель общества Р. Дарендорфа, общая теория конфликта К. Боулдинга)	Обществу присуще неизбежное социальное неравенство. Поэтому в нём постоянно происходят социальные изменения, переживание социального конфликта. Социальный конфликт имеет два аспекта – статический и динамический. Статический – анализ сторон (субъектов) конфликта и отношения между ними. Динамический – изучает интересы сторон как побудительные силы в конфликтном поведении людей.	Конфликт рассматривается неизбежной частью целостности социальных взаимоотношений людей, не как патология и слабость поведения. В этом смысле мир представляет собой рабочий процесс разрешения конфликтов.	Исследователи считают невозможным бесконфликтное существование общества. Общество представляется как разбалансированная система, переходящая в состояние относительного равновесия посредством ведения классовой борьбы.
Франкфуртская школа	Считается, что капиталистическая социальная система, сформированная по классовому признаку трансформировалась в устойчивую тоталитарную систему, в которой по причине отсутствия пролетарского сословия ведущая роль в преобразовании общества как такового переходит к интеллигентам и аутсайдерам. Сущностное общество высококвалифицированных специалистов в технической области знаний, принимающих участие в управлении производством функционирует в условиях деформированного средствами массовой информации сознания, а также западной цивилизационной культуры, и тотального потребительства. Тоталитаризм – это практика стирания грани между приватным и публичным существованием.	Делается акцент на значимость человеческого начала в социальных отношениях.	Смешаны философские понятия с политэкономическими и социологическими, в результате чего переломные утрачивают свою самостоятельность и превращаются в отражение вторых. Отсюда непоколебимая приверженность к гуманизму, отрицанию духовного начала в человеке как источник развития личности и общества в целом.
Механицизм (Г. Ч. Кэрри, А. Кетле)	Главная мысль механицизма состоит в том, что общество похоже на агрегат элементов, каждый из которых можно изучать независимо друг от друга. Людей можно изучать независимо друг от друга как молекулы газа.	Осуществлена попытка объяснить общественную жизнь законами физики.	Вывод о том, что для описания общества необходимо обнаружить характеристики среднего человека, являющегося ошибочным. Общество обладает некой мерой непредсказуемости по причине большого разнообразия мотивов человеческого поведения и индивидуальности личности.
Географическая школа в социологии (Ш. Луи де Монтескье, Г. Т. Бокль, В. Ключевский, Ф. Ратцель, Л. Мечников)	Основной посыл заключён в обосновании того, что географические факторы оказывают значимое влияние на социальную систему. В этой связи возникает необходимость в составлении хронологии русской истории в соответствии с периодами колонизации территории. Малые по территории страны предпочитают вводить республику, средние страны – монархию, а большие страны – тиранию, по принципу «чем больше страна, тем более жёсткий режим».	Обосновывает имеющую место взаимосвязь между природными условиями обитания и особенностями характера человека.	Умалчивание того факта, что структура организации общества имеет универсальный характер, обусловленный способностью переработки информации.
Организацизм (Т. Гоббс, Г. Спенсер, П. Липпенфельд-Тоаль, А. Э. Ф. Шеффле, Р. Вормс)	Утверждает, что государство – это искусственный человек, в котором верховная власть – это душа. Должностные лица исполнительной и законодательной власти – это суставы, награда и наказание – нервы, благосостояние и богатство граждан – это сила и т.д.	Теория рассматривает общество как организм, что придаёт ей в определённой степени обоснованность и простоту восприятия.	Сравнение общества и организма является верным, но одни метафоры мало помогают в научном исследовании.

Подгорный В. В.

Отсюда следует, что общими причинами нестабильности социальной системы являются незапланированная трансформация структуры и рабочих параметров системы, отклонения от нормального состояния внутренних связей, низкая эффективность отдельных элементов. Типичными проявлениями неустойчивости системы являются хаотичность развития, низкий уровень адаптивности к изменениям, недостаточная самореализация большинства. Система такого типа не обладает большим жизненным потенциалом.

Наибольшей нестабильностью отличаются социальные системы, претерпевающие трансформацию в связи с проведением либерально-демократических реформ жизнедеятельности общества, осуществляемых под воздействием внешнего управления со стороны западного мира. Вследствие этого социальная система, как правило, не обладает адаптивностью, неспособна адекватно воспринимать и перерабатывать внешние воздействия, для неё характерен низкий уровень организации структуры, низкая эффективность компонентов и элементов системы, нерациональность использования имеющихся в распоряжении ресурсов, низкий уровень реализации интересов личности и т.д.

Главным признаком нестабильности российского общества является неустойчивость, уровень которой стал резко возрастать по нарастающей с началом горбачёвской перестройки. Все последующие попытки поддержать равновесие, сохранить устойчивость социальной системы не увенчались успехом. Более того, были допущены серьёзные ошибки в отношении функций и значения многих элементов социальной системы. В настоящее время она находится в состоянии динамического противостояния между устойчивостью и угрозой падения. Её поведение вариативно. Так, не исключён окончательный социокультурный разрыв между большинством населения страны и финансово-экономической верхушкой и слияние последней с зарубежным капиталом для дальнейшей совместной эксплуатации ресурсов России. Всё это наряду с дестабилизирующей деятельностью западных фондов на территории страны направлено на распад российской государственности.

Избежать подобного рода последствий социальная система может лишь находясь в устойчивом состоянии и только ликвидировав причины, поставившие её в столь сложное положение. Достижение и поддержание стабильности социальной системы в условиях воздействия на общественную жизнь либерально-демократической доктрины, навязанной извне, является большой проблемой, решение которой является жизненной необходимостью и одной из главных задач российского государства.

Первым шагом в направлении обеспечения устойчивости социальной системы является разработка мето-

дологии её структурной организации. Существует устоявшееся представление о том, что социальную систему не проектируют, она формируется сама в процессе развития. Однако практика показывает, что это не так.

Социальная система имеет определённую структуру, логическую организацию, методы и средства деятельности. Данные особенности вытекают из сущности понятия «социальный». Данное понятие включает в себя три основных составляющих – политическую, организационную и экономическую.

Политическая система общества представляет собой упорядоченную на основе права и иных социальных норм совокупность институтов (государственных органов, политических партий, движений, общественных организаций и др.), в рамках которой проходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть.

Организационная система – это совокупность двух частей: внутреннего механизма управления обществом и механизма отношений с внешней средой. Под механизмом управленческой деятельности понимаются функциональные и организационные структуры, профессионализм экономически активного населения, уровень компьютеризации управленческих процессов, система документооборота. Механизм отношений с внешней средой включает условия обеспечения жизнедеятельности общества, в том числе нормы законодательства, политические, организационные и экономические отношения с другими странами.

Экономическая система представляет собой объединение людей (хозяйствующие субъекты, специализирующиеся на производстве экономических благ) для удовлетворения экономических (личных) потребностей и осуществления государственного контроля над экономической деятельностью.

Отсюда и логику функционирования и структуризации социальной системы можно определить как взаимодействие политической, организационной и экономической систем. Это методологическая основа социальной системы, раскрывающая весьма сложную и запутанную палитру этапов и процедур оптимизации структуры социальной системы. Для их освоения требуется, с одной стороны, тщательная систематизация и упорядочение, а с другой – достаточно чёткое определение специфики оптимизации структуры социальной системы как процесса оптимального управления потреблением ресурсов в ходе осуществления экономической деятельности.

В соответствии с этим сущность и назначение политической, организационной и экономической систем ложится в основу основных структурных элементов социальной системы – управление социальной деятельностью, общественное воспроизводство и развитие социальных сил.

Под социальной системой понимается совокупность социальных явлений и процессов, которые находятся в отношениях и связи между собой, протекают в рамках управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил и образуют общество (рис. 1).

Люди объединяются в социальную систему или общество для удовлетворения своих потребностей и осуществления социального контроля над членами данного общества. В этой связи в качестве движущей силы социальной системы выступают общественные потребности, которые представляют собой совокупные потребности государства и общества в товарах и услугах, способных обеспечить выполнение государством его обязанностей перед обществом и необходимых разным слоям общества для спокойной, комфортной и достойной жизни. Общественные потребности должны быть удовлетворены в той степени, в которой общество испытывает в них нужду. При этом количество и качество производимых обществом благ должно соответствовать потребительским предпочтениям, которые с течением времени имеют тенденцию к росту.

Удовлетворить растущие потребности общества можно посредством управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил. Именно это обеспечивает устойчивость социальной системе.

Управление социальной деятельностью является главным инструментом удовлетворения жизненных потребностей человека, который предполагает определённый способ удовлетворения, представляющий собой систему особых действий и операций, направленных на производство и овладение необходимыми жизненными благами. С помощью управления социальной деятельностью осуществляется преобразование окружающего мира и создание материальных и духовных благ.

Управление социальной деятельностью выступает в качестве принципиальной основы социальной системы. Оно представляет собой процесс постановки целей, задач и организации социальной деятельности. Управление социальной деятельностью является сложным образованием, обеспечивающим связанность всех процессов, определяющих функционирование социальной системы как единого организма (рис. 1).

Сущность управления социальной деятельностью, осуществляемого органами государственной власти, раскрывается в совокупности принципов: единичность, коллегиальность, гласность, делегирование полномочий, мотивационность, экономичность, эффективность. Делегирование полномочий является центральным принципом, на основе которого функционирует социальная система. Его суть состоит в том, что право реализации функций по общественному воспроиз-

водству делегируется обществу, которое в процессе жизнедеятельности непосредственно производит, распределяет, обменивает и потребляет общественные блага, осуществляя тем самым общественное воспроизводство.

Общественное воспроизводство – это процесс постоянно возобновляющегося общественного производства, функционирующего в непрерывном режиме. Социальная система не может существовать и развиваться, не воспроизводя все элементы производства постоянно.

Процесс общественного воспроизводства включает в себя реализацию следующих функций:

1. Производство – это процесс создания материальных и духовных благ, которые необходимы для функционирования и эволюции социальной системы. Производство – источник жизни и прогрессивного развития социальной системы. Оно является исходным пунктом социальной деятельности.

2. Распределение – процесс определения доли, пропорции, в которой каждый хозяйствующий субъект, принимавший участие в производстве продукта, присваивает часть результата производства.

3. Обмен – процесс движения материальных благ и услуг от одного субъекта к другому; форма опосредованной рыночной связи производителей и потребителей.

4. Потребление – конечная цель; процесс использования результатов для удовлетворения личных или производственных потребностей. Это своеобразный мотив производства.

Общественное воспроизводство активизирует процесс развития социальных сил, к которым относятся обещание, договор, настойчивость, реклама, убеждение. Социальные силы – это движущие силы общественного развития. В ходе и в результате взаимодействия социальных сил происходит взаимоувязка противоречивых общественных интересов, упорядочиваются отношения социальных групп, социальных общностей. Тем самым обеспечивается единство (целостность) общества в процессе его развития.

Действие социальных сил и их развитие осуществляется в процессе функционирования экономических институтов:

1. Гуманитарные институты:

Цель – формирование высокого уровня общественного сознания.

Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить функционирование следующих институтов, решающих конкретные задачи:

- духовные – научно-технические, детские, юношеские, специализированные библиотеки и Государственная библиотека (формирование личности человека);

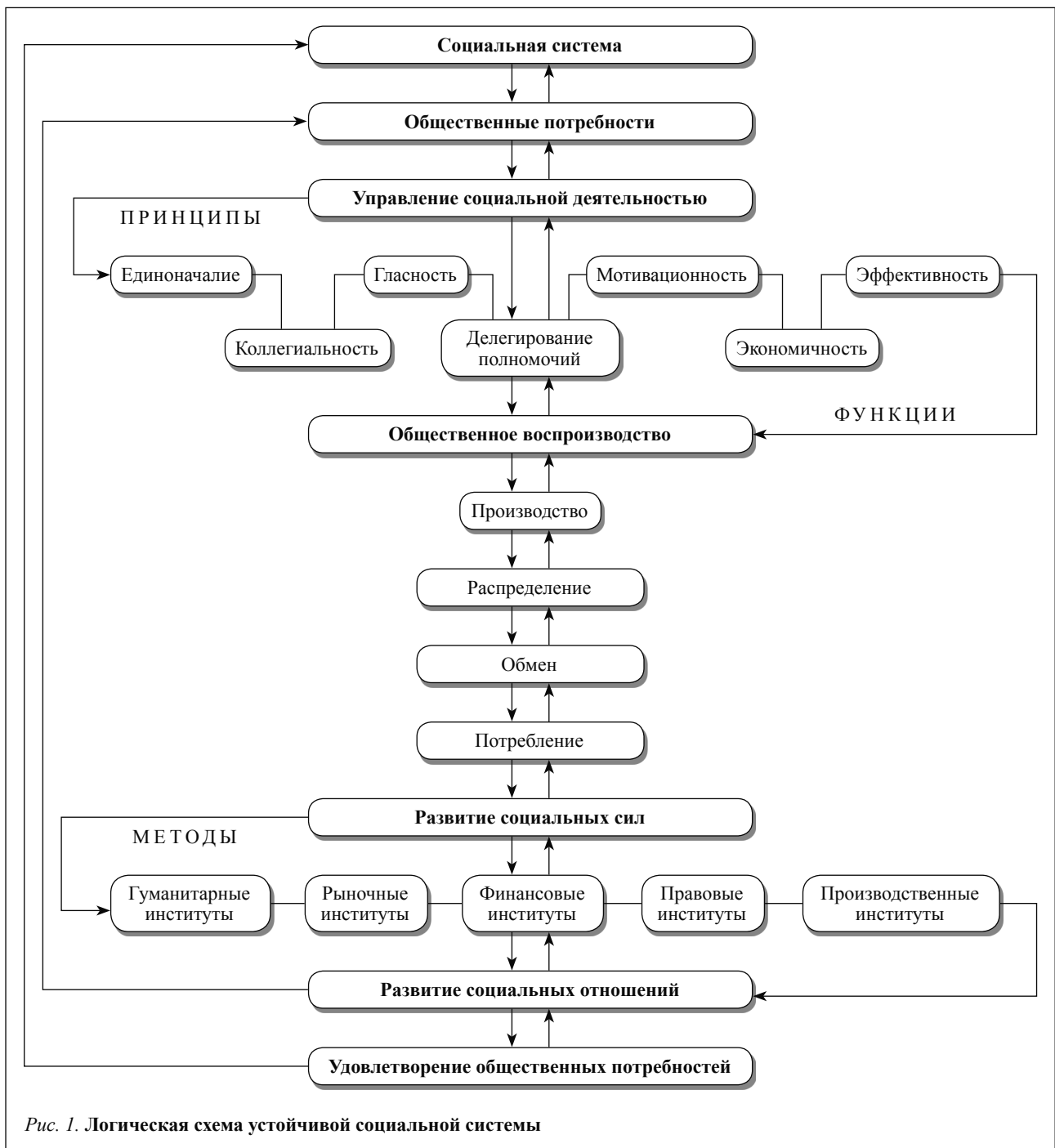

Рис. 1. Логическая схема устойчивой социальной системы

- институты в сфере культуры и искусства – театры, музеи, кино, религия, физкультура и спорт (формирование ролевых установок в общественном сознании);
- научно-технические институты – естественные, социальные, гуманитарные, нормативные, формальные науки (практическое использование законов, определяющих жизнедеятельность общества);

- информационные институты – телевидение, радио, газеты, журналы, книги и интернет (передача объективной информации потребителям);
- образовательные институты – дошкольные учреждения (детские ясли и сады), школы, средние специальные и высшие учебные заведения (формирование самостоятельности, адекватного мировоззрения и гибкого менталитета).

2. Рыночная деятельность:

Цель – обеспечение баланса совокупного спроса и предложения.

Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить функционирование следующих видов деятельности, решающих конкретные задачи:

- деятельность в сфере ресурсопользования – угледобыча, добыча нефти и газа, развитие водного и лесного хозяйства (обеспечение рационального использования природных ресурсов);
- деятельность в сфере отношений собственности – государственная, частная, муниципальная, общественная и коллективная собственность (формирование оптимальной структуры собственности);
- конкурентная деятельность – конкуренция на индивидуальном и местном, отраслевом и межотраслевом, общегосударственном и международном уровнях (формирование атмосферы состязательности между хозяйствующими субъектами);
- деятельность в сфере рыночной инфраструктуры – банки, биржи, страховые компании, консалтинговые и юридические фирмы, информационные центры, аукционы, выставки, коммерческие предприятия (обеспечение эффективного функционирования внутреннего рынка);
- деятельность в сфере структуры экономики – региональная, отраслевая, внешнеэкономическая структуры экономики, отдельные компоненты ВВП по стоимости, государственный и частный сектора (оптимизация взаимосвязей между различными единицами экономики страны);

3. Финансовая деятельность:

Цель функционирования – оптимизация финансовых потоков в экономике.

Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить функционирование следующих видов деятельности, решающих конкретные задачи:

- деятельность в сфере социальной защиты населения – пенсионное обеспечение, социальное страхование, социальные льготы, помощь семьям с детьми, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, обороноспособность страны, общественная безопасность (социального обеспечения и защиты населения страны);
- деятельность в денежно-кредитной сфере – Центральный Банк коммерческие, универсальные, инвестиционные и сберегательные банки (кредитования физических и юридических лиц);
- деятельность в сфере противодействия инфляции – фискальная и кредитно-денежная политика, монетаризм, гипотеза естественного уровня и фискальная политика, ориентированная на предложение (обеспечение и поддержание минимального уровня инфляции в экономике);

• деятельность в сфере налогообложения – системы традиционного (общего), упрощённого налогообложения, налогообложения по единому налогу, смешанного налогообложения (формирование социально справедливого перераспределения доходов в стране);

• экологическая деятельность – системы охраны атмосферного воздуха, водных ресурсов, земель и недр, лесных ресурсов и животного мира (формирование экологически безопасной среды жизнедеятельности общества).

4. Правовая деятельность:

Цель функционирования – правовая регламентация жизнедеятельности общества.

Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить функционирование следующих видов деятельности, решающих конкретные задачи:

- деятельность в сфере конституционного права – конституционное право (формирование баланса между свободой народа и властью государства);
- деятельность в сфере административного права – административное право (формирование баланса между личной самостоятельностью граждан и правящей властью);
- деятельность в сфере трудового права – трудовое право (формирование баланса интересов сторон трудовых соглашений);
- деятельность в сфере финансового права – финансовое право (формирование баланса взаимоотношений государства и общества в процессе финансовой деятельности);
- деятельность в сфере хозяйственного права – хозяйственное право (формирование баланса между тенденциями развития общества и системой рыночных отношений).

5. Производственная деятельность:

Цель функционирования – всестороннее развитие факторов промышленного производства.

Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить функционирование следующих видов деятельности, решающих конкретные задачи:

- деятельность в сфере землепользования – земледельческое, пастбищное, смешанное, имущественное землепользование, связанное с промышленным и гражданским строительством (оптимальное распоряжение землёй с целью её рационального использования и извлечения дохода);
- деятельность в сфере использования трудовых ресурсов – использование трудовых ресурсов в машиностроении, горно-металлургическом комплексе, химии и фармацевтике, сельском хозяйстве и пищевой промышленности (использование трудовых ресурсов в промышленности);

- инвестиционная деятельность – капитальное и финансовое инвестирование, реинвестирование, бюджетные ассигнования, заёмное инвестирование (рост инвестиционной привлекательности промышленности);

- инновационная деятельность – проводка научных исследований и разработок, активное внедрение технических и технологических инноваций, а также ресурсосберегающих технологий, строительство новых предприятий и инновационной инфраструктуры (рост инновационной активности в экономике);

- предпринимательская деятельность – промышленное производство, финансовая и научная сферы, сферы производства услуг, коммерции и торговли (максимально полное удовлетворение рыночных потребностей).

Развитие социальных сил обеспечивает устойчиво воспроизводящееся внутреннее единство общества, способствуя тем самым развитию социальных отношений, представляющих собой различные социальные взаимосвязи, возникающие в социальном взаимодействии, связанные с положением людей и функциями, выполняемыми ими в обществе.

Развивающиеся социальные отношения определяющим образом воздействуют на людей. Они направляют и оформляют, подавляют или стимулируют практики и ожидания людей. Развитие социальных отношений позволяет им оставаться актуальными социальными взаимодействиями, прогрессирующей социальной формой живой человеческой жизнедеятельности. Тем самым устанавливается баланс между развитием социальных сил и развитием социальных отношений, определяющий согласованность усилий государства и общества в деле производства общественных благ. А это, в свою очередь, способствует максимально полному удовлетворению общественных потребностей.

Таким образом, предложенная модель устойчивой социальной системы способна не просто воспроизводить саму себя, но и обеспечивать максимально полное удовлетворение общественными потребностями, количество которых с течением времени неизбежно возрастает.

Результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. Главным результатом проведения исследования концептуальных подходов в макросоциологии к трактовке социальных систем явилось:

- выявление необходимости расширения границ сложившихся представлений об особенностях структурной организации и функционирования социальной системы с точки зрения учёта факторов, формирующих благоприятные условия для развития социальных отношений, удовлетворения общественных потребностей,

усиления влияния глобальных процессов на развитие социальной системы;

- выделение общественных потребностей в качестве движущей силы устойчивой социальной системы, функционирующей на основе взаимодействия управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил;

- понимание необходимости разработки новой методологии формирования социальной системы, идейный замысел которой должен быть положен в основу структурной организации устойчивой модели социальной системы, функционирующей на базе взаимодействия политической, организационной и экономической систем.

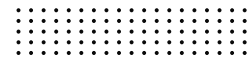
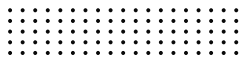
2. Выводы, полученные в результате исследования, позволили обосновать новую методологию формирования устойчивой модели социальной системы, включающую аргументацию её структурных элементов – политическая, организационная и экономическая системы, – взаимодействие которых лежит в основе управления социальной деятельностью, общественного воспроизводства и развития социальных сил, и обеспечивает требуемый двуединый результат – развитие социальных отношений и удовлетворение общественных потребностей.

3. Обоснование взглядов, понятий и идей, изложенных в новой методологии формирования устойчивой социальной системы, позволило разработать соответствующую логическую системную модель, включающую в себя управление социальной деятельностью, общественное воспроизводство и развитие социальных сил, которые функционируют на основе определённых принципов, функций и методов. Так, в модели устойчивой социальной системы роль принципиальной основы играет управление социальной деятельностью, функциональной основы – общественное воспроизводство и методической – развитие социальных сил. Возможность их взаимодействия и совместного функционирования обусловлена действием движущей силы устойчивой социальной системы – общественными потребностями, а логика функционирования – управлением социальной деятельностью.

Реализация данной модели способствует успешной трансформации качественного результата применения предложенного варианта устойчивой социальной системы, выраженного в формировании развития социальных сил как отражение влияния общественных потребностей на результаты социальной деятельности, в количественный эффект – удовлетворение общественных потребностей как результат функционирования устойчивой социальной системы.

Научная значимость исследования состоит в:

- обосновании новой методологии формирования устойчивой социальной системы, сущность которой

Подгорный В. В.

заключается в изменении общепринятой методологии, а именно переходе от либерально-демократических методов управления социальной деятельностью, обеспечивающих доминирование частной собственности и неограниченный рост потребления, к социально ориентированным методам, применение которых делает возможным максимально полное удовлетворение общественных потребностей и построение общества созидания;

- формировании модели устойчивой социальной системы, которая отвечает стратегическому курсу России, направленному на обретение всей полноты государственного суверенитета, успешное противостояние внутренним и внешним угрозам и создание условий для социального успеха страны.

Практическое значение полученных результатов заключается в разработанных методических подходах и обоснованных теоретических положениях, изложенных в исследовании и доведённых до уровня практических рекомендаций. Они представляют собой методическую базу по формированию устойчивого развития социальных отношений и максимально полного удовлетворения общественных потребностей и могут быть использованы в формировании модели устойчивой социальной системы России, разработке и усовершенствовании законодательных актов Российской Федерации.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка модели управления жизнеустройством общества и выявление возможностей реализации предложенной модели устойчивой социальной системы в условиях Российской Федерации.

Литература:

1. Дрегало А. А. От идеи социального порядка к саморазвитию социальных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 82–91.
2. Докучаев Д. С. Регион как социальная система // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 1–6.
3. Розанов Ф. И. Общая теория социальных систем (часть I): онтологический кризис социально-гуманитарного знания, критический анализ попыток решения // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 7 (51). С. 171–188.

4. Головин Н. А. Социология Лумана – этап развития общей теории социальных систем // Социологические исследования. 2014. № 2 (358). С. 95–106.
5. Волков Ю. Е. Социальные системы как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 119–125.
6. Торин П. А. К понятию «социальная структура» // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 233–236.
7. Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3–12.
8. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688.
9. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
10. Луман Н. Л. Общество как социальная система. М.: Издательство «Лотос», 2004. 232 с.

References:

1. Dregalo A. A. From the idea of social order to the self-development of social systems // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2016. № 6. P. 82–91.
2. Dokuchaev D. S. Region as a social system // Arctic and North. 2012. № 7. P. 1–6.
3. Rozanov F. I. The general theory of social systems (part I): ontological crisis of social and humanitarian knowledge, a critical analysis of attempts to solve // Modern research of social problems. 2015. № 7 (51). P. 171–188.
4. Golovin N. A. Sociology of Luhmann – the stage of development of the general theory of social systems // Sociological research. 2014. № 2 (358). P. 95–106.
5. Volkov Yu. E. Social systems as an object of sociological analysis // Sociological research. 2009. № 9. P. 119–125.
6. Torin P. A. To the concept of “social structure” // Knowledge. Understanding. Skill. 2010. № 1. P. 233–236.
7. Zborovsky G. E. Theoretical grounds for studying the social community // Sociological research. 2010. № 4. P. 3–12.
8. Ritzer J. Modern sociological theories. St. Petersburg: Peter, 2002. 688 p.
9. Giddens E. The organization of society. Essay on the theory of structure. Moscow: Academic Project, 2005. 528 p.
10. Luman N. L. Society as a social system. M: Lotus Publishing House, 2004. 232 p.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСКИХ ЦЕНТРОВ В РОССИИ И ХОРВАТИИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД

Певная М. В.

Доктор социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург,
пр. Ленина 51, m.v.pevnaya@urfu.ru

Телепаева Д. Ф.

Магистрант, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург, пр. Ленина 51,
daria.telepaeva@urfu.ru

УДК 316.354.4
ББК 60.547к2

Цель. Сравнение функционирования волонтерских центров в России и Хорватии для определения логики их организационного развития в разных социокультурных контекстах

Методы. На основе результатов кейс-стади осуществлен компаративный анализ функционирования волонтерских центров, созданных при крупных университетах в России (Екатеринбург) и Хорватии (Загреб).

Результаты. Для достижения поставленной цели авторами проанализирован институциональный контекст создания и развития волонтерских центров, описаны количественные и качественные параметры их деятельности, внутренняя структура управления, источники финансирования и взаимодействие с внешним окружением, партнерами. Выявлены ключевые особенности управления в конкретных волонтерских центрах относительно масштаба реализуемых добровольческих проектов и программ, сотрудничества с органами государственной и муниципальной власти, диверсифицированности направлений добровольческой активности и источников ее финансирования.

Научная новизна. Дана критическая оценка взаимодействию центров в рамках местных сообществ с чиновниками, установлено запаздывание адекватной реакции текущего менеджмента российского ресурсного центра на вызовы внешней среды, обоснована необходимость трансформации стратегии его управления.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-03-00016-ОГН «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления»).

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерский центр, организационное управление волонтерством, кейс-стади.

ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT OF VOLUNTEER CENTERS IN RUSSIA AND CROATIA

Pevnaya M. V.

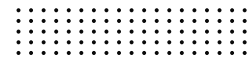
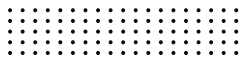
Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg,
Lenin Avenue 51, m.v.pevnaya@urfu.ru

Telepaeva D. F.

Graduate student, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg, Lenin Avenue 51, daria.telepaeva@urfu.ru

Purpose. Identification of managerial factors of organizational development of volunteer potential in solving local community problems.

Methods. Based on the case-study method, a comparative analysis of the functioning of volunteer centers established at major universities in Russia (Ekaterinburg) and Croatia (Zagreb) was carried out.

Results. The authors analyzed the institutional context for the creation and development of volunteer centers, describes the quantitative and qualitative parameters of their activities, the internal management structure, sources of funding and interaction with the external partners. The key features of volunteer centers management specific regarding the scope of implemented voluntary projects and programs, cooperation with state and municipal authorities, diversification of the areas of volunteer activity and sources of its financing are revealed.

Scientific novelty. Critical assessment of the interaction of the centers within the local communities with officials is given, the delay of the adequate response of the current management of the Russian resource center to the challenges of the external environment is established, the necessity of transforming its management strategy is justified.

Acknowledgment. The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project № 16-03-00016-ОГН).

Key words: volunteerism, volunteer center, volunteering management, case study.

Актуальность проблемы исследования

В развитых странах участие волонтеров в разных сферах жизни общества является важным фактором социального развития отдельных территорий – от повседневных практик горожан до продвижения социально значимых изменений. Волонтерство способствует социальной активности населения, его включенности в жизнь местных сообществ, и может гарантировать некоторую стабильность любому развитому обществу.

Последние двадцать лет к ресурсам волонтерства обращено особое внимание с позиции институтов государственного управления. В резолюции ООН 67/138 Генеральная Ассамблея признает, что добровольчество является важным компонентом любой стратегии, нацеленной на такие области, «как сокращение масштабов нищеты, устойчивое развитие, здравоохранение, расширение прав и возможностей молодежи, изменение климата, снижение риска бедствий, социальную интеграцию, социальную защиту, гуманитарную деятельность»[1]. Программой «Добровольцы ООН» с целью интеграции добровольчества в дела мира и развития в следующем десятилетии разработан план действий до 2030 года. Международными институтами рекомендуется включение управления волонтерством в политику, законодательство и планирование разных стран, а также содействие достижению целей в области развития, согласованных на международном уровне [2].

Кроме преимуществ для общества в целом (экономический и социальный эффект макроуровня), добровольчество оказывает целый ряд положительных воздействий на конкретных людей (личностные изменения). Через добровольчество молодые люди чаще всего развивают коммуникативные и организационные навыки, расширяют свои социальные связи и часто получают возможности найти работу в будущем [3]. Пожилые люди благодаря добровольчеству продолжают оставаться активными и включенными в социальную жизнь. Они не только остаются в тру-

довой сфере, но и чувствуют, что по-прежнему востребованы, их активность может приносить реальную пользу конкретным людям и организациям. Это имеет первостепенное значение для поддержания морального духа старшего поколения и проявления их философии жизни, а также обеспечивает поддержание эмоционального тепла и солидарности [4].

Волонтерство как социальное явление способствует расширению участия граждан в общественной жизни и создает чувство ответственности за решение проблем, существующих в обществе. Во всех своих формах добровольчество играет очень важную роль в странах ЕС и России. Добровольцы участвуют в широком спектре мероприятий в таких сферах как образование, здравоохранение, культура, спорт. Развитость данного движения требует особого внимания к процессу управления деятельностью волонтеров. На институциональном уровне во многих странах, в том числе и в России, создается и развивается система специальных некоммерческих организаций и ресурсных центров добровольчества, где управление волонтерством осуществляется на профессиональной основе. Данные центры являются типичными структурами, которые имеют свою траекторию организационного развития, формируемую за счет внутренних ресурсов управления.

Целью данной статьи является сравнение функционирования волонтерских центров в России и Хорватии для определения логики их организационного развития в разных социокультурных контекстах.

О научной разработанности заявленной проблемы

Управление волонтерами в социологии четко разграничивается рассмотрением различных аспектов функционирования специализированных некоммерческих организаций и вниманием исследователей к проблемам институционального регулирования волон-

терства. Основатель международной ассоциации исследователей волонтерства (ARNOVA) Д. Смит, обобщив имеющиеся работы по данной теме, отметил, что управление добровольцами изучают на двух уровнях: институциональном и организационном [5].

На первом уровне объектом исследования являются изменения или проявления волонтерства в границах конкретных территорий, сфер, а также различные аспекты межсекторного взаимодействия. Второй уровень управления волонтерством ограничивает исследования пределами конкретных организаций. Д. Мейсон один из первых сравнил характер и управление некоммерческими организациями с менеджерскими практиками коммерческих предприятий. Он доказал, что к некоммерческим организациям применимы те же практики управления, которые разрабатываются в коммерческом секторе [6, с. 206]. Р. Герман рассматривал управление волонтерством в контексте стратегического планирования деятельности некоммерческой организации, направленной не на количество привлечённых добровольцев, а на качество их подготовки и выполнения работы [7].

Возникающие экономические, нравственные и межличностные отношения внутри ресурсных центров и других НКО, в деятельность которых вовлекаются волонтеры, раскрываются в трудах К. Клаусена и Дж. Уокера [8; 9]. Во многих научно-методических работах описывается волонтерский менеджмент, реализована его детализация исключительно в практическом смысле подготовки циклов функционального взаимодействия профессионалов НКО с волонтерами как трудовым ресурсом, задействованным в проектах конкретных организаций [10; 11]. *Особый интерес представляют механизмы, которые работают на эффективность управления волонтерами, влияют на их мотивацию. По данному направлению сегодня выходит много методических материалов и в нашей стране [12, 13; 14].*

В своем единстве управленческие практики, которые возникают в процессе организационного взаимодействия специалистов с волонтерами, и институциональные механизмы государственного регулирования волонтерства в той или иной стране, могут формировать логику развития менеджмента конкретных организаций. Гипотетически можно предположить, что в случае разных конфигураций управленческих отношений и складывающихся структур институциональной среды могут отличаться цели, ресурсы, степень устойчивости некоммерческих организаций и ресурсных центров, работающих с волонтерами. Кроме того, могут отличаться и векторы развития волонтерства в конкретных пространственных границах.

Теоретическим концептом в анализе деятельности ресурсных центров может выступать понятие «орга-

низационное развитие». В нашей работе мы опирались на определение данного понятия, разработанное В. В. Щербиной, который под организационным развитием понимает процесс направленных и позитивных структурных изменений организации. Признаком результативного организационного развития является поэтапное повышение способности организации к выживанию в динамичной внешней среде [15, с. 3231].

Характеристика методики исследования

Исследование было проведено в двух волонтерских центрах разных стран – России (Екатеринбург) и Хорватии (Загреб). В этих городах волонтерские центры были учреждены при крупнейших университетах: в Екатеринбурге при Уральском федеральном университете, в Загребе – при Университете Загеба. Основными критериями выбора эмпирического объекта исследования являлись распространённость волонтерской активности и отношения между третьим сектором и государственной властью.

В России управление волонтерством чаще всего осуществляется на базе региональных ресурсных центров добровольчества. В 2016 году Агентство стратегических инициатив разработало Стандарт поддержки волонтерства в регионах, где в развитии инфраструктуры для данного вида деятельности по всей стране создаются, развиваются и объединяются в единую сеть именно такие организации [16]. Основной акцент в стране сделан на организованное волонтерство, которое должно найти всестороннюю поддержку со стороны исполнительных органов власти в российских регионах. По данным ежегодного мирового рейтинга благотворительности CAF 2017 года, в России около 42 млн граждан безвозмездно оказывали помощь другим людям [17].

В Хорватии процесс управления волонтерской деятельностью начался несколько раньше, так как страна принимает участие во многих программах развития волонтерства в ЕС. Европейские страны, как известно, являются одними из ведущих стран мира по развитию гражданского общества и третьего сектора. В отчёте CAF 2017 года зафиксировано, что Мальта, Германия и Нидерланды входят в топ-десять стран по количеству благотворителей. Франция занимает 10 место в мировом рейтинге по числу волонтеров (более 16 млн людей ежегодно занимаются волонтерской деятельностью). В Хорватии когда-либо занимались добровольческой деятельностью около 12 % населения [17]. Хорватия является бывшей социалистической страной, и волонтерство здесь развивается чуть более 20 лет. Это сравнительно небольшой срок при сопоставлении с другими европейскими странами. Именно по данной

причине опыт Хорватии в управлении волонтерством представляет особый интерес для понимания процессов развития добровольчества и управления им.

Численность населения г. Екатеринбург составляет 1 455 904 человека [18], в волонтерском центре «Волонтеры Урала» официально зарегистрировано около 11 000 человек. Численность г. Загреба составляет 790 017 человек, при этом в волонтерском центре «Волонтерский центр Загреба» официально зарегистрировано 16 366 волонтеров. Стоит отметить, что в Екатеринбурге волонтерские центры существуют практически при каждом вузе, которых в городе насчитывается более 10. В Загребе волонтерский центр тоже был создан на базе университета. Однако, в отличие от Екатеринбурга, в столице Хорватии функционирует только один университет – Университет Загреба – соответственно, и волонтерский центр оказался единственным в городе.

Для оценки траекторий организационного развития двух ресурсных центров был применен метод кейс-стади. Это метод проведения детального анализа одной конкретной ситуации используется для достижения определенных целей исследования. В нашем случае для оценки организационного развития ресурсных центров, занимающихся организацией деятельности волонтеров. Кейс-стади представляет собой подробное описание происходящих реальных событий, а также конкретной ситуации, сложившейся в определенных условиях [19, с. 192]. В рамках кейс-стади применялись следующие методы: анализ внутренних документов НКО, а также открытых информационных ресурсов, включённое наблюдение, экспертный опрос и глубинные интервью с сотрудниками центров.

В статье представлено сравнение ключевых особенностей управления в двух волонтерских центрах России и Хорватии. В реализации методики кейс-стади изучены институциональные условия развития волонтерских центров, проанализированы внутренняя структура управления последних, содержание деятельности центров, их структура и ресурсы, дана критическая оценка взаимодействию центров в рамках местных сообществ с чиновниками, с реальными и потенциальными волонтерами.

Во-первых, в статье сделан акцент на качественной стороне происходящих (или не происходящих) в ресурсных центрах изменениях. Во-вторых, дана оценка выраженным в явной или скрытой форме представлениям о позитивных результатах процесса в соответствии с изменяющимся социокультурным, экономическим и политических контекстом функционирования добровольческих ресурсных центров. В исследовании выделены и проанализированы те изменения, которые приобрели устойчивый и воспроизводимый характер, стали элементом функционирования организаций [20].

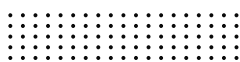
Некоторые результаты исследования.

Кейс А. В Свердловской области виток развития спортивного волонтерства начался в 2012 году, когда был создан Волонтерский центр УрФУ «Волонтеры Урала». Важным шагом в развитии спортивного волонтерства стало проведение в городе этапа эстафеты огня XXVII Всемирной летней Универсиады и последующее участие команды горожан (269 волонтеров) во всемирных студенческих соревнованиях в Казани. В 2014 году уже более 1000 волонтеров Урала приняли участие в проведении национальных эстафет Олимпийского и Паралимпийского огня. 413 уральских волонтеров были задействованы в проведении самой Олимпиады в Сочи. За этот период был сформирован штат организации – управленческая команда, а также база реальных обученных волонтеров. В ресурсном центре используется банк соответствующих международным нормам и стандартам технологий по рекрутированию, обучению, мотивации и удержанию волонтеров, наполняется интернет-портал, где представлены все проекты и зарегистрированные волонтеры, поддерживается группа в социальной сети «ВКонтакте» [21].

В оценке организационных изменений следует отметить, что цели ресурсного центра практически не претерпевают изменения на протяжении всего периода его существования. В управлении НКО не отражается расширение поля деятельности волонтерского сообщества, увеличение возможностей для партнерских отношений с государственным и коммерческим сектором. В управлении НКО не берется в расчет усиление внимания, качества и количества поддержки волонтерства со стороны государства.

Мероприятия, проекты и направления деятельности. Практически ни одно спортивное и культурно-деловое событие Свердловской области не проходит без участия волонтеров данного центра. В 2017 году прошло 24 крупных мероприятия (Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Кубок Конфедераций, Дельфийские игры, Иннопром и т.д.) при волонтерской поддержке центра. Важнейшее мероприятие 2018 года – Чемпионат мира по футболу, где центр сопровождает проект «Городские волонтеры». «Волонтеры Урала» участвует в организации социальных и культурных проектов городского уровня (областной фестиваль пенсионеров; проект «Благомаркет»; благотворительный фестиваль и т.д.). Центр реализует несколько собственных проектов и программ. Проект «Волонтеры 2.0» включает в себя семинары по лидерству, тимбилдингу и публичным выступлениям. Вторая программа центра «Вперёд к мечте» знакомит ее участников с возможностями международного волонтерства.

Официально к ключевым направлениям, которые реализует волонтерский центр, относят: спортив-

ное, социальное, культурно-деловое и образовательное волонтерство. На сайте организации в ряду волонтерских заявлено и рекламное направление (промо-акции различной продукции), не имеющее прямого отношения к волонтерству и не исключающее, на наш взгляд, коммерческую ориентацию организации.

Обобщив информацию обо всех реализуемых в 2016–2017 гг. проектах, представленных в открытых источниках, в документах данной организации, а также обратившись к данным интервью, можно констатировать, что центр ориентирован на продвижение событийного волонтерства, включающего в себя организацию волонтерского сопровождения массовых спортивных, культурно-деловых, социальных и образовательных мероприятий международного, регионального и городского уровней. Волонтеры организации, как правило, реализуют сервисные функции, профессионально сопровождая различные массовые мероприятия.

Образовательные мероприятия, заявленные как образовательные волонтерские программы, чаще всего запускаются при необходимости обучения волонтеров к конкретным мероприятиям. Если охарактеризовать специализацию ключевых направлений волонтерской деятельности, которые поддерживает НКО, то безусловное преимущество остается за событийным волонтерством. Суть его заключается в профессиональном сервисном сопровождении образовательных мероприятий (конференций, форумов, конгрессов). Аналогичная ситуация прослеживается и при организации социальных и культурно-деловых проектов. Волонтерский центр не специализируется на социальном и культурном волонтерстве, а лишь помогает обеспечивать публичные мероприятия определенной направленности подготовленными добровольцами. Следует отметить подмену смыслов при определении понятий культурного, социального и образовательного добровольчества – реальность сопряжена с тем, что вместо данных направлений, как правило, представляется событийное волонтерство (фестивали, конкурсы, праздники, конференции и т. д.). Такая ситуация отражена практически на всех информационных площадках (на сайте самого центра, в СМИ). Данное замещение происходит и в сознании организаторов деятельности волонтеров, которые работают в качестве кураторов различных проектов центра. Большинство сотрудников ресурсного центра уверены в том, что их организация реализует весь спектр официально заявленных направлений (данные экспертных интервью).

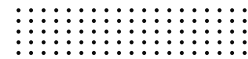
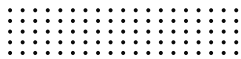
Таким образом, вся деятельность центра связана с событийным волонтерством и функционально нацелена на сопровождение спортивных, культурных и образовательных мероприятий здесь и сейчас. Ориентация управления НКО только на сервисные функции и на развитие в локальном сообществе преимущественно одного вида волонтерства ограничивает

структурные изменения в организации. Фиксированное поле деятельности ресурсного центра и его сотрудников опосредованно влияет на возможности появления источников для трансформации организационной структуры, а также развитие управленческих технологий. В эндогенной среде НКО не появляются новые люди и новые управленческие решения, ограничено число проектов и подходов.

Внешнее взаимодействие центра. Заявка на международный уровень деятельности центра ограничивается информированием о возможностях включения добровольцев в массовые международные события, которые проходят преимущественно на территории страны либо региона. Центр никогда не развивался в направлении международного взаимодействия и сотрудничества на уровне программ и проектов. Образовательные мероприятия тоже локальны, так как функционально обслуживают определенные массовые мероприятия.

Сегодня в регионе существуют и другие ресурсные центры, которые занимаются подготовкой волонтеров к Чемпионату мира по футболу. На данный момент «Волонтеры Урала» практически исключены из системы взаимодействия с третьим сектором региона и местным сообществом. Деятельность специалистов центра ограничивается работой со студенческой молодежью преимущественно одного университета и той базой, которая осталась после Олимпиады в Сочи. Волонтерский центр не зарегистрирован в официальном региональном ресурсном центре добровольчества «Сила Урала», который был создан при содействии Правительства Свердловской области в 2017 году. Анализ новостной повестки о волонтерстве в регионе показал, что практически нет информационных материалов о деятельности организации «Волонтеры Урала». Центр не участвует в региональных мероприятиях, посвященных добровольчеству, не репрезентирует свою деятельность за пределами конкретного университета. Волонтерский центр в своей работе взаимодействует только с рядом профильных органов исполнительной власти в регионе – Министерством физической культуры и спорта, а также Департаментом молодежной политики Свердловской области.

В условиях усиления внешней регламентации деятельности НКО, а также при увеличении государственной поддержки ресурсных центров, требуются определенные изменения организационных форм и способов деятельности ресурсных центров. Они должны соответствовать господствующим деятельностным и поведенческим стандартам, заявленным в государственных документах (например, в Стандарте АСИ). Активность организации во внешнем взаимодействии свидетельствует о том, что для «Волонтеров Урала» не харак-

терен «институциональный изоморфизм». Ресурсный центр не использует информационные ресурсы и потенциал социального партнерства, руководство организации даже не делает попыток для формирования новых связей и отношений в третьем секторе и практиках межсекторного взаимодействия. Устойчивый характер имеют только те связи, которые центр нарабатал в период реализации крупных международных и всероссийских спортивных проектов.

Ресурсы. Источники финансирования волонтерского центра – государственные и университетские гранты, субсидии. В прошлом году центр выиграл грант на реализацию проекта «Городские волонтеры», который сегодня является ключевым в подготовке добровольцев на Чемпионат мира по футболу. В 2017 году было выиграно два гранта в рамках конкурса УрФУ на развитие внутренних проектов волонтерского центра. Руководство волонтерского центра не сотрудничает с коммерческими организациями и не привлекает дополнительных партнеров для развития и поддержки совместных проектов.

Штат, организационная структура. В составе волонтерского центра официально работают 12 человек: директор центра, заместитель директора центра, 2 специалиста по организационной работе, 2 координатора административного блока, 3 координатора блока по привлечению волонтеров, 3 координатора блока отбора волонтеров. Все постоянные сотрудники имеют высшее образование, однако не у всех оно соответствует по специальности тому виду деятельности, которым они занимаются. В функциональном плане нет людей, которые отвечают за стратегию развития организации, проработку волонтерских программ, подготовку научно-исследовательской базы и т.д. Сотрудники центра работают на решение тактических задач, они ориентированы на реализацию текущих проектов. В ходе проведенных интервью с сотрудниками центра было выявлено, что практически никто не рассматривает работу в данной организации как постоянный и долгосрочный вид деятельности.

Для реализации организационных изменений в эндогенной среде не создается творческая атмосфера, так как организационная структура НКО не отличается гибкостью и практически исключает свободу выбора вариантов в решении поставленных задач. Организационная структура характеризуется закрытостью коммуникационных каналов – в НКО практически исключена возможность «подключения» специалистов «со стороны», нет системы стимулирования инновационных идей.

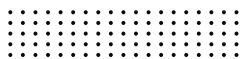
Характеристика волонтерского сообщества. По данным проведенного исследования – онлайн-опроса членов данного волонтерского сообщества (выборка целевая, N=706, 2017) охарактеризуем сообщество

реальных волонтеров организации. В активное ядро, безусловно, входит молодежь в возрасте 18–20 лет (66 % от числа опрошенных), преимущественно девушки (80 %). 98 % респондентов хоть раз принимали участие в сопровождении спортивных мероприятий в качестве волонтера. По факту, на постоянной основе в деятельности центра участвуют не более 10 % из числа всех зарегистрированных в базе волонтеров. Как правило, люди активно включаются в работу в определенный период жизни (студенческие годы), а затем отходят от проектов данной организации. Как показало наше исследование, с теми, кто отработал в проектах, практически не ведется в дальнейшем никакая работа. Данный человеческий ресурс, в который были вложены определенные ресурсы, остается не востребованным.

Кейс Б. Волонтерский центр Загреб – это некоммерческая организация, занимающаяся развитием добровольчества с 1998 года. Центр был создан при Университете Загреба в рамках программы международного обмена студентов-волонтеров ООН. Первые три года центр занимался только международными обменными программами, однако, в эти программы постепенно включались не только студенты, но и горожане других возрастных групп. В Международный год волонтеров (2001 год) центр реализовал первый проект «2001 волонтерский», ориентированный главным образом на развитие волонтерства внутри города и страны. С 2007 года организация принимает участие в разработке программ развития и поддержки добровольчества на государственном уровне для того, чтобы дать возможность большему количеству людей добровольно участвовать в тех проектах, которые им интересны, и повысить качество волонтерских программ других локальных НКО. С 2009 года деятельность центра стала распространяться на всю территорию Центральной Хорватии, так как организация получила статус **регионального волонтерского центра**.

При оценке организационного развития ресурсного центра можно выделить не только количественный рост сотрудников, реализуемых проектов, партнеров, волонтеров, но и качественные изменения в управлении организацией, связанные с постоянной коррекцией целей организации, с расширением ареала ее деятельности, с постоянным усложнением структуры управления НКО за счет специализации и проработки новых направлений.

Конкретные дела и направления деятельности. Волонтерский центр активно принимает участие в организации международных обменных программ. По состоянию на 2017 год центр разработал и реализовал 135 проектов долгосрочного международного обмена волонтерами (от 3 до 12 месяцев). Основными партнерами программ являются страны-члены Европейского союза, однако несколько проек-

Певная М. В., Теленаева Д. Ф.

тов были реализованы с партнерами из отдаленных стран (Шри-Ланка, Непал, Индонезия). В 2017 году 138 добровольцев из волонтерского центра Загреба приняли участие в международных программах долгосрочного международного волонтерства.

Все проекты центра официально делятся на несколько направлений: международный обмен волонтерами, событийное волонтерство, образовательные и исследовательские проекты, рекламные кампании. Сегодня практически ни одно мероприятие Загреба не проходит без участия волонтеров данного центра. Например, за 2017 год было проведено более 40 мероприятий городского масштаба. Ключевым проектом по развитию волонтерства является проект «Мы работаем вместе», действующий с 2008 года. Его целью было создание волонтерских клубов в учреждениях среднего образования и привлечение школьников к участию в добровольческих мероприятиях города. В рамках этого проекта была создана Единая информационная служба волонтерства. Изначально созданная для школьников и их родителей, чтобы они могли по горячей линии узнать информацию о волонтерских проектах, данная служба постепенно стала работать со всем населением города. Сегодня это направление выросло в самостоятельную некоммерческую организацию, курируемую волонтерским центром Загреба.

Образовательное волонтерство развивается при поддержке ресурсного центра в Загребе в контексте продвигания профессиональной подготовки специалистов, которые способны профессионально продвигать вовлеченность населения в деятельность третьего сектора. В 2013 году волонтерский центр стал инициатором создания образовательной программы бакалавриата «Общественная работа в НКО» в Университете Загреба. Совместно с некоммерческой организацией «MOVISIE» (Нидерланды) центр организовал программу повышения квалификации «Управление НКО» при Университете Загреба в Хорватии и при Университете Роттердама в Голландии. Программа длилась с 2009 по 2011 гг. Выпускниками хорватской программы за три года стали более 350 человек, из них 160 являлись действующими руководителями НКО. Кроме того, волонтерский центр ежегодно проводит мониторинговые исследования добровольчества в городе Загреб. В 2016 году в исследовании приняли участие 50 государственных учреждений, 26 НКО и 19 коммерческих компаний.

Деятельность на местном, региональном и международном уровнях осуществляется по пяти основным направлениям: информирование граждан и организаций о добровольчестве; обучение и консультирование организаторов и добровольцев; создание партнерских отношений с организациями гражданского общества и коммерческими предприятиями; проведение исследо-

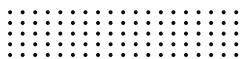
ваний о состоянии волонтерской деятельности в регионе; организация собственных, региональных и международных волонтерских мероприятий. Именно эти направления деятельности официально заявлены как ключевые в документах НКО.

В процессе комплексной оценки позиционирования и внутреннего менеджмента ресурсного центра Загреба можно выделить стратегическую ориентацию управления НКО, которая связана с приоритетами применения в деятельности проектного подхода, с диверсификацией источников финансирования, многоплановостью и многоуровневостью реализуемых направлений. В деятельности центра можно четко идентифицировать структурные изменения, которые оказывают очевидное влияние на структуру управления, человеческий ресурс НКО, управленческие технологии и практические подходы. В данном ресурсном центре организационное развитие связано с формированием новых возможностей для актуальных, разноплановых проектов, с созданием условий для развития человеческого капитала организации и расширения ареала ее взаимодействия с разными стейкхолдерами.

Внешнее взаимодействие центра. Деятельность Волонтерского центра Загреба тесно сопряжена с Городским управлением социальной защиты и инвалидов, Независимым департаментом гуманитарной помощи и волонтерства, а также с *Министерством социальной политики и молодежи*. С последним в 2009 году центр подписал бессрочный контракт, по которому министерство финансирует содержание помещений региональных добровольческих центров в Республике Хорватия. У центра есть несколько совместных проектов с Министерством по делам семьи, ветеранов и межпоколенческой солидарности, а также с Управлением по вопросам здравоохранения, труда, социального обеспечения.

Волонтерский центр сотрудничает с членами хорватской сети добровольческих центров в других городах страны, с ресурсными центрами других стран Евросоюза. Тесное сотрудничество ведётся с образовательными учреждениями Загреба и некоммерческими организациями города. Центр взаимодействует с коммерческими предприятиями, большинство из которых оказывают, в том числе и финансовую поддержку некоторым проектам организации. Развитие ресурсного центра Загреба демонстрирует, на наш взгляд, высокий уровень институционального изоморфизма, так как изменение его организационных форм и способов деятельности изменяется в соответствии с теми стандартами, которые задаются в ЕС, формулируются в рамках государственной стратегии по поддержке добровольческих инициатив в Хорватии.

Ресурсы. На сегодняшний день существует два основных источника финансирования центра – государ-

ственная поддержка в виде субсидий и самостоятельное привлечение средств за счёт партнёрства с коммерческими организациями. Сотрудничество с коммерческим сектором приносит центру значительную часть ресурсов поступлений (за счёт благотворительности, предоставления помещений, необходимых специалистов и т.д.). Кроме того, центр постоянно получает не только государственные субсидии, но и гранты ЕС.

Штат, организационная структура. В штате организации официально работают 20 человек: исполнительный директор центра, 4 менеджера по развитию, 6 менеджеров проектного отдела, 3 сотрудника отдела по обеспечению образовательных программ, 2 руководителя конкретных проектов (международный обмен и информационная служба), 4 сотрудника отдела по работе с партнёрами. Все сотрудники центра имеют высшее образование, более того, почти у всех оно соответствует по специальности тому виду деятельности, которым они занимаются. Организационная структура центра хорошо показывает, что в управлении сотрудники включаются в разные проекты, их функционал закреплён, но не ограничен. Кроме того, в центре есть специалисты, которые разрабатывают стратегию организации, продумывают и запускают новые проекты. Важное место занимает информационное продвижение деятельности НКО. Развитие научно-образовательного направления способствует тому, что в ресурсном центре формируются условия для создания креативной среды, способствующей генерации новых идей, привлечению специалистов различного профиля, расширению круга волонтеров.

Характеристика волонтерского сообщества. По данным опроса 2017 года, в проектах ресурсного центра в качестве волонтеров работают преимущественно девушки (70 %). В сообществе волонтеров данной организации представлены разные возрастные группы горожан. В базе центра зарегистрировано 7 % волонтеров школьного возраста, каждый пятый (20 %) студент университета или колледжей, 43 % – волонтеры трудоспособного возраста и 30 % пожилых волонтеров пенсионного возраста.

Выводы. Проанализировав деятельность двух волонтерских центров России и Хорватии, можно выделить как сходства, так и различия, в том числе и в контексте управления добровольчеством. Исторически оба волонтерских центра были созданы при крупнейших университетах города. Сегодня центры действуют обособленно, реализуя собственные проекты, имея свою логику управления и свою собственную траекторию организационного развития.

Волонтерский центр Екатеринбурга уже достиг определённых успехов в проведении спортивно-массовых мероприятий российского и международного уровней, которые и определяют ключевое направле-

ние деятельности данного НКО. Волонтерский центр Загреба, в свою очередь, не заиклен только на одном направлении добровольчества. Центр занимается не только местными проектами, но и реализует международные волонтерские программы и долгосрочные международные обмены. Волонтерский центр Екатеринбурга, в свою очередь, занимается только внутренними проектами, не выходя за их рамки, даже если они имеют статус международных.

В Загребе волонтерский центр активно взаимодействует с государственной властью, сотрудничает со многими Министерствами и Управлениями, его сотрудники привлекаются к процессам совершенствования местного законодательства о добровольчестве и некоммерческих организациях. «Волонтеры Урала» взаимодействуют только с профильными отраслевыми региональными органами власти. Волонтерский центр Екатеринбурга ориентирован на проведение актуальных массовых мероприятий. Структура организации, информационная политика, настроения сотрудников, ресурсное обеспечение и тактика работы с добровольцами свидетельствует о том, что организация существует «одним днём». В ресурсном центре нет стратегии развития организации, никто не занимается диверсификацией направлений и расширением источников финансирования проектов. Такая позиция обусловила потери наработанного центром капитала. В регионе появляются и развиваются новые ресурсные центры, готовые взять на себя ответственность за развитие и популяризацию волонтерского движения. Можно заключить, что в «Волонтерах Урала» практически отсутствуют качественные организационные изменения. Волонтерский центр Загреба реализует стратегию широкого партнерства, поддерживает международные связи, реализует несколько локальных программ поддержки добровольчества, расширяет сеть сотрудничества с бизнес-организациями, учебными заведениями, научными центрами, старается привлекать ресурсы из разных источников.

В Екатеринбурге волонтерами центра являются в основном студенты. Связано это с тем, что НКО нацелена на сопровождение массовых мероприятий, которые своим масштабом и возможностями привлекают именно молодое поколение, но, как правило, требуют хорошей языковой подготовки волонтеров, имеющейся в основном у студенчества. Кроме того, каналы коммуникации и рекрутирования, которые отработаны и не требуют от сотрудников организации дополнительных усилий, а также ограниченная информационная политика ресурсного центра, влияют на возрастные характеристики волонтерского сообщества. Как не развиваются новые направления деятельности в НКО, так и не развиваются технологии работы с волонтерами. Они приобрели устойчивый и воспроизводимый характер,

Певная М. В., Теленаева Д. Ф.

стали элементом замкнутого цикла функционирования организации.

Волонтерский центр Загреба, в свою очередь, преимущественно ориентирован на программы местного и регионального сообщества по социальной проблематике. У центра нет задачи сопровождать все массовые мероприятия силами студенческой молодежи. Информирование разных групп населения о деятельности центра и его проектах – отдельное направление в менеджменте организации. Кроме того, в Загребе нет как таковых языковых барьеров для желающих стать волонтером, потому что английским языком свободно владеют все жители города, независимо от возраста.

Можно заключить, что в ресурсном центре Загреба реализуется поэтапное повышение способности организации к выживанию в динамичной внешней среде. Реализованное исследование наглядно показывает, как волонтерский центр Свердловской области, который приобрел максимальные ресурсные возможности за счет благоприятной внешней среды во время подготовки добровольцев для Универсиады, Олимпийских и Паралимпийских игр, демонстрирует в стратегии своего управления запаздывание на изменения внешней среды. В организации сохраняются возникшие несколько лет назад свойства, успешно применяемые ранее процедуры и технологии, не реализуется адекватная реакция менеджмента на внешние вызовы сегодняшнего дня. В рамках анализа кейса удалось выявить отдельный случай «структурной инерции» [16, с. 3234].

Сравнение двух центров, возникших при похожих внешних условиях, но демонстрирующих разные траектории организационного развития, позволяет увидеть потенциал стратегического управления, его преимущества перед тактическими ситуативными управленческими решениями. Рассматриваемая в данной статье проблема имеет свое дальнейшее перспективное развитие. При условиях повышенного внимания государства к поддержке инфраструктуры волонтерства в стране в ближайшее время будет востребована оценка общей совокупности некоммерческих организаций – ресурсных центров, как вновь создаваемых, так и тех, что накопили свой потенциал при схожих с «Волонтерами Урала» условиях.

Литература:

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/67/138 «Магистрализация добровольчества на следующее десятилетие» от 20.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/486/90/PDF/N1248690.pdf?OpenElement> (дата обращения 20.04.2018).
2. Волонтерство и глобальные цели. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unv.org/volunteerism/>
3. Giannoulakis C., Wang C., Gray D. Measuring volunteer motivation in mega-sporting events // *Event Management*. 2014. № 11. P. 191–200.
4. Benson A. M., Dickson T. J., Terwiel A., Blackman, D. Training of Vancouver 2010 volunteers: A legacy opportunity? // *Journal of the Academy of Social Sciences*. 2014. № 9. P. 210–226.
5. Smith D. H., Stebbins R. A., Grotz J. The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2016. 1501 p.
6. Mason D. E. Voluntary Nonprofit Enterprise Management. New York: Plenum Press, 1984. 192 p.
7. Herman R. D. The Jossey-Bass Handbook of Nonprofit Leadership & Management. San Francisco: Jossey-Bass, 2005. 817 p.
8. Klausen K. On the Malfunction of the Generic Approach in Small Voluntary Associations // *Nonprofit Management and Leadership*. 1995. № 5. P. 275–290.
9. Walker J. Limits of Strategic Management in Voluntary Organizations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1983. № 12. P. 39–56.
10. Connors T. D. The Volunteer Management Handbook. New York: Wiley, 2012. 407 p.
11. Rochester C. Rediscovering Voluntary Action: The Beat of a Different Drum. Basingstoke, UK: PalgraveMacmillan, 2013. 278 p.
12. Сухарькова М. П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 9. С. 12–16.
13. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // *Социологические исследования*. 2006. № 5. С. 15–22.
14. Опыт развития спортивного волонтерства в России и за рубежом: монография. Волгоград: «Сфера», 2017. 158 с.
15. Щербина В. В. Организационное развитие: популяционно-селекционная модель // *Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость* (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года). [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Kongress_2016/Scherbina.pdf (дата обращения 18.04.2018).
16. Стандарт поддержки волонтерства в регионах. [Электронный ресурс]. URL: <http://asi.ru/social/volunteers/> (дата обращения 21.04.2018).
17. Мировой рейтинг благотворительности 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (дата обращения 10.04.2018).
18. Численность населения Российской Федерации по муниципальным округам. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/

Певная М. В., Теленаева Д. Ф.

rosstat.ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения 21.04.2018).

19. Стрекалова Н. Д. Методология «case study» в исследованиях и менеджмент-образовании: проблемы и перспективы использования // Современные исследования в менеджменте: проблемы и перспективы. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. Санкт-Петербург, 2013. С. 188–200.
20. Щербина В. В., Попова Е. П. Современные концепции структурных изменений в организациях // Социологические исследования. 1996. № 10. С. 98–109.
21. Официальное сообщество «Волонтеры Урала» «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/volural> (дата обращения 21.04.2018).

References:

1. Resolution of the UN General Assembly A / RES / 67/138 “Magistralization of volunteerism for the next decade” of 20.12.2012. [e-resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/486/90/PDF/N1248690.pdf?OpenElement> (date of reference 20.04.2018).
2. Volunteering and global goals. [e-resource]. URL: <https://www.unv.org/volunteerism/volunteerism-and-global-goals> (date of reference 20.04.2018).
3. Giannoulakis, C., Wang, C., Gray, D. Measuring volunteer motivation in mega-sporting events // Event Management. 2014. № 11. P. 191–200.
4. Benson A. M., Dickson T. J., Terwiel A., Blackman, D. Training of Vancouver 2010 volunteers: A legacy opportunity? // Journal of the Academy of Social Sciences. 2014. № 9. P. 210–226.
5. Smith, D. H., Stebbins, R. A., Grotz, J. The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2016. 1501 p.
6. Mason D. E. Voluntary Nonprofit Enterprise Management. New York: Plenum Press, 1984. 192 p.
7. Herman R. D. The Jossey-Bass Handbook of Nonprofit Leadership & Management. San Francisco: Jossey-Bass, 2005. 817 p.
8. Klausen K. On the Malfunction of the Generic Approach in Small Voluntary Associations // Nonprofit Management and Leadership. 1995. № 5. P. 275–290.
9. Walker J. Limits of Strategic Management in Voluntary Organizations // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1983. 12. P. 39–56.
10. Connors T. D. The Volunteer Management Handbook. New York: Wiley, 2012. 407 p.
11. Rochester C. Rediscovering Voluntary Action: The Beat of a Different Drum. Basingstoke, UK: PalgraveMacmillan, 2013. 278 p.
12. Sukhar’kova M. P. Approaches to studying the motivation for participation in volunteer practices // Theory and practice of social development. 2017. № 9. P. 12–16.
13. Kudrinskaya L. A. Voluntary work: essence, functions, specificity // Sociological research. 2006. № 5. P. 15–22.
14. Experience of development of sports volunteering in Russia and abroad: a monograph. Volgograd: Sfera, 2017. 158 p.
15. Scherbina V. V. Organizational Development: Population-Selection Model // Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice (Ekaterinburg, October 19–21, 2016). [e-resource] URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Kongress_2016/Scherbina.pdf (date of reference 20.04.2018).
16. The standard of volunteer support in the regions. [e-resource]. URL: <http://asi.ru/social/volunteers/> (date of reference 20.04.2018).
17. World charity rating 2017. [e-resource]. URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (date of reference 20.04.2018).
18. The population of the Russian Federation by municipal districts. [e-resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/en/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (date of reference 20.04.2018).
19. Strekalova N. D. Methodology of “case study” in research and management education: problems and prospects of use // Modern research in management: problems and prospects. SPb.: Department of Operational Polygraphy of the Higher School of Economics. St. Petersburg, 2013. P. 188–200.
20. Shcherbina V. V., Popova E. P. Modern Concepts of Structural Changes in Organizations // Sociological Research. 1996. № 10. P. 98–109.
21. Official community “Volunteers of the Urals” “VKontakte”. [e-resource]. URL: <https://vk.com/volural> (date of reference 20.04.2018).

**ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ
КАК РЕСУРС ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Амбарова П. А.

Доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, p.a.ambarova@urfu.ru

Зборовский Г. Е.

Доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, G.E.Zborovsky@urfu.ru

Фарафонова А. И.

Студент, Уральский федеральный университет (Россия), 620057, Россия, г.Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, p.a.ambarova@urfu.ru

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15+60.546.21

Цель. Изучение доверия молодежи к политике муниципальных органов власти и рассмотрение его в качестве ресурса городского управления и социального капитала городского социума.

Методология и методы. Исследование базируется на концепции городского образа жизни Л. Вирта, включающей положения о морально-нравственных взаимодействиях субъектов городской жизни, теориях доверия Н. Лумана и Ф. Фукуямы, позволяющих трактовать его как социальный капитал. В основе статьи – материалы социологического исследования кейсов средних и больших городов Уральского федерального округа. Изучались демографическая статистика, статистические данные по образовательным организациям, нормативные документы, контент городских интернет-сайтов и форумов.

Результаты. Выявлена тенденция снижения доверия молодежи к городскому управлению как ответная реакция на отсутствие должного внимания к насущным проблемам молодого поколения горожан. Установлено, что причинами молодежной миграции являются две ключевые проблемы: нерешенность вопроса трудоустройства значительной части молодежи и отсутствие условий для получения высшего образования. Показана реакция различных групп местных сообществ на бездействие городских властей в сфере молодежных проблем.

Научная новизна. Научная новизна заключается в выявлении взаимосвязи капитала доверия и городской политики, направленной на удовлетворение основных потребностей молодежи.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

Ключевые слова: доверие, молодежь, труд, высшее образование, городское управление, средние и большие города.

THE TRUST OF YOUNG PEOPLE AS A RESOURCE FOR CITY MANAGEMENT

Ambarova P. A.

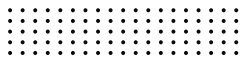
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg, Lenin Avenue 51, p.a.ambarova@urfu.ru

Zborovsky G. E.

Doctor of philosophical science, Professor, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg, Lenin Avenue 51, G.E.Zborovsky@urfu.ru

Farafonova A. I.

Student, Ural Federal University (Russia), 620057, Russia, Yekaterinburg, Lenin Avenue 51, p.a.ambarova@urfu.ru

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.

Purpose. The study of youth's trust in the policy of municipal authorities and its consideration as a resource of city management and social capital of city community.

Methods. The study is based on the concept of urban lifestyle L. Wirth, including provisions on moral interactions of subjects of urban life, theories of trust N. Luman and F. Fukuyama, allowing to treat it as social capital. The article is based on the materials of sociological research of cases of medium and large cities of the Ural Federal District. Demographic statistics, statistical data on educational organizations, normative documents, content of city web sites and forums were studied.

Results. The tendency of decrease of trust of youth to city management as response to lack of due attention to pressing problems of young citizens is revealed. It is established that the causes of youth migration are two key problems: the unresolved issue of employment of a significant part of young people and the lack of conditions for higher education. The reaction of different groups of local communities to the passivity of the city authorities in the field of youth problems is shown.

Scientific novelty. The scientific novelty lies in the identification of the relationship between trust capital and city policy aimed at meeting the basic needs of young people.

Financing. The work was supported by the Russian Foundation for Science, project № 18-011-00158 «Trust as a fundamental problem of Russian higher education».

Key words: trust, youth, labor, higher education, city management, medium and large cities.

Устойчивое развитие нашей страны во многом определяется совокупным потенциалом экономического, социального и культурного развития ее регионов и городов. Именно они становятся своеобразным фундаментом благосостояния всего государства. Перед представителями власти в регионах и городах стоит задача разработки эффективных стратегий развития собственных территорий и населения в условиях экономического кризиса и связанного с ним тотального дефицита материальных и финансовых ресурсов. В такой ситуации взгляды управленцев должны быть обращены к человеческому и социальному капиталу жителей городов и тем возможностям, которые появляются при умелой и бережной его конвертации. В связи с этим процессы оттока человеческого капитала из периферийных регионов и их городов (особенно такой ресурсной социальной общности, как молодежь) становятся ключевым вопросом управления [1–3].

Актуальность проблемы связана с тем, что в России именно провинциальные регионы и их города (большие, средние и малые) играют важную экономическую, социальную, культурную роль. Среди всех типов российских городов особо выделяются моногорода. Их всего 319 с общей численностью населения около 14 млн человек [4]. В них остро ощущается дефицит молодежи с ее трудовым потенциалом, способным дать импульс развитию не только экономики, но и социальной, культурной, политической, гражданской и иным сферам жизни города.

В современных условиях сложилась ситуация, когда население средних и больших городов, прежде всего молодежь, стало более мобильным, чем еще 10–15 лет назад. Молодые люди переезжают жить в такие перспективные для себя города, где они видят возможность получения высшего образования и более

эффективного применения своего трудового потенциала. Это происходит тогда, когда местные власти мало что могут предложить молодежи и мало чем могут поддержать ее образовательный и трудовой потенциал и энтузиазм. Уезжая из своего города, молодые люди высказывают тем самым его руководству вотум недоверия. Именно так поступает в последние годы молодежь из многих городов Уральского федерального округа (УрФО) – Тобольска, Ишима, Златоуста, Первоуральска, Нефтеюганска, Нового Уренгоя, Шадринска и ряда других.

Доверие молодых жителей городов к власти имущим становится тем самым нематериальным активом, который может быть конвертирован в их образовательные и трудовые достижения на благо этих городов. И наоборот, отсутствие такого доверия, в ряду других крайне важных факторов, в первую очередь, невозможности получить высшее образование и рабочие места с достойной оплатой труда, ведет к миграционной активности городской молодежи.

Актуальность проблемы обусловила выбор объекта и предмета исследования. Объектом исследования стали средние (50–100 тыс. жителей) и большие (100–250 тыс.) города Уральского макрорегиона. Больших городов в УрФО 8, средних – 71. Практически во всех них существуют значительные проблемы с трудоустройством молодежи. Это же касается и проблем с высшим образованием, они также имеют место всюду. Из восьми больших городов в трех отсутствуют не только самостоятельные вузы, но даже их филиалы (Первоуральск, Нефтеюганск и Копейск). В пяти других больших городах – Каменск-Уральском, Златоусте, Миассе, Новом Уренгое, Ноябрьске – есть только филиалы. Здесь следует специально отметить, что молодежь предпочитает учиться не в филиалах, а в самостоятель-

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.

ных вузах, где намного больше бюджетных мест и значительно выше уровень квалификации педагогического персонала.

Такую ситуацию, когда ни один из больших городов в макрорегионе не имеет вузов, кроме как парадоксальной, назвать трудно. Зато они есть в некоторых средних городах. Правда, из всех таких городов имеют вузы только три – Ханты-Мансийск, Троицк, Шадринск. Но все же они есть. Таким образом, самый первый и общий анализ ситуации с объектом исследования свидетельствует о наличии двух главных проблем молодежи в этих городах – трудностях с устройством на работу (с достойной зарплатой) и дефицитом возможностей для получения высшего образования.

Предмет исследования – политика органов местного самоуправления в отношении молодежи, направленная на создание благоприятных условий для получения образования и трудоустройства. Исследовательский вопрос заключается в следующем: почему наблюдается негативная динамика миграционных настроений и поведения молодежи в этих городах?

Цель статьи состоит в рассмотрении доверия молодежи к политике муниципальных органов власти, выступающего в качестве ресурса городского управления и социального капитала городского социума. В основу статьи положены материалы кейсов ряда городов УрФО, которые включали анализ демографической статистики, статистических данных по образовательным организациям, нормативно-правовых актов, контента интернет-сайтов и форумов.

Теоретические аспекты проблемы доверия к городскому управлению

Исследование проблемы доверия к городскому управлению восходит к Чикагской социологической школе и связано с именами Р. Парка, Э. Бёрджесса и Л. Вирта. В концепции городского образа жизни Л. Вирта человеческие отношения рассматриваются как конституирующий фактор моральной среды города [5]. Опираясь на эти представления, мы можем говорить об управлении жизнью горожан в контексте доверительных отношений как особого типа морально-нравственных взаимодействий субъектов городской жизни.

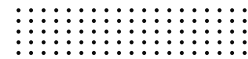
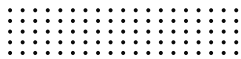
В конце XX в. Н. Луман обращает внимание на доверие как важнейший ресурс современного сложного социума. В условиях увеличения неопределенности и рисков городской среды его значение усиливается [6, с. 183–184]. Идеи Н. Лумана позволяют говорить о возможности формирования органами городской власти стратегии безопасности, в которой доверие выступает ее основой и способом минимизации рисков.

Важным теоретическим основанием исследования доверия как ресурса городского управления выступает концепция Ф. Фукуямы, в которой доверие интерпретируется в качестве условия нормального функционирования экономических систем. С этих позиций доверие может быть рассмотрено как сила, обеспечивающая экономическое развитие города, и фактор, позволяющий городскому управлению экономить на издержках по созданию структур и организаций, регулирующих конфликты субъектов городского социума и осуществляющих административный контроль за их деятельностью [7]. Доверие в системе социальных взаимодействий городского социума создает основу общественного консенсуса. В контексте теории Ф. Фукуямы доверие молодежи к политике городских властей базируется на добровольном объединении людей, зависящем от интегрирующей деятельности институтов государства [8, с. 109]. Именно с этим видом доверия связаны возможности экономического роста города как социальной системы.

Результаты исследования

В нашем исследовании мы рассматриваем доверие молодежи к городскому управлению как фактор снижения ее миграционных настроений, а значит, сохранения ее человеческого и социального капитала, что равносильно сохранению города. Две сферы городского социума способны «привязать» к нему молодежь – это образование и труд. Задачей органов городской власти является создание условий для удовлетворения базовых потребностей молодежи – в получении качественного образования (включая высшее) и достойной работы. Проблема многих средних и больших городов заключается как раз в игнорировании структурами управления этих насущных потребностей молодого поколения. Это дает основание рассматривать отношение городских властей к молодежи как проявление недоверия к ней, а миграционные намерения и миграционное поведение многих ее групп – как своеобразный бумеранг в ответ на муниципальную политику, как выражение несогласия с ней и, следовательно, недоверия к органам власти.

В целом наше исследование показало высокий уровень недоверия молодежи к городскому руководству. Анализ различных муниципальных программ нескольких уральских городов показал, что сложившаяся проблемная ситуация с молодежью находится в поле зрения муниципальных властей только в привязке к узкой группе молодежи 14–23 лет. Основные меры руководства направлены, в первую очередь, на юное поколение – подростков, выпускников школ, не планирующих продолжать образование в высших учебных заведениях.

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.

Старшее поколение молодежи вообще остается не охваченным целевыми показателями этих программ [9].

Важной причиной миграционного оттока молодежи из рассматриваемых городов является недостаток образовательных организаций, особенно высшей школы. У молодежи отсутствует возможность получить высшее образование в родном городе, а в вузах соседних крупных или даже очень крупных городов и мегаполисов не всегда можно приобрести желаемую профессию. Отсутствие четких перспектив и неудовлетворенность потребностей молодежи в выборе жизненных траекторий порождают у нее миграционные настроения и соответствующую им активность. Это означает неопределенность будущего рассматриваемых нами городов.

Еще раз подчеркнем: огромную роль в этих процессах играет власть как муниципального, так и регионального и федерального уровней. Ее представители стоят у «штурвала» и должны определять курс развития образовательной и экономической инфраструктуры городов, создавать условия для достижения определенного качества жизни их населения. Между тем, как отмечает известный специалист по проблемам молодежи Ю. А. Зубок, «жизненные проблемы молодежи не в повестке самой власти. Молодежь – как раньше, так и сейчас – рассматривается исключительно как электро-ральный ресурс. Причем не слишком надежный, способный дестабилизировать ситуацию. Отсюда спорадические попытки то диалога, то борьбы, но те и другие сводятся к защите власти от молодежи, а не к решению проблем разных категорий молодых людей» [10].

Укоренились социальные практики неучастия молодежи в общественно-политическом процессе. Слабы традиции протеста в молодежной среде, нет веры в его эффективность, свой или чужой опыт несут разочарование. Молодежь концентрируется на повседневных проблемах в противовес «политической болтовне». Активное недоверие этой части молодых людей к власти ведет к неготовности с ней контактировать.

Говоря о молодежи в средних и больших городах Уральского макрорегиона, мы должны видеть различия между группами этих городов, вызванные пространственно-временными и содержательными факторами их появления, развития, эффективной деятельности. Города одной группы, расположенные на северных территориях (Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Ноябрьск, Новый Уренгой и др.), возникли и развиваются с 1960–1970-х гг. благодаря добыче и транспортировке нефтегазовых ресурсов. Другая группа городов территориально относится к среднему и южному Уралу, имеет значительно более давнюю историю своего появления и развития и связана с металлургическим, машиностроительным и иными видами промышленного производства (Златоуст, Каменск-Уральский, Первоуральск,

Миасс, Копейск и др.). Города третьей группы тяготеют к югу Урала, Зауралью и даже к Западной Сибири, в них доминирует сельскохозяйственное производство и обработка его продукции (Троицк, Шадринск, Ишим и др.). Они имеют также долгую историю своего появления и развития.

Положение и возможности молодежи заметно разнятся в городах этих трех групп. Так, по уровню материального благосостояния и оплате труда молодежь северных городов значительно опережает сверстников из городов двух других групп, особенно третьей. Тем не менее, и в этих внешне благополучных и более богатых городах значительная часть молодых людей с недоверием относится к управленческой деятельности органов власти. Причиной такого недоверия является модель управления, в которой не отводится должного места определенным группам молодежи, заинтересованным в интересной, творческой и хорошо оплачиваемой работе, требующей получения высшего образования. Причем это касается не только северных, но и иных средних и больших городов УрФО. В результате происходит значительное ослабление их человеческого капитала.

Потеря человеческого капитала как результат укрупнения такой модели развития средних и больших городов приводит к снижению их привлекательности для инвесторов. Это создает существенные барьеры для реализации возможностей социально-экономического развития территорий. В частности, становится крайне сложной (а иногда практически невозможной) диверсификация промышленного сектора. Отсутствуют условия для развития различных инфраструктур и для формирования сбалансированного рынка труда, удовлетворения основных социальных потребностей жителей этих городов.

Обозначенные проблемы особенно ярко проявляются в северных городах УрФО. Как отмечает Е. С. Кононова, их специфика препятствует формированию устойчивой структуры населения городов (в том числе и молодежи) вследствие преобладания вахтовых методов трудоустройства [11, с. 72]. Дело в том, что географическое положение северного города играет особую роль в определении вектора развития его экономики. Как правило, муниципальные образования живут за счет одной отрасли, например, нефтегазовой добычи или лесопереработки. Конечно, эти отрасли хозяйства должны оставаться ведущими и таковыми остаются в реальности, определяя во многом развитие города. Но они не должны сужать жизненные шансы и выбор жизненной и профессиональной траектории у молодежи. Именно в ее глазах город должен выглядеть перспективно.

Обозначенная проблема актуальна для всех групп молодежи – учащейся и работающей, поскольку именно

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.

она не находит в провинциальных городах применение своим знаниям, навыкам и способностям. Эта ситуация складывается при отсутствии многопрофильности в экономике города и высших учебных заведений, предлагающих обучение по различным востребованным профессиям. Недостаток учебных заведений (школ, колледжей, высших учебных заведений) в сочетании с дефицитом мест занятости приводит к миграции человеческого капитала и снижению потенциала городов.

Еще одной проблемой рассматриваемых городов можно считать отсутствие доступа молодежи к управлению и невозможность участия в принятии решений по острым социальным проблемам. Для властных и менеджерских структур средних и больших городов характерны несменяемость или даже клановость. Их деятельность закрыта, непрозрачна для массовых слоев населения. Перспективы трудоустройства в них у молодых и перспективных людей, не принадлежащих к статусным группам, весьма невелики. В связи с этим, уезжая в другие города, они уже не возвращаются, так как прекрасно понимают бесперспективность профессионального и карьерного роста, материального обеспечения и социального благополучия.

Конечно, благодаря развитию коммуникационных систем средние и большие города и их жители интегрируются в общероссийское и даже мировое информационное пространство. Это позволяет их жителям использовать различные возможности для частичного удовлетворения своих потребностей. Однако на самом деле интернет и сотовая связь кардинально, раз и навсегда, не решают всех социальных, экономических, демографических, культурных проблем региона и их конкретных городов.

Особую проблему составляет превращение в средних и больших городах УрФО самостоятельных вузов в филиалы. В предыдущих наших публикациях мы уже представили результаты анализа этой ситуации в Нижнем Тагиле [см. 12], где в 2013 г. Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (НТГСПА) потеряла статус самостоятельного вуза и была превращена в филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета г. Екатеринбурга. В результате этого недуманного шага количество поступающих в филиал снизилось в 5 раз, две трети выпускников школ уезжают из города, оставляя его без талантливой молодежи. В 2016 г. Нижний Тагил покинули около 68 % выпускников школ. 74 % выбрали вузы, находящиеся за пределами родного города [13]. В местном филиале Уральского федерального университета количество поступающих из школ города также снизилось в три раза. Глава города С. Носов определил ситуацию с молодежью как катастрофическую, а жители Нижнего Тагила выразили вотум недоверия ко всем уров-

ням власти, в том числе и местной, не сумевшей отстоять самостоятельность вуза:

«В Екатеринбурге больше 20 вузов, а у нас всего один, и тот прикрыли! Это же удар по статусу города!!! 370-тысячный город! А нас нашего достоинства лишили: превратили единственный наш вуз в очередной вишивый филиал, а город – в придаток Екатеринбурга по образцу Первоуральска!.. Мы же вторая столица области!!!» (О., пользователь соцсети).

Связь между реорганизацией НТГСПА и миграцией молодежи очевидна, ее фиксируют в своих высказываниях и обычные тагильчане, и сами выпускники школ, и представители местной власти. Приведем несколько высказываний из СМИ и соцсетей:

«Ситуация с развитием системы высшего образования в Нижнем Тагиле критическая. У нас сокращается число мест для обучения, большинство образовательных учреждений стали филиалами и лишились автономии. Это главная проблема для моногорода. Сегодня получается, что чем выше качество подготовки в школе, тем выше вероятность отъезда тагильских выпускников на обучение в другой город. Необходимо эту негативную тенденцию менять, делать престижным получение образования в нашем городе» (С. Носов, мэр Нижнего Тагила).

«Мне в нашем городе не очень нравится. Этот город не соответствует моим амбициям. Здесь нет хорошей инфраструктуры и университетов. Остался бы при условии, если бы в Нижнем Тагиле был высококвалифицированный вуз, который имел бы влияние за рубежом, чтобы мы могли найти высокооплачиваемую профессию» (В.М., выпускник школы).

«...вот по поводу отъезда в вузы Екатеринбурга молодежь, к сожалению, права. Хотя бы взять тот факт, что чинуши создавали с НТГСПА. Несмотря на четко выраженное решение Ученого совета присоединиться к Пермскому университету или УрГПУ, насильно присоединили к РГППУ. А РГППУ, как сказал мне один преподаватель-философ, ранее там работавший – это труба...» (Б., пользователь соцсети).

Ситуация, подобная нижнетагильской, сегодня повторяется в другом городе УрФО – Тобольске, где самостоятельный вуз – Тобольская государственная педагогическая академия им. Д. И. Менделеева – был превращен в филиал Тюменского госуниверситета. Реорганизация вуза вызвала волну протеста со стороны его научно-педагогических работников, студентов и городской общественности. Реакция горожан была представлена во многих отзовах, появившихся в соцсетях города: *«Не может быть. Что ж вы лжёте? какой филиал? хоть бы народ не обманывали»; «Не дадут даже 100-летие отпраздновать!!!!», «Почти 100 лет кому под хвост(((((»; «Умудряются ликвидировать вуз со 100-летней историей. Не просто ВУЗ,*

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.

а легенду»; «Начнут подстраивать под ТГУ. Как ни крути, у всех вузов своя политика. А чиновники в итоге отчитаются, что уровень образования в вузе соответствует стандартам»; «Это почти уже столетний вуз, а тут вот такое бац... У него своя история и свои традиции – и всё это в один момент едва ли не перечёркивается».

Местные жители отмечают управленческий произвол чиновников от образования и серьезный урон, который принесла реорганизации академии культуры и социальному статусу г. Тобольска:

«Где желание областных и городских властей сохранять и приумножать то, что создано не ими самими и даже не их родителями? Почему Президент РФ требует от власти имущих на местах подходить разумно и ответственно к принятию важных для населения решений, а местным чиновникам нет дела до жителей? Задаюсь вопросом: а что будет с имуществом и недвижимостью вуза? Опять РасПил? И как будет величаться наш Тобольск после этого? Жемчужина... в часах какого из чинуш? ... Кто и по какой методике решил, что нужно «признать в 2013 году вуз неэффективным по количеству студентов на зарегистрированных площадях»? Что за бред? Напомню чиновникам славные слова Петра I, процитированные нашим Президентом на церемонии вручения государственных наград 12.06.17 в Кремле: «Ограда отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки»» (А.С., житель Тобольска).

Анализ кейсов Нижнего Тагила и Тобольска показывает усиление недоверия к процессам, происходящим в высшем образовании страны и УрФО, а в связи с этим – сомнения в компетентности, честности и социальной ответственности руководства вузов и местной власти, которые не предприняли никаких мер по защите своих вузов:

«...я все думаю, почему, несмотря на прямые указания Кремля, ... местные управленческие элиты никак не могут сдвинуться с мертвой точки? Ответ оказывается прост. Они способны управлять только той территорией, где расположена их директория! А чуть подальше – сплошная оптимизация. Куда там вникнуть в проблематику северных городов, когда свои Тобольск, Ялуторовск и Ишим не просто не развивают, а еще и опускают донельзя!» (О., житель Тобольска).

Заключение

Основные выводы, вытекающие из нашего исследования, сформулируем в нескольких положениях. Источником укрепления доверия к местной власти может быть, прежде всего, ее забота об образова-

нии и трудоустройстве молодежи, которая должна стать основным направлением стратегии сохранения городов в регионах. Представленные проблемы требуют выработки программ взаимодействия ключевых акторов городского социума – органов местного самоуправления (при поддержке региональной власти), руководства местных предприятий и организаций, образовательных учреждений, структур гражданского общества. Таким образом, может быть создано пространство общественного диалога для решения основной проблемы города – сохранения в нем молодежи.

Литература:

1. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
2. Вандышев М. Н. Потенциальная мобильность выпускников школ малых и средних городов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5. С. 114–124.
3. Флоринская Ю. Ф. Выпускники школ из малых городов России: образовательные иммиграционные стратегии // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 114–124.
4. Моногорода РФ. [электронный ресурс]. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about> (дата обращения 09.05.2018).
5. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005. С. 93–118.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 360 с.
7. Минина В. Н. Организационное доверие как неосознанный актив компании: проблема измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Междисциплинарные исследования. 2012. № 2. С. 107–130.
8. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.
9. Паспорт муниципальной программы Нефтеюганска «Развитие образования и молодежной политики в городе Нефтеюганске на 2014–2020 годы». [электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/30729115/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 02.04.2018).
10. Жизненные проблемы молодежи не в повестке самой власти. [электронный ресурс]. URL: <http://pltf.ru/2017/08/01/julia-zubok/> (дата обращения 30.04.2018).
11. Кононова Е. С. Особенности устойчивого социально-экономического развития северных территорий регионов и оценка устойчивости их социально-экономического развития // Экономические науки. 2016. № 135. С. 71–73.

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Фарафонова А. И.

12. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Шуклина Е. А. Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 57–69.
13. В Нижнем Тагиле бьют тревогу: две трети выпускников школ уезжают из города. [электронный ресурс]. URL: <https://newdaynews.ru/ekb/592958.html> (дата обращения 01.05.2018).
7. Minina V. N. Organizational trust as intangible asset of the company: the measurement problem // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 8. Management. 2012. № 2. P. 107–130.
8. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. M.: AST, 2004. 730 p.
9. Passport of the municipal program of Nefteyugansk «Development of education and youth policy in the city of Nefteyugansk, 2014–2020». [e-resource]. URL: <http://base.garant.ru/30729115/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (date of reference 02.04.2018).
10. Life problems of youth are not on the agenda of the authorities [e-resource]. URL: <http://pltf.ru/2017/08/01/julia-zubok/> (date of reference 30.04.2018).
11. Kononova E. S. features of sustainable socio-economic development of the Northern territories of regions and assess the stability of their socio-economic development // Economic science. 2016. V. 135. P. 71–73.
12. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Shuklina E. A. Does a system of higher education exist in Russia? // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2017. № 11. P. 57–69.
13. In Nizhny Tagil an alarm is sounded: two thirds of high-school graduates are leaving the city. [e-resource]. URL: <https://newdaynews.ru/ekb/592958.html> (date of reference 01.05.2018).

References:

1. Mkrtchan N. V. The youth migration from small towns in Russia // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017. № 1. P. 225–242.
2. Vandyshev M. N. Potential mobility of school graduates in small and average cities in the Sverdlovsk region // Monitoring of Public Opinion. 2014. № 5. P. 114–124.
3. Florinskaya Yu. F. School graduates from small towns of Russia: educational and migration strategies // Problems of Forecasting. 2017. № 1. P. 114–124.
4. One Company Town. [e-resource]. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about> (date of reference 09.05.2018).
5. Wirth L. Urbanism as a way of life // Wirth L. Selected works on sociology. M.: INION, 2005. P. 93–118.
6. Luman N. Social systems. Essay on General theory. SPb.: Nauka, 2007. 360 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ростовская Т. К.

Доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Россия), заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет (Россия), 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Rostovskaya.tamara@mail.ru

Шимановская Я. В.

Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы, Российский государственный социальный университет (Россия), 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, ya1873@yandex.ru

УДК 316.346.2-055.1
ББК 60.542.22

Основной задачей личности является ее реализация в условиях социума. В статье рассматривается мужское предназначение, роли мужчины в современном мире. Обращение к проблеме является актуальным потому, что социальные роли мужчин изменяются во времени и пространстве, представители разных поколений имеют разное представление о мужских социальных ролях, определяющих функционирование и достоинства личности. Социальные роли, выполняемые современным мужчиной, являются отражением запросов общества, которое оно предъявляет к человеку мужского пола. Изучение данного вопроса направлено на исследование исторических и современных предпосылок формирования социальных ролей мужского населения.

Ключевые слова: социальная роль, мужчина, общество, общественное благосостояние.

SOCIAL ROLES OF THE MAN IN THE MODERN SOCIETY

Rostovskaya T. K.

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia), Head of the Department of Social Pedagogy and Youth Work Organization, Russian State Social University (Russia), 129226, Russia, Moscow, Wilhelm Pick 4/1, Rostovskaya.tamara@mail.ru

Shimanovskaya Ya. V.

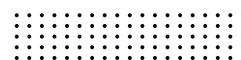
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Work, Russian State Social University (Russia), 129226, Russia, Moscow, Wilhelm Pick 4/1, ya1873@yandex.ru

The main objective of the individual is its implementation in the context of society. The article discusses the men's mission, the role of men in the modern world. The issue is relevant because the social roles of men change in time and space, different generations have different ideas about male social roles that determine the functioning and dignity of the individual. Social roles performed by modern man are a reflection of the needs of the society which it imposes on the human male. The investigation focused on the study of historical and contemporary prerequisites for the formation of the social roles of the male population.

Key words: social role of man, society, public welfare.

Во все времена мужское предназначение подразумевало под собой два основных понятия: быть добытчиком и обеспечивать семью, а также выполнять функцию защитника. Но в конце позапрошлого столетия,

когда слабая половина человечества развернула активную кампанию продвижения феминизма, произошла смена гендерных ролей. Женщины, в борьбе за равное положение, добились того, что добытчиками и защит-

Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.

никами могут быть теперь и представительницы прекрасного пола. В связи с этим, мужчины получили возможность снять с себя часть ответственности или примерить на себя противоположную гендерную роль, взяв на себя ответственность за создание домашнего уюта и воспитание детей – чем испокон веков занимались сугубо женщины. Еще сто лет назад такая позиция вызвала бы недоумение со стороны общественности, ведь ведение домашнего хозяйства не укладывается в рамки понятий мужского предназначения. В нынешнее время такой семейной моделью удивить общество крайне сложно.

Роль мужчины в семье и обществе значительно реформирована и далека от модели прошлых веков. В доисторический период в мужчинах, прежде всего, ценилось физическое развитие, так, как кроме того, чтобы быть хорошим охотником и защитником своей территории, по сути, больше ничего не требовалось. Но с развитием человечества меняется и суть мужского предназначения. Далее к модели «мужчина – охотник» вносятся дополнения «воин» и «завоеватель», «стратег» и «ученый». Ранее во все времена эволюции гендера мужчина стоял на ступеньку выше от женщины. Именно сильный пол занимал руководствующие должности и решал вопросы государственной важности.

Мужское предназначение было в том, чтобы покрывать поприща науки и культуры, политики и спорта, образования и медицины, которые, в основном, всецело были отданы в сильные мужские руки, в то время как женщинам приходилось довольствоваться правилом трех К, как говорят в Германии, а именно: Kinder, Küche, Kirche. Что в переводе означает «дети, кухня, церковь» (да и церковь раньше тоже всецело принадлежала мужчинам).

Сильный пол развивался и реализовался в условиях процветающего патриархата. Но приобретая ценные навыки и умения в важных отраслях и сферах государства, мужчины прежнего времени теряли в другом. Отсутствие понятий о домашнем хозяйстве, быте и прочих сферах жизни, отведенных исключительно женщинам, делали представителей сильного пола несамостоятельными в элементарных вопросах практической стороны жизни. Что является разительным отличием от мужчин современного мира, в котором практически не осталось места для гендерных разделений и стереотипов.

С течением времени современное общество сильно упразднило жесткие критерии, по которым определяется образ современного мужчины. С появлением такого социального явления, как феминизм, гендерные распределения ролей становятся не такими яркими. Если женщины могут заниматься работой, которая раньше считалась сугубо мужской, то почему мужчинам нельзя начать реализовываться в «женских» сфе-

рах? Уже никого не удивляет то, что мужчина может самостоятельно вести домашнее хозяйство или разбираться в моде, уметь замечательно готовить или же с удовольствием заниматься воспитанием детей.

Сейчас, чтобы считаться «настоящим мужчиной», вовсе не обязательно отслужить в армии, как считалось в советское время, или ежедневно приносить супруге убитого мамонта, как делали наши предки в еще более давние времена.

Основные качества, которые характеризуют мужское поведение, не очень изменились с прошлых веков. Ими, по-прежнему, остаются сила духа и твердость характера, смелость и ответственность, умение взять решение проблем на себя, защитить своих близких и обеспечить их благосостояние. Настоящий мужчина – это тот, который умеет принимать решение, и полностью берет на себя за это ответственность.

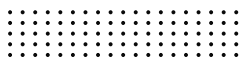
Мужским предназначением в рамках современного общества уже не является умение зарабатывать деньги, чтоб содержать семью, или иметь отличную физическую подготовку, чтоб быть готовым защищать родину. Эти качества, несомненно, очень важны в формировании личности, но только ими ограничиваться не стоит.

Современные мужчины гораздо тщательнее следят за своим внешним видом. В наше время особям мужского пола не зазорно делать маникюр, посещать барберы и подбирать стильный гардероб. Однозначно, уход за своим внешним видом является одной из составляющих образа современного мужчины и гармоничной личности. Ведь, как говорил А. П. Чехов: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...».

Образ современного мужчины кардинально отличается от мужской модели прошлого. Но качества, приписываемые сильному полу раньше, остались практически неизменным. К этому списку умений и навыков «истинного мужчины» добавились некоторые пункты, дополняющие современный мужской образ.

В современных семьях не всегда мужчина берет на себя роль добытчика. Руководствуясь здравой логикой и отбрасывая все вековые стереотипы, семью содержит тот из супругов, у кого лучше получается зарабатывать, кто более успешно продвигается по карьерной лестнице. Как профессиональные, так и бытовые обязанности, в наше время практически поровну распределены между мужчинами и женщинами. Нередко встречаются браки, где основным добытчиком в семье является женщина, а мужчина берет на себя обязанности домохозяина. Готовка еды, уборка дома и воспитание детей не являются чем-то унижительным, недостойным занятием для «настоящего мужчины».

Испокон веков мужчине в семье отведена роль главы семьи, а женщине – хранительницы домашнего очага. Практически все мировые теории и практики

Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.

(эзотерические, психологические, философские или же религиозные учения) берут за основу именно такой тип семьи, где главенствует муж. Такая супружеская модель до сих пор является самой распространенной. На мужчину, как главу семьи, возлагаются определенные обязанности:

- материальное обеспечение членов семьи всем необходимым (полностью освободить жену от трудовой деятельности, чтобы у нее было достаточно времени заниматься домашним хозяйством);
- быть надежной опорой и защитой своим близким;
- духовное лидерство в семье всегда должно оставаться за мужчиной;
- муж обязан проявлять заботу и оказывать помощь старшему и младшему поколению своей семьи и семьи супруги;
- мужчина всегда несет ответственность за внутренний семейный климат и отношения между всеми родственниками;
- на муже всецело лежит удовлетворение потребностей супруги – чувственных, материальных и духовных;
- отец должен принимать участие в воспитании детей, своим примером показывая сыновьям, каким должен быть настоящий мужчина.

Роль мужчины в семье и обществе трудно переоценить. Она занимает определенную позицию, которая оказывает большое влияние на формирование личности. Мужчина, как правило, в большинстве случаев является образцом для подражания. Это человек, на которого хочется походить, равняться, гордиться его наличием. Вот почему присутствие рядом отца так важно для воспитания ребенка. Большинство детей видят в отце гордость и могущество, связанное с всеобъемлющей духовной силой.

Надо заметить, что мальчики с самого маленького возраста пытаются идентифицировать себя с отцом. Роль мужчины они впитывают буквально с пеленок. **Наблюдая за тем, как отец ведет себя в обществе и семье, мальчик учится принимать на себя ответственность за происходящее.** Социальная роль – роль мужчины, который обязательно желает достичь в жизни высоких результатов. По этой причине ребенок мужского пола так любит демонстрировать окружающим свою смелость и отвагу, стремится совершать какие-то неоднозначные поступки. Именно от отца мальчик учится всему, что ему пригодится во взрослой жизни. Невольно он даже частично перенимает черты характера папы, вне зависимости от того, может ли он им действительно гордиться или нет.

Отец для детей представляется такой значимой фигурой, у которой априори не может быть никаких недостатков. **Отцы в глазах своих сыновей не совер-**

шают даже крошечных ошибок, у них не может намечаться никаких опрометчивых поступков. Только много лет спустя, выросший ребенок, как правило, осознает, что в жизни на самом деле все не так просто. Стремление к идеалу продиктовано ролью мужчины. Он представляется таким смелым и могущественным, что на него не просто хочется походить, но и восхищаться его яркой индивидуальностью. Зачастую реальные недостатки мужчины до поры до времени не замечаются. Это происходит по той причине, что женщина часто сама идеализирует отца своих детей.

Общество предъявляет к человеку мужского пола определенные требования. **Намерение реализовать свою подлинную сущность воспринимается окружающими как невероятная самоотдача. Целеустремленность тоже относится к числу социальных ролей мужчины.** В обществе по определению считается, что мужчина должен уметь ставить перед собой решаемые задачи и стремиться к их своевременному решению. Обеспечивать семью материально тоже должен представитель сильного пола. Таковы требования общества. Социальная роль представителя сильного пола часто базируется на выдвигаемых ожиданиях.

Значимость мужчины измеряется не только достижениями, направленными на благо семьи. Его социальная роль гораздо более широкая и многогранная. **Представителю сильного пола необходимо уметь заводить полезные знакомства, которые могут пригодиться в дальнейшем.** Необходимость выстраивать социальные связи нужно для того, чтобы постоянно развиваться. Умение завязывать полезные контакты нередко является крайне нужным и значимым. Только так представитель сильного пола может быть уверен в своем завтрашнем дне, в том, что сможет финансово обеспечить близких людей. Настоящий мужчина всегда берет на себя ответственность за собственное благополучие и счастье своей семьи.

Стремление к самосовершенствованию заложено в природе мужчины. По сути, именно отец должен обучать своих детей азам эффективной работы над собой. Характер тренируется благодаря усилиям воли. Дети, у которых имеется хороший пример перед глазами в виде собственного отца, вырастут сильными духом, целеустремленными личностями, умеющими принимать на себя ответственность за все, что происходит. Общество выдвигает требования к мужчине, согласно которым он сам должен стремиться к постоянному личностному росту. Если представитель сильного пола останавливается в своем развитии, то он уже ничего не сможет дать окружающим. **Природа мужчины заключена в том, чтобы отдавать накопленные знания и мудрость. Семья у него выступает своеобразным стимулом, ради которого и совершаются все действия.** Социальная роль обращена к постоянному

Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.

духовному возрастанию. Самосовершенствование подрастающего поколения в идеале начинается с неосознанного подражания отцу. Именно папа должен сделать своей обязанностью воспитание детей, усвоение ими основных моделей поведения в социальной среде.

Каждому человеку время от времени требуется чья-то помощь и участие. **Роль мужчины в общественном сознании часто соотносится с ролью активного защитника, которому действительно все на свете по плечу.** То есть мужчина должен уметь не просто прийти на помощь семье, когда это требуется, но еще и эффективно поддерживать близкого человека с помощью вовремя произнесенного слова. Только так формируется настоящее доверие, крепнут межличностные связи. Семья здесь выступает в роли основного стержня, который помогает укрепить веру в себя, разглядеть собственные уникальные возможности. Мальчик учится чувствовать уверенность в себе, подражая собственному отцу. Когда ребенок начинает идентифицировать себя с сильным папой, то у него растет ощущение своей значимости и могущественности. Роль защитника действительно позволяет почувствовать себя самодостаточным человеком. Как правило, подобного рода убеждения воспитываются в семье.

Социум часто требует от человека, чтобы он всецело подчинялся когда-то давно установленному образцу поведения. Если его поведение по какой-то причине отклоняется от общепринятой нормы, начинаются серьезные проблемы. Возникает видимое осуждение, формируется неодобрение поступками и действиями. Воспитание характера подрастающего поколения – это тоже роль, которую должен взять на себя представитель сильного пола. К сожалению, не в каждой семье это происходит. Однако на самом деле обязанностью отца является обучать своих сыновей и дочерей чему-то новому. **В отличие от любви матери, любовь отца не имеет такую безусловную природу. Его непревзойденная роль заключается в том, чтобы научить чадо принимать на себя полную ответственность за происходящее, ставить перед собой цели и стремиться к их достижению.** То есть, чтобы отец начал одобрять действия своего отпрыска, тому, безусловно, нужно постараться, приложить определенные усилия. Ведь просто так в этой жизни ничего не происходит. Если мать в любом случае всегда находится на стороне своего ребенка, поддерживает словом и делом, то благосклонность отца еще нужно заслужить. Иногда на это уходит много времени. Многие дети тщетно пытаются доказывать всю жизнь, что их есть за что любить. Собственная индивидуальность и яркие отличительные особенности почему-то мало берутся в расчет.

Большинство выросших детей долгое время пытаются доказывать собственную состоятельность роди-

телям, чтобы те поверили в них. Роль отца при этом является определяющей. Если от него идет поддержка и опора, молодой человек или девушка на самом деле чувствуют себя достаточно защищенными. В противном случае в отношениях непременно появится натаянность, неискренность и чувство ложного престижа. Ведь всякое воспитание характера обязательно начинается в семье. Нигде больше не будет возможным воспитание индивидуальности личности. Поддержка, стремление оберегать друг друга и заботиться – все это закладывается посредством взаимодействия с самыми близкими людьми на свете.

Мужчина так устроен, что ему изначально принадлежит главная позиция в семье. Исходя из этой особенности, его роль является не просто заметной, а определяющей, уже являющейся неоспоримой. **Как правило, представитель сильного пола обладает выраженными лидерскими качествами. Эти особенности побуждают в нем ответственность за все, что происходит с его близкими и родными людьми. Лидер также требует к себе уважения и хочет, чтобы его решение было окончательным в решении важных вопросов.** Способность принимать на себя ответственность делает его роль поистине неповторимой и уникальной. Роль представителя сильного пола в семье не сводится только к контролю и оцениванию. Он обязательно должен направлять, помогать, подталкивать к развитию, как супругу, так и детей. Быть мужчиной – значит, исполнять свою роль главы семейства непревзойденно. Не всякий на это способен. К сожалению, встречаются такие люди, которые не желают решать повседневные проблемы, не хотят взваливать на свои плечи тяжелый груз ответственности.

На сегодня общество характеризуется смешением традиций и современных течений развития. Нередко эти тенденции являются противоречивыми, что накладывает отпечаток на роли, которые свойственны мужчинам.

Сегодня средства массовой информации показывают и активно пропагандируют жизнь преуспевающих во всех сферах жизни мужчин: брак, воспитание детей, карьера. Такая позиция держит современного человека в состоянии постоянного стресса. Ученые считают, что именно поэтому сегодня мужское общество можно охарактеризовать, как «заигравшееся в детство». Боясь потерпеть неудачу, современный мужчина старается отодвинуть во времени принятие важных решений: ответственная работа, уход из родительской семьи, создание собственного семейного очага. На сегодня возраст вступления в брак у мужчин находится в районе отметки 30 лет.

Также равноправие мужчин и женщин в современном обществе приводит мужчину к еще одному страху: женщина может быть более преуспевающей в их союзе. Такая тенденция негативно бьет по самолюбию моло-

дых людей и, как следствие, психологическому здоровью. Кроме того, женщина также посылает неоднозначные сигналы: в ее понимании мужчина все же должен быть главой семьи и нести на себе больше ответственности, чем она, но с ее стороны все также продолжает пропагандироваться равноправие в их союзе.

Сегодня для мужчины причиной для более позднего рождения детей часто является желание не только финансово обеспечивать семью, но и принимать активное участие в самом процессе воспитания. Это происходит из-за смещения роли мужчины в семье от простого добытчика в сторону быта.

Пропаганда здорового и активного образа жизни заставляет современного мужчину уделять себе гораздо больше времени, чем ранее. При этом боясь показаться самовлюбленными, молодые люди скрывают применение косметических средств и косметологических процедур. Хотя число мужчин-любителей салонов красоты с каждым годом растет. Сегодня мужской пол более активно посещает тренажерные залы и занимается различными активными видами спорта.

Желание достичь всего и сразу и тенденции современного развития общества привели к тому, что мужчин можно условно разделить на четыре группы относительно ролей, которые выполняются ими в семье. «Обремененные обязательствами» мужчины играют роль традиционного добытчика в семье, принимающего все основные решения, быта такой мужчина не касается. Ко второй группе можно отнести объединение современности и традиционный подход: мужчина воспринимает семью как команду, где царит партнерство, все же мужчина считается в этой команде главой. «Эгоцентристы» – данная группа мужчин длительное время не заводит своей семьи, но и из родительского дома уходят в раннем возрасте, когда мужчины, относящиеся к группе «ноль обязательств» стараются покинуть свое детство на поздних периодах жизни.

Ученые характеризуют современный этап развития общества как «переходный» к обществу с высокой степенью индивидуализации человека. Все силы сейчас направляются на выделение мужчины из толпы и акцентирования внимания на особенностях его «я».

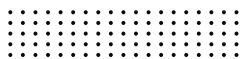
Исходя из опыта прошлых лет, можно сделать вывод, что мужское предназначение осталось таким же, каким и было – обеспечивать и защищать свою семью. Но не стоит забывать, что все люди индивидуальны, если такая модель подходит одному, то это не означает, что она является типичной для всех представителей сильного пола. Мужское предназначение, как впрочем, и просто предназначение человеческое, заключается в реализации своих способностей, своего потенциала и достижении гармонии, прежде всего с самим собой, со своим внутренним «Я». А каким путем баланс будет достигнут – через построение успешной карьеры

или создание крепкой семьи – абсолютно неважно, будет ли индивид известным военачальником или же домохозяином – решать только ему. Главное – выбрать путь, который в итоге приведет человека к счастью.

Таким образом, роль мужчины в семье чрезвычайно велика. Она не измеряется только выполнением своих гендерных обязанностей. Принадлежность к сильному полу часто накладывает на человека определенные стереотипы, заставляет его следовать тем или иным установкам. На самом деле сила характера как раз и заключается в том, чтобы научиться быть самим собой, следовать голосу своей внутренней сущности. При этом абсолютно неважно, к какому полу относится личность.

Литература:

1. Андреева Г. М. К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 19.
2. Антонов А. И. Народонаселение // Большая российская энциклопедия. М. 1994. 640 с.
3. Антонов А. И. Опыт исследования установок на здоровье и продолжительность жизни // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. М., 1989. С. 44.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. 1992. С. 180.
5. Борисов В. А. Демография. М.: Nota Bene. 1990. 272 с.
6. Газизов К. К. Взаимосвязь человеческого капитала и качества жизни. Казань, Казанский государственный финансово-экономический институт, 2011. 10 с.
7. Гоман Е. Ю. Краткий обзор концепций качества жизни // Компетентность. 2012. № 2 (93)
8. Гурбан И. А., Мызин А. Л. Системная диагностика человеческого капитала регионов России: методологический подход и результаты оценки // Экономика региона. 2012. № 4. С. 32–39.
9. Демографический энциклопедический словарь / под ред. Д. И. Валентя. М. 1985. 608 с.
10. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011: Модернизация и развитие человеческого потенциала / Под редакцией Аузана А. А., Бобылева С. Н. М., ПРООН в РФ, 2011. 146 с.
11. Симакина М. А. Трансформация качества жизни в условиях перехода к информационному обществу. М.: Московский гуманитарный университет, 2012.
12. Томских М. С. Концепция качества жизни в трудах представителей постиндустриализма // Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология. 2015. № 2 (42). 168 с.
13. Уляева Л. Г. Психологический индикатор здоровьесбережения личности // Теория и практика физической культуры. 2006. № 6. С. 55.

Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.

14. Цветкова И. В. Здоровье как жизненная ценность подростков // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 106.
15. Шевцов П. А. Уровень и качество жизни населения в Российской Федерации: экономико-статистический аспект. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. 362 с.
8. Gurban I. A., Myzin A. L. System Diagnostics of Human Capital in Russia's Regions: Methodological Approach and Evaluation Results // The Economics of the Region. 2012. № 4. P. 32–39.
9. Demographic Encyclopedic Dictionary / Ed. D. I. Valentia. M. 1985. 608 p.
10. Human Development Report in the Russian Federation 2011: Modernization and Human Development / Edited by Auzana A. A., Bobyleva S. N. M., UNDP in the Russian Federation, 2011. 146 p.
11. Simakina M. A. Transformation of quality of life in conditions of transition to an information society. M.: University of Humanities, 2012.
12. Tomskikh M. S. The concept of quality of life in the writings of representatives of postindustrialism // The Humanities Vector. Serie: Philosophy, Culturology. 2015. № 2 (42). 168 p.
13. Ulyaeva L. G. Psychological indicator of the health of a person // Theory and practice of physical culture. 2006. № 6. P. 55.
14. Tsvetkova I. V. Health as a vital value of adolescents // Sociological research. 2005. № 11. P. 106.
15. Shevtsov P. A. The level and quality of life of the population in the Russian Federation: the economic and statistical aspect. M.: Publishing house of RGTEU, 2011. 362 p.

References:

1. Andreeva G. M. To the question of the relationship between micro- and macrosociology // Problems of Philosophy. 1970. № 7. P. 19.
2. Antonov A. I. Population // Great Russian Encyclopedia. M. 1994. 640 p.
3. Antonov A. I. Experience in the study of attitudes towards health and longevity // Social problems of health and life expectancy. M., 1989. P. 44.
4. Bern E. Games in which people play. People who play games. 1992. P. 180.
5. Borisov V. A. Demography. M.: Nota Bene. 1990. 272 p.
6. Gazizov K. K. The relationship between human capital and the quality of life. Kazan, Kazan State Financial and Economic Institute, 2011. 10 p.
7. Goman E. Yu. A Brief Overview of Quality of Life Concepts // Competence. 2012. № 2 (93)

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Покатов Д. В.

Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия), 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, hystory_and_theory@info.sgu.ru

УДК 316.342.5

ББК 60.541.1-41

Цель. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей и принципов инновационных стратегий современной политической элиты России.

Методы. Выявляя особенности проявления инновационных принципов в управленческой стратегии и практике современной российской политической элиты, автор использует как общенаучные (анализ, синтез, индуктивный и дедуктивный), так и специально-научные, в том числе, сравнительно-исторический и структурно-функциональный, методы.

Результаты. В работе дана характеристика двух базовых парадигмальных форм, чаще всего встречающихся в управленческой практике элит – «экстенсивно-технократической» (традиционалистской) и «инновационной» (социально-ориентированной). На основе сравнительного анализа, выявлены особенности использования принципов инновационного менеджмента в политической стратегии современной политической элиты и дана характеристика социальных факторов, детерминирующих их закрепление и реальное проявление в современной социальной действительности российского общества.

Научная новизна. Выявлены и проанализированы социальные детерминанты, определяющие принципы инновационного менеджмента элиты, а также условия, способствующие и препятствующие их реализации.

Ключевые слова: элита, политическая элита, инновационный менеджмент, управленческие парадигмы, управленческие стратегии.

THE INNOVATIONAL MANAGEMENT IN THE ADMINISTRATIVE MANAGEMENT STRATEGIES AND PRACTICE OF THE MODERN RUSSIAN POLITICAL ELITE: THE POSSIBILITIES AND THE REALITY

Pokatov D. V.

Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of History, theory and applied sociology, Saratov National Research University named after N. G. Chernyshevsky (Russia), 410012, Russia, Saratov, str. Astrakhanskaya, 83, hystory_and_theory@info.sgu.ru

The purpose. This article is devoted to the examination of the peculiarities and principles of the innovational strategies of the modern political elite in Russia.

Покатов Д. В.

The methods. While revealing the peculiarities displaying the innovational principles in the administrative strategy and the practice of the modern Russian political elite, the author uses both common to all sciences (analysis, synthesis, inductive and deductive) and specially-scientific, including the comparative-historical and structural-functional methods.

The results. This work characterizes the two basic paradigm forms which are met in the administrative practice of the elites – “extensive-technocratic” (traditional) and “innovational” (socially oriented) most often. On the basis of the comparative analysis, the peculiarities of using the principles of the innovational management in the political strategy of the modern political elite are revealed and the social factors determining their consolidation and real displaying in the modern social reality of the Russian society are characterized.

The scientific novelty. Both social determinants, defining the principles of the innovational management of the elite and the conditions promoting and preventing their realization, are revealed and analyzed.

Key words: elite, political elite, innovational management, administrative paradigms, management strategies.

В последние годы в российском обществе продолжается процесс глубинных и динамичных изменений, затрагивающих различные общественные сферы и институты. Данные изменения, несомненно, увеличивают значимость управленческих решений в сложно организованных системах, прежде всего, обществе, и тем самым, объективно детерминируют интерес к реализующим эти стратегии группам, к числу которых относится политическая элита.

Сама элитная проблематика, как известно, имеет давние истоки. Отдельные её аспекты в разные годы затрагивали ещё философы и социальные мыслители древнего мира, Средневековья и Нового времени, в том числе, Конфуций, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Т. Карлейль и многие другие. Классические социологические теории элит связывают с именами итальянских мыслителей Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса. Как правило, в своем большинстве многие исследования по элитной проблематике затрагивали как общетеоретические проблемы, в том числе, характерных признаков, функций элитных слоев в общественной жизни, так и социально-политические вопросы, связанные с динамикой развития различных типов элит, их ролью в решении ряда важнейших направлений общественного развития. Появлялись и работы, в которых анализировались отдельные аспекты функционирования политических элит, в том числе, и вопросы реализации парадигмальных установок. Здесь можно вспомнить работы Н. Винера [1, с. 40–47], С. Михайлова [2, с. 52–54], А. В. Понеделькова [3, с. 159–165] и др. Вместе с тем, вопрос о реализации различных форм управленческих парадигм, в том числе и инновационной, применительно к управленческой деятельности политической элиты, социальным условиям и факторам, детерминирующим её эффективное закрепление в общественно-политической практике, остается ещё изученным достаточно слабо.

Отличительной особенностью современного этапа является смена самого вектора управленческой пара-

дигмы, применяемой на различных уровнях общественной организации. Применительно к обществу в целом можно говорить о том, что в предшествующий период доминирующей являлась т.н. «экстенсивно-технократическая» парадигма, направленная на решение всей совокупности управленческих вопросов с использованием преимущественно экономических методов. Она в большей степени предполагает деятельность в границах мало изменяющихся, достаточно централизованных систем. В центре внимания данной парадигмы находятся, в первую очередь, организационно-правовые вопросы и рычаги хозяйственного управленческого механизма (цены, экономические нормативы и т. д.), определяющие инструментальный взгляд на индивида как на средство решения производственных, либо общегосударственных задач. Решение организационных вопросов концентрируется на проблеме модернизации, либо структурной перестройке системы органов власти и управления.

Вторая, «инновационная» (социально-ориентированная), парадигма элитного функционирования предполагает деятельность политической элиты, ориентированную на предвидение изменений и реализацию, в связи с этим, гибких экстренных решений. Главное её отличие заключается в признании ценности индивида и деятельности, направленной на создание условий для раскрытия в наиболее полном виде его возможностей. По сути именно данная парадигма должна включать в себя целый комплекс социально-ориентированных механизмов, призванных повысить заинтересованность и мотивацию различных социальных слоев и групп современного общества [4, с. 9].

На уровне современной элиты достаточно давно созрело понимание необходимости внедрения инноваций в различных сферах общественной жизни. Желая следовать основным общественным трендам, представители федеральной политической элиты стремились на всем протяжении последних 17 лет не забывать подчеркивать необходимость, с одной стороны, социально-ориентированной, а с другой – инновацион-

ной политики. Так уже в мае 2004 года действующий тогда Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию отмечал: «Наши цели абсолютно ясны. Это высокий уровень жизни в стране, жизни безопасной, свободной и комфортной. Это – зрелая демократия и развитое гражданское общество. Это – укрепление позиций России в мире, а, главное, – значимый рост благосостояния граждан» [5, с. 379].

В 2005 году данные приоритеты были дополнены. Уже на совместном заседании членов правительства РФ, руководителей Федерального Собрания РФ и членов Президиума Государственного Совета В. В. Путин подчеркивал, что «концентрация бюджетных и административных ресурсов на повышении качества жизни граждан России – это необходимое и логичное развитие нашего с вами экономического курса» [5, с. 379].

В самом начале президентства Д. А. Медведева (2008–2012 гг.) в «формуле правления» элит стали все отчетливее звучать тезисы о необходимости уделять большее внимание инновациям, инвестициям, институтам и инфраструктуре.

Окончание срока президентских полномочий Д. А. Медведева и вступление в должность Президента РФ В. В. Путина вновь внесло коррективы в управленческую парадигму политической элиты. Одними из главных приоритетов, согласно указу «О долгосрочной государственной экономической политике», объявлялись: рост к 2018 году объема инвестиций до 27 % ВВП, возрастание доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в 1,3 раза, производительности труда – в 1,5 раза по сравнению с 2011 годом. Также говорилось о необходимости появления и модернизации 25 миллионов рабочих мест [6, с. 16–17].

В представленном 1 декабря 2016 года Послании Президента Федеральному Собранию РФ также продолжали звучать социально-ориентированные и инновационные тезисы. В частности, отмечалось, что смысл всей политики, проводимой российскими властными институтами, заключается в сбережении людей, умножении человеческого капитала, поэтому усилия власти направлены, в первую очередь, на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровье людей, развитие образования и культуры [7]. Ряд из отмеченных выше целей, по сути, не был новым, так как в определенной степени повторял базовые идеи, содержащиеся в национальных проектах, предложенных российскому обществу более 10 лет назад.

Вместе с тем, особо было подчеркнуто, что необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это, прежде всего, цифровые, другие так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни. Среди таких направле-

ний в экономической сфере было обращено внимание на необходимость внедрения масштабной системной программы развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики, непосредственно связанной с развитием цифровых компьютерных технологий, в которую входят сервисы по предоставлению онлайн-услуг, электронные платежи, интернет-торговля, краудфандинг и т.д.

Имеющиеся в настоящее время преграды на пути интенсивного развития общества Президент связывал как с внешними, так и внутренними факторами, в частности, дефицитом инвестиционных ресурсов, современных технологий, профессиональных кадров, недостаточным развитием конкуренции, а также закрепляющимися негативными практиками и изъянами делового климата [7].

Ряд из названных выше важных инновационных принципов нашел свое отражение и в Послании Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года, в котором опять было особо отмечено, что одна из главных стратегических целей управления – сбережение народа России и благополучие российских граждан. При этом особое внимание было обращено на динамику изменений в различных сферах, и прежде всего, технологических изменений. По мысли Президента, Россия должна не только прочно закрепиться в пятерке крупнейших экономик мира, но и к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в 1,5 раза [8].

В целом, отмеченные выше инновационные направления особенно ярко иллюстрируют сферу, прежде всего, технологических инноваций. Однако они являются только частью инновационного процесса. Не случайно, крупнейший западный теоретик менеджмента П. Дракер, рассматривая процесс внедрения инноваций в общественной жизни, отмечал, что он, без сомнения, должен учитывать: 1) политику технологического прогресса в национальной экономике, 2) повышение образовательно-квалификационной подготовки работников, 3) инновационный тип управления [9]. Применительно к сфере инновационного управленческого менеджмента, рассматриваемого с социологических позиций, можно говорить о том, что результативность его принципов во многом зависит от состояния, как субъекта (элиты в целом, политических лидеров и представителей бюрократической прослойки), так и объекта управления (общества в целом и отдельных социальных общностей, слоев и групп).

Особенно важным и, здесь нельзя не согласиться с исследователями в области социологии управления, является состояние субъекта управления, от которого и зависит реализация предложенных обществу инноваций. Говоря о субъекте управления, прежде всего, политической элите, особенно важным представля-

ется её профессионально-личностный потенциал, выражающийся в наличии не только важнейших профессионально-творческих, креативных способностей (в том числе, неординарности мышления, predispositions к выполнению лидерских функций, действиям в условиях социальной энтропии), но и перспективных профессиональных показателей, в том числе, высокого уровня и качества профессионального образования (прежде всего, политического, юридического и гуманитарного); имеющегося у представителей элиты политического и административного опыта; а также соответствия основных положений разрабатываемой ей управленческой парадигмы, запросам и потребностям основных социальных слоев и групп общества.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что отмеченные выше характеристики профессионально-личностных качеств элиты не всегда соответствуют заявленным инновационным приоритетам развития общества. Современная российская политическая элита по-прежнему представляет собой группу с явным доминированием технократов, лиц получивших инженерное, сельскохозяйственное или военное образование. В политической элите современной России к гуманитариям можно отнести 17,3 % политиков. Экономисты составляют в ней 11,7 % от общего состава таких деятелей, юристы – 11 %, в то время, как политики-технократы – 39,2 %. Достаточно близкой была и ситуация на региональном уровне. Проведенный автором анализ 344 биографий представителей политической элиты Волгоградской, Самарской и Саратовской областей показал, что, в частности, в Саратовской области удельный вес политических деятелей, имеющих юридическое образование, составлял 9 %, политиков с гуманитарным образованием насчитывалось 16,3 %, с экономическим – 17,2 %, а с медицинским – 6,5 %. В тоже время количество политических деятелей, имеющих техническое образование, равнялось 49 %. В Волгоградской области число элитных деятелей, имеющих техническое образование, составляло 60 %, в Самарской области у 43,8 % представителей политической элиты было техническое образование [10].

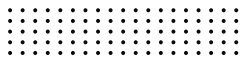
Характер имеющегося у представителей политической элиты образования не являлся случайным, так как по-прежнему преобладающим в её составе слоем (если воспользоваться терминологией американского социолога Ч. Р. Миллса) были профессионалы-практики и политические аутсайдеры, включающие как представителей корпоративных структур, так и деятелей, прошедших значительную школу административно-хозяйственной деятельности (руководителей предприятий АПК и ОПК, менеджеров фирм и корпораций, представителей банковско-финансового капитала) и политиков, активно участвующих в избирательных кампаниях.

Данный элитный потенциал, конечно, не мог не отразиться на реализации инновационной политики, понимании представителями элиты значения многих важных направлений, в том числе, роли науки и образования для перехода на инновационный путь развития, перспективности реализации многих проектов в социальной сфере. Хотя в условиях движения к новому типу общественного развития должна повышаться роль науки и образования, это не приводит к увеличению финансирования данной сферы, и, как следствие, росту числа организаций, осуществляющих технологические инновации. В общей численности организаций (добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа, воды и сферы услуг) их показатель уже в 2007 году составил только 8,5 %. В то же время в Германии данный показатель равнялся 62,6 %, в Великобритании – 43 %, в Финляндии – 51,4 %, в Нидерландах – 35,5 % [11, с. 364–365]. Также в расходах бюджета на 2018 год на долю образования приходится только 3,86 % от общего количества выделяемых средств, в то время как на финансирование правоохранительной деятельности – 11,7 %, а на общегосударственные вопросы – 7,64 % [12].

Весьма неоднозначное представление сложилось у представителей современной политической элиты о применении информационных технологий в сфере управления и социальной коммуникации. В основном это сводится к контролю за работой информационных ресурсов, призванных обеспечить информационную открытость органов государственной власти и предусматривающих работу с обращениями граждан. Однако, как показывают проведенные в последние годы исследования, малая информационная содержательность данных ресурсов, различные бюрократические преграды, приводят к снижению интереса и заинтересованности со стороны населения к данному достаточно важному информационно-коммуникативному каналу.

В целом, хотя потенциал субъекта управления и является достаточно важным для реализации принципов управленческого инновационного менеджмента, не менее важно и состояние объекта управления, т.е. качества организации социальной среды, подготовленности общества к внедрению инноваций.

В современной России сокращение объема инвестиций в наукоемкие сферы сопровождается процессами падения грамотности среди различных социальных прослоек и групп населения России. По данным Росстата, в ряде регионов, особенно Северо-Кавказского округа, доля населения старше 15 лет, не имеющая начального общего образования варьируется от 21 % (среди городского населения Чеченской Республики), до 35 % (среди как городского, так и сельского населения Ингушетии). Происходящие в последние

Покатов Д. В.

годы в социальной структуре российского общества трансформационные процессы приводят к существенному понижению доли высококвалифицированных специалистов в ней. Социальная структура все больше размывается не типичными для неё ранее группами, среди которых выделяются различные прослойки прекариата, включающего, как отмечал в своих исследованиях Г. Стэндинг, временных работников различных, в том числе, и молодежных, возрастных групп, которые, в ближайшее время, не будут подвержены карьерной мобильности, различные слои мигрантов, проживающих на территории страны, лиц, живущих на пособия, для которых весьма характерна жизнь настоящим, сегодняшним днем, отсутствие креативности, шансов карьерного или профессионального роста [13, с. 21]. Отчасти на данные группы и рассчитаны многие предпринимаемые представителями современной элиты управленческие решения. При этом мотивация данных социальных слоев на активное содействие инновационному прорыву, как правило, не становится приоритетной для представителей элитных групп.

Учитывая все сказанной выше, можно говорить, что используемые сегодня принципы инновационного управленческого менеджмента носят во многом формальный характер, что зачастую связано не только с состоянием потенциала самой элиты, но и с отсутствием необходимой мотивации и потребностей со стороны объекта управления – различных социальных слоев и групп российского общества.

Литература:

1. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. 283 с.
2. Михайлов С. Оптимальное функционирование социального управления. М.: Прогресс, 1989. 282 с.
3. Понедельков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы её становления в России. Ростов-на-Дону.: Северо-Кавказский кадровый центр ВШ, 1995. 267 с.
4. Подробнее см.: Покатов Д. В. Политическая элита современной России и формирование новой парадигмы управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 4. С. 8–11.
5. Ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию. 1994–2005. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2006. 400 с.
6. Никитин А. Нас не догонишь // Итоги. 2012. № 21.
7. Послание Президента Федеральному Собранию. [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 15.10.2017).
8. Послание Президента Федеральному Собранию. [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 15.03.2018).

9. Мостовая И. В., Дзыбов К. М. Инновационный менеджмент в современном производстве [электронный ресурс]. URL: <http://www.portalus.ru> (дата обращения 25.01.2018).
10. Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 21–53; Правительство Российской Федерации // Российская газета. 2012. 22 мая. С. 2–4.; Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона. [электронный ресурс]. URL: <http://www.kto.delovoysaratov.ru> (дата обращения 01.10.2017.); Волгоградская областная Дума. URL: <http://www.volgaduma.ru> (дата обращения 01. 10. 2017); Известные люди юга России [электронный ресурс]. URL: <http://www.vipstav.ru> (дата обращения 01.10.2017.); Самарская губернская Дума. [электронный ресурс]. URL: <http://www.samgd.ru> (дата обращения 01. 10. 2017); Правительство Самарской области [электронный ресурс]. URL: <http://www.samregion.ru> (дата обращения 01. 10. 2017).
11. Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
12. Бюджет-2018 в цифрах [электронный ресурс]. URL: <http://www.investorschool.ru> (дата обращения 25. 01. 2018).
13. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

References:

1. Viner N. Man is the manager. St. Petersburg: Peter, 2001. 283 p.
2. Mikhailov S. Optimal functioning of social management. Moscow: Progress, 1989. 282 p.
3. Ponedelkov A. V. Political elite: genesis and problems of its formation in Russia. Rostov / nD.: North-Caucasian Personnel Center VSH, 1995. 267 p.
4. For more details, see: D. V. Pokatov. Political elite of modern Russia and the formation of a new management paradigm // Izvestiya Saratov University. New episode. Series Sociology. Political science. 2009. V.9. № 4. P. 8–11.
5. Annual messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 1994–2005. Novosibirsk: Sib. univ. publishing house, 2006. 400 p.
6. Nikitin A. We can not catch up // Results. 2012. № 21.
7. Message from the President to the Federal Assembly. [e-resource]. URL: <http://www.kremlin.ru> (date of reference 15.10.2017).
8. Message from the President to the Federal Assembly. [e-resource]. URL: <http://www.kremlin.ru> (date of reference 15.03.2018).
9. Mostovaya I. V., Dzybov K. M. Innovative management in modern production [e-resource]. URL: <http://www.portalus.ru> (date of reference 25.01.2018).

Покатов Д. В.

10. Estimated by the author on the basis of biographies published in: Kommersant-power. 2016. №44. P. 21–53; Government of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. 2012. The 22nd of May. P. 2–4; Internet encyclopedia “Who is who in the Saratov region” about the most successful and famous people of the region [e-resource]. URL: <http://www.kto.delovoysaratov.ru> (date of reference 01.10.2017.); Volgograd Regional Duma. [e-resource]. URL: <http://www.volgaduma.ru> (date of reference 01. 10. 2017); Famous people of the south of Russia [e-resource]. URL: <http://www.vipstav.ru> (date of reference 01.10.2017); Camarskaya provincial Duma. [e-resource]. URL: <http://www.samgd.ru> (date of reference 01. 10. 2017); Government of the Samara region. [e-resource]. URL: <http://www.samregion.ru> (date of reference 01. 10. 2017).
11. A. G. Fonotov. Russia: Innovation and Development. Moscow: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2010. 431 pp.
12. Budget-2018 in figures. [e-resource]. URL: <http://www.investorschool.ru> (date of reference 25.01.2018).
13. Standing G. Prekariat. A new dangerous class. M.: Ad Marginem Press, 2014. 328 p.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА МОТИВАЦИЮ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА

Пономарева И. К.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, Пензенский государственный технологический университет (Россия), 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11, rector@penzgtu.ru

Акифьев И. В.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры землеустройства и геодезии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства (Россия), 440028, Россия, г. Пенза, ул. Титова, д. 28, huntersu@yandex.ru

УДК 658.310.823-057.17

ББК 65.291.6-21

Целью данного исследования является изучение и разработка рекомендаций по построению приоритетов развития системы управления мотивацией трудовой деятельности управленческого персонала в современных российских организациях.

Методы исследования: аналитический, графический, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, математические и статистические методы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что на его основе предполагается определить имеющиеся возможности и резервы системы мотивации руководителей и специалистов, разработать рекомендации и предложения, позволяющие повысить научную обоснованность оценки мотивации руководителей и специалистов, направленной на достижение целей организации

Научная новизна данного исследования состоит в рассмотрении способов воздействия на руководителей и специалистов с целью формирования поведения, способствующего достижению целей предприятия.

Ключевые слова: мотивация, управленческий персонал, трудовые нормы, потребности, факторы-мотиваторы, факторы-демотиваторы.

DOMESTIC VIEW ON MOTIVATION OF MANAGEMENT STAFF

Ponomareva I.K.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Penza State Technological University (Russia), 440039, Russia, Penza, Baidukova passage / Gagarin, 1a / 11, rector@penzgtu.ru

Akifiev I.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land Management and Geodesy, Penza State University of Architecture and Construction (Russia), 440028, Russia, Penza, ul. Titova, 28, huntersu@yandex.ru

The purpose of this research potential is to study and develop recommendations on the needs of building priorities for the development of a clear system of management of motivation for the need for work activity in the management of the staff occupied by modern economies of Russian organizations.

Research methods: analytical, graphical, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, mathematical and statistical methods.

Practical realized value of research needs is labor based on the assumption that recognition is based on recognition of the available opportunities and the purpose of the reserves of the motivation system depends on the assessment managers and specialists, develop recommendations and proposals, which allow the most to improve the scientific development of the reasonableness of the motivation assessment, specialists, directed prestige to achieve the goal of the organization gap

The scientific novelty of the transformation of this research staff is to consider the ways need for the impact to become managers and specialist needs with the goal of forming a significant score that contributes to the achievement of the identified goals of the enterprise.

Key words: motivation, management personnel, labor standards, needs, motivational factors, demotivating factors.

Существующая российская модель мотивации труда во многом впитала в себя элементы советской модели стимулирования труда. Однако резкое изменение экономической ситуации в нашей стране, возникновение рыночных отношений повлияло на изменения в системе человеческих ценностей. Многие работники убеждены, что для безбедной жизни важны должность (статус), власть, связи с нужными людьми.

«Актуальность исследуемой проблемы обуславливается тем, что в современных экономических условиях особое значение для развития предприятия приобретают вопросы повышения социально-экономической эффективности управления организацией. Ключевым моментом решения этой задачи в любой организации является выявление и рациональное использование внутрипроизводственных резервов управления. Современная система хозяйствования нуждается в инновационных разработках в области управления резервами предприятия, что в свою очередь, позволило бы предприятию обеспечить высокую эффективность работы, конкурентоспособность и устойчивость. В этом контексте роль управления персоналом в целом и мотивации персонала в частности, состоит в том, чтобы обеспечить поведение работников, необходимое для реализации намерений экономического субъекта [1].»

«Руководители, как правило, пытаются подчеркнуть ответственность всех и каждого за выполнение организационного плана, мотивируя персонал к работе и поощряя достижение хороших результатов. Однако имеющиеся исследования доказывают, что по-прежнему существует значительный разрыв между потенциалом сотрудников и степенью его использования организацией. Чтобы добиться максимального использования потенциала сотрудников, управление персоналом должно стать частью организационной стратегии. Одним из компонентов механизма заинтересованности в достижении максимальных экономических и социальных результатов деятельности предприятия является система мотивации трудового поведения [2].»

Целью данного исследования является изучение и разработка рекомендаций по построению приоритетов развития системы управления мотивацией трудовой деятельности управленческого персонала в современных российских организациях.

«Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач [3]:

1. Подготовка и проработка теоретических основ формирования и развития системы мотивации управленческого персонала.
2. Разработка методологии исследования системы мотивации управленческого персонала.
3. Анализ системы мотивации труда управленческого персонала на предприятиях строительного комплекса г. Пензы.
4. Выявление особенностей развития мотивационного комплекса управленческого персонала.
5. Выявление возможностей и резервов совершенствования системы мотивации управленческого персонала на предприятиях строительного комплекса Пензенского региона.
6. Разработка рекомендаций по совершенствованию системы мотивации управленческого персонала с учетом организационных, экономических и социальных особенностей эффективности объекта исследования.

Объектом исследования является система мотивации трудовой деятельности управленческого персонала обособленных строительных организаций.

Предметом исследования является оценка развития системы управления мотивацией трудовой деятельности руководителей и специалистов.

Научная новизна данной работы состоит в рассмотрении способов воздействия на руководителей и специалистов с целью формирования поведения, способствующего достижению целей предприятия.

«Практическая значимость исследования заключается в том, что на его основе предполагается определить имеющиеся возможности и резервы системы мотивации руководителей и специалистов, разработать рекомендации и предложения, позволяющие повысить научную обоснованность оценки мотивации руководителей и специалистов, направленной на достижение целей организации [4].»

Для формирования трудовой мотивации наибольшую значимость имеет характер усвоенных индивидуумом трудовых норм и ценностей (табл. 1).

Таким образом, очевидно, что способы достижения эффективной мотивации к труду многообразны и зависят в первую очередь от человеческих потребностей, норм и ценностей.

«Занимаемая на период обследования респондентами должность оценена по пятибалльной системе оценки на степень соответствия [5]:

Табл. 1. Ценностные ориентации работников в процессе труда

Показатели	Удельный вес, % потребности	Ранг важности
Потребность в гарантии сохранения места работы	63	1
Потребность в самостоятельной работе	53	2
Потребность в труде как в средстве существования	51	3
Потребность должностного роста	48	4
Потребность в коммуникации с коллегами, авторитет среди коллег	35	5
Потребность в профессиональном продвижении	31	6
Потребность в сохранении устойчивого ядра кадрового состава	31	6
Потребность в признании со стороны непосредственного начальника	23	7
Потребность в авторитете в кругу подчиненных	19	8
Потребность в улучшении жилищных условий	17	9
Потребность в независимости при решении определенного круга производственных и социальных вопросов	14	10
Потребность в труде из чувства долга (моральная ориентация)	14	10
Потребность в принятии управленческих решений	12	11
Потребность в самообразовании	12	11
Потребность в сохранении социального статуса	12	11
Потребность в избегании критики и наказаний	11	12
Потребность участвовать в общественном самоуправлении	8	13
Потребность в получении целевого кредита	6	14
Потребность в реализации способностей	6	14
Потребность в творческом характере труда	5	15

- 1) по уровню знаний и умений – 4,1 балла;
- 2) по личным склонностям – 4,0 балла;
- 3) по интересам и потребностям – 4,0 балла;
- 4) по уровню полученного образования – 3,9 балла;
- 5) по уровню общественной престижности – 3,5 балла».

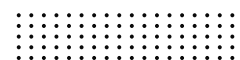
«Из обследованных специалистов в ближайшей перспективе 12 % видят себя руководителями и еще 5 % надеются на карьерный рост. Традиционно в обследованных организациях недопустимо низко оцениваются условия для повышения уровня компетентности специалистов – от 3,17 до 3,57 баллов, что указывает на недопустимое отсутствие внимания администрации и кадровых служб к данному управленческому процессу. Респонденты оценивали отдельно свои производственные и социальные потребности в процессе трудовой деятельности [6].

«Значительная часть персонала отметила в качестве основных компонентов в производственной сфере [7]:

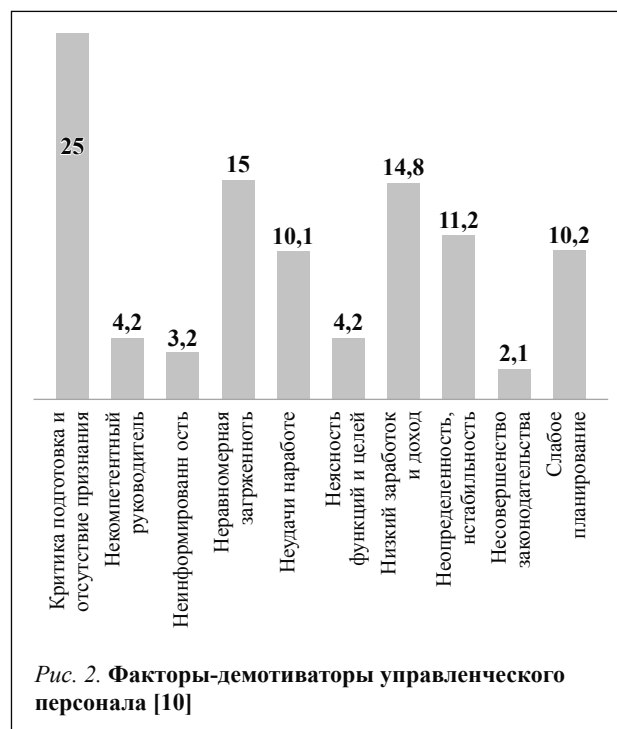
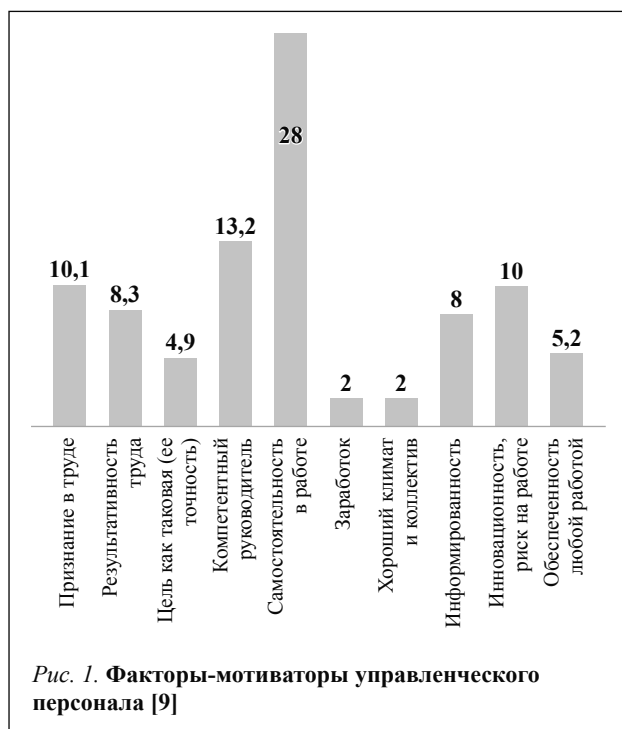
- 1) условия охраны труда на производстве – 4,27 балла;
- 2) признание личных производственных заслуг – 4,21 балла;
- 3) надежность деловых партнеров и заказчиков – 4,12 балла;
- 4) влияние личной деятельности на конечный результат – 4,11 балла;
- 5) доступность системы выплат – 3,97 балла;
- 6) постоянность состава образования трудового коллектива – 3,96 балла;
- 7) возможность творчества и изобретательства – 3,95 балла».

«Определились приоритеты в социальных потребностях в трудовой деятельности: признание со стороны непосредственного руководства – 4,2 балла; признание со стороны коллег – 4,15 балла; устойчивые отношения в трудовом коллективе – 4,13 балла; потребность в бесконфликтной обстановке – 4,09 балла; потребность в продвижении по службе – 3,91 балла [8].

«В работе с персоналом необходимы меры по снижению демотивирующих факторов воздействия. Ведь именно с ними на производстве связаны мотивационные конфликты и снижение эффективности управленческого труда. Более всего руководителей и специалистов демотивируют неопределенность, нестабильность ситуации на производстве (11,2 %), низкий заработок и доход (14,8 %), перегруженность работой в силу комплекса объективных и необъективных факторов (15 %), некомпетентность руководства в вопросах функционирования и преобразования деятельности фирмы (4,2 %), критика и отсутствие признания (25 %), неинформированность (3,2 %), неясность функций и целей (4,2 %), отсутствие возможностей планирования дея-

Пономарева И. К., Акифьев И. В.

тельности (10,2 %) и несовершенство действующего законодательства (2,1 %) (рис. 1,2) [7]».

К практикуемым дополнительным формам поощрения в строительных организациях относят ценные подарки (44,8 %) и отпуска в летнее время или по желанию сотрудника (34,3 %). Сотрудники среди нераспространенных форм называют направление на учебу как в пределах страны – чуть более 5,6 %, так и за границу – около 2,8 %.

К факторам, оказывающим влияние на изменения размера компенсационных выплат, относятся возможности организации (63 %) и производительность труда работника (24,5 %). Особенно плохо, что почти ничего не зависит от личных качеств работника, то есть, и развивать потенциал почти нецелесообразно.

Почти одинаковое количество сотрудников организации вполне ясно представляют себе действующую систему мотивации (38,4 %), представляют, но довольно смутно (40,0 %) и лишь 18,4 % знают только основные критерии своей компенсации.

В новых условиях современных экономических реформ увеличивается разнообразие действующих типов мотивации трудового поведения. По данной типологии выделяется и описывается шесть основных различных типов мотивации.

В основе трудового типа мотивации управленческого персонала лежит базовая потребность в самом труде и содержательности управленческого труда, которая увеличивается по мере роста уровня управле-

ния и связана с желанием творческой личности использовать полностью свои потребности в процессе управленческой деятельности, с возможностью творчески и самостоятельно заниматься любимым делом. Руководителей с трудовым типом мотивации примерно 18 %.

В период перехода к рыночным отношениям, получившим большее распространение типом мотивации является материальный тип (46 %). Смыслообразующей потребностью материального типа мотивации является прагматическая потребность в труде, как средство существования, связанная с формированием дохода и потреблением конкретных жизненных благ, необходимых для самого руководителя и его семьи.

Третий тип мотивации – моральный, свойственен ограниченному кругу личностей, удельный вес респондентов этого типа равен 14 %, то есть их интересует собственно процесс труда как основа реализации способностей, творческий характер труда и влияние личной управленческой деятельности на конечный результат труда. Моральный тип мотивации имеет базовую потребность в общественной полезности самой работы и ее результата.

Статусная мотивация в качестве базовой потребности имеет стремление к достижению и поддержанию определенного социального статуса, служебного положения, престижа. В среднем от 14 % респондентов имеют статусную мотивацию.

В среде руководителей есть незначительная часть людей, для которых потребности, реализуемые посред-

ством трудовой деятельности, имеют разную значимость – смешанный тип мотивации, который может быть выделен в качестве самостоятельного шестого типа мотивации (7 %).

Общим принципом оценки деловых качеств управленческого персонала, оценки его профессионально-квалификационного уровня, как факторов, влияющих на конечные результаты деятельности коллектива, целесообразно избрать подход, когда оценка производится не столько с позиций текущих творческих действий или исходя из того, как они реализуют ближайшие цели, а с позиций способности делать правильный выбор в сложных финансово-коммерческих и других ситуациях, видеть перспективу развития предприятия, условий его функционирования. Эту же проблему решает и организация систематической работы по оценке деятельности менеджеров основного звена хозяйствования с позиций ее качества, результативности эффективности.

Эффективность оценивается через качество результата, т.е. полученный эффект, соотношенный с затратами на управление (ресурсами менеджмента). Соблюдается методологическое единство с определением эффективности управления системой в целом. Обязательным условием оценки выступает определение уровня риска и последствий реализации решений, которые находят отражение в разных сферах жизни общества.

Субъектами оценки деятельности менеджера выступают: вышестоящий менеджер (руководитель); экспертная комиссия (аттестационная, конкурсная); независимые оценочные центры. Методы, используемые при оценке, разнообразны: тесты, деловые игры, представляющие собой теоретические и практические задания (ситуации), имитирующие управленческий процесс.

Информация, используемая для оценки, и методы ее обработки также разнообразны: статистические и фактические материалы; экспертные данные; штатные расписания; отчеты, стандарты и нормативы; регламенты и прогнозы. Следует подчеркнуть, что оценка менеджеров должна проводиться регулярно. Рекомендации, составленные по результатам оценки, важны для каждого менеджера в процессах формирования его карьеры и совершенствования деятельности всей организации. Особое значение результаты оценочных мероприятий имеют для планирования и организации системы мотивации управленческих кадров.

«Социально-экономическую эффективность системы мотивации можно рассчитать по формуле [11]:

$$\mathcal{E} = \mathcal{E}_{об} + \mathcal{E}_{тр} + \mathcal{E}_c + \mathcal{E}_p + \mathcal{E}_m + \mathcal{E}_b + \mathcal{E}_{кв} + \mathcal{E}_{тк} + \\ + \mathcal{E}_{рац} + \mathcal{E}_{зп} + \mathcal{E}_{кач} + \mathcal{E}_{дц} + \mathcal{E}_{си} + \mathcal{E}_{ут} + \mathcal{E}_{рп}$$

где $\mathcal{E}$ – социально-экономическая эффективность;
 $\mathcal{E}_{об}$ – рост объема производства;

$\mathcal{E}_{тр}$ – рост производительности труда;

$\mathcal{E}_c$ – снижение трудоемкости работ;

$\mathcal{E}_p$ – сокращение численности работающих;

$\mathcal{E}_m$ – экономия сырья, топлива, энергии

$\mathcal{E}_b$ – сокращение потерь рабочего времени,

$\mathcal{E}_{кв}$ – повышение квалификации персонала;

$\mathcal{E}_{тк}$ – сокращение текучести;

$\mathcal{E}_{рац}$ – экономический эффект от изобретательства и рационализации;

$\mathcal{E}_{зп}$ – экономия заработной платы;

$\mathcal{E}_{кач}$ – повышение удельного веса продукции высшей категории качества;

$\mathcal{E}_{дц}$ – достижение целей организации;

$\mathcal{E}_{си}$ – снижение издержек;

$\mathcal{E}_{ут}$ – удовлетворенность трудом;

$\mathcal{E}_{рп}$ – увеличение объема реализации продукции».

Проанализировав сложившуюся трудовую деятельность управленческого персонала в современных отечественных компаниях можно сформулировать следующие выводы и рекомендации:

1. Формирование содержания мотивационной модели связано, в первую очередь, с имеющим место на производстве общим кризисом труда, в том числе и управленческого, проявившемся в превращении основной производственной деятельности для управленческого персонала из основы всего образа жизни в не самое эффективное средство для расширенного воспроизводства управленческого потенциала.

2. Систему мотивации трудовой деятельности необходимо рассматривать как целенаправленную и многоцелевую систему, имеющую неоднородные внешние и внутренние цели, самостоятельные подцели отдельных подсистем, многообразие их сочетаний и стратегий достижения.

3. Отдельные элементы подсистемы мотивации труда управленческого персонала имеют еще и многофункциональные связи (например, одна потребность удовлетворяется множеством предлагаемых благ, в то время как одно и то же благо может служить для удовлетворения множества потребностей).

4. Структура целей мотивации управленческих кадров включает четыре основные группы целей: цели деятельности организации (предприятия), цели трудового коллектива, цели рабочих групп и цели отдельных работников. С учетом этого определены состав и последовательность основных этапов функционирования целей мотивации трудового поведения руководителей и специалистов:

- формирование целей руководителя;
- соизмерение целей руководителя и организации;
- оперативная информация о ходе реализации целей;
- самоконтроль и корректировка целей мотивации руководителя.

Пономарева И. К., Акифьев И. В.

5. Основными принципами реализации системы мотивации являются:

- информированность работников;
- контроль затрат на применение модели; прогноз возможного социально-экономического эффекта;
- понятность каждому работнику основ мотивационной модели;
- встроенность мотивационной модели в общую систему достижения цели организации;

6. Целесообразно разделение деятельности кадровых служб на: формальную и неформальную части. В первую, традиционную часть войдут: ведение кадровой отчетности, оформление найма, увольнения, продвижения. Во вторую – инновационная сторона – развитие ценностей подчиненных, преобразующая мотивация труда, постоянная оценка трудового вклада.

Литература:

1. Акифьев И. В., Пономарева И. К. Мотивация как один из основных факторов управления персоналом // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2017. № 1. С. 103–112.
2. Левина С. Ш., Пономарева И. К. Управление мотивацией труда персонала организаций. Пенза, 2010.
3. Лобанов А. А. «Охота за головами», или игры для начальников. Кострома, 2012. 495 с.
4. Михалева О. М. Совершенствование системы мотивации труда профессорско-преподавательского состава вузов (на примере Брянской области): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2009. 22 с.
5. Назарова И. Б. Преподаватели экономических дисциплин: профессиональный потенциал, особенности занятости и трудовой мотивации. М.: МАКС Пресс, 2015. 278 с.
6. Пономарева И., Левина С. Приоритеты управления трудовой мотивацией // Экономист. 2010. № 2. С. 81.
7. Резник Г. А., Акифьев И. В. Влияние культуры на формирование национального благосостояния // Вестник Самарского экономического университета. 2012. № 5(91). С. 84–89.
8. Римская О. Н. Мотивация преподавателей вузов в системе менеджмента качества образования: Монография. Томск: Томский политехнический университет, 2006. 121 с.
9. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией. Учеб. Пособие для вузов. Пер. с англ. М.: Юнити-Дана, 2009. 400 с.
10. Сафонова О. М. Особенности профессиональной мотивации преподавателей экономических вузов // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 152–156.
11. Тряпицына С. Ю. Мотивация персонала в современной организации. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2012. 240 с.
12. Ядов В. А. Отношение к труду, концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 50–62.

References:

1. Akifiev I. V., Ponomareva I. K. Motivation as one of the main factors of personnel management // Education and science in the modern world. Innovation. 2017. № 1. P. 103–112.
2. Levina S. Sh., Ponomareva I. K. Management of staff motivation of organizations. Penza, 2010.
3. Lobanov A. A. "Bounty hunting", or games for superiors. Kostroma, 2012. 495 p.
4. Mihaleva O. M. Improvement of the system of work motivation of the teaching staff of universities (on the example of the Bryansk region): The dissertation author's abstract on the competition of a scientific degree of the candidate of economic sciences. M., 2009. 22 p.
5. Nazarova IB Teachers of economic disciplines: professional potential, features of employment and labor motivation. Moscow: MAX Press, 2015. 278 p.
6. Ponomareva I., Levin S. Priorities management of labor motivation // Economist. 2010. № 2. 81p.
7. Reznik G. A., Akifiev I. V. The influence of culture on the formation of national prosperity // Bulletin of the Samara University of Economics. 2012. № 5 (91). P. 84–89.
8. Roman O. N. Motivation of university teachers in the quality management system of education: Monograph. Tomsk: Tomsk Polytechnic University, 2006. 121 p.
9. Richie Sh., Martin P. Management of motivation. Textbook. A manual for high schools. Trans. with English. Moscow: Unity-Dana, 2009, 400 p.
10. Safonova O. M. Features of professional motivation of teachers of economic universities // Higher education in Russia. 2009. № 9. P. 152–156.
11. Tryapitsyna S. Yu. Motivation of staff in a modern organization. SPb.: ООО "Book House", 2012. 240 p.
12. Yadov V. Attitude to work, a conceptual model and real tendencies. Sociological research. 1983. № 3. P. 50–62.

УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ЦЕННОСТЕЙ: МЕТОД АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ

Ботнарюк М. В.

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, экономики и менеджмента, Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова (Россия), 353918, Россия, г. Новороссийск, пр-т Ленина, 93, mia-marry@mail.ru

Тимченко Н. Ю.

Менеджер коммерческого отдела по обработке импортных грузов, транспортно-экспедиторская компания ООО «Рускон» (Россия), 353922, Россия, г. Новороссийск, ул. Героев-Десантников, 14, Natali123_87@inbox.ru

УДК 658.5

ББК 65.291.21

Цель: предложить методику выявления приоритетности критериев и нахождения наиболее важных для компании ценностей, что усилит результативность принимаемых решений

Методы: исследование базируется на основе метода анализа иерархий, использованы методы полевого (опрос, анкетирование) и кабинетного исследования.

Результаты: на основе анализа результатов исследования опыта российских компаний в направлении применения концепций при построении и функционировании системы управления выявлена необходимость разработки инструментария для решения проблемы согласованности суждений при управлении по ценностям.

Научная новизна: предложен подход, отличительной особенностью которого является использование метода анализа иерархий для выбора наиболее значимых для компании ценностей.

Ключевые слова: система управления, управление по ценностям, согласованность суждений, метод анализ иерархий.

VALUE-BASED MANAGEMENT: A METHOD FOR ANALYZING HIERARCHIES

Botnaryuk M. V.

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Economics and Management, Admiral F. F. Ushakova (Russia), 353918, Russia, Novorossiysk, Prospekt Lenina, 93, mia-marry@mail.ru

Timchenko N. Yu.

Manager of commercial department for handling imported goods, freight forwarding company ООО Ruscon (Russia), 353922, Russia, Novorossiysk, ul. Heroes-Marines, 14, Natali123_87@inbox.ru

Purpose to propose a methodology for prioritizing criteria and finding the most important values for the company, which will enhance the effectiveness of decisions taken

Methods. The study is based on the method of analyzing hierarchies, using field methods (survey, questionnaire) and desk research.

Results. Based on the analysis of the results of the study of the experience of Russian companies in the application of concepts in the construction and operation of the management system, the need to develop tools for solving the problem of consistency of judgments in the management of values has been identified.

Scientific novelty. An approach is proposed, the distinguishing feature of which is the use of the method of analyzing hierarchies for the selection of the most significant values for the company.

Key words: management system, value management, consistency of judgments, hierarchy analysis method.

Ботнарюк М. В., Тимченко Н. Ю.

В сложившихся сегодня далеко непростых экономических условиях, когда борьба за потребителя выходит на совершенно иной уровень, при создании и развитии конкурентных преимуществ компании вынуждены придерживаться новых концепций управления, ориентированных, в первую очередь, на высокую адаптивность хозяйствующего субъекта к макро – и микро-среде. Практика показывает, что реализация данного направления требует, как правило, чтобы усилия, как менеджеров, так и рядовых работников были сосредоточены на постоянной корректировке стратегий, методов, правил и т.д. Однако такая постановка вопроса в конечном итоге в значительной степени отвлекает сотрудников от выполнения непосредственных должностных обязанностей, поэтому вполне закономерным является снижение производительности труда, причем не только вследствие колоссальной загруженности персонала всех уровней, но и по причине его «эмоционального» сопротивления. И если топ менеджмент относится к данной ситуации с пониманием (поскольку работники именно этой категории определяют долгосрочные цели и видят перспективность принимаемых решений), то рядовые сотрудники чувствуют себя не совсем комфортно, поскольку им приходится выполнять дополнительный объем работы без увеличения вознаграждения. При этом считаем важным подчеркнуть, что особенно часто возникает такая ситуация в компаниях, коллектив которых не является сплоченной командой (каждый преследует свои собственные интересы). По мнению авторов, данное явление в российской экономике является достаточно распространенным, характерным для большинства хозяйствующих субъектов вне зависимости от формы собственности и вида деятельности, что подтверждается результатами опроса, проведенного методом полевого и кабинетного исследований. Вместе с тем необходимо отметить, что все не так уж печально, как может показаться на первый взгляд. Полученные результаты демонстрируют наличие у многих (в том числе и достаточно известных в России) компаний стремления практического внедрения кардинально новой для отечественного бизнеса управленческой концепции: «управление по ценностям», достаточно распространенной за рубежом.

Обзор литературы по данному вопросу [1–10] позволяет нам сделать два основных вывода. Во-первых, указанная выше концепция базируется на человеческих ценностях и активно применяется в менеджменте персонала. Во-вторых, она отличается сравнительной «молодостью», так как появилась относительно недавно. Но, тем не менее, уже успела приобрести популярность не только на западе, но и среди отечественных ученых и практиков.

Впервые о ценностном управлении (или об управлении по ценностям) упоминается в работе Т. Питерса

и Р. Уотермана (Thomas J. Peters and Robert H. Waterman, Jr.) [1], представленной широкой аудитории в 1984 году. Авторы изучили опыт деятельности наиболее успешных компаний, добившихся высокой эффективности вложенного в них капитала [1], на основе которого сделали вывод о значимости простоты управления, опирающуюся на общие ценности. В качестве примера они говорят об альтернативе «долгосрочность – краткосрочность», делая акцент на том, что успешные компании далеко не всегда строят долгосрочные планы. Вместо этого они ориентируются в своей работе на систему ценностей «на все времена» [1, с. 238], что обеспечивает эффект в том числе и от минимизации рисков сопротивления управленческим и иным инновациям.

С тех пор разработкой данного вопроса занимались многие исследователи, что позволило выстроить так называемую «лестницу менеджмента», наглядно демонстрирующую эволюцию концепции принятия управленческого решения [9,10]. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать ее детально, так как это выходит за рамки исследуемого вопроса.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть следующее. Во-первых, «лестница» дает характеристику различным подходам в менеджменте от управления по заданиям (начальный уровень) до управления по ценностям (высший уровень, предполагающий достижение максимальной эффективности управления через принятие и следование ценностям, удовлетворяющих интересам, как компании, так и рядовых сотрудников). Во-вторых, под ценностями, в общем, понимают некоторые представления о значимости для индивида (совокупности индивидов) целей, а также об инструментах их достижения целей. В-третьих, уже разработана методология формирования и внедрения на практике системы ценностей. В-четвертых, создана трехмерная модель управления по ценностям [5], включающая этические, экономические, эмоциональные ценности, формирующиеся на трех уровнях: личностный, организационный, социальный.

Вместе с тем до сих пор область создания инструментов управления (и в частности, стратегического) на основе общих ценностей, на наш взгляд, остается до конца не изученной, что и определило актуальность проводимого исследования.

В рамках данной статьи представлены результаты анализа управленческого опыта отечественных компаний, объектами которого были выбраны как ведущие компании страны (вошедшие в двадцатку лидеров по объемам реализации [11]), так и предприятия различных форм собственности и видов деятельности, расположенных на территории морского порта Новороссийск. Выбор именно этих предприятий не случаен, поскольку новороссийский порт является «ареной» конкурентной борьбы морских компаний, стремящихся

завоевать устойчивые рыночные позиции, что требует особого внимания к развитию отношений с потребителем. Но вот на основе каких концепций строится управленческая идеология в этих компаниях нам и предстоит выяснить.

Вначале изучим опыт передовых компаний и в первую очередь «нефтяных» магнатов. Так, установлено, что совместное российско-британское предприятие «ТНК-ВР» ориентируется на такие ценности, как «лидерство» и «производительность», в то время как ПАО «Газпром нефть» делает акцент на «ответственность, честность, лидерство» [12]. Более детальное исследование данного вопроса показало, что «большинство подразделений «Газпром нефти» сегодня находятся на этапе трансляции ценностей» [12], т.е. можно говорить о начальной стадии реализации концепции управления по ценностям.

В ООО «Газпромнефть Снабжение» работа топ-менеджмента оказалась более продуктивной: в этой компании ценностный подход интегрируется в структуру менеджмента с момента основания компании, что было обусловлено необходимостью создания сплоченной команды, провозглашающей общие ценностные установки [12]. Таким образом, очевидно практическое внедрение ценностно-ориентированного управления в полной мере.

НК «ЛУКОЙЛ» провозглашает следующие корпоративные ценности: персонал, экология и технологии, ответственность (за жизни людей и вверенные природные ресурсы в регионах деятельности), открытость и партнерство (во взаимодействии с обществом и заинтересованными сторонами), нравственность [13]. В данном случае четко прослеживается корпоративный дух: забота о людях, экологии, обществе. Но говорить о наличии совместных ценностей (топ-менеджмента и рядовых сотрудников), по мнению авторов, пока еще рано. Поэтому фундамент для внедрения ценностного управления уже заложен, но для его окончательного установления и дальнейшего развития требуется дополнительная проработка в направлении усиления доверия и сплоченности всего коллектива.

Опыт НК «Роснефть» показывает, что компания считает значимым для эффективного бизнеса формирование «благоприятного психологического климата в трудовом коллективе» и создание «условий для реализации потенциала каждого сотрудника» [14]. В качестве общих ценностей в НК «Роснефть» выступают лидерство, результативность, добросовестность, безопасность, направленные на совершенствование корпоративной культуры, повышение уровня лояльности и вовлеченности персонала [14]. Мы не можем точно определить на какой стадии находится реализация в этой компании ценностного управления, но совершенно очевидно наличие признаков ее активного вне-

дрения. При этом отметим, что ни в одной рассматриваемой ранее компании не говорилось о вовлеченности персонала, что априори предполагает базирование на общих для компании и рядовых сотрудников ценностях.

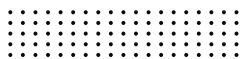
Далее проанализируем опыт предприятий, сфера деятельности которых относится к иным отраслям экономики. Например, ПАО «Сбербанк» – довольно известная компания, занимающая прочные конкурентные позиции в течение многих десятилетий, также ориентирована на управление по ценностям. В частности, разработаны ориентиры, формирующие базу для принятия верных решений, и ценности, рассматриваемые как «внутренний компас, помогающий принимать решения в сложных ситуациях, принципы, верность которым мы храним всегда и везде» [15].

Не стала исключением и ОАО «РЖД», топ-менеджмент которой развивается на основе модели корпоративных ценностей: «мастерство», «целостность», «обновление» [16], при этом каждая ценность предполагает развитие определенных корпоративных компетенций по уровням. Так, для ценности «мастерство» предлагаются компетенции «компетентность» и «клиентоориентированность», которые прописаны для следующих уровней [18]: руководители (уровень 1, 2, 3), рабочие, специалисты (уровень 4).

Группа компаний Новард [17] создала новую модель бизнеса, базирующуюся на надежности, работе в команде, постоянном развитии и совершенствовании, лидерстве, российских духовных ценностях. Компания находится практически на последнем этапе практического внедрения концепции управления по ценностям, так как работники не только «принимают» транслируемые им ценности, но и проходят «корпоративное обучение», решая тематические кейсы.

Опыт российской госкорпорации, являющейся в настоящий момент одним из глобальных технологических лидеров, «Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» свидетельствует о завершении перехода к «ценностному» управлению. Данный вывод базируется на том, что только в 2014 году корпорация сформулировала шесть корпоративных ценностей: «На шаг впереди», «Ответственность за результат», «Эффективность», «Единая команда», «Уважение» и «Безопасность» [18]. Но, уже, начиная с 2015 года, перечисленные выше ценности являются критериями оценки персонала, а также учитываются при найме сотрудников и принятии решений в области HR, декларируя концептуальные основы построения и функционирования управленческой системы компании.

Таким образом, из представленного выше анализа видно, что в ведущих компаниях страны топ-менеджмент стремится к управлению через ценностную ориентацию, хотя в большинстве случаев определить точный «этап» ее внедрения достаточно

сложно вследствие отсутствия возможности сбора достаточного количества релевантной информации.

Результаты эмпирического исследования, проведенные авторами на примере предприятий морской транспортной отрасли, функционирующих на территории новороссийского морского порта (включая их филиалы), показали, что сегодня многие топ-менеджеры идут по пути ценностного управления. Данный факт был установлен вследствие обработки анкет, респондентами в которых выступили менеджеры среднего и высшего звеньев ключевых компаний транспортного узла (стивидорные, экспедиторские, агентские, оказывающие услуги более десяти лет и имеющие устойчивые рыночные позиции). Также в процессе проведения опроса выявлено, что многие компании идут в направлении одновременного использования нескольких подходов. Так, например, некоторые респонденты указали, что они применяют «управление по заданиям», «управление по правилам» и «управление по процессам» комплексно, в зависимости от ситуаций (23 % от общего количества опрошенных). Отдают предпочтение управлению по «целям» порядка 30 %. При этом, исключительно, «целевое управление» отметили всего 4 респондента. Остальные указали «цели» совместно с другими направлениями (правила, задания, процессы). Интересным и несколько неожиданным для авторов оказался результат обработки анкет, содержащих ответ «да» в графе «управление по ценностям»: 10,5 % компаний отметили только эту концепцию, в то время как остальные (36,5 %) также поставили галочки в остальных графах («управление по заданиям, целям, правилам и процессам»).

Таким образом, обобщая полученные методом кабинетного и полевого исследований результаты, очевидным является факт стремления современного российского менеджмента к активному внедрению ценностного управления. Однако не стоит забывать о том, что каждый человек воспринимает одни и те же ценности по-разному. Более того, по-разному он их и ранжирует. И то, что для топ-менеджера представляет особую значимость, рядовыми сотрудниками может восприниматься как нечто второстепенное. В этой связи возникает вопрос о необходимости согласованности суждений, что в итоге приведет к более продуктивным результатам через своевременное определение точного восприятия ценностей каждым сотрудником (группой сотрудников) и требует разработки соответствующего инструментария.

Метод анализа иерархий (МАИ) предложен американским математиком Томасом Саати и включает в себя процедуры синтеза множества суждений, выявления приоритетности критериев и нахождения альтернативных решений [19,20]. На практике он может быть применен для решения задач управления, в том числе в области прогнозирования и стратегического планиро-

вания, поскольку позволяет упорядочить работу лица, принимающего решение, и учесть достаточно сложную систему факторов, влияющих на выбор решения [19, с. 5]. В этой связи авторы предлагают использовать данный метод как инструмент выбора наиболее значимых для всего коллектива ценностей, что позволит сделать систему менеджмента более результативной, поскольку управлять значительно проще при минимальном сопротивлении со стороны подчиненных.

Ранее в работе [21] использование МАИ показано при условии, что вариантами принимаемых решений служили альтернативы. В настоящей статье в качестве вариантов принимаемых решений устанавливаются ценности, выбор которых предлагается осуществлять экспертам: менеджеру высшего звена (коммерческий директор) и ведущему менеджеру по продажам услуг (рядовой сотрудник). Алгоритм применения метода анализа иерархий состоит из нескольких этапов.

Этап 1. Структуризация задачи в виде иерархической структуры с несколькими уровнями (уровень цели исследования – прибыль компании, уровень критериев и уровень ценностей). В качестве пояснения отметим, что:

- ценности: это варианты принимаемых решений. Система ценностей MBV применима к большинству организаций и включает в себя экономико-прагматичные ценности, этико-социальные ценности и эмоционально-развивающие ценности;
- критерии: это способ описания альтернативных вариантов решений или выражения различий между ними с точки зрения предпочтений лица принимающего решение.

Этап 2. Выполнение попарных сравнений элементов каждого уровня. Для попарного сравнения элементов Т. Саати предложена специальная оценочная шкала. Основные суждения имеют величины 1, 3, 5, 7 и 9. Промежуточные суждения имеют величины 2, 4, 6 и 8. Числа из шкалы относительной важности используются, чтобы показать, во сколько раз элемент с большей оценкой предпочтительности доминирует над элементом с меньшей оценкой относительно общего для них критерия. Менее предпочтительный элемент имеет обратную оценку предпочтительности. Таким образом, если x – оценка предпочтения, с которой больший элемент доминирует над меньшим, то $1/x$ – оценка предпочтительности меньшего элемента по сравнению с большим.

Этап 3. Определение векторов приоритетов. Производится расчет «локальных» приоритетов – векторов приоритетов, которые выражают относительное влияние критерия на элемент более высокого уровня – прибыль компании. Формулы для расчета компонентов собственного вектора и нормализованного вектора приоритетов авторы статьи приводят в таблицах 1 и 2 [20, с. 9].

Матрица парных сравнений ценностей по K_i критерию представлена в таблице 2.

Таблица 1. Матрица парных сравнений критериев

	K1	K2	K3	Компоненты собственного вектора	Нормализованный вектор приоритетов
K1	k_{11}	k_{12}	k_{13}	$k_1 = \sqrt[3]{k_{11} \cdot k_{12} \cdot k_{13}}$	$w_{11} = \frac{k_1}{k}$
K2	k_{21}	k_{22}	k_{23}	$k_2 = \sqrt[3]{k_{21} \cdot k_{22} \cdot k_{23}}$	$w_{12} = \frac{k_2}{k}$
K3	k_{31}	k_{32}	k_{33}	$k_3 = \sqrt[3]{k_{31} \cdot k_{32} \cdot k_{33}}$	$w_{13} = \frac{k_3}{k}$
Сумма	$k_1 = k_{11} + k_{21} + k_{31} + k_{41}$	$k_2 = k_{12} + k_{22} + k_{32} + k_{42}$	$k_3 = k_{13} + k_{23} + k_{33} + k_{43}$	$k = k_1 + k_2 + k_3$	

Этап 4. Формирование интегральных коэффициентов по каждой ценности позволяет рассчитать обобщенный коэффициент согласованности локальных приоритетов. Данный этап проводится в несколько шагов:

- 1) суммируют значение каждого столбца матрицы суждений;
- 2) сумму первого столбца умножают на величину первого компонента нормализованного вектора, соответствующего сумме второго столбца, умноженного на второй компонент, и т.д. Полученные результаты складывают и получают значение согласованности $\lambda_{\max}$;
- 3) на основании полученных значений рассчитывают индекс согласованности суждений:

$$U_c = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} \quad (1),$$

где $\lambda_{\max}$ – значение согласованности;
 n – число сравниваемых элементов.

4) сравнивают величину U_c с величиной случайного выбора количественных суждений. Случайная согласованность для случайных матриц разного порядка приведена в таблице 3.

5) рассчитывают отношение согласованности приоритетов:

$$OC = \frac{U_c}{CC} \cdot 100\% \quad (2)$$

где U_c – индекс согласованности суждений;
 CC – значение случайной согласованности.

Качество эксперта оценивается по величине ОС. Величина ОС должна быть не более 20 %. Если ОС выходит за данный предел, то результаты работы таких экспертов рекомендуется исключить из рассмотрения.

Этап 5. Синтез локальных приоритетов. Для этого рассчитывается так называемый глобальный приоритет. Полученные локальные приоритеты работы взве-

Таблица 2. Матрица парных сравнений ценностей по K_i критерию

K_i	Ц1	Ц2	Ц3	Компоненты собственного вектора	Нормализованный вектор приоритетов
Ц1	a_{11}	a_{12}	a_{13}	$a_1 = \sqrt[3]{a_{11} \cdot a_{12} \cdot a_{13}}$	$w_{11} = \frac{a_1}{a}$
Ц2	a_{21}	a_{22}	a_{23}	$a_2 = \sqrt[3]{a_{21} \cdot a_{22} \cdot a_{23}}$	$w_{12} = \frac{a_2}{a}$
Ц3	a_{31}	a_{32}	a_{33}	$a_3 = \sqrt[3]{a_{31} \cdot a_{32} \cdot a_{33}}$	$w_{13} = \frac{a_3}{a}$
Сумма	$a_1 = a_{11} + a_{21} + a_{31} + a_{41}$	$a_2 = a_{12} + a_{22} + a_{32} + a_{42}$	$a_3 = a_{13} + a_{23} + a_{33} + a_{43}$	$k = a_1 + a_2 + a_3$	

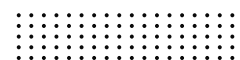

Таблица 3. Случайная согласованность для случайных матриц разного порядка

Размер матрицы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Значение случайной согласованности (CC)	0	0	0,58	0,9	1,12	1,24	1,32	1,41	1,42	1,49

шиваются по значимости факторов, т.е. каждый столбец векторов локальных приоритетов умножается на приоритет соответствующего критерия и результаты складываются.

Процедура синтеза приоритетов имеет следующий вид:

$$W_6 = \begin{bmatrix} w_{11} & w_{12} & w_{13} & w_{14} & w_{15} & w_{16} \\ w_{21} & w_{22} & w_{23} & w_{24} & w_{25} & w_{26} \\ w_{31} & w_{32} & w_{33} & w_{34} & w_{35} & w_{36} \\ w_{41} & w_{42} & w_{43} & w_{44} & w_{45} & w_{46} \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} w_{51} \\ w_{52} \\ w_{53} \\ w_{54} \end{bmatrix} =$$

$$= \begin{bmatrix} w_{11} \cdot w_{51} + w_{21} \cdot w_{52} + w_{31} \cdot w_{53} + w_{41} \cdot w_{54} \\ w_{12} \cdot w_{51} + w_{22} \cdot w_{52} + w_{32} \cdot w_{53} + w_{42} \cdot w_{54} \\ w_{13} \cdot w_{51} + w_{23} \cdot w_{52} + w_{33} \cdot w_{53} + w_{43} \cdot w_{54} \\ w_{14} \cdot w_{51} + w_{24} \cdot w_{52} + w_{34} \cdot w_{53} + w_{44} \cdot w_{54} \\ w_{15} \cdot w_{51} + w_{25} \cdot w_{52} + w_{35} \cdot w_{53} + w_{45} \cdot w_{54} \\ w_{16} \cdot w_{51} + w_{26} \cdot w_{52} + w_{36} \cdot w_{53} + w_{46} \cdot w_{54} \end{bmatrix} =$$

$$= \begin{bmatrix} w_{61} \\ w_{62} \\ w_{63} \\ w_{64} \\ w_{65} \\ w_{66} \end{bmatrix} \quad (3)$$

Для применения на практике представленных выше этапов метода анализа иерархий очень важен человеческий фактор.

Согласно методу анализа иерархий, на рис. 1 представлена иерархия с тремя уровнями, на вершине которой показывается цель исследования, далее следует уровень критериев и уровень ценностей. Ценности определены путем разделения на экономико-прагматичные ценности, этико-социальные ценности и эмоционально-развивающие ценности. В результате проведенного исследования из предложенных ценностей будут выбраны три основные ценности, первоначально (по мнению всего коллектива, а не только топ-менеджмента) способствующие благоприятному развитию компании.

Таким образом, в качестве критериев и ценностей благоприятного развития компании используются следующие:

Критерий №1 – учитывающий величину инвестиционных вложений.

Критерий №2 – учитывающий срок окупаемости стратегии.

Критерий №3 – характеризующий функциональную емкость стратегии.

Критерий №4 – учитывающий ценности компании.

Ценности благоприятного развития компании: планирование, обеспечение качества, самоотдача, приверженность команде, гибкость, принятие и делегирование ответственности.

В таблице 4 представлена матрица парных сравнений по указанным выше критериям.

Рассчитаем значение согласованности $\lambda_{\max}$:

$$\lambda_{\max} = 18 \cdot 0,023 + 13,333 \cdot 0,053 + 8,254 \times \\ \times 0,25 + 1,543 \cdot 0,673 = 4,222$$

По приведенной выше формуле (1) рассчитаем индекс согласованности суждений:

$$U_c = (4,222 - 4)/3 = 0,074$$

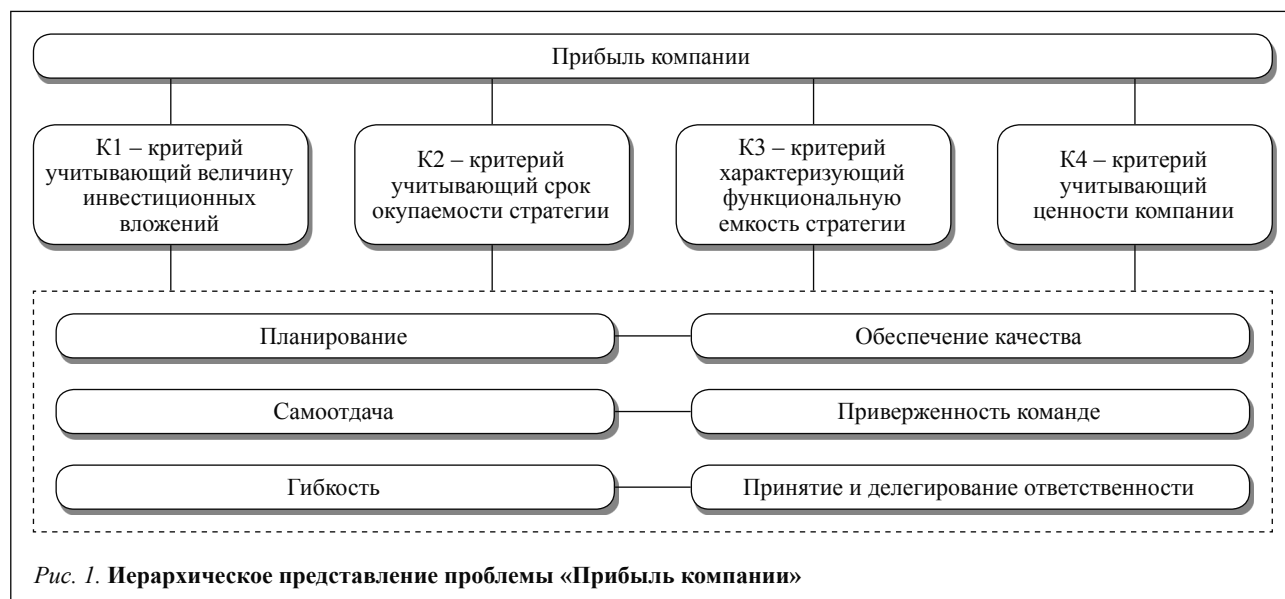
Значение случайной согласованности приведено в таблице 3: CC = 0,9

По приведенной выше формуле (2) рассчитаем отношение согласованности приоритетов:

$$OC = \frac{0,074}{0,9} \cdot 100\% = 8,2\%.$$

В качестве пояснения авторы отмечают, что аналогичным образом строятся матрицы парных сравнений ценностей по каждому из представленных критериев и эксперты отражают в них свои суждения исходя из шкалы относительной важности Т. Саати. Далее, на основании полученных значений, будет рассчитан индекс согласованности суждений $\lambda_{\max}$, будет произведено сравнение U_c с величиной случайного выбора количественных суждений и рассчитано отношение согласованности приоритетов. Данные действия необходимо применить для всех представленных критериев и ценностей.

Из проведенных расчетов видно, что отношение согласованности приоритетов представленных критериев и ценностей не превышает 20 %. Исходя из этого можно сделать вывод, что суждения представленных выше экспертов можно признать достоверными.

На заключительном этапе метода выполняется синтез локальных приоритетов, что предполагает расчет обобщенных или глобальных приоритетов – обобщенные критерии прибыли компании. Синтезирование локальных приоритетов приведено в таблице 5.

Из приведенной выше таблицы 5 видно, что наиболее предпочтительными следует признать ценности №2, №4 и №6. Следовательно, такие ценности как обеспечение качества, приверженность команде и принятие и делегирование ответственности являются, по мнению экспертов, наиболее значимыми ценностями для увеличения прибыли компании. Глобальные приоритеты данных ценностей составляют 0,063, 0,160 и 0,456 соответственно. Таким образом, если усилия руководства будут направлены на трансляцию именно этих ценностей в первую очередь, то продуктивность работы всего персонала будет максимальной.

В дополнение к сказанному выше хотелось бы отметить, что количество экспертов можно увеличить в зависимости от сложности вопроса или численности персонала компании, что делает предлагаемый инструмент универсальным и позволяет добиваться более объективных результатов.

Итак, сформулируем полученные в процессе проведения исследования результаты. Во-первых, сегодня уже сложились предпосылки к тому, что бы отечественные бизнес – структуры активно внедряли в систему менеджмента концепцию «управления по ценностям». Во-вторых, определено, что согласованность убеждений и ценностей менеджеров руководящего звена с ценностями сотрудников является одним из ключевых факторов роста производительности труда коллектива и прибыли компании. Это актуализировало необходимость в разработке соответствующей

Таблица 4. Матрица парных сравнений критериев

	К1	К2	К3	К4	Компоненты собственного вектора	Нормализованный вектор приоритетов
К1 – критерий, учитывающий величину инвестиционных вложений	1	1/3	1/9	1/5	0,195	0,023
К2 – критерий, учитывающий срок окупаемости стратегии	3	1	1/7	1/5	0,441	0,053
К3 – критерий, характеризующий функциональную емкость стратегии	9	7	1	1/7	2,081	0,250
К4 – критерий, учитывающий ценности компании	5	5	7	1	5,593	0,673
Сумма	18,0	13,333	8,254	1,543	8,31	

Ботнарюк М. В., Тимченко Н. Ю.

Таблица 5. Синтезирование локальных приоритетов

Ценности	Критерии				Обобщенные или глобальные приоритеты
	К1. Критерий, учитывающий величину инвестиционных вложений	К2. Критерий, учитывающий срок окупаемости стратегии	К3. Критерий, характеризующий функциональную емкость стратегии	К4. Критерий, учитывающий ценности компании	
Ц1. Планирование	0,034	0,036	0,036	0,034	0,034
Ц2. Обеспечение качества	0,067	0,060	0,054	0,067	0,063
Ц3. Самоотдача	0,081	0,106	0,122	0,081	0,092
Ц4. Приверженность команде	0,151	0,157	0,185	0,151	0,160
Ц5. Гибкость	0,174	0,254	0,167	0,174	0,176
Ц6. Принятие и делегирование ответственности	0,494	0,387	0,367	0,494	0,456

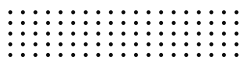
щего инструментария, позволяющего выявить наиболее значимые ценности посредством синтеза мнений сотрудников разных уровней. В-третьих, предложено использовать для обоснования согласованности суждений метод МАИ, представлен алгоритм расчета выбора ценностей на примере экспедиторской компании.

Литература:

1. Питерс Т. Дж., Уотерс Р. В. поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. М.: Альпина Паблишер, 2011. 528 с.
2. Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М.: Претекст, 2008. 320 с.
3. Пригожин А. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Дело АНХ, 2010. 432 с.
4. Кокуева Ж. М. Ценностно-ориентированное управление (Управление на основе ценностей): учебное пособие. М.: Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, 2013. 56 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/31589.html> (дата обращения 10.03.2018).
5. Кабалина В. И., Чеглакова Л. М. Корпоративные ценности в управлении российскими компаниями // Российский журнал менеджмента. 2013. № 3. Т. 5. С. 5–30.
6. Салиенко Н. В., Виноградова Е. Л. Построение системы управления компанией на основе ценностей: ценность личности и коучинг. [Электронный ресурс]. URL: <http://psy-goal.ru/nauchnie-stati/upravlenie-po-tsennostyam/> (дата обращения 10.03.2018).
7. Салиенко Н. В., Ковалев А. М. Социально-ориентированная модель управления предприятием на основе ценностей (трехмерная модель и ключевые факторы MBV) // Социальная политика и социология. 2010. № 6(60). С. 93–100.
8. Чеглакова Л. Организационные и личностные ценности – новые подходы в управлении российскими компаниями. [Электронный ресурс]. URL: <http://tboutique.ru/library/412-181organizacionnye-i-lichnostnye-cennosti-novye-podhody-v-upravleniirossiyskimi-kompaniyami.html> (дата обращения 20.02.2018).
9. Сандригайло Л. З. Формирование компетенций менеджеров на основе концепции управления по ценностям // Февральские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Сыктывкарского лесного института по итогам научно-исследовательской работы в 2014 году. Научное издание. 2015. С. 128–133.
10. От управления по заданиям к управлению по ценностям – лестница менеджмента. [Электронный ресурс]. URL: <http://brandenso.com/management-ladder> (дата обращения 12.02.2018).
11. Эксперт. [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2016-po-obemu-realizatsii-produktsii/> (дата обращения: 15.01.2018).
12. Газпром-нефть. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-neft.ru/company/strategy/> (дата обращения: 15.01.2018).

13. Лукойл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lukoil.ru/Company/CorporateProfile/> (дата обращения: 15.01.2018).
14. Роснефть. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/176213/> (дата обращения: 15.01.2018).
15. Сбербанк. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/about/today/mission/> (дата обращения: 15.01.2018).
16. Новард. [Электронный ресурс]. URL: <http://novard.ru/pressroom/publications/korporativnye-tsennosti-opyt-liderov/> (дата обращения: 15.01.2018).
17. Новард. Миссия. [Электронный ресурс]. URL: <http://novard.ru/corporation/mission/> (дата обращения: 15.01.2018).
18. Росатом. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosatom.ru/about/mission/> (дата обращения: 15.01.2018).
19. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.
20. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.
21. Тимченко Н. Ю. Выбор оптимальных альтернатив развития транспортно-экспедиторской компании ООО «Далк» методом анализа иерархий // Вестник АГУ. 2014. № 6 (141). С. 207–212.
- ru/nauchnie-stati/upravlenie-po-tsennostyam (date of reference 10.03.2018).
7. Salienko N. V., Kovalev A. M. Socially-oriented model of enterprise management based on values (three-dimensional model and key factors MBV) // Social policy and sociology. 2010. № 6 (60). P. 93–100.
8. Cheglakova L. Organizational and personal values – new approaches in the management of Russian companies. [e-resource]. URL: <http://tboutique.ru/library/412181organizacionnye-i-lichnostnye-tsennosti-novye-podhody-v-upravleniirossiyskimi-kompaniyami.html> (date of reference 10.03.2018)
9. Sandrigailo L. Z. Formation of the competences of managers on the basis of the concept of management by values / February readings. A collection of materials of the scientific-practical conference of the faculty of Syktyvkar Forest Institute on the results of research work in 2014. Scientific publication. 2015. P. 128–133.
10. From the management of assignments to management by values – the management ladder. [e-resource]. URL: <http://brandenso.com/management-ladder> (date of reference 10.03.2018).
11. The expert. [e-resource]. URL: https://expert.ru/ratings/rejting-kрупnejshih-kompanij-rossii-2016-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (date of reference 10.03.2018).
12. Gazprom-oil. [e-resource]. URL: <http://www.gazprom-neft.ru/company/strategy/> (date of reference 10.03.2018).
13. Lukoil. [e-resource]. URL: <http://www.lukoil.ru/Company/CorporateProfile/> (date of reference 10.03.2018).
14. Rosneft. [e-resource]. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/176213/> (date of appeal: 15/01/2018).
15. The Savings Bank. [e-resource]. URL: <https://www.sberbank.ru/en/about/today/mission/> (date of reference 10.03.2018).
16. Noward. [e-resource]. URL: <http://novard.ru/pressroom/publications/korporativnye-tsennosti-opyt-liderov/> (date of reference 10.03.2018).
17. Novard. Mission. [e-resource]. URL: <http://novard.ru/corporation/mission/> (date of reference 10.03.2018).
18. Rosatom. [e-resource]. URL: <http://www.rosatom.ru/about/mission/> (date of reference 10.03.2018).
19. Saati T. Decision-making. The method of analyzing hierarchies. Moscow: Radio and Communication, 1993. 278 p.
20. Saati T., Kerns K. Analytical Planning. Organization. Moscow: Radio and Communication, 1991. 224 p.
21. Timchenko N. Yu. The choice of optimal alternatives for the development of the freight forwarding company LLC “Dalk” by the method of analyzing hierarchies // Vestnik ASU. 2014. № 6 (141). P. 207–212.

References:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕСТОРАНА ООО «ПЛАКУЧАЯ ИВА»

Николенко П. Г.

Кандидат экономических наук, доцент, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (Россия),
606340, Россия, Нижегородская область, г. Княгинино, ул. Октябрьская, д. 22, ngiei-126@mail.ru

УДК 338.46:640.432
ББК 65.431.14-59

Цель. Статья посвящена анализу снабжения ресторана материально-техническими ресурсами с применением SWOT-анализа.

Методы. Исследование автор связывает с источниковедческим анализом, SWOT-анализом, моделированием, диагностикой.

Результаты и научная новизна. Исследователем проведен источниковедческий анализ по теоретическим и практическим аспектам материально-технического обеспечения ресторана. Подтверждено, что от организации снабжения ресторана, его регулярности и надежности зависит оптимальный размер запасов сырья и бесперебойное осуществление технологического-обслуживающего процесса потребителей продукцией общественного питания. Автором проведен SWOT-анализ внутренней, внешней среды ресторана ООО «Плакучая Ива», составлена структура логистики снабжения ресторана, на основе интегрирования элементов внутренней и внешней среды.

Ключевые слова: внешняя среда, внутренняя среда, договор, контроллинг, логистика, материально-техническое обеспечение, снабжение, SWOT-анализ.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE MATERIAL AND TECHNICAL SUPPORT OF THE RESTAURANT OF LLC "PLAKUCHAYA IVA"

Nikolenko P. G.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics (Russia),
606340, Russia, Nizhny Novgorod Region, Knyaginino, st. Oktyabrskaya, 22, ngiei-126@mail.ru

Purpose. The article is devoted to the analysis of restaurant supply with material and technical resources using SWOT analysis.

Methods. The author associates the research with source study analysis, SWOT analysis, modeling, and diagnostics.

Results and scientific novelty. The researcher conducted a source analysis on the theoretical and practical aspects of material and technical support of the restaurant. It is confirmed that optimum size of stocks of raw materials and uninterrupted implementation of technological process of consumers with food service depends on the organization of supply of restaurant, its regularity and reliability. The author conducted a SWOT – analysis of the internal and external environment of the restaurant "Weeping Willow", the structure of logistics supply restaurant, based on the integration of elements of the internal and external environment.

Key words: external environment, internal environment, contract, controlling, logistics, logistics, logistics, SWOT analysis.

Современным направлением в ресторанной индустрии можно считать логистику снабжения. Грамотная снабженческая политика обеспечивает своевременное поступление материально-технических

ресурсов, при этом особое внимание обращается на исключение встречных потоков сырья и готовой продукции, которое важно при соблюдении гигиенических требований. При налаживании хозяйственных связей

Таблица 1. Расчет рейтинга поставщиков мяса говядины в ресторан ООО «Плакучая Ива»

Критерии выбора поставщика	Удельный вес критерия	Оценка значения критерия по десятибалльной шкале у поставщика СХК «Красный пахарь»	Оценка значения критерия по десятибалльной шкале у поставщика «Мясоед»	Показатель критерия у поставщика СХК «Красный пахарь»	Показатель критерия у поставщика «Мясоед»
Надежность поставки	0,30	6	7	1,8	2,1
Цена	0,25	8	7	2,0	1,75
Качество товара	0,15	9	7	1,35	1,05
Условия платежа	0,15	10	8	1,5	1,2
Возможность внеплановых поставок	0,10	8	6	0,8	0,6
Финансовое состояние поставщика	0,05	4	5	0,2	0,25
Итого рейтинг	1	–	–	7,65	6,95

важно выбрать поставщика с последующим регулированием двухсторонних обязательств посредством договоров. При формировании службы снабжения в ресторане, следует учитывать отраслевую принадлежность. Элементами снабжения в ресторане выступают: сбор заявок потребностей в ресурсах; контроллинг затрат; составление плана материально-технического снабжения; контроль и координация работы ресторана; выполнение договорных отношений, а также входной контроль, за качеством материальных ресурсов. В управлении снабжением следует производить мониторинг рынков, оценивать поставщиков. Воспользовавшись SWOT-анализом, выявить сильные, слабые стороны бизнес-процессов связанных с логистикой снабжения, определить возможности и просчитать риски, с последующим выбором и реализацией управленческих, антикризисных решений, ведущих фирму к успеху и стабилизации. При диагностике внутренней среды ресторана ООО «Плакучая Ива» с помощью SWOT-анализа можно выявить иерархический уровень корпоративной культуры отдела снабжения. Руководитель снабжения, обладая качествами лидера, в ресторанном бизнесе ведет деятельность к интеграции потенциалов компании. Анализ внешней среды призывает руководство и сотрудников к стратегическому планированию и прогнозированию материально-технических ресурсов. Блоками определения потребности в материально-технических ресурсах выступают: категоричность (класс) ресторана, меню, список-каталог продуктов идущих на приготовление ресторанного продукта, их описание, полезность и ценность. Выбор поставщика ведет к бизнес-процессам: закупкам, учету, расчетам, то есть финансовому контроллингу с применением технологии SMART.

Материально-техническое обеспечение – это экономически ответственный процесс обеспечения предприятия индустрии гостеприимства всеми видами ресурсов в нужные сроки и в объемах, необходимых для обеспечения технологического обслуживания деятельности. Современная служба материально-технического обеспечения, ориентируется, прежде всего, на клиентский спрос и на принципы логистики снабжения. Логистика снабжения в ресторанном бизнесе является новым перспективным направлением [1]. В ресторанной индустрии логистический цикл материальных потоков включает в себя следующие операции: закупку, погрузку, доставку, складирование, предоставление продуктов на кухню, приготовление блюд и их реализация, то есть продажа конкретным клиентам. При организации движения потоков сырья растительного и животного происхождения, товаров продовольственного не продовольственного назначения, следует избегать их, соприкосновение с готовой продукцией, в целях продовольственной безопасности и соблюдения гигиенических норм и правил. Автор солидарен с мнением Д. Р. Сибатулиной, которая утверждает, что успех в получение прибыли любого ресторана напрямую зависит от грамотной политики службы снабжения, поскольку только своевременное поступление качественных продуктов обеспечивает нормальное функционирование предприятия и снабжение необходимыми внеоборотными, оборотными активами. В данном случае в организации хозяйственных связей в сфере сервиса следует опираться на две альтернативы [1]:

первая – это поиск и выбор поставщика, который выступит посредником между рестораном и производителем;

вторая – заключение договоров напрямую с производителями сырья, товаров, технически-сложных основных средств.

Определившись с концепцией ресторана, заведующие производством в зависимости от спроса, сезонности выбирают меню. Опытные рестораторы к выбору поставщиков продуктов, оборудования, мебели подходят очень тщательно. Снабженцы исследуют рынок, сравнивают, отслеживают цены, качество продукции.

В ресторане ООО «Плакучая Ива» рейтинг поставщика рассчитывают при помощи балльной оценки (табл. 1).

Несмотря на то, что поставщик «Мясоед» находится в городе Нижний Новгород, ресторану «Плакучая Ива» выгоднее приобретать мясо у сельскохозяйственного кооператива «Красный пахарь», рейтинг данного поставщика выше на 0,7 балла, по сравнению с поставщиком «Мясоед».

Качественное обслуживание гостей предприятия общественного питания напрямую висит от грамотно-выстроенной работы заведующего производством, который формирует заказы необходимого сырья и товаров от поставщиков. Транзитные поставки материально-технических ресурсов характерны тем, что сырье, покупные изделия и товары в ресторан доставляются непосредственно от поставщика, минуя базы, терминалы. Эта форма широко применяется для поставки в ресторан скоропортящейся продукции: молока и молочнокислых продуктов, полуфабрикатов, безалкогольных напитков, а также муки, сахара, макаронных изделий и других. Технологически-сложное оборудование, крупно-габаритные товары простого ассортимента, не требующие подсортировки также доставляются в ресторан транзитом. Преимущества транзитной формы снабжения состоят в том, что за счет отсутствия дополнительных складских звеньев при транзитной форме сокращается срок нахождения товаров в пути, это обеспечивает сохранение их качества; уменьшает потери, объемы погрузочно-разгрузочных работ, снижает расходы по погрузке и выгрузке товаров и хранению. Недостатками транзитной формы признаются снижение надежности продовольственного снабжения, поставки покупных изделий мелкими партиями. При складской форме товары поступают в ресторан через отраслевые подсортировочно – распределительные базы, терминалы, а затем – на предприятия общественного питания. Во многих случаях товар с отраслевых баз поступает в кладовые головных предприятий, а затем – в их филиалы. Складские поставки позволяют обеспечить ресторан скомплектованной и отсортированной продукцией в необходимом количестве, что способствует сокращению запасов на предприятиях. Существенным недостатком складской формы снабжения является увеличение расходов, свя-

занных с содержанием складских помещений, с перемещением товаров через складские звенья и дополнительными погрузочно-разгрузочными работами.

Огромное значение в регулировании хозяйственных связей принадлежит службе снабжения ресторана. Организационное построение службы снабжения, выполняемый ей набор функций обуславливаются рядом факторов [2]. Главные из которых – отраслевая принадлежность предприятия, тип производства (массовое, серийное, индивидуальное), именно они определяют номенклатуру закупаемого сырья и степень стабильности поставок [3]. Объемы закупок, а также численность сотрудников службы снабжения зависят от размеров производства, спроса на продукцию общественного питания. Специализация и кооперирование производства определяют необходимость создания специальных отделов кооперации и комплектации. От месторасположения ресторана зависит размещение подразделений снабжения, мощность складского хозяйства, наличие подъездных путей, а также средств коммуникации и транспорта. Рациональная организация снабжения ресторана сырьем, полуфабрикатами, продуктами и материально-техническими средствами является важнейшей предпосылкой эффективной и ритмичной работы производства.

В связи с этим, на конкретном примере ресторана ООО «Плакучая Ива» предлагаем провести SWOT-анализ, с целью совершенствования материально-технического снабжения. SWOT-анализ – это метод стратегического контроллинга, позволяющий выявить факторы внутренней и внешней среды организации по четырем категориям: strengths (сильные стороны), weaknesses (слабые стороны), opportunities (возможности), threats (угрозы). SWOT-анализ хозяйственных связей ресторана ООО «Плакучая Ива» предлагаем проводить в четыре этапа.

Первый этап: сбор аналитической информации.

Второй этап: анализ внутренней и внешней среды предприятия (табл. 2 и табл. 3).

Для качественного проведения SWOT-анализа желательно проводить по ряду комплексных параметров (материально-технической базе, поставщикам, технологиям, продуктам, клиентской базе). Такой анализ имеет управленческую и стратегическую ценность, связывает воедино факторы внутренней и внешней среды, сообщает, какие ресурсы и возможности понадобятся предприятию сейчас и в будущем.

Проанализировав внутреннюю среду ресторана ООО «Плакучая Ива» можно остановиться на сильной стороне фирмы – иерархическом типе организационной корпоративной культуры *отдела снабжения*, которая отражает формализованное и структурированное место работы сотрудников снабжения. Такой тип содержит множество иерархических уровней, объединяю-

Таблица 2. SWOT-анализ внутренней среды ресторана ООО «Плачущая Ива»

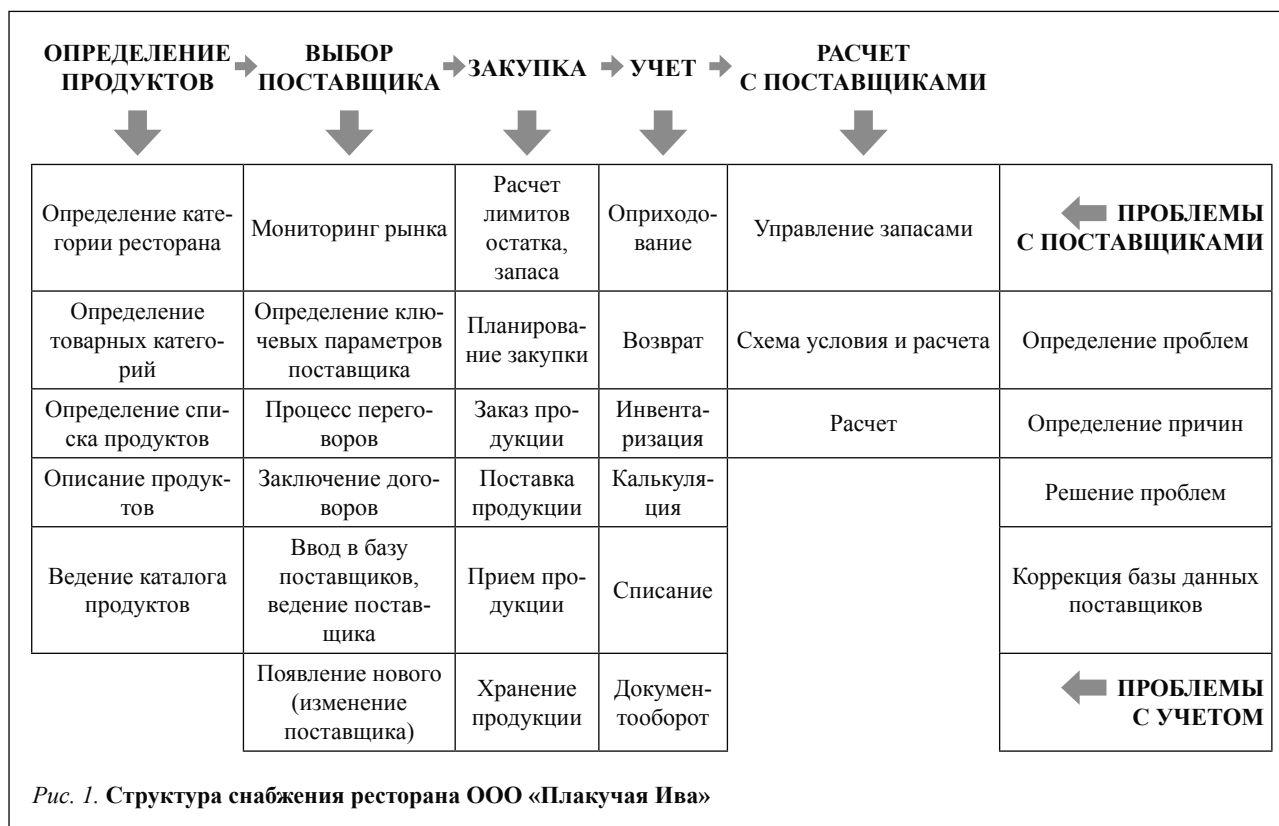
Сильные стороны	Слабые стороны
- развитая техническая, технологическая инфраструктура ресторана; - кадровая инфраструктура состоит из высококвалифицированных сотрудников; - наличие организационно-корпоративной культуры отдела снабжения сформированной по иерархическому типу	- небольшая площадь для проведения событийных мероприятий; - низкий уровень рекламной деятельности; - не большая база постоянных, лояльных клиентов; - низкая обеспеченность складскими помещениями
Возможности	Угрозы
- использование инновационных технологий су-вид (от <i>фр. sous – vide</i>, «под вакуумом»), молекулярной кухни, фудпейринга; - направленность на экологически чистое сырье и продукты (отказ от закупок редких растений, рыб, животных занесенных в Красную книгу); - предоставление качественного сервиса, соответствующего отечественным и мировым стандартам; - ориентация на кулинарный визаж; - использование организационно-экономического механизма нацеленного на импортозамещение сырья растительного и животного происхождения; - использование логистики снабжения; - инновационный характер управления запасами, способствующий минимизации запасов и ориентации на крупного поставщика; - использование закупочной политики организованной по типу just-in-time (точно в срок)	- отток клиентов, в результате жесткой конкуренции на рынке индустрии гостеприимства; - уменьшение клиентской базы, из-за снижения доходов населения; - повышение цен на продукцию общественного питания; - перебои в работе производства; - низкая зарплата в ресторанах; - повышенный режим экономии в оформлении интерьера зала; - отсутствие стратегии развития ресторана; - нестабильный товарооборот продукции общественного питания

щихся при помощи официальных правил и политики, в долгосрочной перспективе ориентированы на обеспечение стабильности, предсказуемости и рентабельности закупок. Этот тип организационной корпоративной культуры в службе снабжения имеет руководителя эффективного лидера. Это человек, способный быть

в одном лице координатором, организатором, наставником, коучингом уверенным в том, что продуманный план снабжения, контроллинг бюджетирования затрат способствует ритмичному ходу деятельности и синергетическому эффекту от интеграции организационных, кадровых, ресурсных, управленческих, логисти-

Таблица 3. SWOT-анализ внешней среды ресторана ООО «Плачущая Ива»

Сильные стороны	Слабые стороны
- удобное месторасположение ресторана; - долгосрочные партнерские отношения с поставщиками	- высокий уровень инфляции; - ограниченный выбор поставщиков сильная конкуренция; - сезонность
Возможности	Угрозы
- заключение выгодных договоров; - стабилизация материально-технологического обеспечения; - предоставление товарного кредита постоянными поставщиками; - развитие научно-технического прогресса в сфере ресторанного бизнеса; - государственная поддержка малого и среднего бизнеса, к которому принадлежит ресторан; - предоставление бизнес-ланча, детские меню, тематические меню; - предоставление услуги on-line заказы обедов в офис; - для управления рестораном используется автоматизированная система управления R-Keeper	- потеря части поставщиков; - появление в торговых сетях отделов внедомашнего питания; - потеря зарубежных поставщиков сырья, оборудования из-за санкций связанных с политическими факторами; - снижение курса рубля; - сокращение срока отсрочки платежей поставщикам, по причине нехватки у них наличных денежных средств; - закрытие ряда офисов, расположенных рядом с рестораном, приводящее к уменьшению количества клиентов - уязвимость ресторанного бизнеса к изменениям в экономической дисперсии, в связи с тем, что потребители начинают затягивать свои пояса

ческих потенциалов. Синергетический экономический эффект может усиливаться при активном использовании рестораторами ООО «Плакучая Ива» прогрессивных технологий управления, например: системы автоматизации обслуживания в зале (фронт-офис), автоматизации бухгалтерского учета (бек-офис) и пр. Практически все крупные предприятия общественного питания используют современные программные продукты, способные контролировать товарные и денежные потоки, а также оптимизировать затраты времени на обслуживание клиентов[4]. Гостевой экран кассовой станции, смена рекламных сюжетов на экране зависит от состава текущего заказа, и напоминает гостю о тех блюдах или группах блюд, которых еще нет в заказе. Конечно, упоминаются те блюда, продажа которых наиболее выгодна предприятию. Динамические меню-борды также позволяют создавать сценарий вывода блюд на LCD-экраны в зависимости от времени суток, дня недели, погоды или других параметров. Технология «электронная очередь» позволяет посетителям вместо привычного ожидания в очереди следить за состоянием своего заказа, посматривая на гостевой монитор[5]. При таком подходе, происходит не видимая связь, по схеме «Клиент – контроллинг снабжения – производство». Предприятию стоит оптимизировать процесс закупок и выбрать систему управления активов по принципу системы

«Кан-бан», для формирования имиджа современного формата заведения.

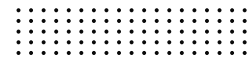
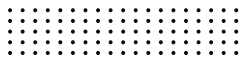
Проанализировав внешнюю среду ООО «Плакучая Ива» можно констатировать, что ресторану необходимо прогнозировать потребности ресурсов, что позволит оптимизировать хозяйственные связи бизнес-процессов, создать инновационные форматы обслуживания и повысить эффективность результата.

Третий этап проведения SWOT-анализа, заключается в сопоставлении сильных и слабых сторон предприятия и факторов внешней среды. Строится матрица на основе стандартной методики, способная усилить имеющиеся возможности, противостоять угрозам, нивелировать риски слабых сторон.

Четвертый этап проведения SWOT-анализа заключается в определении основных направлений, действий, процессов актуальных для эффективного сочетания сил, возможностей, угроз и слабостей. Слабые, сильные стороны в индустрии питания нужно связывать с восприятием фирмы, ресторанного продукта, сотрудников клиентами, а в свете предложений – с конкурентами.

В организации продовольственного снабжения ресторана следует выполнять требования:

- обеспечивать широкий ассортимент сырья, материалов надлежащего качества в течение года, способ-

Николенко П. Г.

ствующего обеспечению функционального, технического, технологического качества;

- соблюдать график завоза материально-технических ресурсов;
- оптимизировать выбор поставщиков и своевременно заключать с ними договора на поставку товаров и двухстороннее выполнение обязательств.

В структуре логистики снабжения ресторана ООО «Плакучая Ива» присутствуют элементы, которые интегрируют внутреннюю и внешнюю среду предприятия (рис. 1). Грамотно выстроенная структура логистического снабжения ресторана ООО «Плакучая Ива» способствует организованному процессу закупок, поставок материально-технических ресурсов и ведет к эффективным результативным хозяйственным связям предприятия.

Сильной стороной логистики снабжения будет процесс, когда ресторанный продукт, имидж ресторана заметит рынок, а качество обслуживания станет визитной карточкой и непреодолимой силой для конкурентов.

Итак, эффективная, успешная работа ресторана требует бесперебойного снабжения материально-техническими средствами, ротации оборудования, мебели, инвентаря, спецодежды в соответствии с эксплуатационными параметрами, износом. Учитывая маркетинговый подход, снабжение ориентируется на брендовые элементы: наличие логотипа на форменной одежде, столовой посуде, и др. От рациональной организации материально-технического снабжения зависят выполнение производственной программы ресторана (задания), нормирование, качество блюд в соответствии с рецептурами, культура обслуживания потребителей. В логистику-снабжения ресторана входят: определение потребностей в сырье и продуктах, выбор поставщика, закупка, учет, расчеты с поставщиками с ориентацией на технологию контроллинга и модель SMART.

Литература:

1. Сибатулина Д. Р. Системный анализ в логистике снабжения ресторанного бизнеса // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 656–659. [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/88/17282/> (дата обращения 29.12.2017).
2. Тюкаев Д. А. Методологические основы стратегического управления системами материально-технического обеспечения атомных электростанций в условиях

неопределенности: Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2014. 362 с.

3. Ермалинская Н. В. Система управления материально – техническим снабжением предприятия: теоретическое обоснование структуры и анализ ее методического обеспечения // Журнал Вестник Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухого 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-upravleniya-materialno-tehnicheskim-snabzheniem-predpriyatiya-teoreticheskoe-obosnovanie-struktury-i-analiz-ee>. (дата обращения 29.12.2017).
4. Шарохина С. В. Инновации в сфере общественного питания, как фактор стратегического управления // Интернет-журнал «Науковедение». (май – июнь 2017) Т. 9. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru> (дата обращения 29.12.2017).
5. Ретуева Г. Автоматизация ресторанов: итоги 2013-го // Рестораны ведомости. 2014. № 1. С. 13–17.

References:

1. Sibatulina D. R. System analysis in supply logistics of restaurant business // Young scientist. 2015. № 8. P. 656–659. [e-resource]. URL <https://moluch.ru/archive/88/17282/> (date of reference 29.12.2017).
2. Tyukaev D. A. Methodological fundamentals of strategic management of systems of material and technical support of nuclear power plants in conditions of uncertainty: Thesis for a scientific degree of Doctor of Economics. M., 2014. 362 p.
3. Ermalinskaya N. V. The material and technical supply management system of the enterprise: the theoretical substantiation of the structure and analysis of its methodological support // Journal of the Bulletin of the Gomel State Technical University. BY. Dry 2015. [e-resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-upravleniya-materialno-tehnicheskim-snabzheniem-predpriyatiya-teoreticheskoe-obosnovanie-struktury-i-analiz-ee>. (date of reference 29.12.2017).
4. Sharokhina S. V. Innovations in the field of public catering as a factor of strategic management // Internet-journal “Naukovedenie”. (May – June 2017) V. 9. № 3 [e-resource]. URL: <http://naukovedenie.ru> (date of reference 29.12.2017).
5. Retueva G. Automation of restaurants: the results of 2013 // Restaurant news. 2014. № 1. P. 13–17.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи должны быть написаны на актуальную тематику по направлениям (политология, экономика, социология, право), но в содержательном отношении обязательно связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи по иным направлениям науки, помимо перечисленных (например, по истории, психологии, проблемам высшей школы).

2. Автор представляет статью в электронном варианте (на диске (CD диске) в формате .doc или по электронной почте по адресу nvestnik@uara.ru). Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

3. Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

4. Объем статьи должен составлять не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, **шрифт Times New Roman 14 кегль, 1,5 интервала, поле со всех сторон 20 мм, текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов, с абзацным отступом 1,25 см**)

5. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4.

6. Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения. Электронный вариант

каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле. **Оформление таблиц – шрифт Times New Roman 12 кегль через одинарный интервал.**

7. Название статьи указывается первой строкой, выравнивание по ширине (жирным 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные строчными. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия (имя и отчество автора – инициалы), место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются).

8. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 8–10 источников.

9. **Пристатейный библиографический список** – обязательный элемент статьи, он входит в общее количество страниц. Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description), установленные на февраль 2013 года. Например:

- Агафонова Н.Н. Гражданское право: учеб. пособие для вузов / под. общ. ред. А.Г. Калпина. М-во общ. и проф. образования РФ, Моск. гос. юрид. акад. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 542 с.
- Гонтмахер Е. Судьба российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту [электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (дата обращения 23.01.2008).
- Орехов С.И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2006 [сайт]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf> (дата обращения 10.01.2007)
- Абрамов А.М. Молчание профессионалов // Независимая газета. 2010. 27 мая.
- О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненецкого автономного округа от

Примеры структурированных аннотаций:

1 Мороз П. А. Анализ противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса

Цель. Изучение причин возникновения кризисных явлений в странах-участниках ЕС и противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик в преодолении последствий современного кризиса.

Методы. Проанализирована динамика экономического развития Еврозоны на основе сопоставления макроэкономических показателей Греции, Кипра и других стран ЕС, а именно, объемов номинального валового внутреннего продукта, валового государственного долга, динамики инвестиций в экономику, уровня безработицы, индекса потребительских цен и т. д.; определены «зоны риска» для тех стран, экономика которых наиболее поражена кризисом.

Результаты. Исходя из динамики базовых макроэкономических индикаторов, на основе научно обоснованных подходов и экспертных оценок, а также собственных выводов, исследована взаимосвязь между целями бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в современных кризисных условиях развития экономики Еврозоны. Сравнивая последствия финансиализации современной экономики с последствиями перепроизводства в реальном секторе развитых экономик во времена Великой депрессии (30-е гг. XX в.), делается вывод относительно наличия противоречий в реализации бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи между бюджетной и денежно-кредитной политиками, когда использование различных инструментов и имплементация механизмов обеих политик подчиняются единой цели – преодолению последствий современного кризиса и обеспечению устойчивого экономического роста стран-членов ЕС в дальнейшем.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. Vol. 16. №1.

Цель: исследование направлено на анализ развития документооборота в рамках финансовой отчетности в двух больницах, финансируемых государством, в Новом Южном Уэльсе за период с 1857 году после 1975 году.

Методология и методы: ретроспективный анализ основан на технологических и концептуальных изменениях финансовой отчетности в указанный период. В качестве основного подхода используется теория «заинтересованных сторон», в основу анализа положены как первичные, так и вторичные данные.

Результаты и область применения: в данном исследовании приводится исторический контекст последних разработок отчетности и подотчетности в государственном секторе Австралии. В частности, подробно рассматривается вопрос ведения учета по методу начисления, что дает представление о природе трансформации бухгалтерского учета в организации государственного сектора, что может быть экстраполировано на организации иных форм подведомственности и собственности.

Научная новизна: выявлены закономерности изменений (и стабилизации) финансовой отчетности в больнице, связанные с социальным и политическим контекстом.

3 Курицева Ю. Е. Долгосрочные последствия реструктуризации градообразующих угледобывающих предприятий (на примере муниципальных районов Пермского края)

Цель. Выявление и оценка интенсивности долгосрочных последствий реструктуризации угледобывающих регионов, проводимой в условиях рыночной трансформации.

Методы. Исследование базируется на методах теории функциональной специализации поселений и теории реструктуризации. Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты и практическая значимость. Выявлены тенденции социально-экономического развития муниципальных районов Пермского края угледобывающего профиля в условиях реструктуризации. Обоснованы факторы, усиливающие негативное влияние программ реструктуризации на территориальное развитие. Выявлены территории, в наибольшей степени пострадавшие в результате проведения реструктуризации, и ключевые недостатки реализованных программ территориального развития.

Научная новизна. Раскрыты долгосрочные негативные последствия реализации программ реструктуризации при отсутствии четко обоснованных механизмов территориального развития. Обоснована специфика влияния программ реструктуризации градообразующих предприятий на различные элементы сложных пространственных систем расселения.

Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

19 мая 2006 года № 721-ОЗ // Собрание депутатов Ненецкого автономного округа. 2008. 24 мая.

- Россия и мир: гуманитар. проблемы : межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т вод. коммуникаций. 2004. Вып. 8. С. 64–81.
- Фенухин И. В. этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 178 с.
- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 июля 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
- Шпер В. Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях // Методы менеджмента качества. 2002. № 1. С. 43–47.
- О введение надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [электронный ресурс]: указание Министерства социальной защиты Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они даны в источнике информации.

10. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском:

- а) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора **с переводом на английский язык**. Аннотация должна соответствовать требованиям ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования» (см. «Примеры структурированных аннотаций»). Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы. Последовательность пунктов аннотации может быть изменена.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов исключительно общепринятой терминологии. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи.

- б) ключевые слова и словосочетания (не более пяти) **с переводом на английский язык**;
- в) пристатейный библиографический список **с переводом на английский язык**.
- г) сведения об авторе в следующей последовательности: ФИО (полностью), место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, рабочий телефон, адрес электронной почты **с переводом на английский язык**.

Дополнительные сведения к статье оформляются шрифтом Times New Roman 14 кегль, через 1 интервал, выравнивание по ширине.

12. Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

13. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами Уральского института-филиала РАНХиГС или других ВУЗов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора/кандидата наук соответствующего профиля. Решения о публикации, направленных в журнал материалов, принимает редакционная коллегия. Основанием для отказа в публикации материалов могут служить:

- а) несоответствие представляемого в редакцию материала тематике журнала
- б) несоответствие представляемого в редакцию материала требованиям, установленным редакцией журнала к публикации

Автор информируется об отклонении материалов, не соответствующих требованиям, установленным редакцией журнала.

Авторам бесплатно высылаются один авторский экземпляр журнала. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается. Дополнительные экземпляры можно приобрести, сделав соответствующий заказ в редакции.

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, к. 25,
тел. (343) 251-78-48
e-mail.: nvestnik@uapa.ru

REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL

1. Articles should be written on actual subjects indicated in the title of the journal in the areas of eg (political science, economy, sociology and law), but must be connected with an administrative subject (management of political, social, economic processes, legal regulation of various spheres of society and the state, current problems of state policy of modern Russia and corporate management). The editorial board reserves the right to publish articles in other areas of research besides those listed (for example, on philosophy, history, psychology and problems of higher education).

2. The Author should submit the article in an electronic form (on a diskette or CD disk or by E-mail *nvestnik@uapa.ru*) and on paper (1 copy). Other means of submission are not accepted. The editors do not return manuscripts, CD's and diskettes.

3. Requirements for the structure of the article:

- formulation of the problem in general and its connection to important scientific and practical tasks;
- analysis of recent research and publications, which laid the foundation for solving this problem;
- selection of the unsolved parts of the problem which the article is devoted to;
- formulation of purposes of the article (problem definition);
- basic material of research with full justification of scientific results;
- conclusions of this study and the prospects for further development in this direction.

4. The length of the article should be no more than 1 printed page (40,000 characters including spaces, **font Times New Roman size 14, spacing 1.5, 20 mm margins, the text should be justified without hyphens, with paragraph indentation 1, 25 cm**).

5. Illustrative materials (figures, drawings, schedules, diagrams, schemes) must be submitted in electronic format. All figures should have consecutive numeration.

6. Figures should be presented in the form of a table. Tables should not be large. Each table should have a serial number and a title. Numbering of tables should be consecutive. Abbreviations are not permitted except for units of measure. The electronic version of each table and figure should be submitted as a separate file. **Making tables – font Times New Roman 12 pt single-spaced.**

7. The title of the article should be centered and underlined in bold, font size 14. Only the first letter of the title should be capitalized, the others lower case. In the top right corner above the title, the full name of the author should be written in full. This should be followed

by the author's institutional affiliation, position, degrees if appropriate.

8. Footnotes should be placed in square brackets at the bottom of each page, with the number that corresponds to the number of the source in the bibliography, together with a page reference, the bibliographic list and page or article reference, for example: [8, p. 16], [8, article 16]). Usually the list of references must be at least 8–10 sources.

9. **A bibliography** is essential and is included in the total number of pages. The bibliography must be placed at the end of article in their order of appearance in the text, (not alphabetically and nor hierarchy of sources). Do not duplicate names, do not specify with the same number several sources or sources of literature used. Making the bibliography must meet the requirements of bibliographic description ISBD (International Standard Bibliographic Description), established by February 2013. For example:

- Agafonov N. N. Civil law: a textbook for high schools / Under the editorship of Kalpin A. G. The Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow State Law Academy. Second edition, revised and enlarged. M.: Jurist, 202. 542 p.
- Gonthmaher E. The fate of the Russian state depends on will the new presiden be able to update the Russian political elite [E-resource]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (date of access 23.01.2008).
- Orekhov S. I. Hypertext way of organizing virtual reality [E-resource] // Vestnik of Omsk State Pedagogical University: electronic scientific journal. 2006 [website]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf> (date of access 10.01.2007).
- Abramov A. M. Silence of professionals // Neza-visimaya gazeta. 2010. May 27.
- On Amending Article 30 of the Law of the Nenets Autonomous District “On State Service of the Nenets Autonomous District “: the law of the Nenets Autonomous District from May 19, 2006 № 721-RL // Assembly of Deputies of the Nenets Autonomous District. 2008. May 24.
- Russia and the World: the humanitarian problems: Interuniversity collection of scientific papers / St. Petersburg State University of Water Communications. 2004. Issue 8. P. 64–81.
- Fenuhin I. V. Ethno-political conflicts in modern Russia: the example of the North Caucasus region: the dissertation for the degree of candidate of political sciences. M., 2002. 178 p.

Examples of structured abstracts:

1 Moroz P. P. Analysis of the contradictions of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis

Purpose. Study of the causes of the crisis in the EU member countries and contradictions of fiscal and monetary policies in overcoming the consequences of the present crisis.

Methods. Analyzed the dynamics of the euro area economic development based on a comparison of macroeconomic indicators in Greece, Cyprus and other EU countries, namely, the volume of nominal gross domestic product, gross public debt, dynamics of investment in the economy, the unemployment rate, consumer price index, etc., “risk zone” for those countries whose economies most affected by the crisis are defined.

Results. Based on the dynamics of basic macroeconomic indicators, based on evidence-based approaches and expertise, as well as own conclusions, investigated the relationship between the objectives of fiscal and monetary policies of the EU in the current crisis conditions of economic development in the Eurozone. Comparing the effects of financialization of the modern economy with the consequences of overproduction in the real sector of developed economies during the Great Depression (30-ies. Twentieth century.) author concludes the existence of contradictions in the implementation of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in studying the relationship between fiscal and monetary policy, where the use of various tools and mechanisms for implementation of both policies are subject to a common goal – to overcome the consequences of the present crisis and sustainable economic growth in the EU in the future.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Purpose: study aims to analyze the development of workflow within the financial reports in two hospitals, financed by the state, in New South Wales for the period from 1857, after 1975.

Methodology and Methods: A retrospective analysis based on technological and conceptual changes in the financial statements during the period. As a basic approach uses the theory of “stakeholders”, analysis is based on both primary and secondary data.

Results and Applications: This study provides the historical context of the latest developments of reporting and accountability in the public sector in Australia. In particular, discussed in detail the issue of accounting on an accrual basis, which gives an idea about the nature of the transformation of accounting in public sector organizations, which can be extrapolated to other forms of jurisdiction and property.

Scientific novelty: the regularities of changes (and stabilization) of the financial statements in the hospital associated with the social and political context are identified.

3 Kuritseva Yu. E. Long-term effects of restructuring city-mining enterprises (on example of municipal districts of Perm region)

Purpose. Identification and evaluation of the intensity of the long-term impacts of restructuring the coal-mining regions, carried out in the conditions of market transformation.

Methods. The study is based on the methods of the theory of functional specialization of settlements and the theory of restructuring. For the calculation methods were used economic and statistical analysis.

Results and practical significance. The tendencies of socioeconomic development of coal profile municipalities of Perm region under restructuring are identified. Justified factors that increase the negative impact of structural adjustment programs on territorial development. Identified areas most affected by restructuring, and the key disadvantages of territorial development programs implemented.

Scientific novelty. Disclosed a long-term negative consequences of the implementation of restructuring programs in the absence of clearly justified mechanisms of territorial development. Substantiated specifics influence programs of enterprise restructuring on various elements of complex spatial systems of settlement.

Author’s abstract designed to serve as an independent source of information!

- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- On Arbitration Courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 28 April 1995 № 1-FCL (as amended on July 12, 2006) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1995. № 18. Art. 1589.
- Shper V. L. Again about the quality, definitions and related matters // Methods of Quality Management. 2002. № 1. P. 43–47.
- On the introduction of allowances for complexity, intensity and quality of the work [E-resource]: designation of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated June 14, 1992 № 1-49-D. The document has not been published. Access of legal reference system “ConsultantPlus”.

The numbered order of references in the text should be the same in the Bibliography.

10. For statutory acts in the list, both original and most recently amended version should be included.

11. In addition to the text of the article, the author should submit in a separate electronic file the following information in Russian:

- a) abstract must indicate the title of article, surname and initials of the author **with an English translation**. The abstract must meet the requirements The state standard 7.9-95 «Summary and abstract. General requirements». Abstract includes the following aspects of the content of the article: the subject, the purpose of work, method or methodology of work, results, the field of application of results, conclusions. The sequence of abstract can be changed. Volume of abstract should be between 200 to 300 words of accepted terminology only.

Abstract text should not repeat the title and text of the article.

- b) Keywords and word combinations (no more than five) **with an English translation;**
- c) Bibliography **with an English translation;**
- d) Author details – full name, position and institutional affiliation and, contact information (postal address, e-mail address, and phone contact) – **with an English translation.**

Additional information to the article are made in font Times New Roman size 14, spacing 1, width adjustment.

12. The author is responsible for the authenticity of information.

Articles directed to the editor without the requirements of these terms of publication, are not accepted

13. Articles are subject to external review and by members of the editorial board and Ural institute branch of RANEPa experts in corresponding subject areas. Article sent for review without name and other data to identify the author. The author have the right to familiarize with performed review. The author may submit a certified review of scientific adviser, Doctor / Candidate of Sciences of corresponding profile. Decision to publish the article takes the editorial board. 12. Decision on the publication of the materials submitted is taken by the editorial board. Reasons for a decision against publication may include:

- a) a discrepancy between the subject of the article and the fields covered by the journal
- b) a discrepancy between the article and the publication specifications of the journal

In case of rejection, the author will be informed in due course by the editorial of the reasons for non-publication.

The author will receive one copy of the journal free of charge. Additional copies are available if the author places an order with the editorial board.

Address of the editorial board: 620990, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66, room № 25.

Tel. 343 2517 848.

E-mail.: nvestnik@uapa.ru

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Адрес редакции:

620990, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.

Телефоны:

(343) 251-78-48.

e-mail: nvestnik@uapa.ru

<http://www.uapa.ru>

*Статьи рецензируются. Редакция не несет ответственности
за позицию и точку зрения авторов*

При перепечатке ссылки
на журнал «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ» обязательны.

Дизайн-макет

А. А. Панов

Компьютерная верстка

Е. В. Чернавская

В работе над журналом принимали участие сотрудники библиотеки

Е. В. Макеева и О. Ю. Ефимова

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 49260 от 02.04.2012 г.)

Подписано в печать 28.04.2018

Формат 60 × 84/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 22,5. Тираж 999.

Отпечатано РИО Уральского Института управления – филиала РАНХиГС.

Заказ № 188

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ